

**Англо-бурская война
1899–1902 годов**

глазами российских подданных

Том 6

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных**

ТОМ 6

Москва
Издатель И. Б. Белый
2012

ББК 63.3 (6)

А64

Авторы-составители:

К.и.н. Шубин Геннадий Владимирович

(Dr Gennady Shubin)

(вступление, заключение, комментарии, сноски, подбор
фотографий и рисунков, составление).

К.и.н. Воропаева Нина Георгиевна

(Dr Nina Voropaeva)

(вступление, заключение, составление).

К.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна

(Dr Rufina Vyatkina)

(вступление, заключение, составление).

Хритинин Владимир Юльевич

(Vladimir Khritinin)

(составление).

Д-р Ян Либенберг

(Dr Ian Liebenberg)

(составление).

Ответственный редактор

к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор

Субботина Елена Васильевна

Компьютерная вёрстка и обложка

Рудакова Елена Евгеньевна

**А64 Англо-бурская война 1899–1902 годов глазами рос-
сийских подданных. В 13 томах. Т. 6. — Москва: Издатель
И. Б. Белый, 2012. — 404 с. с илл.**

ISBN 978-5-904935-24-5 (Т.6)

ББК 63.3 (6)

© Институт Африки РАН, 2012

© Шубин Г. В., составление и др., 2012

© Воропаева Н. Г., составление и др., 2012

© Вяткина Р. Р., составление и др., 2012

© Хритинин В. Ю., составление, 2012

© Liebenberg I., составление, 2012

© «Memories», оформление, 2012

© Издатель И. Б. Белый, 2012

ISBN 978-5-904935-18-4

ISBN 978-5-904935-24-5 (Т.6)

Донесения тайного военного агента подполковника запаса Евгения Яковлевича Максимова

Приведём и отрывок из лишь недавно опубликованной записной книжки **Евгения Яковлевича Максимова**.

27 февраля (нового стиля) 1900 г. – Претория.

Не выдержало ретивое. Сегодня решил сформировать корпус и отправиться драться. Желающих идти под моё начальство сегодня же нашёл 18 человек. **Ганецкий**, капитан, хочет идти хотя бы солдатом. Я думаю иметь двух капитанов, моих помощников (**Ганецкого** и поручика (неразборчиво) и четырёх лейтенантов по выбору солдат и с моего утверждения.

Постараюсь вооружить их саблями и револьверами и начать рейды на флангах и в тылу неприятеля. Завтра буду говорить с **Рейтцем**.

28-е. **Рейтца** не могу поймать. Он как будто меня избегает и не даёт возможности поговорить. Нет ли наговора. Был с **Ганецким** 2 раза, но напрасно. В 4 часа **Рейтц** прислал за **Ганецким** и обещал ему всё устроить: паспорт, лошадей в (неразборчиво) и рекомендации, а мне не дал до сих пор ничего...

Необходимо вмешательство Европы. По моему мнению, буры не выдержат более двух месяцев большую войну, а потом начнут партизанскую. **Крюгер** выехал в Ледисмит – зна-

Французский полковник (бурский боевой генерал) (фехт-генерал) граф Вильбуа де Марейль, командир Иностранного легиона (сборного отряда добровольцев). На снимке он изображён с французским орденом Почётного легиона

чит, там было плохо. Буры разбиты вчера под Колесбергом. **Кронье** ещё не высвободился. Англичане попросили перемирия для уборки раненых. Буры согласились с тем, чтобы англичане очистили левый берег Моддер-ривер. **Стейн** решил биться до последней возможности и защищать Оранжевую Республику. Блумфонтейн в опасности. **Стейн** при неудаче отступит в Трансвааль и здесь соединится с **Крюгером**. Вообще положение не блестящее у буров. Подписалось у меня 10 человек, а другие 18 условно согласились: если **Вильбоа** примет их на время. Жаль, что в одно время мы начали формировать. И без этого это трудно, а тут ещё и конкуренция. (...)

1 марта. Получил паспорт и письмо **Жуберу**. Завтра еду. Пришла телеграмма от **Потапова**. Вызывает экстренно. Послал

ответ, что предлагаю ехать в Блумфонтейн. (...)

- 1) Предоставления о **Куропаткине** в Южной Африке.
- 2) Недостатки милиционной системы буров и параллель с вербовкой. Премии. Почему африк (неразборчиво) поздно поднялись.
- 3) Существует ли рознь между республиками и Капской колонией?
- 4) Подготовка к б(ольшой) войне и почему англичане прозевали.
- 5) Наши здесь. Нравы.

б) Кто является причиной расстройства военной организации в Ю(жной) А(фрике). **Уольслей**, губернатор Капской колонии, **Буллер** или **Варренг**?

Буры разбиты под Колесбергом и пришли сведения, что Америка выступает с предложением Англии заключить мир с бурами. Это весьма вероятно, но жаль, что инициатива не исходит от нас. Тем более, что наш царь был виновником созыва Гаагской конференции...

Здесь трудно что-либо понять, но думаю всё-таки, что есть две партии: правительственная, желающая ни в чём уступать англичанам, и оппозиционная – желающая прекращения войны во что бы то ни стало. Это люди большей частью весьма заинтересованные в предприятиях, затеянных и эксплуатируемых англичанами.

Ледисмит освобождён англичанами. Успех под Кимберлеем и занятие англич(анами) части Оранж(евой) Р(еспублики) и под Колензо, вероятно, сильно ускорят вмешательство держав. Со стороны же Англии нельзя ожидать несогласия на мир. Слишком дорого обходится эта война, к тому же буры, поднявшись поголовно, опять могут поставить английскую армию в прежнее отчаянное положение, а пожалуй, даже ещё и худшее.

2 марта. Под Колензо бьются. **Бота** сражается между Ледисмитом и Колензо. Дела не так плохи, как предполагали.

Прошёл слух, что **Кронье** с 4600 сдался. Не верю. Странно, что **Ганецкий** остался. Я выехал в 12 часов 15 минут. В вагоне 4 бура до Колензо. Посмеиваются над французами и репортёрами. Когда узнали из паспорта, кто я, сделали очень любезными...

3 марта. Ночевали на станции, потому что ночью поезда не ходят до Кронштадта¹(...)

Пальба из поезда по кучам термитов. Охота на газелей. Мой удачный выстрел на 800 метров. Восторг буров. (...)

Депеши подтверждают сдачу **Кронье**. У него было много бежавших из Капской колонии женщин и детей, что и было вероятной причиной, что он не пробылся. Теперь вероятность

мира 90%, так как другая победа под Колензо и на Моддере немного восстановили честь своего (британского) оружия. Англичане должны поторопиться. Иначе их снова начнут бить. Не с разрешения ли правительства сдался **Кронье**? Это весьма возможно, потому что ускоряет мирную развязку.

Сын **Кронье** убит.

Когда буры читали на станции эту телеграмму, то у них не только не заметно было уныния, а напротив, они ещё больше воодушевлялись и говорили, что теперь опять надо хорошенько драться, намекая, вероятно, на некоторую апатию, появившуюся в последние дни. С нами ехали две девицы. Одна из них лет 16-ти, прехорошенькая, вступила в наш разговор и между прочим сказала, что если придут сюда англичане, то она возьмёт топор (характерное женское оружие) и тоже пойдёт драться. Она высказалась с такой решимостью – глаза её так засверкали, – что я уверен: она исполнит своё обещание. Здесь женщины имеют огромное влияние на мужчин. Они напоминают древних римлянок, посылавших своих сыновей, мужей и братьев со словами: вернись со щитом или на щите! У буров обычай – уходить на побывку домой. Полагается отпускать 10%, но это не исполняется, уходят и больше без всякого спроса. Когда бургский воин приходит домой, первый вопрос, который задают ему дома: зачем пришел? Конечно, такой крутой вопрос обескураживает сразу воина, и он, конфузясь, старается придумать благовидную причину ухода с позиций (они храбры с неприятелем, но не очень смелы со своим слабым полом).

Проходит несколько дней и ему говорят: а ведь пора и на позицию. Волей-неволей, а воин собирается и отправляется вновь бить врага, ожидая первого удобного случая, чтобы опять побывать дома. Поэтому многие раненые счастливы, что пострадали, и могут вернуться к себе. Они очень недолгоблывают и бывают огорчены, если по свойству раны их приходится задерживать в госпиталях. (...)

4 марта. Приехал вечером в 9 часов в Блумфонтейн. (...)

Президент (**Стейн**) примет меня в 4.1/2. Был у през(идента). Высокий, с длинной, густой тёмно-коричневою бородой, и не-

большая гладко выстриженная голова. Очень симпатичен. Доложила хорошенькая горничная в чепчике. Большие и убранные с комфортом комнаты. Присутствовал, как переводчик, доктор (неразборчиво) На сказанное мною приветствие (неразборчиво) народа, мужественно отстаивающего свою свободу против посягательства такой могущественной державы, как Англия, он ничего не ответил, а только крепко пожал руку и просил сесть. Я сел на маленький диван (презид(ент) ждал, пока я сяду). Презид(ент) напротив меня, слегка развываясь, а остальные – на стульях, в довольно свободных позах. Прежде всего он спросил меня, давно ли я из России и когда приехал. Известно ли мне, как относится Европа, а в особенности Рос(сия), к бурам. Особенно рос(сийские) мужчины. Думаю ли я, что Европа поможет нам своим вмешательством, и какие державы выступят. Я назвал Рос(сию), Фр(анцию) и Гер(манию). Об Америке выразил сомнение (Монрое) [доктрина Монро]. Но ведь только одна Рос(сия) может активно повлиять на Англию (фр(анцузская) выставка? Герм(ания). Самоа и ж(елезная) д(орога) в М(алой) Азии.

Я советовал обратиться с просьбой о мире к царю, будучи уверен, что он, давший идею о всемирном мире, выступит в защиту их прав, основываясь на протоколе Гаагской конф(еренции). (Голландия и пострадали голландцы.) Его доброе и справедливое сердце и частный взгляд на вещи. Что мы предпринимаем в Афган(истане)? Вероятно, займем Герат, чтобы обезопасить нас от разбойничьих набегов (на) ж(елезную) д(орогу) в Персии. Уверен, что проведут на Бендер Аббас. Отношение к Финляндии. Разъяснил – им мало понятно – говорят под влиянием статей в английских газетах. Моё мнение о возможности продолжить войну. Теперь стало тяжелее вести (плен **Кронье** и 4 тыс(ячи), 7 оруд(ий)), но я уверен, что дух у фрейшт(адцев) вновь укрепился, и они смело смогут продолжить её. Недостатки английской армии (отсутствие опытности офицеров, вербов(ка) сброда и обоз). Ни в каком случае не заключить мира без Трансв(аала). Оран(жевая) погубит себя. Высокий подъём духа в Трансв(аале). Непреклон-

ность **Крюгера**. Его популярность. Месяца через два Европа вмешается (письма). Затруднения Анг(ии) в Индии. Видимо, повлияла комбинация – три письма. Сколько у нас войск? 1 800 000, резерв 4 500 000. На границе Афг(анистана) и в Сибири (легенда о белых людях). О царе: умный, добрый, сердечный, любящий Рос(сию) и прислушивающийся к народному голосу. Деспотия монархии! Больше разумной свободы, чем в республике (Фр(анция)) и большая устойчивость правительственных лиц и администрации. Выгоды этого.

О Сибирской дороге? Скоро будет кончена (Байкал, обход, паром). Мнение о храбрости буров? Не видал, но слышал (черногорцы). Английское влияние сильно отражается на Оранж(евой Республике). Понятно, близость Капа. Преимущества Трансв(ааля). Коммерческие интересы. Английское золото. Выгоды наши от продолжения войны? Да, но русское сердце стоит выше личных выгод (Сербия, Болгария, Берлинский конгресс).

Необходимость выхода в океан. Веротерпимость и благоденствие инородцев. Англия (неразборчиво). Всеобщий враг. Жадность и ненасытность. Различие наших и германских интер(есов). Старания царя примирить Фр(анцию) с Гер(манией). Новый тройственный союз: Р.Ф.Г. (Россия Франция, Германия)². Всеобщий мир. Гарантия Европы О(ранжевой республике) и Тр(ансваалу).

Предложен был кофе. Горничная – мужской прислуги не видно, война.

Дружески распрощавшись, пропустив меня вперёд, през(идент) вышел из дворца. (...)

5 марта. (...) В 11 часов приехал **Крюгер**. Он ехал в небольшом (неразборчиво) омнибусе со **Стейном**. Напротив сопровождала толпа всадников (неразборчиво) с ружьями на коленях. Лица сияют. Видна его популярность. Познакомился с **Фишером**³. Голова.

Презид(ент) (**Стейн**?) умный и весьма симпатичный, с окладистой бородой, высоким лбом и голубыми, слегка мутными, но умными глазами, лет 55. Он играет большую роль в

Республике, потому, что считается правой рукой (вернее, головой) президента. Разговор вертелся на злобу дня. Приезд **Крюгера. Фишер** возлагал большие надежды на его популярность и умение повлиять на фрейштатеров. Когда **Крюгер** приехал в Блумф(онтейн), на вокзале его встретили **Стейн, Фишер**, (неразборчиво) и ещё кто-то. Поздоровавшись со **Стейном** и другими, **Крюгер** сказал, что хочет говорить с людьми и вышел на площадку, где ожидали его фрейш(татцы). Он обратился к ним с короткой, но энергичной речью. Смысл её был такой: «Вы должны сражаться! Если мы и потерпели неудачи в последние дни, то это не значит, что всё погибло! Англичане тоже терпели неудачи. Это случайности войны – не всегда только бить, но и биты бывают. Все вы должны идти к фронту. Тот, кто оставит его – трус и негодяй. Мы должны победить, иначе мы погибли».

Его слова замечательно подняли дух фрейштатцев и они поклялись драться до последнего человека. Город ожил. Жаль только, что власти нераспорядительны и опять тянут из дня в день свои распоряжения, теряя дорогое время. Ничего не организовано и полный беспорядок во всех отделах управления. Наш русско-голландский санитарный отряд должен был выступить сегодня по направлению к Моддер-ривер, но не мог, потому что не получил ещё одной подводки. Старший врач уже неделю, как выехал к фронту, чтобы выбрать место для полевого лазарета и ожидается сегодня (неразборчиво).

6-е. Сегодня утром рано **Крюгер** отправился к фронту в сопровождении **Фишера**. Вчера была у президентов продолжительная конфер(енция), результатом которой была посылка телеграмм **С(ользбери?)** в следующих выражениях (приблизительно). К чему ведётся эта война, уносящая столько жертв с обеих сторон. Пора бы её окончить миром. Мы бы раньше выступили с этим предложением, но неудачи преследовали англ(ийское) оружие, и мы понимали, что Англия не могла согласиться на мир. Теперь успехами под Колензо, Кольсбергом и взятием в плен **Кронье** с нашими людьми восстановлена честь английского оружия, а потому не находит

С(ользбери?) настоящий момент благоприятным для заключения мира. Мы хотим нашей полной независимости и неприкосновенности. Если английское правительство не согласится на мир, то мы будем продолжать борьбу самую отчаянную, ляжем до последнего человека, но не поступимся нашей свободой.

Мой разговор со **Стейном** имел серьёзный результат. **Ст(ейн)** решил с **Кр(югером)** послать письма, но не так, как я предполагал, но с депутацией из 5 человек с **Фишером** во главе. По два бюргера от республики. Сначала, как я говорил, в Россию, потом в Германию и, наконец, Париж и Гаагу к нидерландской королеве. Я одобрил этот проект, но боюсь, что такая большая депутация обратит на себя внимание англичан и могут, пожалуй, напортить.

Думаю вечером повидать ещё раз **Ст(ейна)** и переговорить о посылке писем.

10-е. Отправил почту. (...) Наконец, опубликовали, как я советовал, депешу, посланную к **Сользбери**. Собирались вчера и сегодня консулы. Вероятно, обсудить свой образ действий по поводу объявленной депеши.

Я 8-го говорил с (неразборчиво). Советовал опубликовать депешу **Сольсб(ери)** и немедленно послать в Европу, как было решено в Блумфонтейне, со **Стейном** и **Крюгером**. Они медлят и теряют дорогое время. Беда им будет. Сметёт их Англия и отомстит за поражение. (...)

11 марта. Никто до сих пор не был у меня – не хотят и не надо. Жаль, что даром снаряды выпустил. Завтра думаю поступить волонтером. Познакомился с **Комаровским** – сумасшедший фантазер. **Августус** – очень неглупый и интересный. **Диатроптов** – развитой, был красным, изменил убеждения. Недовольны бурами. Положение волонтеров тяжёлое (...) уехал не простившись. Странно. Большой лев радуется. **Гурко** освобождён.

13 марта. Представился **Крюгеру**. (...)

Надо держаться и надеяться на помощь России. Давид и Голиаф⁴ (неразборчиво). Посольство отправлено. **Фишер**.

Со мной не посоветовались. Дружески простились. Немного глух. Много думает. Секретарь тайного кабинета. Подписал обязательство. **Ганецкий** – мазурик. Передёрнул. Не хочет отказаться от командования. Нужна газетная реклама. **Август(ус)** и **Диатропов**, наверное, разочаруются в нём. Он уехал в Йоханнесбург за фургонами (реклама опять) (неразборчиво).

14-е. Советовал **Рейтцу** послать телеграмму **Фишеру**, чтобы в один день подали письма (неразборчиво). Заплясали и всё сделают. Германия ответила, что не может вмешиваться (интересы её в Африке).

Советовали обратиться к другой державе. Я это ожидал (неразборчиво).

14-го говорил с **Рейтцом** о положении дипломатии в Европе. Он понял. Возможность войны. Просил письмо к **Бота**. Необходимость моего присутствия на позициях. Надо поднять дух войск.

10 часов утра. Англичане в одном часе от Блумфонтейна. Должен будет сдаться. Боюсь, что **Стейн** заключит мир или, вернее, признает власть Англии. (...)

Получил письма к **Бота** и секретарю **Рейтцу**. (...)

Фокусник (**Ганецкий**) вернулся из Йоханнесбурга. Получил динамит, пироксилин (неразборчиво) рвет и не зевает. Печально за русских (неразборчиво).

Ответ **Сользбери** напечатан (по моему совету). Говорил о моей поездке в Петербург (?). Если выеду 25, прибуду вовремя. На станциях читают ответ. Шума и волнения нет. Разговора много. Все едут к фронту. Мальчик 14 лет, с братом (неразборчиво).

В вагоне разговоры. Надежда на Россию. Решимость бороться. Недовольство пр(авительством?).

В 11.3/4 прибыли на границу – Фолькруст. Видно, что война недалеко. Повязки, палатки, много воинов, наш Кр(асный) Кр(ест). Здесь до 60 б(ольных) и р(аненых), 2 врача и 2 сестры. (...)

15-е. Осмотр госпиталя в 7.1/2. **Макаровы**. Хорошее помещение. Больные довольны. Перевязка. (...)

17 марта. (...) **Дав(ыдов)**⁵ прекрасная рус(ская) широкая натура. Был у **Бота**. Высокий, красивый, элегантный, с небольшой тёмной бородкой и усами, с блестящими внимательными глазами. Принял сидя и хотел говорить сидя. Я осмотрелся и взял стул. Тогда он предложил сесть. Голос звучный и симпатичный, речь гладкая.(...)

20-е. Приехал в Преторию, пробыв сутки в Фольксрусте, где, хотя скучно, но приятно смотреть на дружные отношения чинов сан(итарного) отряда между собой и к бурским властям. Был у **Рейтца**. Он думает, что поездка в К (?) будет полезна. Дорого им. Пожалеют потом.

Вильбоа назначен Feld general'ом. У него 350 вол(онтёров) и, говорят, 300 буров. Увидим, что он сделает. (...)

23-е. (...) Встретил прокурора Ор(анжевой) Респ(ублики) **Dikson'a**. Познакомился с **Герцогом (Джордж)**⁶. Судья и администратор. Был с **Dik(son)** у **Вильбоа**. Маленький, с седыми усами и эспаньолкой. Живой. Голубые глаза. Обрадовался и предложил 2-ое командование и организацию отряда. У него 30 фр(анцузов) и неизвестно, сколько голландцев. Познакомился с капитаном **Лоренцом** (похож на солдата). У него 10 немцев и ожидает ещё 10 из Йоханнесбурга. Обязателен. Знает по англ(ийски), голланд(ски), фр(анцузски) и нем(ецки). **Вильбоа** уходит сегодня в 8 часов вечера в рейд. **Багратион** здесь. **Сапаров** больной в плену в Блумфонтейне⁷. Агенты все здесь. О **Гурко** ни слуху. Бестолочь порядочная. **Жубер** в Претории (неразборчиво) наш ещё. Брандфорт тоже. **Вильбоа** дал мне инструкцию в 7 пунктов. Послали телеграмму **Жуберу** о выезде волонтёров из Наталя сюда (неразборчиво).

Вильбоа жалуется, что 8 дней работает и ничего не может сделать. Неумелый. Заискивает у властей. Стоя говорит с **Герцогом**. Я посадил. (...)

Ренненкампф и **Бергольм** здесь. Госпиталь – 2 огромные комнаты. Одна хороша. Амбулатория и хранение вещей в ней. Мои франц(узы) здесь.

24 марта (суббота). **Вильбоа** не ушёл – нет **кафров**. **Герцог** мне обещал лошадей (40) и 16 **кафров** завтра. Получил от

Герц(ога) свидетельство на получение нужных вещей. Немцам 2 палатки и себе 1 маленькую – всё необходимое. Надеюсь при хороших отношениях со всеми организовать отряд.

Полицейский разыскивал меня. Президент (**Стейн**) желает видеть в 12.1/2.

Дружеская встреча. Желание моё пожать ему руку в Бломф(онтейне). Разговор – дубликат.

Посольств(о) и дор(ога?) в Голландию прежде? Нехорошо. Время дорого. Думаю, предложить ехать, чтобы помочь им. **С(тейн)** порядочно говорит по-немецки и понимает дело.

Вильбоа уходит в 6 часов вечера. (...) **Вильбоа** дал инструкции секрет(ные) и поруч(ения). Любитель давать инструкции. Меня не посвятил. Наведу порядок. Немцы в палатках. (...)

25 (воскресенье). (...) Перешёл сегодня в лагерь и навожу порядок.

26 (понедельник). (...) Был у **Герцога**. Устроил о хлебе. (...) Послал телеграм(му) **Рейтцу**, чтобы двинуть волонтёров.

27 (вторник). (...) Был у **Герцога**. Выказал ему своё неудовольствие (...) **Де ла Рей** болен. Идут против него интриги. (...)

28 (среда) Представлялся немецкий отряд. (...) Вчера **Жубер** стар и упрям, хотя и популярен здесь.

29 (четверг). (...) Не получил лошадей, а получил неприятность от **Герцога**, которому завтра сделаю замечание. Был у **де ла Рея**. Любезен. Переменился. Завтра уезжает в Брандфорт, где предлагает дать бой в конце недели. Даст мне телеграм(му), куда идти.

30-е, пятница. В 6 часов утра приехал в лагерь голландцев. Не все были готовы. Выждал и сделал замечание. Выехали в 6.1/2 часов. 22 человека. Командовал **фон Эк** – поруч(ик) артил(лерии) (поссорился с капитаном, а потому тот хотел его удалить). Ездили по (паре?) одному и выводка. 4 плохих, двое упало. В 9 часов вернулись. Благодарил. Были в восторге. Дети с бородами. (...) О Вильбоа ни слуху. (...) Ждём боя. Рвемся вперёд.

(В записной книжке сколь либо систематизированные записи охватывают период с 27 февраля по 30

марта 1900 г. Остальные – крайне отрывочны и не датированы)⁸.

Первые впечатления **Максимова** о Трансваале:

Письма с театра войны
(от нашего специального корреспондента)

23/11 февраля мы были на станции железной дороги в 7 часов утра, так как поезд отходил в 7.1/2 часов. Станция небольшая, но очень приличная. Взяв билеты и уплатив 105 франков, я занял место в вагоне 1 класса вместе с французами (12 человек), которые, хотя и не успели получить трансваальских паспортов, рискнули ехать до пограничной станции, справедливо рассуждая, что раз они едут помогать бурам, то нет никакого основания задерживать их на границе.

Так и случилось. Когда через час приехали на станцию Комати-Порт, то начальник пограничного уезда Lombaard не только пропустил их, записав всё-таки предварительно их фамилии, но даже снабдил их всех бесплатными билетами I-го класса до Претории. Забыл сказать, что когда мы выехали из Лоренсу-Маркеша, то кондуктор, обходя вагоны, спрашивал вместе с билетами португальские паспорта. То же самое было и на границе, до выхода из вагонов. На границе происходил довольно внимательный таможенный осмотр всего багажа. Когда узнали, что я русский корреспондент, на мой багаж был наложен маленький значок, и его не осматривали. Когда процедура осмотра была окончена, что продолжалось с лишком час, и поезд тронулся, то все мы легко вздохнули, попав наконец в Трансвааль, а французы даже крикнули «ура».

Быстро понёс поезд горячие сердца молодёжи, пришедшей сюда, может быть, сложить свои головы за справедливое и симпатичное дело.

Дорога идёт по живописной местности, с довольно крутыми подъёмами и смелыми изгибами. На небольших чистень-

ких станциях нельзя ничего достать съедобного, и потому скверно тому, кто не запаса провизией в дорогу. Содовая вода и лимонад есть повсюду, но дорого; спиртные напитки запрещено продавать во время войны. Служебный персонал на железной дороге крайне ограничен, потому что все ушли на войну, но, несмотря на это, служба движения ведётся исправно и без задержек.

На станции Гекторспруйт сели на поезд десятков буров. Население их весёлое и воинственное, едут из недельного отпуска на позицию к Ледисмиту. Бурь, после месячного пребывания на позициях, имеют право на 7–10 дневный отпуск, чтобы отдохнуть у себя на фермах. Число отпускных не должно превышать 10% всего отряда, но это не всегда исполняется – бывает и больше отпускных.

В Гекторспруйте, около станции, несколько домов на высоких столбиках, обмазанных дёгтем, укрепённых в каменных кладках, залитых смолой и цементом, в предупреждение порчи строений термитами, уничтожающих и дома и вещи.

От этой станции дорога идёт по особенно красивой горной местности, кругом высятся каменистые громады. Среди оторванных скал кое-где выглядывают шапки деревьев и кустарника. Вон влево совершенно обнажённая каменистая гора, на вершине которой лежит гигантский круглый обломок, который, кажется, вот-вот скатится вниз и обратит наш поезд в щепки. Подъём ведётся змеей и становится всё круче и круче. Вдали, на западе, виднеется гора Пилгрэм-Рэст (Отдых пилигримов), где впервые открыли золото. Дальше виднеются горы Лебомбо, около которых тоже золотые прииски. Справа, между крутыми каменистыми вершинами, глубоко бежит быстрая река Эландстрой. Поезд то совсем подбежит к её обрывистым берегам, то отойдёт настолько, что её не видно, но далеко не отходит, потому что нет другого пути, чтобы перебраться через горы. Поезд, сделав несколько смелых заворотов, стремительно рванулся вниз и вновь, слегка покачиваясь, довольно тихо подымается в гору.

Вот показалась Чёртова контора (Deivil contor – характерное название): там опять золотые прииски. Всюду золото и золото, и вот мы прибыли в 6 часов вечера на станцию Ватерфальундер у самого высокого перевала (6400 футов). Во время войны поезда останавливаются здесь на ночлег, но так как наш поезд вёз почту, которую в Претории всегда ожидают с нетерпением, то, остановившись на час и положив на колёса тормоза, мы тихо поползли во тьме на крутой перевал. Здесь река Эландривер падает с огромной вышины, образуя водопад, но за темнотой мы его не видали, и только доносился до нас шум падающей воды, заглушаемый скрипом тормозов. Пройдя небольшой туннель и выемку между скалами, мы остановились на высшей точке перевала, на станции Ватерфальобен.

От португальской границы до этой станции местность крайне нездоровая, люди и скот мрут от лихорадок, а потому служащие на этом участке получают двойное жалование и больше года не остаются на месте, а переводятся на другие станции, за перевалом.

Спустившись вниз, мы пошли по слегка волнистой равнине. Утром увидели фермы, обработанные поля и небольшие стада быков и овец. В прежние времена овцы и лошади не выживали в Трансваале вследствие лихорадок, но, с тех пор как травы стали выжигаться в известное время года и перестали достигать большого роста, лихорадки почти прекратились и скот выживает.

Воды здесь очень много, но почва не очень плодородна. Зато много золота, которое открыли в 1888 (1886), и с этого года до сих пор очень бедный Трансвааль стал богатеть, благоденствовать и теперь, благодаря этому же золоту, должен столько перестрадать!

В Преторию поезд пришёл около 9 часов утра. Бывшая всё утро хорошая погода сменилась на пасмурную и дождливую. На открытой платформе – ни одного носильщика. Военные агенты, капитаны **Деманж** и американский **Тейхман**, видимо, были крайне недовольны, что их никто из официальных

лиц не встретил. Мы начали сами вытаскивать наши вещи из вагонов, пока показался портье из гостиницы «Трансвааль», которому мы и передали заботы о наших вещах.

Военные же агенты вышли из вагонов и стали прогуливаться по платформе под дождём, в ожидании кого-нибудь из Гранд-отеля, но, видимо, так и не дождались, потому что через полчаса после нас и они очутились в гостинице «Трансвааль».

Всем пассажирам стали отводить помещения – двоим-троим в одной комнате. Я этого не пожелал, а потому хотел переехать в Гранд-отель, как был окликнут кем-то по имени. Это был доктор **Кухаренко** из русско-голландского отряда Красного Креста.

– А мы только вчера говорили о вас; с **Потаповым** я говорил, что вам не удастся добраться, видя вашу неудачу в Порт-Саиде с пароходом «**Канцлер**», а **Потапов** говорил, что, наверно, доберётесь. Вот как вы лёгки на помине.

Я, конечно, сердечно обрадовался, увидев **Кухаренко**, и справился, где **Потапов**. Он оказался в этой же гостинице и, к моему удовольствию, в комнате с тремя кроватями, из которых одну я и занял. Пошли, конечно, расспросы, как и что.

Я рассказал о своей Энеиде, а он о бурах и англичанах, потому что успел побывать на позициях и был даже ранен в грудь, плечо и ногу осколком лиддитного снаряда из морского английского орудия. Несколько дней он пролежал, но теперь совершенно оправился, только на левое ухо ещё плохо слышит.

Наш военный агент, подполковник **Гурко**, оказался тоже здесь. Я заинтересовался, где наш Красный Крест. Он оказался в Ньюкасле в Натале, недалеко от Ледисмита, где энергичный уполномоченный доктор **Кусков** устроил в женском монастыре клинический госпиталь на 80 кроватей; но на них, к сожалению (или к счастью?), не лежит ни один раненый.

(Продолжение следует).

Макс.⁹

Его мнение о столице Трансвааля.

Претория

14 (1) марта 1900

(От нашего специального корреспондента)

Приведя себя в порядок, я отправился с рекомендательным письмом к директору динамитного завода, величайшего в мире, господину **Форстманду**, который великолепно меня принял, обещал оказать всевозможное содействие и на первых порах переговорил по телефону со статс-секретарём **Рейцем**, который и назначил мне свидание у себя в 6 часов вечера.

Рейц, бывший 7 лет, до **Стейна**, президентом Оранжевой Республики, по болезни отказался от своего поста, ездил в Европу лечиться и теперь два года как состоит при **Крюгере**. Это высокий, с бородой кошельком¹⁰ и умным лицом, лет 55 колонист.

Единственный его недостаток – крайняя забывчивость, которая немного тормозит дела. Вообще он любезный и обходительный человек. Говорит немного по-французски и по-немецки. Отлично, конечно, полландски и по-английски. **Рейц** обещал своё содействие и назначил свидание в Gouvernement (правительстве) в понедельник, в 9 часов утра, чтобы представить меня президенту **Крюгеру**, но забыл об этом, а потому мне так и не удалось видеть южноафриканского льва, пользующегося необыкновенной популярностью среди всех африканеров.

В городе оживление – видно, что война близко. Вот тянутся несколько длинных (до 2.1/2 сажени) четырёхколёсных повозок, запряжённых быками от 6 до 8 пар. Там две пары лошаков быстро везут оружие **Максима**. Несколько волонтёров, уже одетых в выданные правительством полотнояные жёлтые блузы и штаны, в высоких сапогах, несут несколько сёдел, а за ними ведут довольно порядочных верховых лошадей. Вот два кавказца в национальных костюмах гарцуют на отличных конях и удивляют публику костюмами и ездой.

Эти два кавказца (из которых один князь **Багратион-Мухранский**) попали сюда случайно: они приехали в Париж, чтобы показывать кавказскую джигитовку¹¹ в цирке на Выставке (Всемирной выставке в Париже), да узнали, что какой-то комитет в Париже посылает волонтеров. Кавказцы к ним пристроились и в ожидании открытия выставки очутились здесь. По некоторым данным, я не ожидаю от них никакого толка.

Наших волонтеров здесь немного: всего десять человек, большей частью бывшие офицеры. Некоторые уже побывали на позициях под Ледисмитом и теперь отдыхают здесь, а некоторые отправляются туда.

Каждый волонтер даёт подписку оставаться в стране до окончания войны и за это получает одну пару платья и белья, пару сапог, ложку, вилку и нож, ружьё, патронташ, фляжку для воды, бурскую широкополую шляпу с гербом Трансвааля, с загнутым левым полем шляпы и с четырёхцветной лентой (зелёный, малиновый, белый и синий – национальные цвета), непромокаемый плащ (теперь все вышли), лошадь, седло и полное довольствие.

В Претории все волонтеры могут помещаться в первоклассных гостиницах и едут в 1-м классе за счёт правительства, а на позициях получают рационы и фураж от тех начальников, в распоряжении которых находятся.

Некоторые из волонтеров набрали себе небольшой отряд и действуют более или менее самостоятельно.

28/16 февраля прибыли немецкие волонтеры и остальные французы.

Из немецких волонтеров прусский поручик граф **В.** сформировал отряд в 42 человека. Приём волонтеров в свой отряд граф **В.** обставил немного театрально. Собрав их на площадке во втором этаже отеля, он сказал им речь, в которой говорилось о немецкой чести, о правом деле буров, жадности и несправедливости англичан, и закончил свою речь предложением поклясться не уходить из его отряда и бороться до конца. Поднялось несколько рук и послышались возгласы

Буры позируют для фотографии

«клянёмся!» Совсем как из «Вильгельма Теля», только мечей не хватало, потому что у буров нет холодного оружия, что очень жаль, так как отсутствие холодного оружия или штыка часто не даёт им полной победы.

Французы пошли к полковнику графу **Вильбоа**, который надумал формировать также отряд в Оранжевой Республике. Говорят, что правительство дало ему два орудия для будущего отряда и 250 фунтов жалования в месяц.

28 (февраля 1900 г.) пришли тревожные вести с фронта: Ледисмит освобождён, Кольсберг (на юг от границы Оранжевой Республики, по линии железной дороги Блумфонтейн – Порт-Элизабет), оставлен фрейштатерами (так зовут оранжистов), генерал **Кронье** с 3 тысячами и 5 орудиями взят в плен англичанами, а Кимберлей свободен.

После недавно одержанных бурами побед такие крупные неудачи должны были, казалось, сильно потревожить трансваальцев – ничуть не бывало. Только в Gouvernement немного сильнее зашевелились, да дядя **Крюгер** тотчас же собрался и, сопровождаемый женой, личными секретарями и секретарями **Рейца**, покатила на позицию под Ледисмит, да бывшие в отпуску волонтеры немедленно отправились ко своим местам.

Я тоже собрался, но не к Ледисмиту, а в Блумфонтейн, куда, как я знал, должен приехать потом президент **Крюгер**.

Макс¹².

Не менее любопытно и следующее письмо **Максимова**:

Письма с театра войны

Блумфонтейн, 7/20 марта [1900]

Получив паспорт и оставив вещи в гостинице, я налегке выехал из Претории 2 марта, вместе с французскими волонтерами.

Этот поезд имел совершенно военный характер. Повозки на платформах, лошади на открытых сверху вагонах и масса волонтеров – трансваальцев и оранжистов – с патронташами через правое плечо, с ружьями в руках и баклажками на боку.

Несколько дам и девиц пришли провожать своих близких. Лица у всех оживленные, у некоторых даже радостные, оттого что идут на позицию, – ни у кого не видел печального лица, даже у провожавших дам. Нет, видел две озабоченные физиономии – то были евреи из Йоханнесбурга.

От Претории дорога идет ровная. Пройдя между горами, на которых высятся три форта, защищающие Преторию с этой стороны, то есть с запада, поезд выбегает на равнину. Виднеются поля кукурузы и ржи, фермы и краали **кафров**, стада быков, да изредка пасутся несколько лошадей; слышны

шалось несколько выстрелов – это волонтёры пробуют свои ружья, стреляя по постройкам термитов.

Раздались песни, и мы весело катили до станции Эландсфонтейн, около которой расположен большой город, потому что здесь богатые золотые прииски. Около станции Натал-Спруйт тоже прииски, словом, почти по всему пути до пограничной станции Vereeniging (Ференихинг), немного к западу, – повсюду золото и золото.

На одной станции я хотел поесть и пошёл искать гостиницу, – да, это было на станции Smaldeel, где мы ночевали, я увидел нечто похожее на неё и спросил сидящих недалеко девок: не это ли гостиница?

«Да, – ответили они, – но только для буров». Я всё-таки пошёл туда. Там уже сидели несколько моих товарищей по поезду, буров-артиллеристов, которые сказали что-то хозяйке, которая любезно пригласила меня пообедать

Когда я хотел заплатить за обед, она отказалась, прибавив, что очень рада была иметь гостем настоящего русского (намёк, вероятно, на русских евреев, которых здесь насчитывают до 22 000). На этой же станции я видел во встречном поезде 37 пленных англичан, которые, видимо, были довольны, что попали в руки буров: они пели и беззаботно насвистывали себе. Около вагонов I-го класса ходили часовые и не позволяли говорить с пленными.

Кстати, интересный факт, указывающий, насколько пленные чувствуют себя хорошо у буров, а также на их «желание» сражаться за честь британского оружия. Как-то англичане взяли в плен трёх буров, которых хотели обменять на своих пленных. Так из 60 с лишком пленных англичан не нашлось ни одного, который хотел бы идти в обмен! Пришлось прямо назначить. Недурен фактец!

Утром в 6 часов мы двинулись в путь и, переехав три-четыре речки по железнодорожным мостам, подъехали около 8 часов к станции Brandfort (Брандфорт), где ожидал нас сюрприз: на станции была масса публики и, между прочим, много дам и девиц в светлых платьях.

Когда поезд остановился, из толпы выделилось 20 молодых девушек, которые, став полукругом, запели национальную песнь Оранжевой Республики. В этой песне говорится о благе мира и произносится угроза против врагов, покушающихся на свободу и независимость народа. Этот гимн покрыт был криками «Ура». Затем девицы пропели трансваальскую народную песнь в том же духе и, наконец, псалом. Все эти песни выслушаны были с непокрытыми головами.

В ответ им французы очень недурно пропели «Марсельезу», покрытую криками «ура» буров. Потом господин **Швеммер**, служащий в Претории, сказал зажигательную речь; закончил он её словами: «Будем биться до последнего человека!» Энтузиазм необыкновенный.

Я заметил у некоторых буров слёзы на глазах, вызванные песнями и речью. Трудно будет бороться англичанам с таким народом!

Взволнованные, покинули мы станцию Брандфорт и в 9 часов прибыли в большой крытый вокзал Блумфонтейна. Вокзал полон солдат. Сидят, ходят, лежат повсюду на полу – совсем военный лагерь. Возбуждение большое. **Кронье** бранят. Боятся, что не сегодня-завтра англичане возьмут их столицу.

Не найдя ни одного портёе из гостиницы, а также носильщиков, мы принуждены были сами вытаскивать наш багаж и нести его к выходу. Тут-то я узнал, что значит ехать налегке: у меня оказалось с лишком три пуда (50 кг) вещей, да довольно тяжёлый фотографический аппарат: пришлось взвалить себе всё это на плечи и, проклиная всё и вся, потянуться к выходу, который был довольно далеко от нашего вагона.

Представьте моё положение, когда у вокзала не оказалось ни одного извозчика.

Свалив вещи на приступок, я задумался – что делать? Ко мне подошёл французский капитан **S.**, тоже с вещами за спиной. Остальные французы и все другие пассажиры остались на вокзале и в вагонах. Француз спросил меня, знаю ли я город?

– Столько же, сколько и вы, вероятно, – ответил я.

– Но знаете ли по крайней мере язык их?

– Объясниться могу.

– Ну так пойдёмте искать гостиницу, не оставаться же нам на улице, а вокзал и вагоны переполнены.

Поглядел я на свой лёгкий багаж, оглянулся на кишащий народом вокзал, посмотрел в полутёмную даль города, вздохнул, сказал: «Пойдёмте», – и попросил француза помочь взвалить мне на плечи злополучный багаж; и мы пошли по плохо освещённым улицам искать прежде всего людей, а потом пристанища, которое нелегко мне далось.

Гостиницы были переполнены, и я, только благодаря любезности брата французского консула, господина **Камфрата**, устроился в Блаумфонтейнском клубе, устроив там также и француза.

Утром я был у германского консула, доктора **Строльрейтера**, к которому у меня было письмо. Доктор, более похожий на лютеранского пастора, оказался чрезвычайно умным, образованным и начитанным господином. Его гладко выбритое лицо дышало добротой и вместе с тем энергией. Мы с ним сразу сдружились. Он 22 года в Южной Африке и убеждённый республиканец, ненавидящий Англию.

Около 4 часов я представлялся президенту **Стейну**, живущему в очень комфортабельном двухэтажном, с башенками по бокам, дворце. Я к нему приехал с господином **Стольрейтером**. Нас встретила хорошенькая горничная, с белым чепчиком на голове, и провела в большую, недурно обставленную гостиную.

Навстречу мне поднялся с дивана и сделал несколько шагов очень высокий и плотный господин в чёрном сюртуке, с густой, очень длинной тёмной бородой и небольшой гладко выстриженной головой. Это был **Стейн**.

Дружески поздоровавшись со мной, он предложил мне сесть на небольшом диванчике, против поместились консул и доктор **Н.Н.** (забыл фамилию), этот последний – в подмогу мне как говорящий хорошо по-французски. Президент говорит только по-английски и голландски.

Я пробыл у президента с лишком два часа. Когда-нибудь на свободе я передам наш разговор. Он был крайне интересен. Особенно меня поразило совершенно ложное представление (по английским источникам) о России. Я разъяснил им, что такое Россия и, по-видимому, произвёл впечатление.

5 марта, в понедельник, в 11 часов утра приехал сюда **Крюгер**. Встреченный на вокзале президентом **Стейном** и немногими правительственными лицами, президент **Крюгер** пожелал сказать несколько слов фрейштатерам, собравшимся у вокзала.

Речь его была коротка, но энергична: «Мы должны драться, мы не можем покориться англичанам, от последних неудач нечего падать духом, кто уйдет с позиций домой, тот изменник своему отечеству, а потому – на коней и в бой за свою свободу и независимость!»

Эти короткие слова произвели волшебное действие на павших было немного духом фрейштатеров, восторженные крики были ответом южноафриканскому льву! Президент сел в небольшую каретку – омнибус и, сопровождаемый несколькими сотнями всадников, покати́л во дворец.

После заседания и отдохнув немного, президент **Крюгер**, этот неутомимый человек, вчера утром уехал на Моддер-ривер, где находятся теперь войска **Девета**. Главнокомандующим после **Кронье** будет, вероятно, назначен генерал **Деларей (de la Ray)**, очень талантливый и храбрый трансваалец.

Генерал **Оливье** занимает позицию у Стромберга, а генерал **Prinsloo (Принслоо)** сидит на Drakensberg (Драконовы горы), прикрывая Гаррисмит со стороны Наталя. Сегодня город ожил. Отправляются обозы, и отправляются на позиции бойцы.

Крюгера здесь ждут завтра.

Макс.

Блумфонтейн. 7 марта (1900 г.)¹³.

Евгений Яковлевич Максимов довольно образно описывал события, коих он был свидетелем и участником:

Письма с театра войны

Президент **Крюгер** вернулся в Блумфонтейн с Моддер-ривера 8 числа в 8 часов утра. 7-го утром происходило сражение в 5 километрах от Petrusburg'a между англичанами и бурами под начальством **Деларея** и **Девета**. Буры под натиском в пять раз сильнеешего противника (англичан было до 50 000, а буров – около 12 000) с огромной артиллерией (около 60 орудий) должны были понемногу отступать. **Крюгер**, наблюдавший за боем, был узнан по окружавшей его свите с привязанного воздушного шара, а потому англичане направили против него артиллерийский огонь и послали в атаку несколько эскадронов кавалерии. **Крюгер** должен был уйти с поля сражения, несколько снарядов упало недалеко от него. Когда он и военные агенты уходили с поля сражения, то в экипажи оставшихся позади нашего агента полковника **Гурко** и голландского капитана **Томсона** попали гранаты. Капитан **Томсон** ранен и захвачен англичанами, а у экипажа **Гурко** разбито заднее колесо. Бывшие при **Гурко** три конных бура сообщили, что полковник не был ранен, но что с ним случилось – захвачен ли заседавшими англичанами или нет – не знают. До сегодня о нём нет никаких известий.

8-го в Блумфонтейне было большое уныние, потому что город не может быть защищён, а англичане были в 56 километрах от столицы (сегодня они в 45 километрах). Врачи русско-голландского отряда Красного Креста, выехавшие 6 числа из Блумфонтейна на назначенный им пункт около Петрусбурга, вероятно, не попали туда.

По-видимому, дни Оранжевой Республики сочтены, но с Трансваалем англичанам придётся выдержать отчаянную борьбу, потому что народ необыкновенно воинственно возбуждён и будет отчаянно защищать свою страну.

Я не думаю, чтоб англичанам удалось справиться с трансваальцами.

Полагают, что скоро начнётся со стороны буров партизанская война, самая ожесточённая.

В 4 часа 8 же числа **Крюгер** выехал с экстренным поездом в Преторию. До вокзала провожали его президент **Стейн**, доктор **Фишер**, правая рука **Стейна**, весьма талантливый человек, и некоторые члены парламента и городского управления. На вокзале была масса народа, который молча и с грустью проводил популярного президента Трансвааля. На станции Брандфорт женский хор встретил **Крюгера** трансваальской народной песней и псалмом. Президент, выйдя на площадку своего вагона, молча прослушал, сняв шляпу, пение и поблагодарив их поклоном, ушёл в вагон. На станции Smadeel (Смадель) нас встретил также женский хор, но президент не выходил, а выслал к ним господина **Гроблера**, помощника статс-секретаря, сказавшего, что президент очень утомлён и отдыхает.

Действительно, **Крюгер** имел утомлённый вид, но внутренняя энергия не покидает его. Когда он вернулся с позиций в Блумфонтейн и говорил о положении дел, то, между прочим, сказал следующее:

– Если англичане захотят и предложат мне отдаться им заложником и сошлют на остров Святой Елены, я с радостью пожертвую собой ради свободы и независимости Южно-Африканских Республик.

Замечательные слова, характеризующие этого великого человека.

В Преторию мы прибыли в 7 часов утра и были встречены депутатами от города и статс-секретарём **Рейтцем**. Тридцать жандармов стояли по сторонам прохода, от вагона до экипажа, держа ружья на караул. Публики было мало. Президент, выйдя из вагона, выслушал короткое приветствие, пожал всем руки и сел в экипаж. Вперёд выехал всадник с национальным флагом в руке и с двумя ассистентами, а за экипажем поскакало около сотни вооружённых граждан.

Я забыл сказать, что экстренный поезд состоял из салон-вагона президента и двух вагонов 1 класса. В одном из них находилось десять жандармов, державших караул во всё вре-

мя пути, на площадке салон-вагона – по два человека. При остановках они выходили на платформу и стояли около вагона. Публика, белые и чёрные, подбегали к окнам вагона и, указывая пальцами на сидевшего в кресле президента, говорили: «Вот он, наш папа **Крюгер**». Всю дорогу президент был задумчив и малоразговорчив, покуривая свою трубку. Он был в чёрном сюртуке и цилиндре.

За всю дорогу нам было подано закусить только раз, в 6 часов вечера – холодная говядина, белый хлеб с маслом и красное вино. **Крюгер** путешествует весьма налегке – больше с консервами.

8-го прибыли в Преторию норвежский агент генерал **Ал-лум**, три врача швейцарского Красного Креста и около 50 волонтеров всех наций: много немцев, один русский офицер, несколько голландцев и швейцарцев и даже один венгерец. Нет, кажется, страны в мире, которая не имела здесь своих сынов. Я говорю, конечно, про белую расу. Жёлтолицые не пришли. Русских здесь теперь четырнадцать человек, большая часть – бывшие офицеры. Дороговизна проезда и незнание языка задерживает многих; будь это поближе, я уверен, что тысячи наших пришли бы сюда, чтобы помочь бороться против этих разбойников, не уважающих ни человеческих, ни божеских законов. Они грабят и грозят смертью даже членам отрядов Красного Креста. У меня есть факты, которые я сообщу в следующем письме. Сегодня пришёл неизвестно откуда несуразный слух, будто наш военный агент отозван правительством – будто Россия объявила войну Англии! Буры ликуют, а немногие русские волнуются: «У нас своя война, может быть, а мы здесь – говорят они, – если бы мы это знали наверное, то сейчас бы полетели домой».

Макс¹⁴.

Максимов описывал в том числе и текущее положение дел:

*Английские тяжёлые морские орудия калибра 152 мм (6 дюймов).
На самодельных металлических лафетах с крейсеров «Монарх» и «Дорис»
в марте 1900 г. во время наступления на Блумфонтейн*

Наш Красный Крест в Южной Африке (в сокращении)
Претория, 2 марта

(...) с 14 по 19 (марта) я пробыл на позициях при Гленко. Позиции эти очень сильны и генерал **Бота** с 10–12 тысячами смело может их защищать от 30-тысячной английской армии, находящейся от него в 15 километрах, под начальством генерала **Буллера**, у которого считают до 100 орудий. За послед-

ние три недели генерал **Буллер** ничего не предпринимает. Вероятно, он ожидает дальнейших успехов генерала **Робертса** в Оранжевой Республике, чтобы войти в связь с его войсками и начать общее наступление на Трансвааль. За последние дни события идут весьма быстро, и если Европа не поможет бурам своим вмешательством, то много крови будет ещё пролито, так как буры не отдадут даром своей свободы. Ответная телеграмма английского правительства на мирные предложения республик произвела неожиданное, вероятно, для англичан впечатление на трансваальцев – они, было уставшие от столь продолжительной для них войны, вновь встрепенулись и с новой энергией решили продолжать борьбу, пока Всевышний не поможет в их правом деле.

Полковник **Вильбоа** получил звание Feld-General'a и собрал под своё начальство всех волонтеров в армии **Жубера**, стоящих на позициях у Ветривера и Кронштадта, где ожидаются на днях решительные бои. Сегодня я отправляюсь туда.

Макс¹⁵.

Максимов первоначально по приезде к бурам представлялся всем как журналист, но даже буры оценили его и как опытного военного.

Интересен эпизод, случившийся с ним при проезде из Претории в Блумфонтейн, эпизод сам по себе пустячный, но, как уже сказано, характерный для буров, **Максимову** же сослуживший большую службу при его дальнейших отношениях с ними. В общем разговоре в вагоне, отвечая на вопросы ехавших в коммандо буров, **Максимов**, ехавший в Блумфонтейн с целью, которую не желал огласить преждевременно, называл себя просто корреспондентом, и на этом основании бюргеры, интересующиеся, правда, газетами, но не особенно сочувствующие сильным и здоровым людям, убивающим время на сочинительство, тем более в военное время, отнеслись к нему довольно холодно и даже насмешливо. В это время далеко в фельде мелькнула серна и, испуганная раздав-

шимися по ней выстрелами, понеслась ещё быстрее. Всё выстрелы оказались промахами. Тогда **Максимов** обратился к одному из присутствовавших с просьбой одолжить свою винтовку, которая и была ему передана с замечанием, что теперь уже в животное попасть невозможно. **Максимов** передвинул прицел, показавшийся ему слишком близким, выстрелил, и животное тут же повалилось. Это было тем более неожиданно для буров, что вообще европейцы стреляют гораздо хуже них и с трудом приноравливаются к условиям их атмосферы, приближающей предметы. Здесь же ошибка оказалась на их стороне, неизвестный же европеец убил наповал при быстром ходе поезда несшееся прыжками животное.

Конечно, это был счастливый выстрел, но такой выстрел в Трансваале делает человеку репутацию. Раздались крики восторга, приветствия, поздравления, уговаривали поступить в их ряды, говоря, что такому стрелку стыдно заниматься изводом чернил. Один из присутствовавших настоял, чтобы расписаться в записной книжке **Максимова**: «Het eenen springboek geschoten af 800 yards» (Он убил косулю на 800 ярдов)¹⁶. Этот случай и последовавшее вскоре укрощение бешеного коня, к которому даже такие ездоки, как буры, боялись подступить, он же объездил его в 3 раза и затем сделал на нём весь поход до своего отъезда, положили основание репутации **Максимова** у буров¹⁷.

Сестра милосердия **Софья Изъединова** описывала и причины его выдвижения в помощники руководителя Иностранного легиона:

Приехав первоначально в качестве корреспондента, **Максимов** начал с посещения разных интересных пунктов, знакомясь с начальствующими лицами, принимая участие в объезде позиций. Но при этом он сумел избежать всякого насильственного навязывания своих взглядов, а тем более наставительного тона и поверхностного отношения к новым для него приёмам, выработанным местными условиями и прак-

тикой. Это сознание европейски образованного военного, что он готов многому у них поучиться, стремление сойтись с ними на их почве, особенно же искреннее и горячее увлечение их делом, вероятно, способствовали быстрому сближению его со многими из влиятельных местных людей, а равно и с рядовыми бюргерами, которым льстила простота его отношения к ним и, как уже сказано, сильно импонировали его выдающаяся стрельба, езда, знание лошади, которыми сами буры справедливо гордятся, бесстрашие и хладнокровие в опасности, также составляющих характерную для них самих и очень высоко ценимую черту.

Скоро придя к решению не ограничиваться ролью зрителя и корреспондента и не желая поступать в уже описанный мною русский отряд, **Максимов** собирался примкнуть, хотя бы рядовым, к одному из местных отрядов, когда в Кронстадте, приехав туда из Наталя, где в это время не ожидалось интересных событий, он встретился с **Вильбоа** и в разговоре сообщил ему о своём намерении; **Вильбоа** заметил, что в его чине и с боевым опытом не стоит идти рядовым в бурской команде и что он принесёт несравненно больше пользы, примкнув к нему в качестве помощника, вдвоём им, может быть, удастся подвинуть дело, которое со всех сторон тормозится.

В свою очередь, узнав о бесплодных хлопотах **Вильбоа**, **Максимов** взялся за это дело и, благодаря установившимся у **Максимова** личным хорошим отношениям с находившимися в Кронстадте членами правительства Оранжевой Республики, ему удалось очень скоро уладить эти затруднения и в несколько часов добиться всего необходимого для **Вильбоа**. На другой же день назначение **Максимова** было официально оформлено¹⁸.

По поводу известного иностранного добровольца, самого непосредственного начальника **Максимова**, французского полковника графа **Вилебоа-де-Марейль**, **Софья Изъединова** заметила:

Полковник граф **Вильбоа**, военный в душе и по призванию, участвовавший во многих из экзотических войн Франции за последние 30 лет, принёс в Трансвааль несомненные военные знания, боевую опытность и репутацию, чего нельзя сказать ни об одном из прибывших туда до него. Тем более странно, что приехав в Трансвааль ещё в ноябре месяце (1899 г.), то есть в самый разгар первых успехов буров, ему не удалось приобрести никакого влияния в их военном совете и настоять на каких-либо мерах, могших обеспечить плоды этих успехов.

И даже позднее, когда правительство, убедившись в его знаниях, в горячем отношении к делу, решилось произвести его в фехт-генералы и назначить начальником всех европейских контингентов, он никогда не был популярен среди буров вообще. Виной этому было, вероятно, некоторое непонимание чуждой национальности, её бытовых и духовных особенностей¹⁹.

Хотя французы совершенно справедливо чтят память своего храброго соотечественника, самого известного иностранного добровольца из числа сражавшихся в рядах африканеров, ставшего трансваальским генералом и позднее героически погибшего, но российская сестра милосердия в своих воспоминаниях совершенно справедливо указывала на причины, по которым он, к большому сожалению, не использовал до конца все свои несомненные военные знания и способности:

Интересно, например, что из всех бурских начальников впечатление наибольшей бездарности произвёл на **Вильбоа Христиан Девет**, насколько можно понять вследствие сдержанного молчания последнего на все объяснения **Вильбоа** неудобств его позиции под Поплас-Гровом – неудобств, которые он, по всем вероятностям, понимал и сам, но, не имея других позиций, считал нужным выиграть возможно боль-

ше времени для эвакуации Блумфонтейна. Такого рода недоразумения, где, конечно, играло роль обоюдное непонимание и инстинктивная рознь натур – обыденное явление у **Вильбоа** с бурами. Но **Девету** с ним особенно не посчастливилось: его **Вильбоа** подозревает буквально в напускном равнодушии из нежелания сделать усилие, выражает даже сомнение в его храбрости... Несколько лучше **Вильбоа** понимал и оценивал людей французского происхождения, как **Жубер**, **Кронье**, **Деларей**, хотя здесь всё сводилось только на разговоры, и в 4 месяца наиболее счастливого периода войны он не успел привить им ни одного правильного взгляда, ни одного рационального приёма ведения войны с европейской армией... Относительно общего характера буров **Вильбоа** тоже не идёт дальше общих мест (по большей части неверных) насчёт их грязи и лени, отсутствия энергии, насмешек над особенностями их учреждений, замечу, очень хорошо приспособленных к их потребностям и быту... После сдачи **Кронье** он совершенно искренне считает близкое окончание войны несомненным, вследствие отсутствия у буров способности бороться; всякий же порыв противоположного характера считает притворством или же детским суеверием. Такие оценки говорят сами за себя и, читая их, перестаешь удивляться малым результатам, достигнутым **Вильбоа** у буров, при его несомненной храбрости, опыте и знании военного дела, сквозящих во многих из его замечок насчёт военного положения и позиций...

По отношению к бурским начальникам, даже наиболее почитаемым, как **Жубер** и **Кронье**, **Вильбоа** слишком проявлял сознание своего превосходства в знании военного дела; превосходства, прежде всего, ещё несколько спорного по его незнакомству с условиями местной войны...

Вследствие этих свойств своего характера, **Вильбоа**, вместо того, чтобы удовлетворяться вначале хотя бы начальством над французским контингентом, и потом, поразив воображение буров каким-либо успехом, добиться их доверия и внимания к своим советам, объезжая разные пункты во-

енных действий, одними разговорами пытался навязывать свои взгляды²⁰, часто очень правильные, упрямым и самонадеянным старым бурам, как **Кронье**, **Жубер**, **Лукас Мейер**, критикуя их действия с точки зрения европейской тактики и стратегии.

Не удивительно, что он получил не одну неприятную отповедь и вообще толку не добился, пока ему не пришла мысль соединить под своим начальством все разрозненные отряды европейских добровольцев и образовать из них Европейский легион. Трансваальское правительство одобрило эту мысль, понимая неудобство оставлять европейца с таким крупным чином и боевым прошлым без соответствующего назначения и, надеясь, что он внесёт некоторый порядок и чувство ответственности в действие этой разношёрстной вольницы²¹.

Вероятно, будет нелишним ещё раз процитировать отрывок из донесения штабс-капитана **Потапова**, опубликованного в одной из предыдущих глав и сообщавшего о бестолковом применении отрядов добровольцев и о неудаче с образованием Иностранного легиона:

Одиночные люди и небольшие компании по частной инициативе в разные времена выезжали перед фронтом своего лагеря для разведывания о противнике, но, не зная ни линии расположения своих войск, ни местности, одни принимали свои палатки за лагерь англичан и, не смея ближе подойти, выпускали несколько пуль по предполагаемому противнику и отходили назад; другие увлекались охотой за ручными страусами, за что потом приходилось платить по 75 рублей за каждого убитого. Подобные разведки в большинстве случаев производились иностранцами. Если и были в штабе кое-какие сведения о расположении противника, то они были получены от шпионов.

Генерал **Бота**, имея в виду упорядочить службу разведывания, просил прекратить подобные частные разведки

и, собрав начальников иностранных команд, предложил им организовать один иностранный корпус под начальством выборного командира для несения службы разведывания согласно его указаний. Никто из командиров отдельных иностранных отрядов не пожелал лишиться своей самостоятельности, и идея генерала **Бота** не имела успеха. Напротив того, вместо объединения вследствие несогласий, происшедших между начальниками и лицами, входившими в состав их команд, из некоторых отрядов выделились отдельные самостоятельные команды. Таким образом образовался 2-й ирландский отряд под начальством прибывшего полковника **Линча**, а затем сформировался наш русский отряд капитана (подпоручика гвардии) **Ганецкого**, только что приехавшего из Франции. В состав русского отряда пока вошли 3 русских офицера: штабс-капитан **Шульженко**, подпоручик **Августус** и прапорщик запаса **Диатроптов**, большинство же греки (около 12 человек) и французы (4 человек), перебежавшие из других отрядов. Несколько раньше образовалась здесь отдельная русская команда под начальством капитана, как его здесь называют, на самом деле адвоката, а по другим источникам, провизора **Николаева**, состоящая из 10 черногорцев, сотника **Гучкова**, инженера **Семёнова** и поручика (подпоручика) **Дрейера**.

Бурские команды высылали очень мало разведывательных отрядов, которые ни разу не могли установить связи с противником²².

Из попытки создать сборный отряд иностранных добровольцев под руководством француза графа **Вильбоа-Марейля**, по большому счёту, мало что получилось:

«...Было довольно дела, хлопот и затруднений, чтобы хоть несколько упорядочить отношения этой разноплеменной толпы людей, по большей части не отличавшихся ни уживчивостью, ни нравственными устоями.

Насколько сам **Вильбоа** ещё раньше понимал всю трудность взятой на себя задачи, видно из его записок, где он прямо говорит, что «нельзя ждать ни дисциплины, ни военных знаний от людей, которые приехали в Южную Африку дела делать и смотрят на войну, как на препровождение времени, предшествующее этим делам. Кроме нескольких счастливых исключений, их потребности аппетита и спокойствия слишком развиты, чтобы приноровиться к военному ремеслу».

Немного позднее он сознаётся, что на его приказ ночевать в Брандфорте (где тогда была наша амбуланция и ежедневно ожидали англичан), он был оставлен последними бывшими при нём членами его прежнего отряда и не мог исполнить просьбу главнокомандующего **Жубера** поддержать **Деларея**, занявшего окрестные холмы. И это ещё только с одними французами, приехавшими на его вызов. Каково же должно было быть положение, когда пришлось иметь дело с отрядами и отдельными лицами самых различных национальностей, типов и привычек. **Вильбоа** прямо замечает: «Если я в этих условиях справлюсь со всеми этими людьми, якобы подчинёнными мне, значит, – Бог велик!» и перечислил главные затруднения: неповиновение и самовольный отъезд в Преторию. «Я требую, чтобы им приостановили выдачи, и, когда они явятся сюда по необходимости, я вышвырну их из своего легиона. Здесь я прошу комиссарских чиновников ничего не выдавать без моей подписи. Уж слишком много накопилось с этой стороны злоупотреблений: некоторые добровольцы даже из тех, кого их социальное положение должно было бы предохранить от подобных недостатков, посредством назойливых требований вымогают у правительства массу вещей – одежду, сёдла, продовольствие, лошадей. Набив свои подводы и палатки, они даром живут в гостиницах, не сознавая, что за презренное воспоминание они здесь оставят. Меня поражает, как всякая мысль о войне пропадает у многих перед подобными деловыми оборотами...

Мы стоим лагерем и предоставляем ловким людям объедаться в гостиницах на счёт правительства. Борьба про-

тив этих разнузданных appetitов будет, конечно, труднее и упорнее, чем против англичан».

Впрочем, самому **Вильбоа** не долго пришлось повозиться с этим трудным и неприятным делом. Хлопоты эти выпали на долю, главным образом, второго по командованию, то есть **Максимова**, так как **Вильбоа**, как только первые поступившие под его начальство отряды успели отдохнуть, переформироваться и обзавестись всем необходимым, выбрал лучшую, наиболее надёжную часть людей и увёл их с собой в столь несчастно кончившуюся экспедицию под Кимберлей...²³

Некоторые современники не без оснований критиковали отчёт полковника **Василия Иосифовича Ромейко-Гурко** за допущенный ряд неточностей (например, в первых своих донесениях, опубликованных для печати, он не упоминал, что заместителем полковника **Вильбоа-Марейля**, а позднее, недолго, командиром Иностранного (Европейского) легиона был подполковник **Максимов**, допустил он и другие очевидные ошибки), тем не менее, как свидетельство непосредственного очевидца и человека, имевшего путём личного знакомства доступ к руководителям буров и, соответственно, доступ к всевозможным сведениям о действительном положении дел, его отчёт о графе **Вильбоа-Марейле** весьма любопытен для исследователей:

Если с предложением своих услуг являлся в Преторию человек, занимавший на своей родине хоть какое-нибудь, даже не особо выдающееся положение, к нему относились более чем любезно.

В таком положении был отставной полковник французской службы **Вильбоа-Марейль**. Он ехал в Трансвааль с тайной надеждой занять место начальника штаба при главнокомандующем. Не говоря уже о том, что такой должности в во-

йских союзников не положено, трудно себе представить, как бы мог исполнять такую должность человек, не знакомый ни с местным языком, ни с единственным общепотребительным иностранным – английским. По той же причине полковник **Вильбоа-Марейль**, присутствуя на военных советах, никогда не мог принимать участия в прениях.

Тем не менее, будь **Вильбоа-Марейль** человеком иного склада ума, весьма вероятно, что он мог бы оказать существенные услуги трансваальским военачальникам и тем отблагодарить их за то внимание, которым его окружали. Будучи в военном смысле человеком хорошо образованным, он был чересчур теоретиком; прибыв в Южную Африку и недостаточно вникнув в характерные особенности местных вооружённых сил, считал возможным предлагать им в исполнение планы, которые были под силу только хорошо обученным войскам.

Поэтому все его советы – и, надо думать, к счастью для союзных войск, – никогда в исполнение не приводились. Таковыми были: довольно сложный план атаки Ледисмита, а также предложение взять открытой силой Кимберлей, представлявший очень сильную естественную крепость благодаря окружающим его алмазным копьям, из которых каждая – почти неприступное фортификационное сооружение; наконец, последний, им предложенный совет был дан генералу **П. Кронье**, когда выяснилось, что его отряду грозит опасность быть окружённым войсками лорда **Робертса**: полковник **Вильбоа-Марейль** советовал совершить отступление эшелонами. Этого термина генерал **Кронье** не понял, сколько ни пытался разъяснить его смысл служивший им переводчиком голландец.

Вскоре после этого на военном совете, собранном после сдачи Блумфонтейна, полковник **Вильбоа-Марейль** был назначен начальником всех отрядов добровольцев и генералом союзных войск. К этому времени он, по-видимому, пришёл к убеждению, что его советы не принимаются к исполнению, а поэтому желал уже в роли начальника принести пользу делу, которое он принял близко к сердцу и вместе с тем доказать,

что он не только может давать советы, но и сам способен выполнять их. С увлечением и энергией принялся он за организацию людей, отданных под его начальство, и немедленно стал формировать партизанский отряд. Однако и в роли начальника его деятельность пользы союзникам не принесла.

Не дождавшись, чтобы вокруг него собрались все добровольцы, он с первыми 80 прибывшими решается совершить поиск из Кронштадта к стороне Кимберлея, через который в то время проходила коммуникационная линия англичан, только что занявших Блумфонтейн. Будучи офицером пехотной службы, полковник **Вильбоа-Марейль**, по-видимому, имел лишь теоретическое представление о кавалерийских рейдах, а главное – не имел совершенно понятия о том, какую работу можно потребовать от лошади под вьюком и всадником. Вследствие этого его конский отряд был в конец подорван усиленными переходами от Кронштадта до Босгофа.

Не дав ни одного дня отдыха лошадям, без надёжных проводников, он вступает в местность, занятую отрядами противника, численность и расположение которых ему неизвестны. Проплаував целую ночь между бургским лагерем и городом Босгофом, занятым противником на пространстве 12 вёрст, дав лошадям всего трёхчасовой отдых, он на рассвете, с настойчивостью, достойной лучшей участи, продолжает свой путь, причём строго придерживаясь книжных правил для кавалерийских рейдов, держит в секрете цель и направление своего движения.

Вскоре он наталкивается, с совершенно измученным конским составом, на превосходного в силах противника с артиллерией и сам падает от шрапнельной пули. Отряд, лишившись своего энергичного, по всему судя, малоопытного в партизанских действиях командира, потеряв часть своего состава убитыми и ранеными и не зная даже поставленной ему цели, – сдаётся противнику (графа **Вильбоа-Марейля** англичане в знак уважения похоронили со всеми воинскими почестями в присутствии генерала лорда **Метьюна**. – *Прим. авт.-сост.*)²⁴.

Пленение лучших из иностранных добровольцев и гибель их известного командира произвели тяжёлое впечатление на буров:

Неудача эта, несмотря на малую численность погибшего отряда, имела большое нравственное влияние на дальнейший ход войны. Несмотря на несколько неприязненное отношение многих из буров к **Вильбоа** и слишком справедливое недоверие к большинству добровольцев, знания специалистов военных всё же внушали им уважение, и на этот отряд, представлявший лучшие силы европейцев под начальством человека с крупным чином и военным именем, они внутренне возлагали большие, хотя и смутные надежды. Успех рейда (возможный захват Кимберлея), изменил совершенно условия борьбы на западном театре военных действий, в то же время, несомненно, поднял бы дух буров, угнетённых последними неудачами, и в этом отношении также оказал бы громадное влияние на ход событий. Неудача же, хотя и не влекла за собой больших материальных потерь, действовала крайне тяжело на общее настроение...²⁵.

Перед отправлением в столь неудачно закончившийся рейд, **Вильбоа де Марейль** оставил инструкцию **Максимову**:

Эта инструкция (копия подлинника на французском языке и перевод) опубликованы во втором томе (С. 263–264) составленного трёхтомного собрания документов «Англо-бурская война в Южной Африке» (СПб., 1901–1903). Публикация сопровождается выражением признательности: «Оригинал прилагаемого автографа **Вильбоа-Марейля** любезно предоставлен в наше распоряжение **Е.Я. Максимовым**».

Воспроизводим текст перевода.

*Бурское объявление о награде в размере 25 фунтов стерлингов
за сбежавшего из плена Уинстона Черчилля*

Инструкция для формирования европейского легиона

В отсутствие генерала **Вильбоа-де-Марейля** полковнику **Максимову** принять командование легионом и заняться продолжением формирования его, руководствуясь следующими требованиями:

1) Ускорить сбор европейцев, запрашивая в Претории государственного секретаря **Гроблера**, а в случае нужды и генерала **Луи Бота** в Гленко, – на какие корпуса волонтеров можно рассчитывать и когда.

2) Формировать легион, придерживаясь деления его на взводы по национальностям, а после разделить и на эскадроны. Назначить офицеров, принимая во внимание старшинство и нравственные права начальников уже ранее сформировавшихся корпусов. Стоять лагерем и воспрещать жительство в гостиницах.

3) Распределить одиночных людей по тем взводам, куда они более подойдут в силу своей национальности, или, если окажется невозможным создать из них тактические единицы, ввиду неподходящего числа их, – разместить их куда придется.

4) Оставленное здесь подвижное отделение конского запаса сохранить неприкосновенным. До сих пор было затребовано 60 лошадей, получено 23, – затребовать недостающее число.

5) Кроме организации означенного подвижного отделения конского запаса, предназначенного для всадников, отправляемых в рейды, озаботиться наилучшим снабжением прочих людей легиона конским составом, вооружением и снаряжением. При этом обратить особое внимание на получение военного материала, составляя без внимания различные хозяйственные улучшения, не требуемые более нынешней обстановкой.

6) Здесь находятся только французский взвод и половина голландского корпуса. Ожидаются германцы с поручиком **Врангелем**²⁶, французы с поручиком **Галлопо**²⁷, о других корпусах нет известий.

7) В случае отступления во время отсутствия генерала, – нагрузить фургоны, поставить их на своё место в обозной колонне, а после разместить в главном лагере, куда вернётся отряд, посланный на поиск; там он должен найти свой обоз.

23 марта 1900 г. Кронштадт

Генерал **Вильбоа**²⁸.

Выше уже приводилось донесение штабс-капитана **Потапова** о том, что бесконечные дразги между иностранными добровольцами за первенство среди представителей всевозможных национальностей, а не только среди наших соотечественников, приехавших воевать за буров, были, к сожалению, обычным явлением.

Как известно, сколько людей – столько же и мнений, однако, как уже говорилось, сестра милосердия **Софья Владимировна Изъединова**, вероятно, излишне превознося до небес подполковника **Евгения Яковлевича Максимова**, так объясняла распад Иностранного легиона после гибели **Вильбоа-Марейля** и назначения на его место его бывшего заместителя **Максимова**:

Ещё в походе и тотчас по приходе в Брандфорд выяснилась совершенная недобросовестность в хозяйственный делах начальника немецкого отряда **А-а (Лоренца?)** и явилась необходимость его сменить; но тот встретил поддержку в некоторой части своих подчинённых, национальное самолюбие которых страдало от смещения их выборного начальника (только утверждённого при поступлении в легион) по столь постыдной причине. И вследствие затруднений, встреченных в проведении своего распоряжения, **Максимов** был вынужден выделить немецкий отряд из состава Европейского легиона.

Полная основательность его дисциплинарных требований по отношению к **А-у** вскоре получила блестящее подтвержде-

ние. Не прошло и трёх дней, как генералу **Ф. Бота**, к которому к тому времени примкнул немецкий отряд, пришлось снарядить следственную комиссию по жалобе некоего **Якова Штейля** на взлом его фермы и разграбление оставленного в ней имущества **А-а** и некоторыми членами его отряда. Следствие доказало полную справедливость обвинения, и только общий ход событий помешал дальнейшему развитию этого дела, придя в этом случае на помощь весьма понятному желанию правительства замять историю, столь неприятную крупной единице иностранных контингентов, вообще пользовавшейся хорошей репутацией в смысле храбрости, и среди которых встречались и вполне порядочные люди.

Максимов, видя на этом и других эпизодах, как национальные счёты осложняют проведение дисциплинарных требований, посоветовал генералу **Деларею** назначить начальником добровольцев не европейца, а кого-либо из местных жителей с достаточно авторитетным именем, причём сам указал на его брата, заявляя о желании лично сохранить только командование голландским отрядом. Это предложение было принято **Делареем** и распоряжение о назначении его брата вышло, но не привилось, никакой действительной власти он не проявлял и никакой европейский частью не начальствовал, а все они продолжали действовать вразброд, кроме зерна легиона, сохранившегося вокруг **Максимова**...²⁹.

Итак, **Евгений Яковлевич Максимов** из-за грызни между представителями различных национальностей, передал командование Иностранным легионом местному генералу, а сам стал командовать Голландским корпусом (отрядом добровольцев преимущественно из Голландии). Он успешно командовал этим многонациональным отрядом:

Требования **Максимова** об обязательности простейших строевых упражнений, безусловного и быстрого подчинения

Поплас-Гров (Поплар-Гров)

*Голландский корпус подполковника **Максимова***

команд, в короткое время дало такие блестящие практические результаты, что доставило hollander corp'y репутацию лучшего отряда, образцового по дисциплине и удали. Конечно, эти черты, выработанные в такое короткое время, должны быть приписаны не одним достоинствам начальника, но также, и в значительной мере, составу отряда... безусловно, лучшему между европейскими контингентами Трансвааля. Заслуга же начальника отряда была в том, что он сумел вполне использовать качества попавшегося ему материала, в неимоверно короткое время добиться примерной сплочённости и дисциплины – этих необходимых условий прочного военного успеха³⁰.

Максимов в конце апреля 1900 г. участвовал в нескольких сражениях против напавших англичан в Оранжевой Республике, в частности, у Табанчу, когда буры отступали, тщетно пытаясь задержать многократно численно превосходящего неприятеля. Он был тяжело ранен и не смог в дальнейшем принять участия в партизанской войне.

Софья Изъединова так описывает эти события со слов **Максимова** и очевидцев:

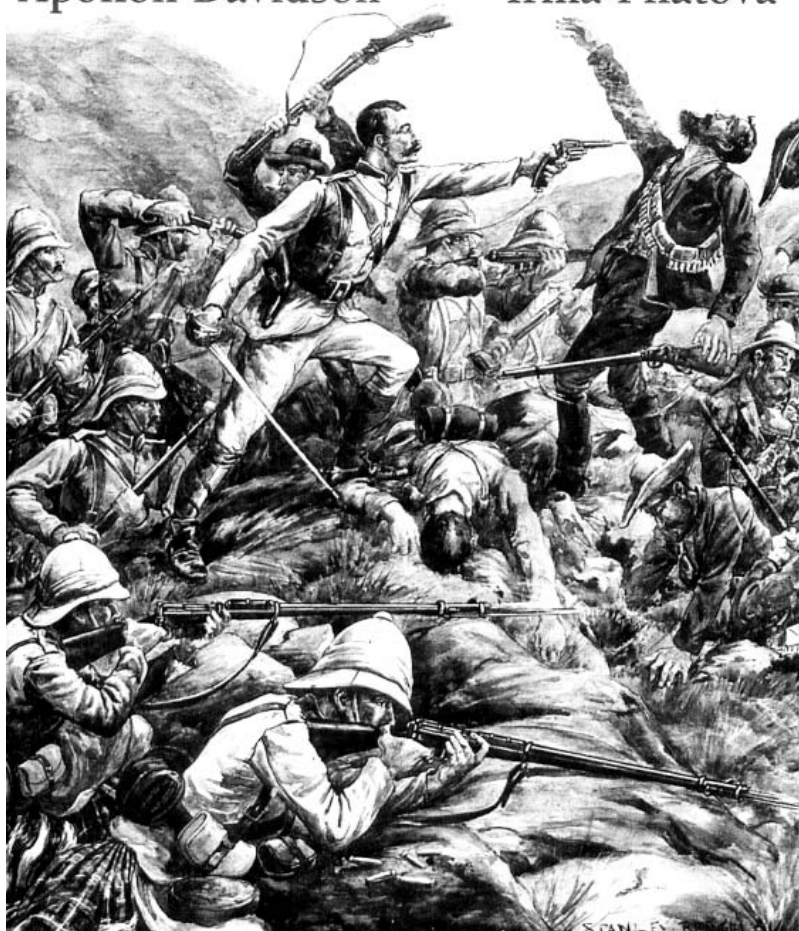
Сражение при Табанчу является кульминационным пунктом движения, предпринятого бурскими войсками генералов **Ф. Бота** и **Кольбе** с некоторыми из добровольческих отрядов, чтобы дать возможность **Христиану Девету** соединиться с главными силами буров на севере Фрейштата, от которых он был отрезан английскими войсками под начальством генералов **Френча** и **Гамильтона**, оперировавшими между Блумфонтейном, Вепенером и Табанчу (известный английский корреспондент **Уинстон Черчилль** признаёт его важнейшим военным событием после Паардеберга).

По сведениям англичан, в бою при Табанчу, с их стороны участвовали кавалерийские бригады **Френча**, **Гамильтона**, **Диксона** и **Гордона**, дивизия **Рендля** и бригада гайландеров **Смит-Дорриена**, не считая войск, оставшихся у ватерверков

The Russians and the Anglo-Boer War

Apollon Davidson

Irina Filatova

Английский капитан **Таус** убивает русского полковника **Максимова**. Обложка книги Аполлона Давидсона и Ирины Филатовой «Русские и англо-бурская война»

(сооружения системы водоснабжения) под начальством **Китченера** и бригады, с которой сам **Робертс** счёл нужным провести диверсию в сторону Карри-Сидинга. Силы противника английские источники ценят в 4 тысячи; господин **Уинстон Черчилль** уверяет даже, что «сам их видал в этом числе при отступлении открытым полем»; но мне достоверно известно, что со стороны буров здесь участвовало не больше 800 человек (не считая, конечно, сил **Девета**, действовавших на значительном расстоянии и шедшего по другому пути, где его не мог видеть этот корреспондент); у **Ф. Бота** – 400 трансваальцев, у **Кольбе** – 300 фрейштатцев и около сотни европейцев.

Таковыми же погрешностями страдают и остальные отчёты английских корреспондентов, особенно же в указании своих потерь, означенных в 50 с чем-то человек всего, тогда как я знаю, что по окончании боя 30 числа на английской позиции, занятой войсками **Ф. Бота**, было насчитано 167 трупов, **Кольбе** и европейцами – 208; сколько-нибудь убитых надо предположить и со стороны **Девета**, кроме пленных, взятых в числе нескольких сот, – итого?

Став лагерем 28 апреля (1900 г.) на расстоянии приблизительно 10 миль от Блумфонтейна, 4-х от ватерверков и 6-ти от Табанчу, буры поместились нарочно не близко от горы Туба, безусловно лучшей позиции этого района, так как считали её занятой неприятелем, по сведениям, доставленным разведчиками **Терона**. 29-го **Максимов**, находившийся здесь со своим голландским отрядом, предпринял рекогносцировку в сторону ватерверков с целью выяснить, нельзя ли отрезать водоснабжение Блумфонтейна (центрального организационного пункта английских войск и главной квартиры лорда **Робертса**). Это оказалось немыслимым по количеству войск, находившихся около ватерверков; но в течение этой рекогносцировки он убедился: 1) что Тубакон ещё свободна от неприятеля и 2) узнал от одного бура, накануне выпущенного англичанами из тюрьмы в Блумфонтейне, что следующей ночью из этого города в Табанчу с небольшим прикрытием пойдёт военный обоз в 200 подвод. Вернувшись уже в темноте, он

сообщил эти сведения генералу **Кольбе**, близ которого стоял лагерь.

На другой день предполагался военный совет и смело можно утверждать, что, имея буры возможность, заняв утром Тубу, выработать соответствующий план сражения, дело окончилось бы гораздо более решительным поражением англичан и могло бы значительно изменить дальнейший ход событий. К сожалению, **Кольбе** увлёкся мыслью захватить английский обоз и с этой целью, не сообщая никому своих намерений, ночью вышел из лагеря и устроил засаду; но, напав неожиданно на англичан, он оказался лицом к лицу не с небольшим прикрытием, как предполагалось, а со всем отрядом **Гамильтона**, шедшим по тому же направлению на помощь войскам, запертым в Вепенере.

Остальные бурские войска были, таким образом, произвольно втянуты в бой, вскоре сосредоточившийся около Тубы, которую англичане успели первые занять несколькими пехотными частями, так что пришлось их оттуда выбивать. Эта задача пала на фрейштатцев **Кольбе**, главным же образом на бывших здесь европейцев – немцев, небольшое число французов и *hollander corps* (Голландский корпус) **Максимова**, который в этот день особенно выделился неустрашимостью и стойкостью, заняв с бою выдавшуюся часть Тубы – ключ всей позиции и, продержавшись на ней до поздней ночи, когда вся остальная гора была уже давно очищена занявшими её войсками.

Роль *hollander corps'a* и его начальника в этот день ярко освещается следующим небольшим фактом: видя опасное движение голландцев, с десятка немцев, раньше, как было сказано, отделившихся от них вследствие дурно понятого национального гонора, бросились с криком «наш колонель!» (полковник). Из присоединившихся на Тубе немцев двое поплались жизнью – **Гюнтер**, разорванный пополам гранатой, и артиллерийский офицер **фон Брахель**, поражённый пулей в сердце в 20-ти шагах от англичан. В общем же потери отряда, находившегося здесь даже не в полном составе, – 45 чело-

век, не считая немцев, остальные были оставлены для охраны лагеря, брошенного бурами без прикрытия.

И эта горсть храбрецов выбила из позиции, по признанию английских пленных, несколько сот человек (положив на месте счётом 208 трупов)³¹; их собственные же потери были незначительны по числу – 2 убитых и 5 раненых, но тяжело, так как 3 раны пришлось на долю командира³², а именно: плечевая контузия с раздроблением кости, тяжёлая рана лопатки, вероятно разрывной пулей, и височная рана с повреждением черепа. Перевязку делал доктор нашего русско-голландского отряда **К.К. фон Ренненкампф**, незадолго перед этим примкнувший к отряду с походным лазаретом. Доктор **фон Ренненкампф**, единственный из русских докторов, до конца находившийся на театре войны, в этот день обнаружил храбрость и стойкость, которые сделали бы честь любому офицеру, с утра до вечера накладывая повязки под непрерывным огнём английской артиллерии.

Высказанное им бесстрашие и хладнокровие произвели глубокое впечатление на всех, видевших его в это время; что же касается израненного командира, то его заслуги, отмеченные в телеграммах с поля битвы главнокомандующего **Деларея**, скоро приняли прямо сказочные размеры, так что в разговорах о нём у флегматичных буров слово «герой» так и сыпалось.

Дело при Табанчу, хотя и разыгралось вопреки всех предположений и в невыгодных, в сущности, для буров условиях, дало, однако, возможность осуществить главную цель всей операции: услышав пальбу близ Тубы, **Девет**, уже двигавшийся от Вепенера, правильно заключил, что это войска, высланные ему на поддержку. Недалеко от Табанчу он, в свою очередь, вступил в бой с попавшимися ему на пути англичанами, причём, как это признают сами буры, неоценимую услугу оказала ему именно молодецкая атака Тубы голландцами, отвлёкшая в эту сторону главное внимание англичан. Захватив у них часть обоза и большое число пленных, **Девет** на другой день прошёл на север путём Винбурга и, наконец,

недалеко от Шмаделя, на Ветривере, соединился с главными силами буров под начальством **Деларея**, отступавшими от занятого англичанами Брандфорта.

Отступление всех бурских войск во Фрейштадт было результатом серьёзнейшей ошибки буров после боя под Табанчу. Заняв 30 апреля, как уже было сказано выше, с боя всю Тубу, они на ночь оставили эту важнейшую позицию и возвратились в свои лагеря, намереваясь вернуться на позиции утром. Утром они, конечно, нашли гору сильно занятой англичанами и понесли тяжёлые потери при попытке завладеть ею с боя. Особенно пострадал храбрый *hollander corps*; увлечённые своей удачей предыдущего дня, они пытались штурмовать свою прежнюю позицию и отступили после всех, оставив несколько человек убитыми и 12 пленных (израненных), между которыми временно исполнявший начальство, храбрый, но недостаточно опытный лагерекмандант **Гессинг**.

Не более посчастливилось голландерам и в следующем крупном деле при Ветривере, где им начальствовал назначенный в заместители **Максимову** командант **Бранд**, храбрый, но тогда ещё малоопытный. Приученные к стойкости и в невыгодных положениях, голландеры при Ветривере были почти полностью уничтожены, в бою под Кронстадтом от этого молодецкого отряда в строю оставалось всего 15–20 человек, так что *hollander corps*, переданный впоследствии **Максимовым Блихноту (Блиньо)**, был уже не прежний отряд, а собравшиеся вокруг в числе нескольких сот не одни голландеры, но европейцы разных национальностей (кроме голландцев составляли главное ядро преимущественно немцы и французы) и даже буры, привлечённые его репутацией.

Потеряв выгодные позиции под Табанчу, войскам **Ф. Бота** и **Кольбе** только и осталось отступить перед численностью свежих английских войск, наступавших от Блумфонтейна. Этим они открыли расположение **Деларея**, все эти дни сражавшегося с англичанами, сосредоточенными вокруг Тафелькопа, так что и он был принуждён отступить, оставив

врагу Брандфорд (второй по значению, после столицы города Блумфонтейна, город Оранжевого Свободного Государства – *Прим. авт.-сост.*). В остальной части Фрейштата местность также не благоприятствует отпору врагу, наступающему с юга в подавляющем количестве.

Уже упомянутое дело на Ветривере и последующий тяжёлый бой 10 мая под Кронстадтом, хотя причинили англичанам серьёзные потери и делают честь храбрости отдельных команд и начальников, были уже только последним усилием задержать и ослабить главную английскую армию. К этому времени телеграф принёс с других границ известие о таких событиях, которые делали неизбежным отступление гораздо дальше на север из опасения быть отрезанными от Претории – тогда ещё главного правительственного и нравственного центра – английскими войсками, прорвавшими, наконец саму границу Трансвааля³³.

В прессе об этом бое было напечатано следующее:

Лондон, 20 апреля (3 мая). (Рейтер).

Робертс телеграфирует: 1 мая генерал **Гамильтон** одержал значительную победу и вытеснил неприятеля со сравнительно малыми потерями из сильной позиции у Гаутнека. Буры рассеялись к востоку и северу. Англичане взяли в плен 25 человек, в том числе одного командира и 16 раненых. Теперь **Гамильтон** находится в Якобспруйте, где пробудет один день, чтобы дать войскам отдых после 7-дневного боя. Неприятель признаёт, что у него 12 человек убито и 40 ранено, в том числе 21 из иностранного отряда. Русский командир иностранного отряда **Максимов** ранен. Между убитыми находятся, по слухам, германский поручик по имени **Гюнтер** и 2 француза³⁴.

В то время имя нашего храброго соотечественника было у всех на слуху:

Он оказался положительно злобой дня, иначе как «героем» его мне не называли, наперерыв передавая рассказы о том, как он при Табанчу дрался, несмотря на 3 раны, как потом, в день боя под Кронстадтом, с незажившими ранами, прямо из госпиталя сел на лошадь, чтобы принять в нём участие, и как раньше со своим голландским отрядом вывез из местности, уже занятой англичанами, женщин и детей, подвергавшихся оскорблениям на своих фермах³⁵.

А статс-секретарь **Рейц** (третий по должности руководитель Южно-Африканской Республики), по словам **Софьи Изъединовой**, так отзывался о **Максимове**:

Все наши начальники, имевшие с ним дело, превозносят его храбрость, умение дисциплинировать людей и пользу, принесённую им его советами. А генерал **Луи Бота** говорил, что хотя он сам не трус и много видел храбрых людей, но ничего подобного этому русскому полковнику он не только не видел, но и не воображал³⁶.

В конце мая 1900 г. подполковника **Евгения Яковлевича Максимова** за храбрость избрали боевым генералом (фехт-генералом):

24 мая собранием в клубе «Голландия», состоявшем из нескольких сот человек буров и европейцев при 6-ти командантах, **Максимов** был провозглашён фехт-генералом.

Это избрание теперь, к сожалению, могло иметь только формальное значение признания прежних заслуг, так как продолжение боевой деятельности **Максимова** было невозможно вследствие ран в соединении с сильной потерей крови, бывшей результатом того, что он, после получения их, продолжал сражаться, да и потом неоднократно подвергал себя совершенно неподходящему в его состоянии утомлению (так, в день боя под Кронстадтом, едва оправившись от мучитель-

ного переезда из-под Табанчу в тряском каре (повозке), заслышав пальбу, несмотря на увещевания докторов, сел на лошадь с ещё открытыми ранами и не только принял участие в объезде позиций начальствующими лицами, но один произвёл рекогносцировку, на которую не решался никто из буров, причём на возвратном пути подвергся преследованию лансеров. Пробыв на лошади весь день и, понятно, дойдя до полного изнеможения, свалился с лошади и, будучи доставлен в госпиталь в покинутом Кронстаде, чтобы не попасть в плен, опять сел на лошадь и доехал до Хонинг-Спруйта, исходного пункта перерезанной железнодорожной линии (в 70 километрах от Кронстада).

Теперь же, несмотря на состояние, при котором большинство людей лежало бы пластом, он был на ногах и ещё находил энергию выходить и присматриваться к интересным явлениям окружающей жизни – заседаниям фольксраада, комитетов, даже ездил в Йоханнесбург и спускался в рудники, чтобы осмотреть их³⁷.

Как уже говорилось, **Максимов** передал вновь сформированный Голландский корпус под начальство одного из местных генералов и уехал домой залечивать раны. Всего он пробыл в бурских республиках лишь три месяца.

Таким образом, наш соотечественник стал вторым иностранцем, получившим чин фехт-генерала, вслед за погибшим незадолго до этого своим непосредственным начальником – французским полковником (трансваальским генералом) графом **Вильбоа-де-Марейлем**.

Сестра милосердия **Изъединова** оспаривала и данные **Ромейко-Гурко** о пользе отряда, крепко сколоченного не без участия нашего соотечественника, хотя проверить её слова уже не представляется возможным:

Сформированный вновь (**Максимовым**) отряд, числом около 400 человек, он передал молодому **Блиньо**, сыну фрейштатского статс-секретаря³⁸, незадолго перед тем произведённому в генералы и даже назначенном **Делареом** командовать европейцами, отбившимися от легиона; но, как я уже говорила, из этого назначения ничего не вышло. Впоследствии, уже по возвращении в Европу, я слышала, что **Блиньо** со своим отрядом принёс значительную пользу, оперируя по линии железной дороги к Делагоа, причём хорошую службу ему сослужило большое количество динамита, заготовленное ввиду предложения взорвать рудники, переданного ему **Максимо-вым** вместе с отрядом³⁹.

Справедливости ради отметим, что некоторые исследователи, вероятно, не без оснований считают, что подполковник **Максимов** не был ранен уж очень сильно и не стал принимать участие в партизанских действиях буров, считая дело их окончательно потерянным. Хотя тут трудно сказать однозначно, поскольку, к примеру, рана в плечо разрывной пулей вряд ли могла быть лёгкой, да и вообще можно считать почти чудом, что он остался в живых, ибо многие тогда леги костью в тяжёлых боях с наступавшими английскими войсками.

Мнение одного из русских добровольцев – подполковника **Максимова** о сдаче плен бурского генерала **Прислу(о)**:

К делам буров (письмо в редакцию)

Пришедшая 18 июля сенсационная английская телеграмма о пленении генерала **Принсло** с пятью тысячами буров, несмотря на свою невероятность, сильно взволновала друзей буров, которых у нас немало. Хотя телеграмма от 19 числа и уменьшила число пленных в пять раз. Зная хорошо **Принсло** и положение дел в Южно-Африканских Републиках, считаю свои долгом

*Подполковник **Максимов** по возвращении в Петербург в униформе собственного образца
позирует с винтовкой*

НОВОЕ ВРЕМЯ

ДЕЛАРЕЙ.

Генералъ Деларей, посвъ Луи Воты, самый энергичный трансаальский генералъ. Онъ можетъ похвалиться тѣмъ, что на его долю выпалъ первый успѣхъ этой войны, а именно при Крайспанъ (12-го октября 1899 г.), гдѣ онъ билъ съ рельсовъ и захватилъ первый блиндированный поѣздъ, причемъ взялъ въ плѣнъ капитана Несбита и 30 рядовыхъ.

Его посылали повсюду, гдѣ дѣла шли плохо. Когда на западной границѣ, южнѣе Кимберлея, бурскіе команданты никакъ не могли столкнуться по поводу плана военныхъ дѣйствій, туда отправили Деларей, чтобы возстановить согласіе и направить наступленіе буровъ на Гроотриверъ. Къ несчастью, пока они еще только ѣхали отъ Мефкинга, буры 23-го ноября 1899 были выбиты изъ своихъ позицій, а два дня спустя должны были отступить передъ превосходными силами англичанъ въ сраженіи при Ройлааге, хотя въ немъ принималъ уже участіе Деларей.

При Твеериверѣ, дѣйствуя подъ главнымъ начальствомъ Кроузе, онъ нанесъ англичанамъ тяжелыя пораженія и остался бы господиномъ поля сраженія, если бы Кроузе не былъ убежденъ: Деларей, упорно настаивая на отступленіи изъ-за того, что форесмитское командо было выбито изъ своей позиціи. Въ этой битвѣ Деларей потерялъ сына, но впоследствии онъ говорилъ, что потеря сына стоила ему меньше слезъ, чѣмъ потеря этихъ позицій, такъ какъ, если бы этому даже въ случаѣ общей неудачи онъ бы онъ были удержаны, то англичанамъ пришлось бы отступить до Гроотривера, потому что районъ между Моддеромъ и Оранжевой рѣками не могъ прокормить такой большой отрядъ англичанъ, у которыхъ за-пасовъ не было.

Постепенно Деларей приобреталъ довѣріе бургеровъ.

Если бы генералу Кроузе удалось провести свои планы, то сраженіе при Магерсфонгѣ (11-го декабря 1899 г.) было бы такою потерей. Дядя Нитъ (Кроузе) никакъ не могъ отдѣлаться отъ своего предубѣжденія въ пользу, расположенныхъ на югнѣ,

во время отступления, онъ сумѣлъ, соединившись съ Делетомъ, оказать энергичное сопротивление пресѣдовавшей конницѣ Френча при Абраамсралѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1900 г., когда по бездарности генерала Дютуа были потеряны прекрасныя позиціи по Вааляу у Фортинстрима, прикрывавшія отъ наступающихъ англичанъ правый флангъ и тылъ главной бурской арміи во Фрейштатѣ, туда былъ посланъ Деларей, но дѣло тогда было уже непоправимо. Однако въ новыхъ условіяхъ и при новомъ характерѣ войны, Деларей теперь держится въ этой хорошо известной ему мѣстности и наноситъ англичанамъ пораженія, какъ-то: при Доновѣ, Клексдорфѣ и послѣднее при Тинботѣ, гдѣ плѣнъ былъ Метуанъ.

Большае всякаго другого трансаальскаго генерала Деларей умѣетъ внушить своимъ подчиненнымъ довѣріе, особенно рѣшительностью и ясностью, съ которыми онъ охватываетъ любое положеніе. При Твеериверѣ онъ съ отрядомъ въ 1,600 человекъ былъ окруженъ; но раньше чѣмъ англичане успѣли затянуть кордоны, онъ уже рѣшилъ: «Здѣсь мы должны прострѣлять себѣ дорогу». И это было выполнено такъ быстро и успѣшно, что не стоило бурамъ почти никакихъ потерь. Объ его искусствѣ, какъ военачальника, свидѣлствуетъ и распределение его войскъ: наиболѣе рѣшительные и неустрашимые всегда находятся на важнѣйшихъ постахъ, такъ что ихъ примѣръ увлекаетъ нерѣшительныхъ. Поэтому послѣдній оставляетъ свои позиціи.

Онъ сторонникъ рѣшительныхъ мѣръ и если не часто рѣшается на приступъ, то по-тому, что хорошо знаетъ характеръ и настроеніе своихъ буровъ, или же предвидѣть сдачу неприятеля безъ тяжелыхъ потерь, связанныхъ съ занятіемъ позицій съ бою.

Его приказанія коротки и подчасъ кажутся невыполнимыми; но онъ всегда знаетъ, кому что приказать. Разъ майоръ Альбрехтъ былъ ослѣвленъ почти однимъ изъ пригорковъ съ двумя орудіями, вслѣдствіе от-ступленія прикрывавшихъ его частей. Вплы

опровергнуть или, вернее, прояснить эти телеграммы. Генерал **Принсло** после ничем не оправдываемого отступления в феврале месяце, с весьма сильных позиций под Колесбергом и бесцельного скитания с восьмьюстами буров в Драконовых горах, потерял всякое доверие своего правительства и войска, а потому и лишён был командования. Одно время поднят был вопрос о предании его суду за измену, но за неимением положительных и точных данных его оставили в покое. Март и апрель **Принсло** сидел без дела у себя на ферме, в 40 верстах к югу от Брандфорта. Непостижимо, как он мог опять сделаться начальником, хотя бы тысячи человек. В Южно-Африканских Респу́бликах человек, раз потерявший доверие населения, не найдёт и десятка людей, которые пошли бы под его начало.

Одно можно предположить, если только телеграмма о пленении **Принсло** (конечно, с несколькими десятками, а не с тысячей людей) верна, что всемирные фокусники, господа англичане, вошли с **Принсло** в тайное соглашение и предложили ему собрать сколько возможно людей из сочувствующих англичанам оранжистов (их немного) и сдаться, чтобы произвести нужное впечатление на местных бойцов, геройски защищающих свою независимость.

Это предположение тем более вероятно, что в телеграмме упоминается Ледибрандский отряд, а жители Ледибрандта уже в феврале месяце заявили себя настолько сторонниками англичан, что несколько десятков из жителей этого города, были арестованы, привезены в Преторию и преданы суду за измену. А потому пленение **Принсло** и его сподвижников (которых, повторяю, не тысяча, а несколько десятков, вероятно)⁴⁰, не имеет значения и не окажет никакого влияния на продолжение геройской борьбы маленького народа, забытого и покинутого Европой.

Телеграмма от 19 числа о действиях **Христиана Бота** тоже не заслуживает доверия, потому что такого **Бота** нет, а есть **Луи** и **Филипп Бота**, оба генералы, а третий **comandant Пит Бота** уже в плену.

Е. Максимов...⁴¹

Вскоре по возвращении из Трансвааля в Санкт-Петербург, в пригородном поезде **Максимов** случайно оказался в одном купе с известным богатым петербургским молодым аристократом, князем, сотником царского конвоя **Александром Фердинандовичем Зайн-Виттгенштейном-Берлебургом**⁴², который в сопровождении четырёх французских шансоньеток, певичек из летних варьете⁴³ Санкт-Петербурга, возвращался из-за города и из-за поломки двигателя своей автомашины был вынужден поехать в вагоне второго класса.

Все дамы были любовницами и содержанками петербургских богачей⁴⁴, в частности, **Елисеева** и **Виттгенштейна**. Одна из них стала издеваться над **Максимовым**, думая, что он не понимает по-французски. Он промолчал, но на очередное оскорбление вспылал и сказал ей всё, что о ней думал. (Позднее, на суде, кокетки наотрез отказались повторить слова **Максимова**.) В ответ князь «за оскорбление чести дам» вызвал его на дуэль.

Она состоялась, хотя **Евгений Яковлевич** всячески старался её избежать. **Виттгенштейну** была предоставлена возможность выстрелить первым, но он промахнулся, а **Максимов** намеревался ранить его в ногу («сделать гвардейскую отметину»), но не учёл, что секунданты заложили в специальные дуэльные пистолеты двойной заряд пороха, чтобы при прицеле в голову пуля наверняка прошла поверх, и при выстреле ствол резко повело вверх, и пуля попала **Виттгенштейну** в живот, смертельно ранив.

Максимова, как отставного офицера, не имевшего права на дуэль с офицером действительной военной службы, приговорили к двум годам заключения в крепости, но, учитывая общественное мнение, возмущённое подобным решением, суд обратился к царю с просьбой о помиловании, которое состоялось.

Но друзья покойного князя, петербургские аристократы, решили отомстить и, пригласив **Максимова** на вечеринку, напоили его отравленным вином (яд к счастью, не подействовал) и вдобавок сбросили с третьего (второго) этажа. Он сломал несколько рёбер, но выжил⁴⁵.

В марте 1902 г. сообщалось о **Максимове**:

Многотысячная публика собралась вчера, 17 марта, вечером в Народном доме императора **Николая II** на демонстрацию картин из англо-бурской войны. Картины, более 100 штук, собраны преимущественно полковником **Максимовым**, добровольцем, дравшимся против англичан в рядах буров. Большинство картин – раскрашенные диапозитивы с фотографических снимков, сделанных в разные моменты войны **Максимовым**...⁴⁶

Приведём и современную нам статью петербургской журналистки **Юлии Дягилевой** о **Максимове** «Живая очередь... на дуэль»:

В июле 1901 г. в поезде на пути из Сестрорецка в Петербург с подполковником запаса **Евгением Яковлевичем Максимовым** произошла пренеприятная история, последствия которой взволновали столичное общество.

Случилось **Максимову** оказаться в одном вагоне с двумя француженками, небезызвестными в городе звёздами кафе-шантанной сцены. Мадмуазели, вероятно, не предполагали, что на соседнем с ними диване сидит недавно вернувшийся из Южной Африки герой англо-бурской войны. Иначе вряд ли стали бы во всеуслышание злословить насчёт происхождения его глубоко пересекающего висок и щеку шрама. Солидный господин, не выдержав издевательств, заметил, что это ранение получено в бою и не может служить поводом для смеха. Затем он выразил сомнение, настоящие ли дамы францужен-

ки, раз позволяют себе говорить незнакомым людям подобные дерзости. За честь певичек вступился сопровождавший их молодой офицер, который не замедлил вызвать ошарашенного **Максимова** на дуэль.

Поединок состоялся спустя неделю, недалеко от Стрельны. **Евгений Яковлевич** хотел примириться, сочтя повод, приведший к подобному выяснению отношений, несерьёзным. Но его противник, отпрыск древнейшей немецкой фамилии [мать – грузинская княгиня **Дадiani**], 28-летний князь **Александр Виттгенштейн**, потребовал тогда от 52-летнего подполковника прилюдных извинений. Причём он настаивал, чтобы извинялся **Максимов** в вагоне того же поезда, где и было нанесено оскорбление, что было, конечно, невозможно.

Стрелялись офицеры с двадцати пяти шагов. Князь выстрелил первым и промахнулся. Рука же **Максимова**, целившегося в ногу, тоже дрогнула, и пуля попала противнику в живот. Роковой исход наступил, едва **Виттгенштейн** успел простить расстроенного **Максимова**.

Но на этом трагический инцидент не был исчерпан. Брат убитого также счёл своим долгом вызвать подполковника на дуэль. **Максимов**, с угрозой для своей чести, решительно отказывался от столь лестного предложения, опасаясь истребить весь род **Виттгенштейнов**. Но ввиду настоятельных требований, вынужден был согласиться. На этот раз дрались на саблях. Поединок длился целых 12 минут. Свидетели рассказывали, что зрелище было впечатляющим, хотя **Максиму** и на этот раз повезло больше: ему удалось серьёзно повредить брату князя правую руку и этим прекратить безобразие.

Старый вояка был так сильно потрясён, что даже обратился в газеты с открытым письмом, где негодовал, насколько молодые люди низко ценят жизнь, раз готовы устраивать кровопролития из-за чести женщины, которая сама ею не дорожит! Что, в конце концов, глупо развязывать дуэль, будучи малознакомым даже с правилами ведения поединков. Оказывается, князь **Виттгенштейн** остался бы жить, знай он правила и не явись на дуэль с переполненным желудком. Но

и обращение в газетах не смогло поставить точку в дуэльной истории. Буквально на следующий день **Максимов** получил новый вызов, на сей раз от друга князя. И неизвестно, чем бы всё закончилось, если бы несчастная жертва дуэльного ажиотажа не получила давно ожидаемое разрешение на отправку к театру военных действий в Китае. Впрочем, подполковник оставил в дверях квартиры записку: «Желающие получить удовлетворение могут отправиться вслед за мной».

Ю. Дягилева⁴⁷.

После начала русско-японской войны **Евгений Яковлевич Максимов** неоднократно ходатайствовал о своём зачислении в действующую армию.

Приведём и дело о поступлении **Евгения Яковлевича Максимова** на службу во время русско-японской войны:

(Неразборчивая приписка: Приказано... причины выхода в отставку) 24.05. (подпись)

1. Отделение 13

Стол I лит. а

мая 1904 г.

к № 589

СПРАВКА

Подполковник запаса армейской кавалерии **Максимов**, 55 лет, вероисповедания православного. Образование получил – общее – в классической гимназии, военное – в строю.

На службу вступил в лейб-гвардии Конно-Гренадёрский полк унтер-офицером на правах вольноопределяющегося – 1 ноября 1869 г.

По желанию уволен в отставку без именованья воинским званием – 26 июля 1870 г.

Вновь определён на службу в лейб-гвардию в Кирасирский Её Величества полк унтер-офицером – 27 марта 1871 г.

Произведён в корнеты – 11 июля 1871 г.

Поручиком – с 8 апреля 1873 г.

Переведён в 13-й гусарский Нарвский полк штабс-ротмистром – 8 марта 1870 г.

Уволен в отставку ротмистром – 2 июля 1875 г.

При открытии кампании 1877–1878 гг. определён вновь на службу в этапные⁴⁸ учреждения действующей армии и занимал должность комендантов железнодорожных станций до 5 марта 1879 г.

После чего находился в составе оккупационных войск в Болгарии до 31 июля 1879 г.

Произведён в ротмистры – 8 декабря 1878 г.

По расформировании оккупационных войск находился за штатом, в каковое время принимал участие в Текинской экспедиции с 12 ноября 1880 г. по 12 апреля 1881 г.

Переведён в Отдельный корпус жандармов с переименованием в капитаны – 12 октября 1881 г.

В каковом корпусе и проходил службу до выхода в запас – 18 сентября 1884 г.

За отличие в делах против текинцев произведён в майоры – 29 января 1882 г.

Высочайшим приказом переименован в подполковники – 6 мая 1884 г.

Ранен и контужен не был. Под судом не был. По справке в Судной части дел о подполковнике **Максимове** не имеется.

2. Отделение 13

Стол I. лит.а

июня 1904 в № 720

приписки

Старшинство 1904 г.

март 20 (подпись)

Высочайший приказ 2 августа 1901 г.

Его Величество не соизволил на определение на службу подполковника **Максимова** сверх комплекта.

3 июня 1904 г.

генерал-адъютант (неразб.**Сахаров**?)

СПРАВКА

19 марта сего года к Его Императорскому Величеству обратился подполковник запаса армейской кавалерии **Максимов** со Всепоподданнейшей просьбой, отправленной из Константинополя, о зачислении на службу в действующую армию.

Для рассмотрения прав на это определение в службу, через редакцию «Нового Времени», корреспондентом которого подполковник **Максимов** состоял, потребованы были документы названного штаб-офицера, полученные в конце апреля месяца.

Из документов усматривается:

Подполковник запаса армейской кавалерии **Максимов** 55-ти лет, вероисповедания православного (далее – из первого документа до самого конца).

3. В дополнение к этим данным, запрошен был начальник штаба корпуса жандармов о причинах выхода подполковника **Максимова** в запас. В полученном Главным штабом ответе сообщалось, что, как офицер, подполковник **Максимов** ни в чём предосудительном замечен не был, но не соответствовал условиям жандармской службы, а потому в 1884 г. зачислен в запас по собственному желанию.

По докладе всех этих данных, вр.и.д. начальника Главного штаба, принимая во внимание, что:

1) В 3-х драгунских полках действующей армии состоит: в 52-м драгунском Нежинском полку комплект штаб-офицеров, а в Приморском и 51-м Черниговском драгунских полках имеется в каждом по 1 штаб-офицеру сверхкомплекта.

2) Что подполковник **Максимов** ушёл со службы 20 лет тому назад, а ранее, с 1875 г., значительную часть времени провёл на нестроевых должностях, признал ходатайство подполковника **Максимова** не подлежащим удовлетворению, о чём ему и было объявлено 24 сего июня.

Генерал-майор **Мвишиваевский (?)**

Полковник **Лукьянов**

6. Штамп Главного штаба. Журнал Высочайших повелений
22 марта 1904 № 687/1993

Приписка вверху:

Получено от Его Величества. Собственной Его Величества рукой подчеркнуты три строки текста, считая сверху с седьмой строки

19 марта 1904 г.

Генерал-адъютант **Сахаров**

Ваше Императорское Величество

Всемилоостивейший Государь.

Получив боевое крещение в 1875–1876 годах на полях Боснии, Герцеговины и Сербии и, наконец, боевое образование в 1880–1881 годах в Ахал-Текинской экспедиции, я сражался также в рядах буров в 1900 г. Ныне состою постоянным корреспондентом «Нового Времени» в Царьграде.

Всепоодданнейше прошу Ваше Императорское Величество повелеть зачислить меня на службу в действующую армию, дабы я мог, приобретённой боевой опытностью, послужить Вашему Величеству и дорогой родине в борьбе с врагом, изменнически напавшим на доблестный Вашего Величества флот. Хотя у меня и много ран, но сил в крови, которую готов пролить на пользу и славу царя и отечества, осталось ещё много.

Вашего Императорского Величества вернопоодданный **Евгений Яковлевич Максимов**.

Подполковник запаса армейской кавалерии 8 февраля 1904 г., Царьград

приписка внизу: Военный Министр для доклада Государю Императору ответил отказом (?неразб.), представив (?) подробную справку о службе и причине выхода в отставку подполковника **Максимова**.

26.07 (?) г-л (неразб.)

7. 1903

А.С. Суворину

Издателю газеты «Новое Время»

Вр. и.д. дежурного генерала

6 апреля 1904 г.

Милостивый Государь

Алексей Сергеевич.

Подполковник запаса армейской кавалерии **Максимов** в прошении поданном на Высочайшее имя ходатайствует об определении его в действующие войска, именуя себя постоянным корреспондентом «Нового Времени» в Царьграде.

Для рассмотрения его прав прошу Вас не отказать, если **Максимов** действительно состоит корреспондентом Вашей газеты, предложить ему выслать свои документы в Главный штаб, а также сообщить более точный его адрес.

Прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Ваш покорный слуга.

А.З. Мвинвиевский (?)

8. Главный штаб № 32086/2498, 9 апреля 1901 г.

Редакция газеты «Новое Время»

Издатель **А.С. Суворин**

Санкт-Петербург, Эртелев переулок, 6

В Главный штаб

На письмо от 6 апреля за № 15517

временно и.д. дежурного генерала.

Редакция «Нового Времени» имеет честь уведомить, что подполковник **Максимов** действительно состоит корреспондентом газеты в Царьграде. В двадцатых числах апреля сего года он будет в Петербурге и лично представит требуемые от него документы.

Прошу принять уверения в совершенной (?) (неразб.) и преданности (подпись) (неразб.)

8. Главный штаб № 39080/3042 5 мая 1904 г.

к № 2428

Всепресветлейший Державнейший Великий Государь

Император **Николай Александрович** Самодержец

Всероссийский Государь Всемилоостивейший

(штамп)

Особая канцелярия 2 мая 1904, № 1947

Просит состоящий в запасе армейской кавалерии подполковник **Евгений Яковлевич Максимов** о нижеследующем:

Имея желание поступить в действующую армию и поднося все требуемые на сей предмет законом документы, Всеподданнейше прошу.

Дабы повелено было сиё прошение моё принять и меня определить на службу в Маньчжурскую армию.

Состоящий в запасе армейской кавалерии **Евгений Яковлевич Максимов**.

30 апреля 1904 г.

Санкт-Петербург, Николаевская, 20

10. 99980/3044

СЕКРЕТНО

Начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов

4 июня 1904 г. состоящий в запасе армейской кавалерии подполковник **Евгений Яковлевич Максимов**, в полученном от Государя Императора военным министром прошении, ходатайствует об определении его в действительную военную службу. Подполковник **Максимов** был зачислен в запас из отдельного корпуса жандармов 18 сентября 1884 г. Из имеющегося в Главном штабе дела о зачислении в запас подполковника **Максимова** (глав. шт. 4 отд. 4 ст. д. № 5 1884 г.) не видно, в силу каких причин подполковник **Максимов** принуждён был оставить службу.

Вследствие этого Главный штаб просит доставить подробные сведения о действительных причинах ухода со службы подполковника **Максимова** для доклада военному министру и предоставления затем на благовоззрение Государя Императора.

Вр. и.д. дежурного генерала

генерал-майор **Мвишваевский** (?)

Начальник отделения полковник **Лукьянов**

11. Главный штаб

25 июня 1904 г.

№ 54293/4315

Ее Величества Государыни Императрицы

Марии Фёдоровны

Секретарь

24 июня 1904 г.

№ 3005

Санкт-Петербург

приписка: Гл.штаб.

Просьба предоставить справку о этом господине: где служил, когда вышел в отставку и какое было его прохождение (?) в военной службе.

Сахаров 24.6.

Его Высокопревосходительству **В.В. Сахарову**

Полученную Её Величеством Государыней Императрицей **Марией Фёдоровной** телеграмму по(дпол)ковника в запасе **Евгения Максимова**, ходатайствующего о зачислении его в войска действующей на Дальнем Востоке армии, имею честь препроводить при сём, по повелению Его Императорского Величества, к Вашему Высокопревосходительству на благоусмотрение.

С глубочайшей почтением и совершенной преданностью имею честь быть Вашего Высокопревосходительства покорнейший слуга (неразб.)

подполк. **Максимов**.

П. Срочно письменную справку. 28.06. г.м.(неразб.).

12. В Главный штаб

Заявление подполковника запаса армейской кавалерии **Евгения Яковлевича Максимова**

Предоставляю при сём свидетельство Санкт-Петербургского градоначальника, выданное 20 апреля сего года за № 13894, для приложения к прошению на Высочайшее имя.

Подполковник **Максимов**.

Запасной отпускной билет и свидетельство о благонадёжности обратно получил.

6 мая 1904 г.

Санкт-Петербург

Подполковник запаса **Е. Максимов**.

24 июня 1904 г. Подпись руки подполковника в запасе **Максимова** удостоверяется – генерал-майор Эр (неразборчиво).

Главный штаб 9 июня 1904 г. № 49082

13. М.В.

Особой канцелярии для приёма просителей и разбора просьб Военному министру

июня 7 дня 1904 г. № 1145

СПб: Дворцовая площадь, 10

В Главный штаб

5 июня сего года Военный министр приказать изволил предоставить его Высокопревосходительству справку об определении на службу в войска действующей армии состоящего в запасе армейской кавалерии подполковника **Максимова**, подавшего о сём прошение Его Императорскому Величеству.

Управляющий канцелярией генерал-майор граф **Гейден**

14. Главного штаба входящий секретный журнал, 12 июня 1904 г., № 2905/3714

СЕКРЕТНО

Отдельный корпус жандармов.

Штаб корпуса отделение I

10 июня 1904 г., № 475

Санкт-Петербург

на № 864

В Главный штаб

Рапорт

Доношу, что подполковник **Максимов** за время служения в Отдельном корпусе жандармов, как офицер ни в чём предосудительном замечен не был, но не соответствовал условиям жандармской службы, а потому в 1884 г. зачислен в запас армейской кавалерии по собственному желанию.

Начальник штаба

Генерал-майор (неразб.).

Старший адъютант полковник **Чернавский** (?)

приписки:

Просьба составить справку о подполковнике **Максимове** Военному Министру и в записке надо указать, что (неразб.) сверх комплекта(?), а потому переписку полагалось (?) бы направить в Главное управление казацких войск, для зачисления в число кандидатов к переводу в казацкие полки, о чём уведомить подполковника **Максимова**.

14.06. г.М. (неразборчиво)

другая приписка:

Подполковнику Максиму объявлено через распорядительную часть 18 июня.

15. Канцелярия Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны** 23 июня 1904 г. (на гербовой бумаге с двуглавым орлом).

Императорский телеграф в Гатчинском Дворце
телеграмма № 244144

452 слова

Подала в Петербург 20 июня 1904 г. 12 часов 35 минут по полудни.

Получена в Гатчине 20 июня 1904 г. 17 часов 45 минут по полудни.

Её Величеству императрице **Марии Фёдоровне**

Сердце дрогнуло мое, когда прочёл в Константинополе, где я состоял постоянным корреспондентом «Нового Времени», об изменническом нападении японцев на Порт-Артурский флот: когда вызов был принят, и государем объявлена была война, боевая натура моя не выдержала и я обратился 9 февраля с Всеподданнейшим письмом, прося Государя повелеть назначить меня в действующую армию, будучи уверен, что моя боевая опытность, приобретённая в пяти кампаниях, и неоднократно испытанное мужество принесут пользу на поле ратном. Вследствие сего письма Главный штаб потребовал мои документы. Чтобы их представить я вынужден был вернуться из Македонии в Россию, чтобы возвратив заграничный паспорт, получить от градоначальника свои документы и представить их в Штаб. Я бросил своё место корреспондента, дававшего мне шесть тысяч рублей жалования в год и почти столько же

за корреспонденции, и, приехав 18 апреля в Петербург, 19-го подал градоначальнику прошение о выдаче мне требуемого законом свидетельства о благонадёжности. 30 апреля представил свои документы (в) прошении на Высочайшее имя Военному министру. Несмотря на мои энергичные неустанные хлопоты я добился 18 июня только следующего результата. Штаб сообщил (?), за неимением штаб-офицерских вакансий в драгунских полках действующей армии вся переписка о вас будет направлена в Главное управление казачьих войск для зачисления вас кандидатом к определению в казачьи части, даже идя на смерть нужно пройти кандидатский список. Справившись в Казачьем управлении я узнал, что буду зачислен тринадцатым кандидатом. Если Главный штаб поспешит пересылкой моих бумаг, значит, мне придётся ждать пока перебьют или тяжко ранят тринадцать казачьих штаб-офицеров, (чтобы) попасть в ряды защитников отечества. Это может случиться через полгода, (а) может быть, и через год. Для чего же я принёс жертвы? Чтобы ехать на войну, кроме хорошего места, я оставляю семью и мать-старушку, у которой я последний сын. Брат мой, капитан 2 ранга, уже погиб на службе царю и отечеству. Родные благословили меня на ратное дело и теперь, пережив столько месяцев (муче)ний, я принуждён буду, страдая духовно и материально, ждать смерти своих (двенадцати) (неразб.) быть боевых товарищей, чтобы попасть туда, где я должен был бы быть (давно). Многочисленные мои раны не сломили моего железного здоровья. Двадцатилетняя тяжёлая борьба во время состояния в запасе не сокрушила моей энергии, теперь (?) же четырёхмесячная нравственная пытка уносит мои силы. Ещё месяц этой пытки и я не выдержу физически, морально и материально. А потому поощренный вниманием, оказанным Вашим Величеством на юбилейном празднике 9 мая и на параде в Гатчине, я осмеливаюсь обратиться к вам как шефу полка, в котором имел честь одеть офицерские эполеты, с просьбой. Ходатайствовать перед Государем Императором о зачислении меня хотя бы сверх вакансий в действующую армию. Я уверен, что

*Максимов в мундире подполковника Орловского полка перед отъездом
на русско-японскую войну в 1904 г.*

мой боевой опыт и личный пример принесут пользу дорогому нашему отечеству в годину тяжкого испытания.

Вашего Императорского Величества верноподданный **Евгений Максимов**, подполковник в запасе.

19. Резолюция Его Императорского Величества на моё прошение об определении на службу сверх комплекта в действующую армию мне объявлена 10 июля 1904 г.

Подполковник в запасе **Максимов**.

20. Собственной Его Величества рукой написано: «К докладу»

25 июня 1904 г.

генерал-адъютант **Сахаров**

Императорский телеграф в Гатчинском Дворце (на гербовой бумаге с двуглавым орлом)

Телеграмма № 293444

107 слов

Подана в Петербург 24 июня 1904 г. 2 часа 15 минут пополудни.

Получена в Гатчине 24 июня 1904 г. 3 часа 30 минут пополудни.

Её Величеству императрице **Марии Фёдоровне**

От 18 июня у меня имеется официальная справка Главного штаба о предстоящей пересылке моих документов в Казачье управление для зачисления меня кандидатом на штаб-офицерскую вакансию. А сегодня последовал из Главного штаба полный отказ и возвращены мне документы. За что меня губят? Только волей Государя Самодержца я могу быть зачислен в действующую армию. А потому ещё раз Всеподданнейше прошу Ваше Величество ходатайствовать перед Государем о зачислении меня сверх вакансий в маньчжурскую армию. Для высочайшей воли нет вакансий, а я всё равно теперь погибну и здесь бесполезно, если не удастся попасть на поле битвы.

Вашего Императорского Величества Верноподданный **Евгений Максимов**, подполковник в запасе.

приписка:

Весьма срочно 25.06.

н.р. № 4565 20 июля 1904 г.

к № 4315

Телеграф

В СПб Контора 44

СПб. Николаевская, 20

полковнику запаса **Максимову**

Из ПБГ Ляоляка ПЛВ 022544018627 дн.

принята 19 (?) 1904 г.

По приказанию командующего армией вместе с сим телеграммой начальнику Главного штаба возбуждено ходатайство (об) определении вас вновь (на) действительную службу в один из полков девятой пехотной дивизии.

Явиться Главный штаб доложить своих документах

генерал-лейтенант **Сахаров**

Телеграмма СПб.

начальнику Главного штаба

Высочайший приказ 2 августа 1904 г.

02255 48 18 6 29 Д принята 18.7.1904 г.

Москва № 74/10

Приняла **Захарова**

Служебные отметки:

замедл. передач. высч. депеш 4631.

Командующий армией просит ходатайства за неимением вакансий в драгунских полках об определении подполковника запаса **Максимова** на действительную службу в пехоту в один из полков девятой пехотной дивизии, в которых имеются штаб-офицерские вакансии. Документы подполковника **Максимова** согласно его заявлению находятся в Главном штабе.

Сахаров 2598.

приписки: Военный министр (неразб.).

Принять на службу в один из полков девятой пехотной дивизии (неразборчиво) 27.07.

Определить на вакансию в 36 пехотный Орловский полк (неразборчиво).

№ 4565

начальнику 9-й пехотной дивизии (неразб.)

24 августа 1904 г.

Высочайшим приказом от 2 августа сего года определяется на службу состоящий в запасе армейской кавалерии подполковник **Максимов** в 36-й пехотный Орловский полк.

Главный штаб препровождал (?) дубликат запасного отпускного билета за № 4956 на названного штаб-офицера, уведомляется, что старшинства следует ему считать с 20 марта 1904 г.

За начальника отдела полковник **Лукьянов**

№4315 (неразборчиво)

М.В.

Главный штаб

Управление Дежурного генерала

Отдел Первый

Отделение 13 стол 1 лита

3 августа 1904 г.

№ 33766

Высочайшим приказом от 2 августа определил в службу состоящего в запасе армейской кавалерии подполковника **Максимова** в 36-й уведомляя о сём, Главный штаб предписывает отправить названного офицера к месту службы в недельный срок, удовлетворив его денежным довольствием и прогонными деньгами. О времени отправления донести Главному штабу!

Справки: Назначаемые в части и учреждения, находящиеся постоянно в Приамурском военном округе, удовлетворяются денежным довольствием.

1) Усиленным путевым по прик. по воен. вед. 1887 г. № 201, если удовлетворяют всем условиям правил об отдалённой службе.

2) Пособиями по прик. по воен. вед. 1895 г. № 306 и 1900 г. № 418, если назначены в части и учреждения мобилизованные и предназначенные к выступлению в поход.

II. Назначаемые в части, находящиеся постоянно в Квантунской области, удовлетворяются постоянно в Квантунской

области, удовлетворяются теми же видами довольствия, как в Приамурском округе, причём все лица получают двойные прогоны, назначаемые в части, сформированные на военное время для участия в военных действиях:

1) Ординарными прогонами по нормам для назначаемых.

2). Пособиями по прик. по воен. вед. 1895 г. № 306 и 1900 г. № 418.

3) Назначаемые на этапы – то же самое (пункт III)

Вр. и.д. Дежурного генерала генерал майор (неразб.)

Скрепил

Начальник отделения полковник **Лукьянов**.

Вышепоименованный штаб-офицер должен явиться (к) начальнику военно-окружного управления Манчжурской армии в городе Харбине. При сим присовокупляю, что подполковник **Максимов** женат и проживает в городе Санкт-Петербурге по Николаевской улице, д. № 20.

МВД

Санкт-Петербургский градоначальник по канцелярии

Дополнительное делопроизводство

25 апреля 1904 г.

№ 13804

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Дано сие на основании примеч. к ст.365 Общ. учр. Изб. Т.П., св. зак. изд. 1892, подполковнику запаса **Евгению Яковлевичу Максиму**ву, для представления к ходатайству об определении его вновь на действительную военную службу, в том, что он, во время проживания в Санкт-Петербурге, под судом и следствием не состоял и ни в чём предосудительном замечен не был.

Гербовый сбор уплачен.

За градоначальника, помощник его в должности Шталмейстера (неразб.), управляющий канцелярией, исполняющий обязанности помощника его (неразб.)

Делопроизводитель (неразб.) (печать канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника)

*Подполковник **Максимов** в Манчжурии с ручным львом на поводке*

Господину приставу I уч. Московской ч. для вручения просителю, прожив. по Николаевской ул., д.20, кв.21.

26. Его Превосходительству Временно исполняющему должность Дежурного генерала Главного штаба

Докладная записка состоящего в запасе армейской кавалерии подполковника **Максимова** 19 июня 1904 г., Санкт-Петербург.

Вследствие полученной мною телеграммы от начальника Штаба Манчжурской армии о возбуждении ходатайства через Главный штаб об определении меня на действительную службу в один из полков девятой пехотной дивизии, предоставляю Вашему Превосходительству мой запасной отпускной билет за № 4966 и свидетельства Санкт-Петербургского градоначальника от 30 апреля 1904 г. за № 13804.

Подполковник **Максимов** (приписка 19.07)⁴⁹.

Приведём и краткое описание жизни **Евгения Яковлевича Максимова**.

Максимов Е.Я.

1 октября (1904 г.), вблизи Шахэ, убит сотрудник «Нового Времени», подполковник **Евгений Яковлевич Максимов**, только два месяца тому назад отправившийся на Дальний Восток⁵⁰. Покойный был воином по призванию: сражался с турками в рядах сербов, с туркменами в составе ахалтекинского отряда, с англичанами в Трансваале, и, наконец, с японцами. В мирное время занимался исследованием малоизвестных стран – Абиссинии, Персии, Афганистана. **Е.Я.** родился в Царском Селе 4 марта 1849 г. Среднее образование получил в 5-й Санкт-Петербургской гимназии, а затем слушал лекции в Технологическом институте и на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. В 1869 г. он поступил вольноопределяющимся лейб-гвардии в конно-гренадёрский полк и через год, выдержав экзамен на офицерский чин, произведён в корнеты лейб-гвардии в кирасир-

ский полк. В 1875 г. покойный отправился добровольцем в Сербию и принял там деятельное участие в борьбе босняков и герцеговинцев с турками; через год сформировал вместе с покойным доктором **Дворяшиным** Новгородский санитарный отряд, а в 1876 г. участвовал во всех сражениях в составе Моравской армии генерала **Черняева**, командуя **Шабаким** батальоном и отдельными отрядами, между прочим – черногорским в бою под Бабовшидом. Во время войны 1877–1878 гг. находился в распоряжении начальника этапных сообщений тыла действующей армии и состоял комендантом Веретичи, Бухареста, Рени и Браилова. В 1880 г. отправился с отрядом Красного Креста в Ахалтекинскую экспедицию и заведовал при генерале **Скобелеве** передовым летучим отрядом. В 1896 г. отправился в Абиссинию корреспондентом «Нового Времени», снарядил караван и добрался до Аддис-Абебы, думал заняться исследованием истоков Голубого Нила, но вскоре возвратился оттуда, желая поступить добровольцем в греческую армию; перемирие, заключённое греками с турками, помешало осуществлению этой мысли. В следующем году **Е.Я.** совершил путешествие в Среднюю Азию, собрал интересные материалы о Персии и Афганистане и поместил несколько статей о своих исследованиях в газетах. Во время борьбы буров с Англией отправился в Трансвааль, поступил в состав Европейского легиона и после гибели его начальника **Вильбоа** командовал этим легионом, причинившим много затруднений англичанам. В сражении при Табанчу он получил три серьёзных раны и, несмотря на то, участвовал ещё в бою под Кронштадтом. Буры провозгласили его фехт-генралом – честь, доставшаяся только ему одному из всех европейцев, бывших добровольцами в Трансваале. Война России с Японией вызвала у покойного желание поступить в действующую армию, и он определился в Орловский полк, в составе которого и нашёл славную смерть в первом же бою⁵¹.

Приведём и некролог **Максимова**.

Сотрудники газеты «Новое Время» извещают о кончине дорогого товарища полковника Орловского полка **Евгения Яковлевича Максимова**, убитого в бою под Мукденом 1 октября. Панихида в помещении редакции газеты «Новое Время» в пятницу, 15 октября, в 4 часа дня⁵².

Итак, **Максимов**, несмотря на пожилой по тем временам возраст (55 лет), в звании подполковника ушёл добровольцем на русско-японскую войну и, командуя батальоном Орловского полка, погиб 1 октября 1904 г. в сражении под Мукденом. Его родной брат – офицер российского флота – капитан второго ранга, также погиб на той войне. Из двух сыновей **Евгения Яковлевича Максимова** от второго брака, один, **Георгий** – погиб в Великую Отечественную войну, а другой – **Александр**, профессор Горного института, дожил до преклонных лет и скончался в начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге.

Можно подвести краткий итог. Авторы полагают, что **Ганецкого** и **Максимова**, равно как и графа **Вильбоа-Марейя**, **Николаева** и **Рикарди**, да и других командиров иностранных добровольческих отрядов, не следует противопоставлять друг другу, как это невольно делала в своих воспоминаниях сестра милосердия **Софья Изъединова**, – почти все они храбро сражались в боях против британских войск, командуя отрядами зарубежных волонтеров и вполне заслуженно оставили свой след в истории участия иностранных добровольцев в англо-бурской войне 1899–1902 гг.

Стоит напомнить, что Россия к началу XX в. уже более двух десятилетий не вела широкомасштабных боевых действий. Поэтому совершенно очевидно, что некоторые российские военнослужащие отправились на время за рубеж не только из-за пламенной любви к бурам и ненависти к Великобритании, но и просто для того, чтобы принять участие в современной войне и набраться боевого опыта. Многие из них позднее принимали самое активное участие в русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн.

О продаже Россией лошадей для военных действий Великобритании в Южной Африке

Российское общественное мнение и пресса были почти полностью на стороне буров. Тем не менее это не мешало государству и частным лицам без особого шума косвенно зарабатывать немалые средства на англо-бурской войне, что поначалу вызывало недоумение:

Управляющий Морским министерством. Секретно.
По Главному морскому штабу, 24 января 1900 г. № 187.
Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьеву**.
Милостивый Государь
граф **Михаил Николаевич**.

Командир Ревельского⁵³ порта, отношением от 30 сего января за № 313, сообщил мне, что по полученным им сведениям, на английском пароходе «**Бородино**» отправлены из Ревеля в Гуль 4 лошади.

Лошади эти, по частным сведениям, собранным от ремонтёров, сопровождающих их, предназначаются для отправки в Южную Африку, где английские лошади, по местным условиям, не удовлетворяют своему назначению. С этой целью лошади закупаются в Ревеле и в Либаве.

Признавая вопрос о закупке лошадей Англией в России для военных действий в Южной Африке весьма серьёзным, имею честь о вышеизложенном довести до сведения Вашего Сиятельства.

Прошу вас, Милостивый Государь, принять уверение в совершенном почтении и преданности.

Подпись⁵⁴...

Военный министр **Куропаткин** сначала тоже был удивлён таким оборотом дела:

Буры позируют возле железной дороги у Претории

Военный министр, по Главному штабу,
27 января 1900 г. № 17, секретно.

Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьёву**.

Милостивый Государь
граф **Михаил Николаевич**.

Управляющий Морским министерством уведомил меня, что по полученным им сведениям, в Ревеле и Либаве английскими ремонтёрами скупаются лошади для отправления их в Южную Африку. Так, на английском пароходе «**Бородино**» на днях были отправлены из Ревеля в Гуль 4 лошади.

Вице-адмирал **Тыртов** добавил при этом, что он признаёт вопрос о праве закупки Англией у нас лошадей для воен-

ных действий в Южной Африке весьма серьёзным и потому сообщил о нём также и для сведения Вашего Сиятельства.

С своей стороны, присоединяясь вполне к мнению вице-адмирала **Тырнова**, имею честь просить Ваше Сиятельство не отказать уведомить меня о Вашем заключении относительно значения данного вопроса с точки зрения международного права и наших интересов как нейтральной державы.

Примите уверения в совершенном моём почтении и преданности.

А. Куропаткин⁵⁵.

Министры сначала в один голос выступали за прекращение подобной торговли:

Управляющий Министерством внутренних дел,
января 29 дня 1900 г. № 501.

Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьёву**.

Милостивый Государь
граф **Михаил Николаевич**.

Вследствие письма от 26 сего января за № 13, имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что я, со своей стороны, вполне присоединяюсь к высказанному Вами мнению о желательности воспретить вывоз из России лошадей для надобностей Великобританской армии.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и преданности.

Подпись⁵⁶.

Но буквально через несколько дней они одумались и решили действовать более взвешенно:

Его Сиятельству графу **М.Н. Ламздорфу**.

Совершенно доверительно.

Управляющий Министерством внутренних дел,

февраля 4 дня 1900 г. № 642.

Милостивый Государь граф **Михаил Николаевич**.

Письмом от 3 сего февраля за № 18 Ваше Сиятельство изволите просить распоряжения моего к воспрещению вывоза из России лошадей для надобностей Великобританской армии.

Вследствие сего долгом считаю уведомить вас, Милостивый Государь, что со своей стороны я затрудняюсь сделать подобное распоряжение, так как таковое вызывается исключительно соображениями внешней политики, известными ближайшим образом Вашему Сиятельству, и вместе с тем существенно затрагивают интересы торговли, находящейся в ведении Министерства финансов. Независимо сего, предполагаемая мера, по мнению моему, выходит вообще из пределов власти, представленной отдельному министру, и как таковая могла бы, ввиду временного её характера, получить осуществление не иначе как по положению комитета министров, по предварительному, в установленном порядке, сношению с заинтересованными ведомствами, или же, вследствие спешности дела, по особому, спрошенному Вашим Сиятельством, Высочайшему повелению.

Сообщая об изложенном, долгом считаю присовокупить, что ввиду предложения воспретить вывоз лошадей не в смысле общей меры, а только в случае приобретения их для надобностей Великобританской армии, я полагал бы желательным, с точки зрения соблюдения нейтралитета, распространить это воспрещёние вообще на обе воюющие стороны.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубоком моём уважении и совершенной преданности.

Подпись⁵⁷.

Министр иностранных дел даже поспешил переложить ответственность за предполагаемые шаги по запрещению продажи лошадей Великобритании на других:

Черновик. Весьма секретно.

Сипягину, февраль 7, 1900 г. № 21.

Милостивый Государь

Дмитрий Сергеевич.

В ответ на письмо Вашего Превосходительства от 21 сего февраля за № 642 поспешаю уведомить Вас, что по вопросу о вывозе лошадей из России для надобностей Великобританской армии мною испрошены были указания Государя Императора предварительно сношения с вашим Превосходительством по настоящему делу.

Его Величеству благоугодно было Высочайше повелевать мне обратиться на закупку англичанами лошадей в России для военных целей. Особое внимание Ваше в видах воспрещения этого вывоза из пределов империи. Вследствие сего я поспешил просить Вас, по сношении с Министерством финансов, принять к тому соответствующие меры.

За сим, по мнению моему, от Вашего Превосходительства и статс-секретаря **Витте** вполне зависит изыскать способы к приведению в исполнение вышеупомянутой Высочайшей воли в возможной скорости.

Что же касается распространения этого воспрещения на обе воюющие стороны, то если бы правительства Южно-Африканской Республики намерены были приобретать лошадей в России, то, конечно, означенное распоряжение должно бы касаться и этих республик.

Примите⁵⁸.

В свою очередь, министр внутренних дел Сипягин направил в МИД ответ с соображениями министра финансов **Витте** о нецелесообразности подобного шага:

Совершенно доверительно, министр внутренних дел,
февраля 27 дня, 1900 г. № 1073.

Его Сиятельству графу **М.Н. Муравьеву**.

Милостивый Государь
граф **Михаил Николаевич**.

По получении письма Вашего Сиятельства от 7 февраля сего года за № 21 я не преминул войти в сношение с министром финансов относительно изыскания способов к приведению в исполнение сообщённых вами, Милостивый Государь, Высочайших предначертаний по вопросу о запрещении вывоза из России лошадей для надобностей Великобританской армии.

17 февраля статс-секретарь **Витте** уведомил, что он признал бы осуществление означенной меры не вполне целесообразной, так как запрещение вывоза лошадей в Великобританию не достигло бы цели, ибо лошади для этого государства могли бы привозиться через другие пограничные с нами страны, причём не представлялось бы возможным точно определить их назначение, между тем мера эта могла бы вызвать со стороны Великобритании нежелательные для нас репрессии. Общее же запрещение вывоза лошадей по всем границам отразилось бы весьма неблагоприятно на нашем коневодстве, получающем значительные выгоды от продажи лошадей за границу. К сему министр финансов добавил, что вопрос об ограничении вывоза лошадей из России рассматривался в 1894 г. Государственным советом, причём соединённые департаменты государственной экономики и законов, признавая, что мера эта, ввиду затруднений, переживаемых нашим сельским хозяйством, представлялась бы неудобной, отклонили её осуществление.

Не признавая возможным, ввиду изложенного заключения, статс-секретарь **Витте** настаивает на первоначально высказанном мною мнении о желательности запретить вывоз из России лошадей для надобностей Великобританской армии, я Всеподданнейше представил о сём на Высочайшее благоволение, и в 27 день февраля сего года Государю Императору благоугодно было Высочайше повелеть: не давать этому предположению дальнейшего движения.

О таковом Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Сиятельство вследствие письма от 7 февраля сего года за № 21.

Примите, Ваше Сиятельство, уверение в глубоком моём уважении и совершенной преданности.

А. Сипягин⁵⁹.

Сообщения о закупке в пределах России большого количества лошадей для нужд английской армии в Южной Африке дошли и до посла Трансвааля в Европе доктора **Лейдса**:

Черновик. Доверительно.

Гирсу. Брюссель, 30 января 1900 г. № 1068.

Милостивый Государь

Николай Николаевич.

Доктор **Лейдс** уведомил министерство по телеграфу на основании полученной им (...) от 8 сего февраля газеты (...) известия, что Великобританское правительство производит через своих агентов закупки в Царстве Польском лошадей для надобностей английских войск в Южной Африке.

Усматривая в этом нарушение нейтралитета, господин **Лейдс** выразил надежду, что императорское правительство примет соответствующие меры в том случае, если сказанное повторно подтвердится.

Прошу Ваше Превосходительство заявить словесно господину **Лейдсу**, что министерство вошло с коим следует в сношение для проверки означенного сообщения.

Примите⁶⁰.

К началу 1901 г. у некоторых дипломатов появились опасения, не столько о нарушении таким образом нашей страной нейтралитета, сколько о возможных военных и экономических последствиях вывоза ло-

шадей, о чём и было доложено в МВД и в Военное министерство:

Черновик.

Куропаткину, Сипягину, 21 февраля 1901 г.,
№ 35, № 36.

Милостивый Государь
Алексей Николаевич.
Дмитрий Сергеевич.

Генеральный консул в Лондоне доносил, что к нему обращался за справками чиновник английского военного министерства, который командирован Великобританским правительством в Новороссийск с целью закупки лошадей для надобности английских войск в Южной Африке.

По заявлению означенного лица Великобританское правительство намерено приобрести в Кубанской области от 15 до 20 тысяч голов по приблизительной цене до 150 рублей за каждую лошадь.

Не касаясь вопроса о том, в какой мере подобная покупка за счёт английского военного ведомства для надобностей действующей армии совместима с соблюдением нейтралитета, считаю долгом довести о сём до сведения Вашего Превосходительства, на случай, если бы вы изволили признать, что подобный вывоз лошадей может неблагоприятно отразиться на интересах местного населения и на снабжении наших войск кавалерийским ремонтом.

Примите⁶¹.

Сам граф **Ламздорф** поспешил успокоить своих подчинённых, послав на этот счёт подробное разъяснение:

Доверительно

Министерство иностранных дел, Второй департамент,
27 февраля 1901 г. № 2142.

Его Сиятельству князю **А.П. Урусову**

Милостивый Государь
князь **Лев Павлович**.

Как Вашему Сиятельству известно, со времени возникновения англо-бурской войны неоднократно возбуждался вопрос о том, являются ли нарушением нейтралитета поставки частными промышленными и торговыми предприятиями и отдельными лицами военных припасов и принадлежностей для надобностей английских войск в Южной Африке.

По имеющимся в министерстве сведениям, ни одно из правительств не издало по этому поводу какого-либо постановления или запрещения. Из парламентских прений, однако, можно заключить, что данные правительства Австро-Венгрии, Бельгии, Испании, Италии, и в последнее время Германии, считают снабжение воюющих сторон необходимыми для ведения войны предметами, не составляющими нарушения нейтралитета, если это делается частными лицами.

Имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство сообщить мне, какого взгляда придерживается Французское правительство по сему предмету и считало ли бы оно нарушением нейтралитета снабжение частными лицами английских войск необходимыми принадлежностями для военных действий, например, лошадьми.

Примите, Милостивый Государь, уверение в совершенном моём почтении и преданности.

(Министр иностранных дел **Ламздорф**)⁶² .

Приведём и некоторые общие сведения о закупках лошадей Великобританией для военных целей:

О размерах поставок, осуществлённых за время войны для действующей английской армии, можно отчасти судить по следующим данным: с октября 1899 г. по июнь 1902 г. Транспортный департамент адмиралтейства, руководимый контр-адмиралом **Д. Чичестером**, доставил в Южную Афри-

ку 93 500 палаток, 1 246 600 одеял, 1 997 000 пар бутсов, 339 323 лошади, 103 000 мулов, 76 100 сёдел, 3 772 000 подков, более 1 000 000 т продовольствия, фуража и так далее⁶³.

В октябре 1899 г. в распоряжении английских войск в Южной Африке было только 15 000 лошадей. Уход за ними был организован плохо. В действующей армии не хватало ветеринарных врачей; каждый из служивших там ветеринаров должен был обслуживать 1200 верховых животных. Падёж лошадей и мулов от голода и эпизоотии был весьма значительным⁶⁴.

24 февраля 1900 г. главнокомандующий лорд **Ф. Робертс** телеграфировал из Паардеберга правительству в Лондон: «Пожалуйста, организуйте быстро доставку лошадей в большом количестве для артиллерии, кавалерии и конных стрелков. Без них я ничего не смогу сделать в этой стране». 9 марта 1900 г. он повторил свою просьбу в телеграмме, отправленной из Поплар-Гроув⁶⁵.

В годы войны английские власти купили для действующей армии много лошадей и других верховых животных. В Южной Африке было приобретено более 120 000 лошадей. Но ещё больше их было куплено в Канаде, США, Австралии, Индии, Австро-Венгрии, Аргентине и других странах. С 1 января 1898 г. до начала марта 1902 г. в Южную Африку по контрактам, заключённым британским военным министерством и адмиралтейством, а также правительствами доминионов⁶⁶ и властями колоний, было доставлено более 293 000 лошадей и около 97 000 мулов⁶⁷. С начала войны до конца 1901 г. на покупку лошадей для британских войск, находившихся в Южной Африке, служба ремонта израсходовала 15 000 000 фунтов стерлингов⁶⁸. Вследствие упущений, имевших место по вине этой службы, руководимой генерал-майором **Трумэнном**, значительная часть указанной выше огромной суммы была фактически расхищена. Многие правительственные агенты, поставлявшие лошадей, продовольствие и другое снабжение для действующей армии, занимались взяточничеством, воровством и спекуляцией: они

за взятку покупали животных без учёта их качеств по крайне высоким ценам. Такие преступные сделки были совершены не только в Англии и Ирландии, но также в США, Аргентине, Австралии, Австро-Венгрии, Испании и других странах. Так, например, английский полковник **Сен-Квинтин** купил в Австро-Венгрии 3800 лошадей низкого качества по баснословной цене 29 фунтов стерлингов за лошадь⁶⁹. За доставку этих лошадей из Фиуме в Южную Африку была взята непомерно высокая плата в размере 26 фунтов стерлингов 3 шиллингов 4 пенса за каждую лошадь⁷⁰. Майор британской армии **Петерс** был повинен в злоупотреблениях, допущенных им при закупке лошадей в Аргентине. Несмотря на то, что доставка верховых животных в Южную Африку стоила дорого, она зачастую была скверно организована: животных плохо кормили, отсутствовал необходимый ветеринарный надзор. Многие из доставленных в Южную Африку животных были непригодны для использования, значительная часть их пала.

Огромные барыши наживали также поставщики мяса. Особенно наживалась на снабжении мясом британских войск южно-африканская и австралийская холодильная компания. Она покупала мясо по цене 3 пенса за 1 фунт, расходовала около 2 пенсов на доставку его войскам и продавала по 11 пенсов за 1 фунт, получая прибыль в размере 6 пенсов с каждого фунта мяса⁷¹. Покупая в Сиднее говядину по 2,75 пенса за фунт и баранину по 1,75 пенса за фунт, подрядчик мистер **Биргль** поставлял их в действующую армию по цене 5,5 пенса, 7 пенсов и 11 пенсов за фунт⁷². Большие хищения были допущены при поставках для действующей армии вина и спирта, на покупку которых правительство израсходовало около 1 000 000 фунтов стерлингов.

Скверная работа службы ремонта и интендантской службы военного министерства, вопиющие хищения и спекуляция, процветавшие при поставках в действующую армию верховых животных, продовольствия и предметов первой необходимости, явились неиссякаемым источником нападков в парламенте со стороны оппозиции и многих кон-

серваторов на правительство **Р. Солсбери**, в особенности на господина **Ландсдоуна**, занимавшего до октября 1900 г. пост военного министра, и на сменившего его **Д. Бродрика**⁷³. Из множества речей, произнесённых в парламенте по этому вопросу, остановимся на двух наиболее ярких.

Выступая в палате лордов 20 февраля 1902 г. лорд **Карингтон** потребовал расследования вопроса о заключении правительством **Р. Солсбери** контрактов на поставку для британских войск в Южной Африке мяса, одежды, вина, медикаментов, лошадей, фуража и т.п. С резкой критикой деятельности службы ремонта и интендантской службы выступил также лорд **Твидмаут**. Он потребовал создания обеими палатами парламента объединённой комиссии для расследования всех заключённых с начала войны военным Министерством сделок и контрактов о поставках для находившихся в Южной Африке британских войск...

подавляющее большинство членов палаты лордов поддержало правительство в его стремлении замять вопрос о вопиющих недостатках в работе службы ремонта и интендантской службы (...) и 88 голосами против 25 отвергли предложение лорда **Твидмаута** об образовании парламентской комиссии для расследования всех контрактов и закупок военного министерства для снабжения британских войск в Южной Африке...⁷⁴

Сообщения с довольно злыми комментариями об английских закупках лошадей в России появлялись в то время и в отечественных газетах:

Статья из газеты «Новое Время» (за декабрь 1901 г.⁷⁵)
Английские деньги и русские лошади
(корреспонденция «Нового Времени»)

Недавно в «Новом Времени» были помещены две или три заметки о появлении в России английских агентов по покупке лошадей для армии в Трансваале. В Балте мне пришлось

говорить с одним евреем, и он мне случайно проболтался, что ожидает на днях хороших покупателей.

– Откуда? – спросил я, – Буры будут покупать лошадей для войны. Хорошие деньги платят. Дай Бог, чтобы подольше война продолжалась, в Россию много денег тогда из-за границы придёт...

Вот что мне удалось узнать от еврея о подвигах мнимых буров. Гг. буры, а правильнее, евреи, уже несколько месяцев ездят по России и скупают рабочих лошадей, платя за них от 60–70 до 100–150 рублей, редко дороже. Предпочитаются старше 3-х лет (моложе 3-х не берут), короткие (туловища), крепкие на ноги, выносливые, то есть тип хорошей рабочей лошади. Покупают лошадей всех мастей, кроме белых (вероятно, потому что белые представляют хорошую цель). Закупаемые лошади предназначаются для перевозки тяжестей по городам, которыми так изобилует Трансвааль.

Последнее время два главных английских агента-еврея, имеющие операционную базу в Вене, появились на нашем Юге и в короткое время закупили до 5000 лошадей в губерниях: Полтавской, Харьковской, Киевской и Подольской. В Балтском уезде, например, они приобрели пока только 200 лошадей, но надеются купить гораздо больше. Всех купленных лошадей евреи отправляют на станцию Вологиск, а затем в Вену, где скопятся для дальнейшего путешествия весь этот убойный живой товар. Евреи очень довольны этим гешефтом, говоря: «Слава Богу, в Россию попадут иностранные капиталы. Хорошо, что буры покупают лошадей».

Но должны ли мы, русские, радоваться тому, что в Россию попадут несколько сот тысяч или даже миллионов английских денег, забрызганных кровью несчастных героев-буров. Должны ли мы радоваться тому, что за своё позорное факторство львиную долю из оставленных в России денег?

Замечательно, что все сомнительные в нравственном смысле аферы составляют издавна монополию сынов Израиля. В каждой стране всякая грязная сделка, всякое фактор-

ство и сводничество – специальность евреев. В данном случае, евреи являются уже международными⁷⁶.

Почему бы не взяться за покупку лошадей для разбойников-англичан немцу, французу? Да потому, что у русского, и у немца, и у француза существуют известные национальные и общечеловеческие идеалы, существует понятие о правде, справедливости, чести⁷⁷.

Довольно точные сведения о покупке лошадей проникали в российские газеты:

Английский консул в Варшаве официально заявил, что Англия никаких лошадей не покупает, так как английская армия в них не нуждается. Господин **Баум** в «Одесском Листке» однако сильно сомневается в справедливости этого заявления.

– Я, – говорил он, – знаю, например, со слов главных агентов венских фирм, что кроме первоначально законтрактованных 32 000 лошадей, с ними вновь заключён контракт на доставку ещё 20 000 лошадей; знаю, что фирма **Шлезингер и компания** в Вене зарабатывает на 16 000 лошадях около 1 200 000 гульденов (около 1 000 000 рублей). Знаю также, что фирма эта для устранения конкуренции вошла в соглашение с фирмой **Гаузер** в Вене, которая взяла доставку других 16 000 лошадей и теперь работают вместе не конкурируя⁷⁸.

Сохранилось и следующее разъяснение по поводу продажи лошадей Великобритании, направленное заместителем начальника Военно-учёного комитета Главного штаба генералом **Сахаровым** министру иностранных дел России **Ламздорфу**:

Секретно. За военного министра.
По Главному штабу, 25 октября 1901 г.

Милостивый Государь
граф **Владимир Николаевич**.

В ответ на письмо от 20 сего октября относительно предполагаемой английским правительством массовой закупки лошадей в наших юго-восточных степных местностях имею честь уведомить Ваше Сиятельство, что с точки зрения военного министерства подобная массовая закупка лошадей для вывоза за границу крайне неудобна, так как она значительно ослабляет источники для ремонта нашей собственной армии, особенно в случае приведения её на военное положение, о чём Ваша Милость не раз уже имела случай заявить.

В данном же случае, имея в виду цель закупки для военных нужд Англии в Южной Африке, **В.М.** полагает, что подобный акт мог бы быть до некоторой степени рассматриваем как недостаточно строгое соблюдение нейтралитета по отношению к южно-африканским республикам, ибо лошадь, употребляемая для военных целей, является оружием войны, а потому беспрепятственный вывоз массы лошадей для одной из воюющих сторон облегчает ей ведение военных действий.

Военное министерство, однако, как показывает опыт, оказывается бессильным относительно затруднения вывоза лошадей, так как все его попытки в этом смысле встречали сопротивление со стороны других ведомств, а закона, на который можно было бы опереться, не существует⁷⁹.

Хотя решение царём по этому вопросу было давно принято и закупка лошадей вовсю продолжалась, однако потребовалось провести целое совещание ведущих министров, чтобы окончательно решить вопрос – ограничивать ли экспорт четвероногих за рубеж или нет, ибо вывоз лошадей из России поначалу встревожил военное ведомство, поскольку в случае какой-либо надобности страна могла остаться без необходимого резерва лошадей. В конечном счёте победила выгода:

Копия. Совещание по вопросу о воспрещении или ограничении вывоза лошадей за границу (выдержки).
Заседание 11 декабря 1901 г.

Председательствовал: министр земледелия и государственных имуществ **д.т.с. Ермолов**⁸⁰.

Присутствовали:

Главноуправляющий Государственным коннозаводством его Императорское Высочество Великий князь **Дмитрий Константинович**⁸¹, министр финансов, статс-секретарь д.т.с. **Витте**, министр иностранных дел, д.т.с., граф **Ламздорф**, военный министр, генерал от инфантерии **Куропаткин** и министр внутренних дел, егермейстер **Сипягин**.

По докладе военным министром Государю Императору о вреде, приносимом военному ведомству массовым вывозом за границу лошадей, годных для военных надобностей, Его Императорское Величество Высочайше соизволили разрешить генералу от инфантерии **Куропаткину** войти в сношение с Министерством внутренних дел по разработке вопроса о прекращении или, по крайней мере, ограничения вывоза лошадей за границу.

Уведомляя о сём министра внутренних дел в письме от 26 ноября сего года, военный министр вместе с тем сообщил, что означенный вопрос требует принципиального решения в законодательном порядке. Так как для сравнительно ничтожной южноафриканской войны англичанам понадобилось вывезти только из России около 20 000 лошадей, то до какого размера может дойти последняя цифра в случае большой европейской войны? Преступая так же, как теперь, то есть допуская при соблюдении нейтралитета, беспрепятственный вывоз за границу наших лошадей, мы рискуем к концу этой войны остаться вовсе без лошадей и оказаться бессильными в решении политических вопросов, не имея под руками вполне организованной армии, готовой подтвердить слово делом.

При этом разрешение указанного вопроса представляется, по мнению генерала от инфантерии **Куропаткина**, безот-

лагательным, так как даже нынешняя закупка лошадей английским правительством способна разрушить наши мобилизационные соображения. Возможно, что покупаемые лошади частью не удовлетворяют тем требованиям, которые мы предъявляем к лошадям, приобретаемым для военных надобностей, но они всё-таки представляют тот материал, к которому придётся прибегнуть в случае мобилизации, и притом материал вполне годный, раз англичане обратились к нему в тяжёлых условиях южноафриканской войны. Трудно предположить, чтобы англичанами приобретались никуда не годные лошади, так как условия климата и природы Южной Африки требуют именно сильных и выносливых животных.

На происходящие в последнее время закупки лошадей в России, за счёт Англии, правительством нашим было обращено внимание ещё в начале 1900 г. по поводу вывоза нескольких голов из Ревеля в Гульь. Начавшаяся по сему делу между министерствами иностранных дел и внутренних дел и министром финансов переписка завершилась Всеподданнейшим докладом егермейстера **Сипягина**, вызвавшим 24 февраля того же года Высочайшее Его Императорского Величества повеление об остановлении без дальнейшего движения предположения относительно воспреещения вывоза лошадей для надобностей Великобританской армии.

Обращаясь ныне, в исполнение Высочайшей воли, обсуждению высказанных военным министром в приведённом выше письме предложений, совещание признало, что подлежащий рассмотрению его вопрос должен быть освещён с точек зрения: мобилизационной готовности нашей армии, значения его для народного хозяйства и, в частности, отечественного коннозаводства, а также международного права и политических отношений России к иностранным державам.

Россия является страной более богатой лошадьми, чем её главный конкурент в деле экспорта их – Америка, в которой насчитывается лишь 22 миллиона голов. Кроме того, русская лошадь на заграничных рынках стоит вдвое дешевле американской. Поэтому отечество наше было и, несомненно, бу-

дет впредь ещё в большей мере местом закупок лошадей иностранными державами для военных целей.

В настоящее время производятся в обширном районе империи, по имеющимся данным, закупки лошадей для надобностей великобританских войск в Южной Африке. В начале текущего года Англия предполагала в Кубанской области, где и ныне не хватает лошадей для казаков, скупить от 15 000 до 20 000 голов и, хотя впоследствии от намерения этого она отказалась, но легко может к нему вернуться, ввиду непрекращающейся потребности в лошадях для войны с бурами. По поступающим от консульства нашего в Фиуме и от русского военного агента в Австро-Венгрии сведениям, через названный порт имеется в виду вывезти в Южную Африку до 40 000 лошадей.

На основании изложенных соображений, в связи с тем, что вывозимые из России лошади в значительной части соответствуют обозным 2 разряда, частью же принадлежат к высшим сортам, совещание пришло к заключению, что нельзя относиться безразлично к значительному вывозу за границу пригодных для военных целей лошадей.

С другой стороны, заслуживает, по мнению совещания, самого серьёзного внимания и экономическая точка зрения в рассматриваемом вопросе. Из России вывозятся преимущественно лошади дешёвого сорта, причём наибольшими покупателями их являются Германия (33 000 голов) и затем, Великобритания (9000 голов)...

Имеющимися в Министерстве внутренних дел данными подтверждается, что агентами Великобритании и ныне скупаются малопригодные для кавалерии, артиллерии и даже обоза малорослые крестьянские и извозщицкие лошади, за которых сначала платили обычную цену, не превосходившую 70 рублей, а впоследствии, ввиду увеличения спроса, давали до 170 рублей.

Вместе с тем в годы недорода хлебов и трав, как, например, в нынешнем, цены на лошадей падают обыкновенно в целых обширных районах до крайней степени и коневладель-

цы, за отсутствием корма, иногда вынуждены бывают резать лошадей, чтобы воспользоваться хотя бы кожей. При таких обстоятельствах, производимая ныне закупка русских лошадей агентами Великобританского правительства, платящими двойные цены, по сравнению даже с нормальными, является благодетельным подспорьем для народного хозяйства в постигнутых нуждой местностях.

Изложенные соображения приводят совещание к убеждению, что в интересах сельского хозяйства и коневодства не следует стеснять вывоз лошадей из России, пока это не представится безусловно необходимым в целях государственной обороны, всегда сохраняющей первостепенное перед выгодами частных лиц значение.

Переходя далее к рассмотрению производимых ныне для нужд великобританской армии закупок лошадей в империи, с точки зрения международного права и отношений России с другими государствами, совещание нашло, что ни императорским правительством, ни какой-либо другой державой, не было издано по случаю англо-бурской войны объявления о нейтралитете. Также и со стороны воюющих сторон не последовало никакого объявления о военной контрабанде, к которой могли быть причислены лошади. Затем, из бывших, по поводу вывоза в Южную Африку лошадей, парламентских прений можно заключить, что Австро-Венгрия, Бельгия, Испания, Италия и Германия считают снабжение воюющих сторон необходимым для ведения войны предметами не составляющим нарушения нейтралитета, если это делается частными лицами. Взгляда этого, по сообщению императорского посла в Париже, придерживается и французское правительство.

Таким образом, с точки зрения международного права, Россия не может считаться обязанной воспретить закупки лошадей для нужд великобританской армии.

Ввиду этого, принятие одним только нашим правительством запретительных мер в отношении снабжения Англии лошадьми, несомненно сочтено было бы Великобританией за

акт недружелюбный. Бурам вряд ли Россия принесла бы этим значительную пользу, так как Англия тотчас обратилась бы к закупкам лошадей в Америке, хотя мера эта сопряжена была бы с необходимостью переплачивать вдвое, по сравнению с русскими ценами, за приобретаемых животных и подвергать их всем тяготам морской перевозки.

В заключение, войдя в обсуждение необходимости принятия в интересах военного ведомства безотлагательных мер к прекращению происходящих в России закупок лошадей для нужд английской армии, совещание не нашло имеющиеся по сему предмету данные достаточными для разрешения этого вопроса в положительном смысле. Скупка лошадей англичанами, по сведениям департамента таможенных сборов, не отразилась по 1 ноября сего года сколько-нибудь существенно на общей цифре экспорта наших лошадей.

...Известно, что лошади для Великобритании приобретаются преимущественно в районе, в коем потребности войск, в случае приведения их на военное положение, могут считаться обеспеченными с избытком. Если же скупщики перенесут свою деятельность в местности с напряжённым при мобилизации нарядом лошадей, то от военного министра будет зависеть возбудить в указанном выше порядке вопрос о принятии соответственной внутренней меры.

Изложенные выше соображения и предложения свои совещание положило предоставить на Высочайшее Его Императорского Величества благоволение.

Подписали: **А. Ермолов, Дмитрий, Сергей Витте, А. Куропаткин, граф Ламздорф, Д. Сипягин.**

Скрепил: делопроизводитель, начальник управления по воинской повинности **С. Куколь-Яснопольский**⁸².

Однако от госчиновников, не знавших о распоряжениях на этот счёт отечественного правительства, ещё некоторое время продолжали поступать удивлённые запросы:

Главное управление Государственного коннозаводства,
управляющий Симбирской заводской конюшней,
февраля 7 дня, 1902 г., № 187.

В Главное управление Государственного коннезаводства
Рапорт

Во время объезда случных пунктов вверенной мне конюшни я узнал, что по селам евреи покупают простых лошадей, платя за них до 100 рублей. Из разговора с доверенным еврея **Бромштейна** я узнал, что в Симбирской губернии ими куплено по поручению английских конноторговцев около 800 голов простых рабочих лошадей, а всего с соседними губерниями около 30 000 голов. Все купленные лошади отправляются на австрийскую границу.

Подписал: управляющий конюшней подполковник
Мертваго.

С подлинным верно: директор **Лазарев.**

Сверял: секретарь **О. Александров**⁸³.

А российские консулы, уже предупреждённые начальством, сообщали последние сведения по данному вопросу:

Выписка из донесения императорского консула в Фиумэ от 2/15 апреля 1902 г.

Императорский консул в Фиумэ коллежский советник **Сальвинати** сообщает следующие сведения о вывозе лошадей через названный порт для нужд великобританской армии в Южной Африке.

Закупка лошадей по заказу Великобританского правительства началась уже в 1900 г. С 26 февраля 1900 г. до конца сентября 1901 г. было отправлено через Фиумский порт в Трансвааль до 19 298 венгерских лошадей, а с тех пор началась закупка и отправка русских лошадей, которая продолжается и до настоящего времени.

После полуторагодового опыта, английское военное ведомство принуждено было убедиться, что венгерские лошади, привыкшие к умеренному климату песчаных равнин Венгрии, трудно выдерживают климатические и почвенные условия южноафриканских каменистых плоскогорий, так что после недолговременной службы почти всё вывезенные туда лошади погибли.

Зная, что русские лошади выносливее и крепче венгерских, английское министерство порешило приобрести их для конной пехоты и артиллерийского обоза. Таким образом, находящемуся в Венгрии главному комиссару великобританского правительства полковнику **Willam** в сентябре минувшего года поручено было законтрактовать покупку до 50 000 русских лошадей для английских войск в Южной Африке.

Доставка лошадей производится венгерскими фирмами **Шлезингер и Ке** и **Леопольд Гаузер**, которые через своих агентов-барышников скупают лошадей в Привисленских и южных губерниях России (Варшавской, Киевской, Полтавской, Харьковской и др.) Лошади покупаются в возрасте 5–8 лет и исключительно мерины, каждая из них обходится на месте, в России, 140–160 рублей в среднем. Насколько известно консульству, вышеозначенные лошади вывозятся в Венгрию через пограничные станции Гарнаица и Радзивилово, откуда направляются по железной дороге к Загребу (в Кроации) (Хорватии), где устроены конюшни в 3000 стойл, число которых будет увеличено до 5000.

Для приёмки как в Загребе, так и в Фиуме русских лошадей и присутствования здесь при операциях их погрузки на суда, находится в Фиуме английская военная комиссия.

Как оказывается из собранных консульством достоверных в правительственном статистическом бюро в Фиуме официальных данных, с начала октября минувшего года до половины текущего апреля вывезено было из Фиумского порта в Южную Африку на 36 английских пароходах 28 728 русских лошадей. По уверению же здешнего Великобританского консула, до конца мая месяца ожидаются ещё 15 транспортов для вывоза 12 000 лошадей⁸⁴.

О закупках в России лошадей для нужд английской армии на Юге Африки писалось немало в январе 1902 г.:

Закупка лошадей англичанами. Из Варшавы «Русским ведомостям» телеграфируют, что Министерством земледелия разрешено перевезти за границу 15 000 лошадей, закупленных в России для Трансвааля. Это уже вторая партия. В первый раз было вывезено 6000 лошадей. Во многих местностях юго-западного края и Полтавской губернии иностранные агенты скупают по хорошей цене в большом количестве лошадей для отправки через Фиуме в Южную Африку⁸⁵.

Русско-японская война и южноафриканцы

Прежде чем перейти к некоторым любопытным документам о попытке буров добиться военной и финансовой помощи России для осуществления открытого восстания буров против Великобритании отметим, что после окончания англо-бурской войны и примерно до 1909 г. Южная Африка переживала экономический спад. А военное поражение буров вызвало в их рядах рост национализма и надежды на освобождение от власти Англии.

Южная Африка навсегда останется больным местом Британской империи, – жестокий, бесчеловечный способ ведения войны восстановил против метрополии даже голландское население Капской колонии. Новые затруднения ожидают англичан после того, как буры заново отстроят свои фермы и поправят своё хозяйство. Ту же постоянную борьбу, какую Англия ведёт с ирландцами в мирное время придётся ей вести в Южной Африке⁸⁶.

Но вернёмся вновь к последствиям англо-бурской войны 1899–1902 гг. Потомки белых поселенцев, хотя и стали британскими подданными, но попытки заступничества ряда ев-

ропейских стран во время англо-бурской войны и, в частности, России, породили у буров надежды на дальнейшую помощь.

Поэтому неудивительно, что (после начала русско-японской войны) 10 (23) февраля 1904 г. исполняющий обязанности военного министра России генерал **Сахаров** послал министру иностранных дел графу **Ламздорфу** меморандум бора **Ван Страатена**, который автор, в свою очередь, вручил российскому военному атташе в Париже. Предложение заключалось в том, чтобы собрать бурских эмигрантов, которые по разным причинам оказались за границей в конце войны. Эти люди могли бы составить отряд численностью 500 человек, перейти границу Трансвааля и поднять восстание. Он не без оснований полагал, что несколько лет правления **Мильнера** (британского Верховного комиссара) в Южной Африке довели буров до такого состояния, что они готовы рискнуть всем против ненавистных захватчиков.

Ван Страатен полагал, что буров следует снабдить 100 000 винтовок, десятью полевыми пушками, патронами и снарядами – при начале операции, а затем поставить им по 50 000 ружей и по 5 полевых пушек ежемесячно в течение четырёх месяцев, а после ещё год поставлять боеприпасы. Более того, **Ван Страатен** хотел получить под это дело субсидию от русского правительства на сумму 500 000 французских франков, три транспортных корабля и, что самое любопытное, – две подводные лодки для доставки.

Тем самым этот план мог бы, по мнению автора, решить не только проблемы буров, но и проблемы России, поскольку Англия перестанет в этом случае помогать Японии и война немедленно прекратится.

Ламздорф не отнесся серьёзно к подобной просьбе частного лица, желавшего к тому же получить наличными столь значительные суммы⁸⁷.

Однако это был отнюдь не единичный случай, поскольку брожение среди побеждённых, недовольных состоянием дел, понемногу нарастало. Буквально несколькими днями позднее

это отмечали в своих личных беседах и лица, сохранившие переписку с некоторыми бурами со времён войны. Вот как описывал это в своём сообщении (точнее, депеше) один российский дипломат:

Господину директору Первого департамента.
Коллежский асессор **Персиани**.
Докладная записка (выдержки).

Вчера посетил меня командиремый в Персидскую бригаду доктор **Садовский**, для переговоров о подробностях своей командировки. По окончании деловых переговоров он частным образом сообщил мне некоторые сведения о ходе дел в Трансваале, которые, ввиду неопределённого положения, занятого в настоящее время Англией по отношению к русско-японской войне, могли бы, мне кажется, представить собою некоторый интерес для нас.

Как известно, доктор **Садовский** был отправлен в Южную Африку во время англо-бурской войны в составе русского отряда Красного Креста. За время своего пребывания там он успел завязать знакомства с некоторыми выдающимися местными деятелями и, как оказывается, сохранил с ними сношения и до сей поры. Его южноафриканские друзья переписываются с ним, причём, во избежание английской цензуры, их письма пересылаются через отъезжающих оттуда доверенных людей, которые сдают письма на почту лишь по прибытии в какой-нибудь город, находящийся не на английской территории.

Из сведений доктора **Садовского** видно, что край далеко не умиротворён и что буры, вынужденные уступить подавляющему превосходству сил, с нетерпением ожидают момента, когда им можно будет с надеждой на успех снова взяться за оружие для борьбы против англичан. Оставшиеся от последней войны орудия закрыты и целые склады как снарядов, так и съестных припасов, кроме того, имеются, хотя и не в достаточном количестве, ружья системы **Генри-Мартини** и скорострельные.

В представительных собраниях всех южноафриканских колоний буры или уже добились большинства, или же, крепко сплотившись и организовавшись, надеются в ближайшем будущем получить перевес над английским элементом. По словам доктора **Садовского**, это является причиной того, что премьером Капской колонии назначен, для противодействия такой политике буров, известный доктор **Джемсон**.

Из вышеизложенного можно заключить, что в Южной Африке всё готово к восстанию в первую благоприятную минуту и, действительно, корреспонденты доктора **Садовского** в своих письмах к нему умоляют его тотчас же дать им знать по телеграфу, как только станет известным, что Англия решила принять активное участие в русско-японской войне. Разумеется, названный врач до сих пор тщательно воздерживается от такого шага.

Нисколько не ручаясь за достоверность сообщённых мне сведений, я всё же счёл необходимым доложить о них Вашему Превосходительству, ввиду того, что возможность новой, столь же упорной войны в Южной Африке является в мировой политике фактором первостепенной важности, могущим на долгое время исключить Англию из числа держав, вмешательства коих в нынешнюю войну мы могли бы опасаться, и этим почти вполне развязать нам руки для энергичных действий на Дальнем Востоке. Что же касается вышеприведённого рассказа, он, по-видимому, весьма правдоподобен: к тому же, в случае, если это будет признано необходимым, мы всегда имеем возможность тем или иным путём проверить эти сведения, полученные мною частным образом.

Санкт-Петербург, 28 февраля 1904 г.⁸⁸.

Некоторые буры полагали, что открыто поддерживавшая Японию в русско-японской войне Англия вскоре неизбежно развяжет боевые действия против России, что свяжет руки Британии в колониях, чем необходимо воспользоваться:

№ 8

Весьма секретно.

Одно приложение.

Лиссабон, 20 февраля/5 марта 1905 г.

Его Сиятельству

графу **В.Н. Ламздорфу**.

Милостивый Государь

граф **Владимир Николаевич**.

10 февраля в императорскую миссию явился бывший бурский генерал **Жубер Пинаар**⁸⁹ (**Joubert-Pienaar**) и сделал мне следующее заявление:

Во время англо-бурской войны я принимал деятельное участие в военных действиях в качестве командира отдельного отряда, причём, по отзывам, принёс немалую пользу нашему общему делу. В то время, когда бывший президент **Крюгер**, направляясь в Европу, находился в Лоренсу-Маркеше, отряд мой стоял на самой границе португальских владений, так что выпускаемые против нас англичанами артиллерийские снаряды перелетали даже пограничную черту и ложились на португальской территории. Желая прекратить это положение дел португальские власти потребовали, чтобы я либо удалился от границы, либо перешёл оную и сдался им, угрожая в случае неисполнения этого требования арестовать президента **Крюгера** и выдать его англичанам. Я донёс об этом генералу **Бота** и на совете начальников, под предводительством последнего, было решено, что так как я не могу удалиться от границы, то я должен сдаться португальцам, чтобы дать возможность бывшему президенту выехать в Европу для предстательства перед державами за наше дело. Я исполнил полученное мною в этом смысле приказание и был привезён португальцами в здешнюю страну, где и провёл на принудительном поселении в городе Томаре 14 месяцев, вплоть до заключения мира в Южной Африке; после этого я возвратился на родину. Во время моего пребывания в Португалии, читая, как англичане без зазрения совести расстреливали моих то-

варищей – бурских офицеров, сдававшихся им в плен и как они обращались с нашими жёнами и детьми в концентрационных лагерях, я дал себе клятву во что бы то ни стало отомстить им и с тех пор исполнение этой клятвы составляет заветную и исключительную цель моей жизни. Для того чтобы иметь хотя какую-либо возможность достигнуть этой цели, я счёл прежде всего необходимым вступить с ними в наилучшие отношения и я достиг этого: они теперь вполне мне доверяют и считают одним из самых преданных им соотечественников. Зорко следя за всем, что происходит как в Южной Африке, так и вне оной, я полгода тому назад пришёл к заключению, что наступил момент, когда можно начать приводить мой план в исполнение. С одной стороны, ввоз на золотые россыпи китайских рабочих возбудил неудовольствие не только среди чёрных туземцев Африки, но даже и среди того сброда, из канадцев и австралийцев, которые были привезены в Трансвааль для нашего избиения за деньги, но которые, не имея понятия о том, что такое патриотизм, готовы теперь, когда они недовольны своим положением, восстать против своего же правительства. С другой, ненавистничество и крайняя враждебность, высказанная англичанами к России по поводу Вашей войны с Японией, дали мне повод думать, что для Вашего правительства явится необходимость создать для Англии возможные затруднения. Ввиду этих соображений я решился предпринять поездку в Европу, но предварительно я проехал почти по всей Африке и виделся с вождями враждебных Англии племён. Я всегда занимался исследованием золотоносных земель, поэтому мои поездки по владениям чернокожих не возбуждают ничьих подозрений. И в Лиссабон я приехал под предлогом переговоров со здешним правительством относительно разведок золотоносных земель в португальской колонии Ангола. Но настоящей целью моей было свидание с каким-либо официальным представителем России для того, чтобы спросить у него: желает ли его правительство оказать содействие возникновению в Южной и Центральной Африке восстания **кафров**, восстания настолько

серьёзного, что оно способно будет поглотить исключительно внимание Англии в продолжение двух или трёх лет.

Выслушав генерала **Пинаара**, я сказал ему, что, конечно, не могу не только дать ему ответ, но даже высказать какое-либо мнение по поводу его заявления; что ввиду наших мирных отношений к Англии, мне не следовало даже вести разговор об этом предмете, но, что ввиду его настроений, я соглашаюсь представить оный на благоусмотрение императорского правительства. Я спросил у него: не сочтёт ли он возможным, для облегчения мне точной передачи его мыслей, изложить оные на бумаге и вручить мне записку, конечно, анонимную, без его подписи. Собеседник мой ответил мне, что он предпочел бы, в случае, если императорское правительство согласится его выслушать, лично отправиться в Петербург, так как словесные объяснения всегда скорее и вернее приводят к предположенной цели, чем письменные сношения. Не нуждаясь особенно в деньгах, он, однако, ввиду большой стоимости поездки от Лиссабона до Петербурга, просил бы, чтобы стоимость эта была принята нашим правительством. Он, конечно, предпринял бы это путешествие под чужим именем, для чего ему нужен был бы особый паспорт, и в этих условиях он брался проехать через Францию и Германию не будучи никем признанным; в России же его ровно никто не знает.

Получив секретную телеграмму Вашего Сиятельства от 12 февраля, извещавшую меня, что предложения генерала **Пинаара** заслуживают внимания, и поручавшую мне, отклонив его приезд в Петербург, постараться выяснить его планы, я, при новом с ним свидании, спросил у него, не может ли он своими проектами и с теми средствами, коими он располагает и кои он намерен употребить для достижения предположенной им цели. В ответ на это генерал **Пинаар**, по собственной инициативе, предложил мне изложить свои мысли письменно, под тем, однако, условием, чтобы написанная его почерком записка была ему возвращена, по снятии с неё копии на пишущей машинке.

В самом деле, на другой день он принёс мне представляемую у сего в копии записку. Передавая её мне он сказал: «Я отдаю в Ваши руки мою жизнь и благосостояние всей моей семьи, потому что, если англичане узнают о существовании этого документа, то они ни одной минуты не задумаются расстрелять меня привязанным к стулу, как они это делали с моими бедными товарищами офицерами». Он, впрочем, высказал ко мне достаточно доверия, чтобы оставить записку в моих руках до следующего дня, когда она была ему возвращена.

После беглого ознакомления моего с этим документом, генерал **Пинаар** сказал мне, что, если бы я нашёл нужным спросить у него каких-либо объяснений по его поводу, то он с полной готовностью даст мне таковые. Я воспользовался этим предложением и через день имел с ним новое свидание, при котором он постарался выявить мне свои планы и предложения.

Записку свою бурский генерал начинает изложением причин, побуждающих его ненавидеть англичан и всеми силами стремиться к низвержению их владычества в Южной Африке. Упомянув затем о том, что Россия, ввиду яркой враждебности, высказанной относительно её Великобританией и уверенности всех англичан в том, что раннее окончание нашей войны, мы будем иметь с ними дело, не может не отнестись сочувственно к созданию для последней затруднений, он выражает уверенность в успешном, с Божьей помощью, окончании задуманного им дела и говорит, что гарантией его добросовестности должно служить то, что вступая с нами в сношения, он ставит на карту собственную жизнь. По его убеждению, для успешного ведения дела ему нужна поддержка могущественной европейской державы, за каковой поддержкой он и обращается к России, которая в своё время должна будет взять Южную Африку под свой протекторат, так как вполне независимое существование, ввиду слабости буров и отсутствия у них морского могущества, является для них неосуществимой мечтой. Затем, упомянув о своей готовности поехать, в случае, если мы того пожелаем, в Манчжу-

рию, где он мог бы, по его мнению, быть нам полезным, автор записки излагает два возможных в его глазах плана действий для приготовления и поднятия восстания **кафров** против англичан в Южной Африке.

Нужно сознаться, что планы эти изложены в записке в слишком общих и несколько туманных чертах, позволяющих на первый взгляд усомниться в серьёзности лица, предлагающего их; поэтому я счёл себя обязанным постараться выяснить каким путём и какими средствами генерал **Пинаар** думает привести в исполнение по крайней мере первый из них, так как второй, как носящий скорее характер романа, не мог быть, по моему мнению, вовсе обсуждаем. На поставленные мною генералу **Пинаару** вопросы: какие именно племена он хочет поднять против англичан? Какое может быть численное количество восставших? Почему он думает, что восстание может удасться? Какие средства находятся в его распоряжении? И, наконец, в чём выразится помощь России, о которой он ходатайствует, собеседник мой отвечал следующее: «По пути в Европу я имел свидание с одним из главарей негров, живущим на Золотом Берегу, обещавшим мне свою помощь. На возвратном пути, я по его настояниям, ещё раз повидаюсь с ним. Затем, в настоящее время один, вполне мне преданный белый путешествует по землям **Баротце**⁹⁰ в тех местностях, где сходятся границы английских, германских и португальских владений. В настоящий момент в Германских и Португальских колониях свирепствует восстание чёрных⁹¹. Проездом через Мосамедес⁹² я увижусь с моим эмиссаром, которому, я уверен, не представилось подготовить восстание и против англичан. Но главное моё внимание, конечно, обращено на три могущественнейшие **кафрские** племена, которые живут или в самой Капской колонии, или по её границам. Я понимаю **базутов**, **зулусов** и **свази**⁹³. Я хорошо знаю их нравы и обычаи и даже знаком с языком, так как много ездил по их землям и управлял сопредельными с оными областями. Я знаю также их начальников, с коими поддерживал всегда наилучшие отношения. На время англо-бурской войны англи-

чане, не желая восстановить **кафров** против нас, заигрывали с ними и распустили их. По заключении мира, они круто изменили своё с ними обращение. Это обстоятельство, в связи с призывом в Ранд китайских рабочих⁹⁴, лишивших чёрных крупного заработка, возбудило среди последних крайнее недовольство против англичан и все их помыслы направлены теперь к поднятию восстания против их притеснителей. В особенности возбуждено племя **свази**, хотя и наименее многочисленное, но зато наиболее энергическое и способное. Останавливает чёрных от восстания опасение, как бы буры, которых они привыкли страшно бояться, не приняли вместе с англичанами участия в подавлении этого восстания. Моя главная роль будет заключаться в том, чтобы успокоить **кафров** в этом отношении и убедить их, что мы при их столкновении с англичанами останемся вполне нейтральными. По существующим между **кафра**ми обычаям, дружеские отношения между ними устанавливаются обменом символических подарков. В данном случае, чтобы достигнуть моей цели, мне нужно будет подарить трём главным начальникам каждого из упомянутых племён: **базутов**, **зулусов** и **свази** по тысяче ружей, с десятью патронами к каждому ружью. В их глазах это будет равносильно заявлению, что я солидарен с ними; принятие же ими этого подарка будет означать, что они готовы следовать моим указаниям. Подарок этот будет не более как символом заключённого между нами тайного соглашения. О настоящем же вооружении того полумиллиона воинов, который могут выставить против англичан упомянутые три племени, позаботятся их начальники, настолько богатые, что сами могут платить за оружие, которое будут им доставлять германские, американские и даже английские контрабандисты. Для перевозки вышеизложенных подарков мне необходимо иметь в своём распоряжении пароход, на котором я, под предлогом исследования золотоносных земель, мог бы посетить некоторые из лежащих между Лоренсу-Маркешем и Каптауном многочисленных маленьких бухт, хозяевами берегов которых являются исключительно **зулусы**. Иметь в пол-

ном распоряжении пароход мне необходимо будет и во время самого восстания для того, чтобы иметь возможность тайно сноситься с **кафрами**, потому что я предупреждаю Вас, что буду всё время оставаться среди англичан, играя роль преданного им человека и стараясь таким способом выведать их намерения и планы. Если мне удастся поднять восстание, в чём я не сомневаюсь, то против англичан будут бороться до 500 000 чёрных. К ним присоединятся австралийцы и канадцы, о которых я уже говорил Вам, и которые страшно недовольны правительством вследствие ввоза в Южную Африку китайских рабочих. Они одни не восстанут, так как их всего 20 000, а в Южной Африке расположено до 50 000 британских войск, но в случае движения среди **кафров**, особенно если последние пообещают им наделить их землёй, они несомненно примут участие в этом движении. При этих условиях я считаю, что война с чёрными продлится по меньшей мере два года, причём Англии придётся напрячь для её ведения все свои силы. Через два года в дело вмешаемся мы, буры, и, с Божьей помощью ещё через год выгоним англичан из нашей страны. Тогда-то нам понадобится покровительство одной из европейских великих держав, так как я теперь обращаюсь за помощью к России, то, по моему мнению, она и должна быть в будущем сюзереном и защитником Южной Африки, но если бы ваше правительство нашло это по каким-либо причинам для себя неудобным, то, конечно, мы можем в своё время обратиться к какой-либо другой державе, например, Германии. Поэтому я не ставлю обещание России взять нас впоследствии под свой протекторат непременным условием принятия моих теперешних предложений.

На вопрос Ваш, чего именно я желаю от России, я отвечу Вам следующее: мне нужны теперь 3000 ружей, 30 000 патронов к ним и пароход, который находился бы в моём распоряжении в течение 2-х или 3-х лет. Поэтому я ходатайствую о сформировании фиктивного общества для разведок золотосодержащих земель в Африке, которое было бы зарегистрировано в Англии и могло бы таким образом иметь пароход, плава-

ющий под английским флагом, и которого я был бы избран главноуполномоченным. Я желал бы, чтобы ваше правительство дало мне на это средства, придав в помощь мне, как я говорю в своей записке, в качестве секретаря своё доверенное лицо. Что будет стоить покупка и содержание в течение трёх лет парохода – я не знаю, так как никогда подобного рода делами не занимался, но думаю, что потребная на этот предмет сумма вместе с разными мелкими выдачами и расходами на месте, но без стоимости ружей и патронов, – не превысит 60 или 80 000 фунтов стерлингов.

Если же ваше правительство найдёт мой план обоснованным, но пожелает отложить приведёние его в исполнение на некоторое время, я буду согласен подчиниться этому требованию. В таком случае, оно, может статься, захочет пока испытать меня и мою добросовестность. Ни оно, ни Вы меня не знаете, а потому не можете питать ко мне полного доверия. Если Вы захотите, я могу отправиться в Манчжурию, где, как бывший начальник отдельного отряда, я могу поехать в Японию, куда англичане, ввиду моих с ними отношений, снабдят меня самыми горячими рекомендательными письмами. С помощью этих писем я буду в состоянии проникнуть как в страну, так и на театр военных действий и добыть вам очень ценные сведения. Я согласен и на это, но прошу Вас иметь в виду, что если я решаюсь на подобный образ действий, то делаю это исключительно в интересах моей страны и в ожидании от Вас в будущем действительной помощи в достижении той цели, которой теперь всецело посвящена моя жизнь.

Таковы объяснения, данные мне на основах генералом **Пинааром**. Мне невозможно с точностью определить насколько его заявления искренни и заслуживают доверия. Наводить здесь справки относительно его первого пребывания в Португалии я считаю неудобным, не желая, чтобы здесь знали о моих с ним сношениях. Я могу поэтому судить о нём только по личному впечатлению, которое я вынес из бесед с ним и которое, скорее, благоприятно. Генералу **Пинаару** должно

быть около 45 лет; он высокого роста, благообразной наружности, с очень приличными манерами, держит себя относительно меня крайне любезно, хотя и с большим достоинством; при разговоре открыто смотрит в глаза своему собеседнику. Из его записки и из его поступков можно заключить, что он ярый фанатик, не останавливающийся в своём желании нанести вред Англии ни перед какими средствами; между тем в беседе этот ярый фанатизм его не проявляется наружу; он говорит толково, разумно, ясно и убедительно, но совершенно спокойно и с полным самообладанием. Относительно его благонадёжность я, конечно, не могу высказать никакого обоснованного мнения. Замечу только, что оставив свою записку в моих руках на целый день, он выказал без всякого колебания полное ко мне доверие; со своей же стороны он не сделал ни малейшей попытки побудить меня сделать или сказать что-либо, что могло бы меня компрометировать. Я могу ошибаться, но мне кажется, что если бы мы вступили с ним в сношения, то единственной для нас опасностью явилась бы возможность, при неудаче его планов, выдачи англичанам нашего участия в этих планах с целью окончательно рассорить Россию с Англией.

Для того чтобы хотя бы отчасти ознакомить меня со своей прошлой деятельностью, генерал **Пинаар** дал мне прочесть книгу «The Mobil Boer» (Быстрый бур), написанную двумя принимавшими участие со стороны буров американцами **A. Hiley** и **J. Hassel**, служившими одно время под его, **Пинаара**, начальством. Авторы в самом деле с большим сочувствием отзываются о военных и нравственных качествах генерала, несовершеннолетние сыновья которого сражались рядом с ним за независимость своей страны.

При одной из наших бесед господин **Пинаар** спросил меня, не признает ли императорское правительство (в случае, если оно решится вступить с ним в сношения) более практичным вести эти сношения через наше посольство в Париже или в Берлине, в каковом случае он готов выехать в один из этих городов. Я ответил ему, что представляю этот его во-

прос на благоусмотрение Вашего Сиятельства. В самом деле, Лиссабон лежит слишком далеко и средства верных сообщений с Петербургом, – если не считать отправляющейся каждые 15 дней французской вализы⁹⁵, коей я ныне пользуюсь для посылки настоящего донесения, отсутствуют. Оживлённый же обмен секретных телеграмм между императорским министерством и вверенной мне миссией, при неимении у нас в здешней стране существенных интересов, мог бы обратить на себя внимание, что было бы, мне кажется, нежелательным. Все мои свидания с генералом **Пинааром**, за исключением первого, происходили не в императорской миссии, а в частной квартире секретаря оной, камер-юнкера⁹⁶ **Зелёного**, где наши встречи не могли возбудить ничьего праздного любопытства. Само собою разумеется, что ни одной не только писаной, но даже печатанной на машинке строчки, которая исходила бы из императорской миссии, в руках бурского генерала не находится.

Господин **Пинаар** говорил мне, что в случае, если императорское правительство отвергнет его предложение, он намерен тотчас же вернуться в Африку. Не желая и даже не имея материальной возможности слишком долго засиживаться в Португалии, он очень ходатайствует о том, чтобы решение по возбуждённым им вопросам было сообщено мне в возможно непродолжительном времени по телеграфу.

С отличным почтением и неизменной преданностью имею честь быть Милостивый государь Вашего Сиятельства покорнейшим слугой тайный советник **А. Кояндер**⁹⁷.

Неудивительно поэтому, что бывший бурский генерал, всерьёз рассчитывая на помощь Российской империи, подробно изложил свои намерения по поводу подстрекательства к восстанию чёрных народов и извлечению из этого пользы бурам, могущих по его мнению в подходящий момент выгнать войска англичан:

Выдержки из записки бурского генерала **Пинаара**
о его планах и намерениях.

№ 8 (Пер. с англ.) Лиссабон 1905 г.

...в тот период Господу было угодно, чтобы между Россией и Японией началась война. В силу враждебного отношения к России Англия сразу же поддержала Японию. Это привлекло моё внимание. Я понял, что всемогущий начал действовать, и с этого дня вплоть до настоящего момента дело всей моей жизни началось. Карта мира изменится прежде, чем уничтожающий пожар войны будет потушен. Думаю, что Его Императорское Величество император России, человек, на которого я всегда смотрел как на предвестника мира, был вынужден вмешаться в войну, которой он не хотел, но понимал, что она является лишь началом выполнения той великой миссии, к которой его призвал Бог. Теперь понял, что пришло время действовать иначе: оставив дом, я предпринял путешествие а Африку, чтобы в общих чертах изучить настроения чёрных и обнаружил, что вся она подобна огромному полю сухой травы, которое только жаждет горящей спички, чтобы разгореться ярким пламенем, и этой спичкой хочу быть я.

Но всё это сможет произойти только тогда, когда я добьюсь помощи, поддержки и расположения сильной европейской державы, которая предоставит мне армию и даст боеприпасы. Предлагаю, что когда наступит подходящий момент можно будет провозгласить сюзерена Южной и Центральной Африки. И это станет великолепным и драгоценным украшением в российской короне. России не следует мучиться угрызениями совести. Я уверен в том, что в отличие от королевских английских подданных, которые открыто хвастаются тем, что России предстоит иметь дело с Англией прежде, чем закончится война...

Прежде чем раскрыть свои планы, хотел бы сразу сказать, что полностью поступаю в распоряжение Вашего правительства. Я смогу послужить России в борьбе против Японии, ис-

пользуя все свои знания в деле практического ведения войны или любого другого способа борьбы или разведки.

Если же правительство захочет иметь дело непосредственно со мной, то я без боязни быть опознанным приеду в Санкт-Петербург, но только с документами на чье-либо имя, воспользовавшись купе 2 класса.

Мой первый план заключается в том, чтобы создать информационное агентство в Лондоне или Париже на предмет изучения природных ископаемых. Руководство этого агентства, назначив меня своим представителем, предоставит мне небольшое судно водоизмещением 1000 тонн. Затем я объеду всю Африку, включая те пункты, которые укажу Вашей светлости на карте. Я буду встречаться и разговаривать с вождями, не объясняя планов. Я также сообщу Вам, о чём мы договорились и вы сможете сделать запись этого на своём языке.

Глубоко в бункере⁹⁸ с каменным углём, на небольшом судне я должен буду иметь достаточное количество оружия и боеприпасов, которое хотел бы раздать вождям. Разумеется, правительство предоставит мне человека, которому можно безусловно доверять и который мог бы говорить по-английски, по-французски и по-русски, чтобы работать в качестве секретаря в моём агентстве.

План операции я объясню на карте. Поскольку это агентство будет принадлежать английскому королевству, то моё судно будет плавать под английским флагом.

Второй мой план заключается в том, чтобы при Вашей финансовой поддержке спокойно вернуться домой, уговорить своего старшего сына объединить профсоюзы рабочих. В скором времени он занял бы место в этих комитетах управления и советовался со мной по всем вопросам: о чём говорить и что делать.

Российскому правительству нужно будет подыскать неглупую женщину средних лет, приятной наружности и во всех отношениях надёжную. Она должна уметь устраивать приёмы и жить в Йоханнесбурге, Претории и Блумфонтейне или Кейптауне, поскольку я должен буду давать указания и

принимать африканскую элиту. Она не должна вести хитроумных бесед, но должна наблюдать за своими гостями, а также устраивать вечера с бокалом шампанского. Она должна будет поддерживать связь с моим вторым сыном, поскольку он будет её секретарём и будет направлять её записки ко мне. Мой сын – хорошо образованный человек, который говорит на 4-х языках, печатает и знает стенографию, бухгалтерию, а поскольку я рискованной собственной жизнью, то в этих делах доверять я могу только своим собственным сыновьям.

Пока всё это будет происходить, я буду искать подходящий случай, чтобы осуществлять спекулятивные сделки по покупке крупного рогатого скота и зерна, поскольку для этой цели нужно было бы путешествовать по **кафрским** странам. Конечно, всего этого у них не будет для того, чтобы продать мне.

Для выполнения последнего плана нужна крупная сумма денег, чтобы использовать их в виде подарков и это будет являться тем капиталом, который будет мне необходим.

Ваше Превосходительство поймёте, что необходим лишь один из двух планов, и что оба они не должны быть приняты, я предлагаю оба эти плана вашему правительству, дабы оно само решило, следует ли ему соглашаться на тот или другой.

Я буду честно исполнять свою часть контракта. Никто другой на земле не сможет выполнить дело такой чрезвычайной важности и используя всё возможности, и не потому, что я лучше других, а лишь потому, что цена, за которую будет куплена занимаемая мною должность, является источником ужасных страданий, требующих большого напряжения сил и доступна она лишь тем, кто глух ко всему иному, кроме этой единственной цели, которая существует только благодаря милости Божьей. И эта цена падает на судьбу только одного человека на этом свете, ибо земля не могла бы вынести двух столь страдающих людей как я одновременно, она должна была бы провалиться под их тяжестью.

Всё, что Вы хотели бы узнать ещё, я с удовольствием изложу, если Вы дадите мне знать.

Благодарю Вас от всего сердца за Вашу любезность, с какой Вы ко мне отнеслись и восприняли.

Вашей светлости покорнейший слуга.

P.S. Позволю себе заметить, что буры примут только тогда активное участие в борьбе против англичан, когда Россия открыто выступит против Англии⁹⁹.

Представителя в Лиссабоне даже отрядили в Российское посольство в Париже для последних донесений о переговорах с бывшим генералом:

Проект секретной телеграммы д.т.с. **Нелидову** в Париж
Отправлена 14 марта 1905 г. № 149 (шифр).

Сегодня выезжает из Лиссабона секретарь российской миссии, командированный с секретным поручением к Вам. Предложение о коем Вам сообщит, в принципе, может быть принято. Ввиду, однако, весьма щекотливого характера дела, необходима крайняя осторожность. Благоволите сообщить ваши личные впечатления и соображения о дальнейшем образе действий.

(На подлиннике собственной Его Императорского Величества рукой начертано «Съ». (Вероятно, царь намеревался написать «Согласен». – *Прим. авт.-сост.*) Царское Село, 14 марта 1905 г.)¹⁰⁰.

Российские власти внимательно отнеслись к столь необычной просьбе, о чём свидетельствует донесение ещё одного дипломатического представителя, проводившего переговоры с генералом **Жубером-Пинааром**:

Получено 20 марта 1905 г.

Весьма секретно. Париж, 17/30 марта 1905 г.

Его Сиятельству графу **В.Н. Ламздорфу**.

Милостивый Государь
граф **Владимир Николаевич**.

В дополнение телеграммы моей от сегодняшнего числа долгом поставляю высказать Вашему Сиятельству, согласно телеграммы Вашей от 14 марта, личные мои впечатления о предложении **Пинаара-Жубера**. Первый секретарь миссии нашей в Лиссабоне передал мне вчера все подробности этого предложения, а сам **Жубер-Пинаар** явился ко мне сегодня и дал дополнительные о нём объяснения. Мне остаётся только час времени, чтобы наскоро донести об этом Вашему Сиятельству до отъезда французского курьера.

Я обязан прежде всего установить, что **Жубер-Пинаар** произвёл на меня, как и на тайного советника **Кояндера**, впечатление человека вполне добросовестного, убеждённого и лично заслуживающего доверия. Судить о том, до какой степени удобоисполнимо, сделанное им нашему правительству предложение, – я не берусь. Положение дел в Южной Африке мне вовсе не известно. Но мне кажется, вообще, что владычество англичан на Чёрном материке установлено на слишком прочных основаниях, чтобы оно могло быть низвержено местным восстанием без участия одной из великих держав, которая одновременно отвлекла бы её силы в другой части света. Для нас подобное предприятие представляется мне совершенно невыполнимым в настоящую минуту, и даже если бы война с Японией была благополучно окончена. Мы должны будем заняться прежде всего восстановлением наших военных и финансовых сил и тщательно избегать всяких внешних осложнений. На восстание против Англии **кафрских** племён и буров нужно будет, следовательно, смотреть, как то предлагает **Жубер-Пинаар**, как на средство отвлечь английские силы от Азии и тем ослабить помощь, оказываемую Великобританией воюющей с нами Японией.

Если бы подобное предложение было нам сделано при начале войны, год тому назад, то, несомненно, могло бы оказать нам чувствительную помощь. Англия относилась к нам гораздо враждебнее, чем теперь; союз с нею служил нравственным одобрением японцам, на которых насильственное бездействие

Англии по отношению к делам Дальнего Востока произвело бы весьма неблагоприятное впечатление. Но теперь обстоятельства изменились. Одержанные японцами успехи увеличили их самоуверенность. Для борьбы с нами они едва ли рассчитывают на помощь Англии и, во всяком случае, в ней не нуждаются. Да и помощь эта на деле ни в чём себя доселе не заявила. Помогали японцам враждебное нам англо-европейское общественное мнение и печать. Правительство же ни в чём особой поддержки Японии не оказало. Столкновения с нами происходили на почве чисто английских интересов (военной контрабанды и рыбаков). Есть, скорее, признаки того, что успехи японцев способны вызвать в английском правительстве беспокойство за свои азиатские владения. При таких условиях война в Африке несколько не облегчила бы нашего положения на Крайнем Востоке. Она, несомненно, была бы нам сподручна, если бы мы сами находились в войне с Англией. Но этого пока не предвидится. Напротив того, судя по сведениям, которые доходят из Лондона, там, скорее, желают соглашения с нами, хотя и несомненно попытаются воспользоваться нашей, неизбежной после столь тяжёлой войны, слабостью, чтобы попытаться обделать собственные дела. К тому же нам следует скорее рассчитывать на скорейшее прекращение войны и стремиться к нему. Если бы, однако, мы вынуждены были её продолжать, то, как сказано выше, наш расчёт должен был бы состоять в том, чтобы стараясь стать в наилучшие отношения к Англии, возбуждать в ней чувства солидарности всех европейских государств ввиду проявившихся завоевательских стремлений и развивающейся силы жёлтой расы.

Кроме этих соображений чисто политического свойства мне представляются и значительные затруднения и сомнения для целесообразного исполнения предложения господина **Жубера-Пинаара**. Хотя деньги – 60 000–80 000 фунтов, то есть около двух миллионов франков – и не представляют чрезвычайного большого расхода в сравнении с деланными нами колоссальными затратами на войну, тем не менее это довольно значительная сумма, которую придётся дать в

полное, бесконтрольное распоряжение лица, известного нам только из личного с нами знакомства и о котором мы можем судить только по произведённому им на нас личному, правда, весьма благоприятному впечатлению. Затем, если бы каким-нибудь путём англичане узнали, что деньги, которыми **Жубер-Пинаар** стал бы располагать для покупки парохода, а особенно для приобретения ружей и снарядов, исходят из русского источника, то враждебность к нам Великобританского правительства значительно и основательно усилилась бы, а тем самым в высокой степени осложнилось бы и наше политическое положение. **Жубер-Пинаар** высказывает убеждение, что восстание **кафров** неизбежно. Ему нужно только его организовать и привлечь к нему буров. Если его предположения основательны, то это восстание уже само по себе отвлечёт внимание и силы Англии. Полный же успех восстания, который он желал бы обеспечить для низвержения английского владычества в Южной Африке, был бы и с нашей точки зрения несомненно весьма желательным, но прямой выгоды для нас принести не мог бы. Его мечта о создании на Юге Африки независимой интeрии под нашим покровительством есть не более как мечта. Столь далекое предприятие не в наших силах, да и не в выгодах России.

Вот, Милостивый Государь, чистосердечное, наскоро набросанное изложение моих впечатлений и соображений относительно предложения **Жубера-Пинаара**. Он (ждёт) здесь решения, на благоприятный исход коего, кажется, надеется. Если бы императорское министерство решило использовать его план, я покорнейше прошу указать о том, как будут ему высланы требуемые им деньги. Мне казалось бы, для обеспечения тайны, что они должны были бы выданы ему в один или два раза, дабы не продолжать с ним сношений, повторение которых могло бы обратить на себя внимание зорко следящих за всеми нашими действиями врагов и соперников наших.

Я взял на себя здесь на всякий случай, для сношений с **Жубером-Пинааром**, камер-юнкера **Зелёного**, о чём и известил посланника нашего в Лиссабоне¹⁰¹.

Приведённое выше донесение, в частности, отмечает потепление русско-английских, ранее весьма прохладных отношений, которые вскоре приведут к союзническим договорам перед лицом военного и экономического усиления Германии в Европе и Японии в Азии. И российские власти, поразмыслив, решили поддержать буров лишь в случае начала широкомасштабного восстания чёрных народов, не без участия бурского генерала:

Проект секретной телеграммы
д.т.с. **Нелидову** в Париж (шифр)

Благоволите заявить **Жуберу** и притом в форме, устраняющей всякую нашу ответственность впоследствии, что он может рассчитывать на нашу материальную поддержку лишь по осуществлении задуманного им мероприятия (эта телеграмма так и не была отправлена. – *Прим. авт.-сост.*)¹⁰².

Война с Японией уже шла к концу, положение как внутри России, так и за рубежом стремительно менялось и царь отказался от задуманной, если не прямой, то поначалу хотя бы косвенной поддержки намерений бывшего бурского генерала:

Секретная телеграмма д.т.с. Нелидову в Париж
Санкт-Петербург, 23 марта 1905 г. (шифр)

По поводу предложения **Пинаара-Жубера**¹⁰³, Государю императору благоугодно было положить следующую Высочайшую резолюцию: «Лучше в таком случае ответить отказом¹⁰⁴».

Однако многие даже внешне примирившиеся буры продолжали люто ненавидеть Великобританию. Даже подзабывшая о той войне русская пресса через полтора года после её окончания отметила, что:

О сближении обеих народностей в Южной Африке не может быть и речи после того способа ведения войны, которому следовали англичане; о примирении думать нельзя: зверства английской армии и страдания буров не будут забыты и по прошествии десятков лет, и на Юге Африки образуется новая Ирландия. Трудно допустить, чтобы буры навсегда помирились с мыслью о потере независимости, и, несомненно, они будут выжидать только удобной минуты для возобновления борьбы. Таким удобным случаем явится война Англии с какою-либо великой державой¹⁰⁵.

Можно сказать, что предсказание **Жубера-Пинаара** в какой-то степени сбылось – сильное недовольство действиями англичан в Южной Африке привело в восстанию в марте-июне 1906 г. ряда **зулусских** племён под предводительством **Бамбаты**¹⁰⁶. Даже российская печать, к тому времени изрядно подзабывшая о тех краях, заметила по сему поводу:

Основным поводом восстания было введение англичанами подушного налога (poll tax), который должен был заставить бездомных и разорённых туземцев наниматься на службу к капиталистам за ничтожную плату¹⁰⁷.

Что же касается положения побеждённых англичанами потомков голландских поселенцев, то вскоре после окончания англо-бурской войны, как войны из-за дележа золота, английские власти сделали ставку на политическое умиротворение африканеров посредством достижения договоренности между англоязычной и бурской верхушкой Южной Африки, в частности, с умеренными руководителями буров, за счёт третьей стороны – чёрных, цветных и индийцев.

Биографии и аналитические работы российских военных агентов

Едрихин (Вандам) Алексей Ефимович, родился 17 марта 1867 г.

в Минской губернии, из солдатских детей. Холост (женился приблизительно только в период 1912–1913 гг.). 24 декабря 1884 г. поступил вольноопределяющимся 3 разряда в 120-й пехотный Серпуховской полк. Окончил Виленское юнкерское пехотное училище по 2-му разряду, но не смог получить офицерскую вакансию, которую занимали в первую очередь закончившие по первому разряду, и 7 августа 1888 г. в чине подпрапорщика выпущен в 117-й пехотный Ярославский полк.

Едрихин лишь 7 мая 1890 г. был произведён в подпоручики. Тем не менее в 1899 г. он по первому разряду окончил 2 класса Николаевской военной академии с выполнением письменной работы дополнительного курса (выучив к тому времени французский и английский языки), но не стал продолжать третий год учебы, а вернулся в свой 117-й Ярославский пехотный полк (вероятно, с целью уехать в Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство). 11 ноября 1899 г. зачислен в запас армейской пехоты по 6 мая 1900 г. в связи с участием в англо-бурской войне на стороне африканеров. 13 июня 1900 г. вновь принят на службу. Он тесно сотрудничал с монархической газетой издателя **Суворина** «Новое Время», где написал десятки статей под псевдонимом **А. Вандам**.

17 августа 1900 г. прикомандирован к Главному интендантскому управлению для несения служебных обязанностей по интендантской части. 13 апреля 1901 г. зачислен в запас армейской пехоты по Санкт-Петербургскому уезду (ви-

*Вандам (Едрихин)
Алексей Ефимович*

димо для работы тайным военным наблюдателем в Китае). 18 ноября 1903 г. определён из запаса на службу с зачислением по армейской пехоте, с назначением помощником военного агента в Китае. 7 ноября 1906 г. причислен к Генеральному штабу. По личному прошению сменил фамилию **Едрихин** на **Вандам**. Приказом по Генеральному штабу № 46 от 29 мая 1907 г. капитана **Едрихина** Всемилоостивейше именовать впредь **Вандам**.

11 января 1908 г. причислен к лейб-гвардии гренадёрскому полку для цензового командования ротой. 22 февраля 1909 г. переведён в Генеральный штаб. С марта 1909 г. – исполняющий должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 13 армейского корпуса. 29 марта 1909 г. – подполковник. 26 июня 1910 г. уволен со службы с зачислением в пешее ополчение Петербургской губернии. С 9 декабря 1913 г. – штаб-офицер для поручений при штабе 10 армейского корпуса. 13 ноября 1914 г. – полковник. С 3 ноября 1915 г. – командир 92 пехотного Печорского полка. С 24 ноября 1916 г. начальник штаба 23-й пехотной дивизии. 22 июня 1917 г. – генерал-майор. С 29 сентября 1917 г. в распоряжении начальника Генерального штаба.

С 12 октября по 16 ноября 1918 г. – командир Псковского корпуса в Северной добровольческой армии в чине генерал-лейтенанта, по другим сведениям – генерал-майора. (В книге писателя **Алексея Толстого** «Чёрное золото» говорилось о командире Псковского корпуса генерале **Едришкине**¹⁰⁸, который поменял свою неблагозвучную фамилию на более аристократическую – **Вандам** и который до генерала **Юденича**¹⁰⁹ был в сущности исполняющим обязанности командира Северной армии.) С 21 июня по 25 ноября 1919 г. – начальник штаба Северо-Западной армии генерала **Н.Н. Юденича**. После поражения белых и ликвидации Северо-Западной армии эмигрировал.

В изгнании генерал **Вандам** предположительно проживал в столице Эстонии. Скончался 16 сентября 1933 г. в Ревеле (ныне – столица Эстонии Таллин) и похоронен там же на русском кладбище в приделе церкви святого Александра Невского.

В 1910–1913 гг. он активно сотрудничал с издательством **А.С. Суворина**, в «Новом Времени». Перевёл с французского и английского две книги «Аристофаническая раса» и «Тень ислама». Его перу принадлежат следующие книги о геополитике: «Наше положение» СПб., Типография А.С. Суворина 1912 г. 204 с. и «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии». – СПб., Типография товарищества А.С. Суворина – «Новое Время», 1913 год – 53 с.

Интересно, что книга «Наше положение», в которой он доказывал, что у России с Германией нет никаких неразрешимых противоречий, а в войну с ней нашу страну вовлекают Великобритания и США, чтобы Германия потом, после поражения, лишённая доходов от морской торговли, точила зубы на территорию России, в 1916 г. в самый разгар Первой мировой войны, по не подтверждённым данным, была переведена в кайзеровской Германии на немецкий язык.

Он, как видно из приведённого послужного списка, неоднократно формально уходил на время в запас с военной службы (видимо, для работы тайным военным наблюдателем). Так, в фондах 68 лейб-пехотного Бородинского императора Александра III полка обнаружено также упоминание о **Едрихине-Вандаме** (вероятно, он там служил в 1906 г.) (РГВИА, ф. 2347, оп. 1, д. 437. Записка капитана **Едрихина** «Сведения о переустройстве вооружённых сил Китая 4 января–23 июня 1906 г.» (интересно, что этот полк, в котором он тогда служил, никогда не посылался на Дальний Восток)¹¹⁰.

Приведём отрывки из работы **А. Вандама**:

«Наше положение»

Предисловие

В классификации военных знаний искусство вести бой называется тактикою, а искусство вести войну – высшею тактикою или стратегией. Но как бой представляет собою только

один из скоротечных актов длящейся обыкновенно годами войны, так и война есть не что иное как кратковременный акт никогда не прекращающейся борьбы за жизнь.

Отсюда логически следует, что для ведения борьбы за жизнь необходимо особое искусство – высшая стратегия или политика.

В чём заключается это искусство и есть ли у нас оно – читатели поймут сами из этого маленького труда, представляющего собою лишь лёгкую царапину на девственной и безотлагательно требующей разработки почве русской политической мысли.

А. Вандам

6 августа 1912 г.

Санкт-Петербург

Несмотря на большие размеры своей территории, русский народ, по сравнению с другими народами белой расы, находится в наименее благоприятных для жизни условиях.

Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада. Затем, не имея доступа к тёплым наружным морям, служащим продолжением внутренних дорог, он испытывает серьёзные затруднения в вывозе за границу своих изделий, что сильно тормозит развитие его промышленности и внешней торговли и, таким образом, отнимает у него главнейший источник народного богатства. Короче говоря, своим географическим положением русский народ обречён на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворённое существование.

Неудовлетворенность его выразилась в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении «к солнцу и тёплой воде», а последнее в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь.

Упираясь тылом в льды Северного океана, правым флангом в полузакрытое Балтийское море и во владения Герма-

нии и Австрии, а левым – в малопригодные для плавания части Тихого океана, Великая Северная Держава имеет не три, как это обыкновенно считается у нас, а всего лишь один фронт, обращённый к югу и простирающийся от устья Дуная до Камчатки. Так как против середины фронта лежат пустыни Монголии и Восточного Туркестана, то наше движение к югу должно было идти не по всей линии фронта, а флангами, и преимущественно ближайшим к центру государственного могущества правым флангом, наступая которым через Чёрное море и Кавказ к Средиземному морю и через Среднюю Азию к Персидскому заливу, мы, в случае успеха, сразу же выходили бы на величайший из мировых торговых трактов – так называемый Суэцкий путь.

Но подобное решение самого важного из наших государственных вопросов не отвечало расчётам тиранически господствующих на море и необычайно искусных в жизненной борьбе англичан, а поэтому, несмотря на все блестящие победы наши над турками, хивинцами, туркменами и другими противниками на театрах военных действий, – на театре борьбы за жизнь весь правый фланг наш, в конце концов, потерпел неудачу: левая колонна его была остановлена в Мерве, средняя – в Карсе и Батуме, а самая сильная – правая, уже достигнув проливов, принуждена была повернуть назад и отойти к северным берегам Чёрного моря...

Более ста лет наше сообщение с Тихим океаном совершалось по пути проложенному вольницей. Последний участок этого пути от Якутска до Охотска представлял собою узенькую караванную тропу, на 1100 вёрст тянувшуюся по обрывистым горам, лесам и тундрам к скованному в течение двух третей года льдом Охотскому морю и лежащей за ним вечно голодной Камчатке.

С приобретением Амура мы стали на хороший водный путь в 4140 вёрст длиною и от 300 до 1000 сажений шириною, шедшей по хлебородному краю и приводивший к Японскому морю. Последнее, по сравнению с Охотским и Беринговым морями, казалось тёплым, открытым и вполне удобным для

устройства на нём баз торгового и военного флота. На самом же деле оно обладало следующими крупными недостатками. Во-первых, в зимнее время оно также вдоль материка обрамлялось широкой ледяной полосой. Спасаясь от этого предательского капкана, наш флот четыре месяца в году, в качестве бездомного, вынужден был скитаться по чужим портам, что не могло способствовать его престижу. Во-вторых, выходы из этого моря как на юг, через Корейский пролив, так и на востоке, через Лаперузов, находились под ударами Японии, за спиною которой стояли уже Северо-Американские Соединённые Штаты.

Недостатки эти тотчас же замечены были англичанами, почему вслед за ратификацией Айгуньского договора английская печать, по сигналу хорошо известного в своё время **Равенштейна**, забила тревогу, указывая на беззащитность Манчжурии и на то, что начавшая уже спускаться со своих ледников Россия не задержится на Амуре ни одного лишнего дня и при первом же удобном случае двинет свои полки далее на юг к Печилийскому заливу.

Да, но хорошо было говорить об этом наступлении англичанам, для которых весь мир представляет собою раскрытую книгу, которые ясно видели наше положение, знали, зачем нам нужны Манчжурия и Печилийский залив и какого рода сопротивление могли мы встретить со стороны Китая. Между тем как для нас самих весь наш левый фланг с его морями, Китаем, Японией, Манчжурией, Монголией и т.п. казался, да и сейчас кажется, каким-то бесконечным тёмным лесом, лишь изредка освещённым небольшими полянками, служившими нам для более или менее продолжительного отдыха.

Так, во время нашего господства на Тихом океане, последний имел для нас только одно значение. В течение тысячелетий никем не потревоженная природа развела на нём бесчисленные стада морских коров, выдр, львов, бобров, котиков и других животных. Это обширное пастбище, приносящее нам значительные доходы, требовало охраны, почему время от времени посылалось туда из Кронштадта военное

судно. Но заводить тихоокеанский флот, как этого настойчиво домогались **Шелехов** и **Баранов**, обязывавшееся дать ему отличную стоянку на Гавайских островах, считалось лишним, ибо по тогдашнему нашему мнению, Великий океан и на веки веков должен был остаться мёртвою и никому не нужной пустыней. Но вот пришли англосаксы, отняли у нас наши пастбища, и мы отошли на Камчатку. Затем те же англосаксы направились к Китаю и начали ломать окна и двери нашего соседа. На этот шум мы спустились к Амуру и, сняв с плеч котомку, уселись в ожидании новых событий...

Под угрозой атаковать Нерчинск, китайские уполномоченные заставили чувствовавшего себя точно в плену, **Головина** подписать 26 августа 1689 года печальной памяти Нерчинский договор, согласно которому Россия должна была отказаться от всего принадлежавшего ей по праву открытия Амурского бассейна. Не вовремя пожелавшаяся нам граница с Китаем проложена была: на западе – по реке Горбице, на севере – по Становым горам, а на востоке, по нетвёрдому знанию уполномоченными обоих государств географии страны, осталась неопределённою. Для лучшего обозначения северной границы решено было поставить вдоль неё каменные столбы. Албазин разрушить, и всё, что оставалось русского на Амуре, увести на север с тем, чтобы на будущее время ни один русский человек не смел перешагнуть за запретную черту. Иными словами, слабый, никогда не могший справиться с кочевниками Китай, улучив минуту, заставил нас, – молодой, полный наступательной энергии народ, поднять на свои плечи его уродливую стену и перенести её на Горбицу и Становые горы...

Запертая со всех сторон на суше, Россия не могла, конечно, и думать тогда ни о каких экспедициях и ни о каких тропических странах. Но вот пришло время, и сама судьба начала направлять нас к тому же «Востоку». Когда наша вольница, молодецкато закинув кремнёвку за плечи, собиралась уже выступать из Якутска – Провидение зажгло на Амуре такой сильный маяк, свет которого сразу же сделался виден всей

России, и этим ясно сказало нам: «Вот ваша дорога!». Небольшое препятствие, которое Оно положило на этом пути в лице Манчжурии, было необходимо, чтобы задержать шедшие налегке и слишком выдвинувшиеся вперёд головные части, заставить их уцепиться за землю, выждать подхода новых эшелонов и затем уже в наступном порядке идти от «тёплой реки» к «тёплому морю».

Если бы на прохождение этого последнего этапа и на обращение самого слабого из остатков Золотой орды в совершенно русскую страну нам понадобилось даже полтораста лет, то и в этом случае сто лет назад мы стояли бы на берегах Жёлтого моря столь же безопасно, как сейчас на берегу Балтийского.

А теперь, возьмите циркуль, измерьте, во сколько раз ближе были бы мы с этой базы к Индии, Сиаму, Зондскому архипелагу, Филиппинам и находившемуся бы на одном с нами дворе Китаю, чем вся Западная Европа, или Америка, долженствовавшие путешествовать вокруг мысов Доброй Надежды и Горна, – и вам станет ясно, что главнейшая задача всей государственной политики нашей заключалась в обладании богатым югом Азии, являющимся естественным дополнением бедного Севера. Со своим первобытным взглядом на жизнь и первобытным оружием, татары решали эту задачу в форме господства над Китаем и Индией; мы же, как народ высшей культуры, должны были решить её иначе, а именно: закончив наше наступление через Сибирь выходом к Жёлтому морю, сделаться такою же морскою державою на Тихом океане, как Англия на Атлантическом, и такими же покровителями Азии, как англосаксы Соединённых Штатов – Американского материка. При этом условии мы были бы теперь не беднее и не слабее страшно теснящих нас ныне жизненных соперников.

К несчастью, задача эта не была понята нами и к самому важному историческому моменту, когда указанная нам самим Провидением арена была ещё свободна. Когда англосаксам Америки предстояло ещё перейти от Атлантического

океана через всю ширь своего материка, а Франция и Англия вступили в борьбу, долженствовавшую решить, которое из этих государств впредь до полного истощения вынуждено будет вращаться в орбите честолюбия своего противника – мы оказались точно распятыми на кресте нашего Нерчинского недомыслия.

...Получив за свою помощь Китаю в аренду Ляодунский полуостров и право на проведение по Манчжурии железной дороги к Владивостоку и Порт-Артуру, Россия достигла, наконец, тёплого моря, а вместе с ним и возможности освободить хотя бы одну ногу от тех ледяных кандалов, от которых на её теле начала появляться уже нехорошая краснота.

Но не успели ещё наши обречённые на вечное скитание по чужим портам моряки бросить якорь в столь желанной собственной бухте, как в тот же миг по другую сторону Печилийского залива над никого не интересовавшим до той поры Вейхай-веем затрепетал в воздухе английский флаг. Вслед за тем у берегов Кубы взрывается и тонет, унося с собою на дно моря какую-то страшную тайну, американский крейсер «**Мэн**». И вот наэлектризованный до последней степени и ждавший лишь первой искры американский народ с яростным рёвом «*To hell with Spain!*» (К чёрту Испанию!) бросается на ни в чём, кроме своей слабости, неповинную Испанию.

С помощью всё время поддерживавшихся ими кубинских и филиппинских революционеров, американцы овладевают Кубою, Гуамом и Филиппинами и таким образом в несколько скачков оказываются в самом центре великой восточной арены...

По окончании войны победитель испанского флота под Манилою командор **Дюн** буквально засыпан был почестями. Все некрасивые сооружения американских жилищ по его пути исчезли под пестревшими всевозможными красками флагами, материями, цветами и зеленью; толстый ковёр из живых роз покрыл собою мостовую; сотни тысяч мужчин с обнажёнными головами оглушительными криками приветствовали своего национального героя; красивейшие женщины Со-

единённых Штатов считали за счастье прикоснуться губами хотя бы к обшлагам его мундира; конгресс благодарил его от имени народа и поднёс роскошный дворец, а сенат – чин полного адмирала.

Из застольных речей на банкете, данном в честь прибывших на торжества англичан, выяснились затем и внутренние причины столь необычайного триумфа. В то время как английский философ **Бенджамин Кидд** ставил победу **Дюи** рядом с победою **Веллингтона**, – американские учёные видели в ней событие, равное победе **Карла Маркса**¹¹¹ 732 года, положившей начало отступлению с жизненной арены мавров. Ибо, по словам профессора **Гидингса**, в бою под Манилою, зашедшие с юга Азии англосаксы направляли свои орудия через головы уже повергнутых ими испанцев против великой славянской державы и открывали борьбу, которая к середине двадцатого столетия должна будет закончиться торжеством англосаксонской расы на всём земном шаре.

...В средние века в Западной Европе существовал Союз каменщиков, занимавшихся исключительно постройкою церквей готического стиля. Желая удержать за собою монополию этого выгодного труда и ревниво охраняя поэтому тайну своего искусства, каменщики выработали особый, строго соблюдавшийся ими обряд при приёме в цех нового члена и при производстве работ. Каждый день на рассвете все рабочие собирались на открытом месте и выстраивались полукругом перед главным мастером, который становился спиною к востоку, чтобы при восходящем солнце хорошо разглядеть лица – нет ли среди рабочих чужого. Из той же предосторожности все объяснения предстоявших работ давались на условном языке. Затем рабочие отправлялись в «ложу», или сарай, где хранились инструменты и, разобрав последние, становились на работу...

С появлением стиля ренессанс, готический стиль начал выходить из моды, и с течением времени сильно интересовавшая всех своею таинственностью масонская организация умерла естественною смертию, но устав её сохранился. Слу-

чайно наткнувшись на него, талантливые артисты в игре на человеческих слабостях англичане решили воспользоваться им для организации нового союза строителей, целью которых было бы «нравственное самоусовершенствование, равносильное возведению символического храма» — или, правильнее, — создание британского могущества!

Первая, или «великая ложа» основана была в Лондоне в 1717 г. и, чтобы сделать новое масонство вопросом моды, на должность мастера выбрано было высокопоставленное лицо, а распространение нового масонства по другим странам взяли на себя английские аристократы. Вслед за новыми ложами в Англии, лорд **Дервенсватер**, дворянин **Момелон**, сэр **Гентри** и несколько других английских джентльменов устроили ложи во Франции. Великий мастер граф **Стратмор** дал посвящённым в Лондоне — одиннадцати немецким господам и добрым братьям — разрешение на открытие лож в Германии. Секретарь английского посольства в Стокгольме **Фулман** получил приказание лорда **Банлея** организовать ложи в Швеции. Лорд **Гамильтон** открыл ложу в Женеве; герцог **Мидлэссекский** — во Флоренции, Милане, Вероне, Падуе, Венеции и Неаполе; лорд **Калейран** — Гибралтаре и Мадриде; **Гордон** — в Лиссабоне, **Миних** — Копенгагене; капитан **Филипс** — в Петербурге, Москве, Ярославле и Архангельске.

Как общее правило, в члены лож принимались только лица, наиболее влиятельные по своему общественному или служебному положению. Затем для заведывания ложами в каждой стране назначалась своя «великая ложа», великий мастер которой, нося звание провинциального, в свою очередь подчинялся английской ложе. Таким образом, все государства Европы превращены были в своего рода английские провинции¹¹². На ритуалах лож читалась особая молитва за английского короля. Местные английские дипломаты были наиболее почётными членами лож, а наезжавшие из Лондона члены ложи-родоначальницы — наиболее почётными гостями.

Само собою понятно, какую роль должны были сыграть эти идеальные передовые базы в образовании бесконечных

коалиций против Франции, или, как говорилось в ложах, – антихриста **Наполеона**, – и впоследствии, когда патриархом масонов был лорд **Пальмерстон**, а в подчинении у него, по масонской иерархии, состояли **Кошут**, **Гарибальди**, **Мадзини**, **Ратацци**, **Кавур** и даже **Наполеон III...**

...Направившись по стопам англичан и распространив... сеть своих наблюдательных треугольников на четыре пятых земного шара, американцы перешли затем к образованию в чужих странах таких передовых баз, на которых они могли производить уже формирование революционных армий, как, например, в Мексике, на Кубе и Филиппинах.

С такой именно целью обратили они своё внимание и на «русских нигилистов». Но после основательных разведок, произведённых в Европейской России и Сибири, увидели, что слабовольная, расплывшаяся в море неопределённых желаний русская молодёжь, даже в разрушительной работе может играть лишь подчинённую роль. Организовав поэтому в Нью-Йорке, Филадельфии, Питсбурге, Бостоне и других городах «Общество друзей свободы России» и поместив на выставке и у подъезда людей с русскими именами, американцы в действительности сделали из этого общества главный орган для управления действиями еврейского народа.

Действия же эти состояли вот в чём.

В начале шестидесятых годов прошлого столетия, захваченные потоком националистического движения в Западной Европе **Гесс**, **Легран**, раввин **Калишер** и другие еврейские мыслители начали говорить своим единоверцам, что и им не следует сидеть сложа руки в ожидании того времени, когда придёт Мессия и водворит их снова в Палестине, а нужно самим приниматься за работу и основывать на старом пепелище свои колонии.

Под влиянием этой проповеди **Моисей Монтефиоре** устроил в 1869 г. близ Яффы колонию Песах Тикво и открыл в ней земледельческую школу Микво Израиль. Хотя колония росла плохо, но осведомлённое о намерениях сионистов турецкое правительство относилось к ней недоброжелательно.

Это препятствие с одной стороны и, начавшееся на Западе Европы антисемитическое движение с другой, вызвали у евреев стремление к группировке в общества Ховове Цион (друзей Сиона). Такие общества появились в Париже, Вене, Гейдельберге, Галиции, Румынии, Болгарии, Варшаве, Вильне, Киеве, Одессе и Харькове.

В 1887 г. состоялся первый сионистский съезд в Варшаве, на котором постановлено было ввиду противодействия Турции прибегнуть к «практической инфильтрации». Этим контрабандным путём евреям удалось перевезти в Палестину около 5000 своих переселенцев.

Но в 1890 г., организовавшийся в Париже Центральный комитет решил направить дальнейшую деятельность сионистов не на колонизацию Палестины, а на культурное развитие еврейского народа и на создание новой системы национального воспитания. Палестина же, в которой имелось уже ядро будущей колонизации, должна была до поры до времени служить духовным центром еврейского народа.

Наконец, в середине девяностых годов, **Герцлем** предложен был переход к «политическому сионизму», то есть к объединению всех евреев в официальный союз, который путём международных соглашений добился бы от Турции уступки Палестины...

Быстро превращаясь, таким образом, из мелких сектантских кучек, группировавшихся вокруг синагог и раввинов сначала в крепко связанный священною для каждого тайною общества, предводимые способными, деятельными вождями, а затем и в незримую, вследствие отсутствия территории, державу, евреи, с такою же быстротою и последовательностью, переходят в наступление против русской государственности.

До мозга костей проникнутые национальной идеей, болезненно любящие своё воображаемое государство, – эти не стесняющиеся гримом актеры надевают на себя маску презирающих «национальные предрассудки» социал-демократов и цинизмом своего красноречия до такой степени увлекают

хлипкую русскую молодёжь, что в короткий промежуток времени с 1886 по 1888 г. вся западная и южная Россия, точно скарлатиною, покрывается красными пятнами социал-демократических кружков.

Довольный таким успехом центральный комитет отдает после этого приказ перейти от кружковой пропаганды к широкой агитации. Главная цель последней, как говорилось в наставлениях: «Об агитации» и «Письмо к агитаторам», должна была состоять в том, чтобы наwerben возможно большие силы, с которыми в благоприятный политический момент можно было бы выступить на защиту специально еврейских интересов.

Согласно этой инструкции, ряженные апостолы социализма смело прокладывают путь на фабрики, заводы, в мастерские и храмы науки, где на алтарях русской мысли водворяют давно осмеянного Западом **Карла Маркса**.

С 1894 г. по распоряжению того же комитета начинается наводнение России подмётной литературой. Издеваясь в ней над нашим патриотизмом, нашими обычаями, нашей религией, разжигая сословную ненависть, внушая вражду к правительству, неуважение к Верховной Власти и, умножая таким опустошением русской души толпу «Иванов, не помнящих родства», евреи начинают организовывать из последних боевые дружины. С 1896 г. они орудуют уже стачками и забастовками, во время которых еврейские командиры демонстративно водят по улицам столиц и больших городов толпы бесчинствующей молодёжи и рабочих. В 1897 г. формируется полевой штаб еврейской армии, известный под именем Бунда. В 1900 г. следует распоряжение – не прекращая, а наоборот, усиливая действия по ввозу запрещённой литературы, в то же время обратить внимание на периодическую печать в целях насыщения широких масс полезными еврейству идеями.

Постепенно забирая, таким образом, в свои руки влияние и власть, евреи заявляют сначала, что на всех совещаниях революционных комитетов русский язык должен уступить место еврейскому жаргону, иными словами, выталкивают в

свои передние даже прислуживавших им профессоров, а в 1902 г., на четвёртом съезде бундистов, вырабатывают уже требования: 1) «Обеспеченной законом возможности для еврейского населения употреблять родной язык в сношениях с судами, государственными учреждениями и органами, местных и областных управлений».

2) «Национально-культурной автономии, выражающейся в изъятии из ведения государства и органов местного и областного самоуправления функций, связанных с вопросами культуры, и передаче их нации в лице особых учреждений, местных и центральных, избираемых всеми её членами на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования» и т. д.

К этому времени, ещё завешенное дымкою грядущего, но уже заметно обнаруживавшее свои контуры Царство Израильское имело в своём распоряжении внутри России 5000 фанатически преданных делу агитаторов, – мужчин и женщин; 30 000 боевой дружины, из так называемых социал-революционеров, и в помощь Бунду – четырнадцать полевых штабов: в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Гродно, Вильне, Двинске, Ковно, Витебске, Минске, Гомеле, Могилеве, Бердичеве, Житомире и Риге. Четвёртый съезд решил распространить эту организацию на Одессу, Нежин, Киев, Екатеринослав, Прилуки и другие города и местечки Европейской России, на Кавказ и Туркестан.

Мало того.

При врождённых способностях к «практической инфильтрации», тонкою пылью проникая во все тайники нашей государственной и общественной жизни и всюду неся с собою микробы разложения, евреи в то же самое время основательно высмотрели все самые чувствительные места, куда можно было бить нас без промаха...

Вот какая чудовищная «передовая база» устраивалась в течение многих лет внутри России!..

Превосходно зная всю подноготную нашего расположения на театре борьбы за жизнь, степень готовности, характер

наших государственных людей и т.д., наши противники ангосаксы не могли, конечно, ошибиться и в расчёте сил, который сделан был ими следующим образом.

Для открытого удара на наш левый фланг, или, по выражению американцев, для разрушения нашей «Восточной империи», предназначалась Япония, постепенно приучавшаяся смотреть на наш быстро выраставший торговый флот, Корею и устраивавшуюся нашим трудом и на наши деньги Манчжурию, как на свою собственность.

Моё примечание. Таким образом, я вижу в создании на будущих полях сражений искусственных облаков дыма не только средство для уменьшения потерь при наступлении и атаках, но и пособие для развития элемента внезапности и для демонстрации: за искусственно созданной дымовой завесой может и не быть расположено войск и неприятель, введённый в заблуждение, приготовится здесь к отпору, а войска наши, найдя в местности пособие для скрытного подхода к неприятельской позиции, налетят на него в другом месте, внезапно, для удара в штыки и шашки.

Военно-исторические и манёвренные факты – Само-Спера 1810 год, Грохов – 1830 год и Мюнхзеберг – 1888 год, указывают нам на грандиозное значение дыма как покровителя внезапных атак!

В качестве политического резерва, долженствовавшего регулировать ход событий, готовились:

1) Еврейский народ, которому ввиду его нынешней многочисленности и невозможности удовлетвориться одною Палестиною, обещана была для образования самостоятельного Царства Израильского территория между Каспийским, Чёрным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом

и 2) Организовавшиеся под руководством евреев партии революционеров разных наименований, снабжённые тем, что с разгромом России им предоставлена будет возможность создать из неё целый ряд новых государств по принципам французской революции и **Карла Маркса**.

Роль же самих англосаксов и необычайное искусство их как закулисных деятелей выплывут наружу, если мы обратим внимание на следующие факты.

В течение всей войны 1904–1905 гг., державшийся в полной боевой готовности внутри России политический резерв не только ни разу не был пущен в дело, но даже случайно вырвавшиеся из рук 9 января 1905 г. части его были тотчас же отведены на место, ибо успешно действовавшая против нашего левого фланга Япония могла обойтись без подкреплений. Но вот после того, как пал Порт-Артур, армии наши были вытеснены из южной Манчжурии и флот погиб под Цусимой – по сигнальной ракете, выпущенной Лодзью 10 июня; 14 июня вспыхивает бунт в Севастополе, 15 – в Одессе и Либаве; 17 – в Кронштадте и Свеаборге... Те из читателей, кто хоть немножко знаком с действиями войск на театре войны, сейчас же поймут истинный смысл и этих событий на театре борьбы за жизнь, а именно – вслед за поражением наших морских сил в Жёлтом море еврейская кавалерия брошена была на Чёрное и Балтийское моря для преследования русского флота на самых базах его.

Спрашивается, однако, в чьих же интересах были, – благодаря Богу неудавшиеся, – взаимный расстрел и потопление Черноморской эскадры, разгром доков, мастерских, словом, полное высаживание России на сушу? Разумеется, в интересах вполне зримых и при том морских держав.

Затем, с приближением срока ратификации Портсмутского договора, опасаясь, что одинаково недовольные последним и Россия, и Япония не пожелают вывести свои войска из Манчжурии, что повлекло бы за собою деморализацию местных китайских властей, новые осложнения, а может быть и новую, более удачную для России войну – творцы событий закрывают сундук и прекращают истощившейся в денежном отношении Японии кредит. В то же время державшиеся на англосаксонской цепи лунатики отпускаются на свободу, и на всём пространстве России под истерические взвизгивания еврейской печати начинается бешеная пляска революционных дервишей вокруг костров из помещичьих усадеб.

В результате обе стороны спешно увозят свои армии из Манчжурии...

Совокупными усилиями этой тайной коалиции¹¹³, едва пробившаяся к тёплому и открытому морю Россия была немедленно оттеснена назад. Третий по величине флот её уничтожен. Гордость нашей цивилизации – Великий Сибирский путь, продолженный посредством пароходства до устья Янтсекианга и обещавший сделаться одною из доходнейших государственных статей, обломлен и из междуокеанского тракта превращён в тупик, ибо с захватом японцами половины Сахалина, Кореи и Южной Манчжурии мы не можем уже выйти из нашего дома иначе как по японским коридорам и под жерлами японских пушек.

Но так как для неудержимо стремящихся к мировому господству англосаксов борьба за жизнь представляет собою не что-нибудь особенное, к чему нужно готовиться годами, а правильный ежедневный труд, то непосредственно за войною 1904–1905 гг. следует целый ряд новых событий впереди нашего фронта, то есть в странах, занимающих полосу Южной Азии между 40 и 30 градусами северной широты.

Прежде всего, перед серединою фронта англичане со своей индийской базы гигантским скачком устремляются к северу, включив по конвенции 18 – 31 августа 1907 года в сферу своего влияния Тибет, Афганистан и замыкающую выход к Индийскому океану южную половину Персии.

Затем, прибывший в Тегеран с своею боевою дружиною **Эфрем**, совместно с получившими образование в американских университетах молодыми персами, свергает с престола шаха **Мохаммеда-Али** и расчищает таким образом путь целому отряду американских администраторов, и посейчас, кроме **Моргана Шустера**, преспокойно работающих в Северной Персии столько же против этой страны, сколько и против России.

Одновременно с этим в сплошь населённых евреями Салониках, в масонских ложах «Македония» и «Ризорта» образуется страшный застенек, известный под именем «Салоникского комитета», или «Комитета Единения и Прогресса», где шайка

еврейских националистов во главе с **Эмануэлем Карассо** и **Джавидом-беем** решает участь когда-то приводившей в трепет всю Европу Турции и главы всего мусульманского мира – султана **Абдул-Гамида**.

Наконец, наступает очередь и Китая, который после своих разнообразных опытов с англичанами и американцами смело мог бы сказать теперь — «плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом!».

Как известно, во время боксёрского восстания 1900 года в числе наступавших к Пекину войск находился и маленький американский отряд генерала **Чаффи**, за что Китай должен был заплатить США двадцать восемь миллионов рублей контрибуции. Но в следующем году американцы предложили китайскому правительству взамен уплаты этих денег устроить на них в Гонане отделение Иэйлского университета, основать в разных местах Китая американские школы и сверх того – отправлять в американские университеты наиболее способных молодых китайцев – в течение первых четырёх лет по сто человек, а далее – по пятидесяти.

Очарованный таким великодушием богдыхан снарядил в Вашингтон особое посольство для выражения благодарности американскому народу за бескорыстную дружбу и покровительство. Но благодарить было не за что, ибо посредством насыщенных за китайский же счёт революционным ядом воспитанников своих школ англосаксы одним дуновением своей политики, точно карточный домик, разрушили старейшую в мире монархию.

После чего Китай, впредь до окончательного превращения его в «Индию» или «Египет», поступил в распоряжение англосаксонских финансистов во главе с гениальным дельцом **Пирпонтом Морганом**. Первый скромный шаг на этом пути намечен уже проектом **Суньянца** на передачу англосаксам постройки 100 000 вёрст железных дорог, то есть всей нервной системы государства.

Итак, окидывая взглядом наше нынешнее положение на театре борьбы за жизнь, мы видим следующее:

Вытеснив нас сначала с американского берега и северной части Тихого океана, англосаксы перенесли затем свои наступательные действия против нас на азиатский материк. Причём, войною 1904–1905 гг. они отбросили наш левый фланг от Жёлтого моря и забаррикадировали его Японией от Сахалина до устья Ляохэ; а с целью возведения подобной же баррикады вдоль всего нашего фронта, – за четыре последних года разрушили три южноазиатских монархии и распространили сферу своего влияния на весь юг Азии до 40 градуса северной широты.

Новый наступательный акт их начнётся с открытием Панамского канала и одновременным перенесением столицы Индии из Калькутты в лежащий на самом севере Индийского полуострова Дели. К этому времени, систематически разжигаемая вражда к нам южноазиатских народов примет ещё более острую форму, кроме того, будут закончены и новые «передовые базы» внутри России. Но успех наступательных действий на нашем фронте будет много зависеть от хода событий, тщательно подготовленных с 1905 г. на правом фланге нашего государства, то есть в Европе.

...Известно, что свою блестящую карьеру завоевателей и вершителей судеб человечества англичане начали с разгрома Голландии. Живя у большой дороги и долгое время с завистью следя за тем, как по каналу, гордо надув свою белую грудь, целыми караванами проходили нагруженные драгоценнейшими произведениями тропиков голландские «купцы» – бедный, но сильный мускулами и волею английский народ не выдержал испытания. 10 июня 1652 года Государственный совет Англии приказал адмиралу **Блэку** захватить возвращавшийся из Индии голландский флот.

В эту первую войну, начатую без всякого предупреждения противника, англичане изловили 1700 плохо застрахованных голландским правительством кораблей¹¹⁴, общию ценностью в шесть миллионов фунтов стерлингов, и этим сильно поправили свой бюджет, едва достигавший одного миллиона фунтов стерлингов.

Во вторую войну они большею частью своего флота заблокировали Голландию, а меньшую отправили для хозяйничанья в голландских колониях. С третьей же войною Голландия из первого поставщика на всю Европу колониальных товаров начала быстро превращаться в едва сводящего концы с концами табачного и кофейного лавочника.

После этого англичане перенесли свои наступательные действия против Испании, и спустя недолгое время эта облепившаяся под ласками никогда не заходившего в её владениях солнца держава узнала, что такое сумерки.

Наконец, наступила очередь Франции...

В 1784 г. во главе правительства уже разбогатевшей, цивилизовавшейся и достигшей могущества Англии поставлен был любимый сын лорда **Чатама – Уильям Питт**. Этот стройный и худенький 25-летний юноша с девичьей улыбкою и розовым цветом лица явился воплощением гения англосаксонской расы. Почтительный к верховной власти и конституционалист до мозга костей, он с таким же тактом отстаивал свои мнения перед королём, с каким внушал свою волю народным представителям. Никогда не выезжавший из Лондона, благодаря неусыпному труду, от которого не мог оторваться даже для женитьбы, он понимал Англию и Европу как ни один из современных ему государственных деятелей. Считая себя вполне счастливым тем, что он сын Англии, он не признавал для себя никаких наград, и всё своё честолюбие видел в величии своей родины.

Первым шагом по вступлению во власть было – освободить кабинет от вредных на рабочем месте говорунов и людей, стеснявших его громоздкими титулами. Вместо них он подобрал себе помощников из лучших знатоков торгового морского дела и приступил с ними к разработке плана борьбы со стоявшею на английской дороге державою выразившегося в следующей форме:

«Отрезать Францию от всего коммерческого мира так, чтобы она представляла собою как бы один портовый город, заблокированный с моря и с суши».

Для чего – усилить английский флот и не останавливаться перед затратами как на поддержание внутренней смуты во Франции, ослаблявшей внешнюю обороноспособность этой страны, так равно на субсидии и займы для образования коалиций, ибо каждая вступающая в войну континентальная держава, работая на полях сражения в пользу Англии, в то же время переставала быть соперницей англичан на арене промышленности и торговли.

Иными словами, готовясь к войне с Францией, великий вождь английского народа **Питт** заранее наметил всю остальную материковую Европу как базу, на которой посредством торговли он мог добывать золото, а посредством золота формировать коалиции для методических ударов в правый фланг и тыл своего противника и отвлечения его, таким образом, от фронтального нападения на Англию.

Смелости этого замысла вполне соответствовало и искусство выполнения его...

В течение двадцати трёх лет ведя крайне упорную борьбу с Францией, Англия своими собственными войсками почти не участвовала в боях. Вместо того чтобы проливать драгоценную кровь своих подданных, она снабжала сражавшиеся за неё континентальные армии пушками, снарядами, ружьями, одеялами, сапогами, палатками, сёдлами, шанцевым инструментом и т. п.; не участвовавших в бою она одевала в свои ткани, привозила им посуду, стальные изделия, предметы роскоши и, как хозяйка морей, обеспечивала материк всеми колониальными товарами. Иными словами, была поставщиком по горло занятой войнами Европы.

С введением континентальной системы, когда для распространения её и на Пиренейский полуостров **Наполеон** двинул свои войска против Испании и Португалии, – Англия немедленно послала на помощь последним небольшую армию, а её корабли направились к берегам Америки, дали толчок к восстанию испанских колоний и, уничтожив торговую монополию испанцев, открыли для английской торговли обширный американский рынок.

Одновременно с этим, обладавшие изумительною широтою взгляда, при которой весь земной шар казался им много меньше, чем нам кажется сейчас Россия, государственные люди Англии делали и другое, не менее важное дело.

В 1799 г., когда наши войска штыками прокладывали себе путь в теснинах Швейцарии, Англия заняла Мальту и, утвердив своё господство на Средиземном море, закупорила нам проливы.

В 1805 г., во время шенграбенского и аустерлицкого боёв, уже проложив цепь этапов вдоль западного берега Африки, она отняла у голландцев лежавшую на тогдашнем пути в Индию и представлявшую собою превосходную базу для наступления в глубь Африки – Капскую колонию, а по восточную сторону этого материка захватила у французов вытянувшиеся по направлению к Индии группы островов Иль-Де-Франс и Сейшельские.

В 1813 г., в то время как наша армия спасала Западную Европу под Дрезденом и Лейпцигом, она заканчивала уже завоевание Индии, чтобы с этой базы распространить своё господство на юг Азии и преградить нам наступление по всему нашему фронту.

Короче говоря, в то время как вся континентальная Европа выжимала из себя все соки в ожесточённых, но представлявших для неё самой одно сплошное недоразумение войнах, Англия закладывала прочный фундамент своего материального благосостояния и своей нынешней грандиозной империи.

Затем, после победы над Францией, оставшись единственною морскою державою, она окружила европейский материк своим могущественным флотом и, точно насыщенную электричеством изгородью, размежевала им земной шар следующим образом.

Всё, что находилось снаружи этой изгороди, то есть весь безграничный простор морей с разбросанными на них островами, все самые обильные теплом, светом и природными богатствами страны, словом, весь Божий мир она предоставила

в пользование англосаксов, а для всех остальных народов белой расы устроила на материке концентрационный лагерь...

С ослаблением же Франции, образованием Германской империи и Итальянского королевства и теми переменами, которые внесены были войною 1877–1878 гг. на Балканах и деятельностью английской дипломатии на Скандинавском полуострове – на шахматной доске Европы почти все фигуры оказались придвинутыми к востоку и занявшими по отношению к нашей границе следующее положение.

1. Скандинавские государства. Ещё перед Севастопольскою войною, желая нарушить наши добрососедские отношения со скандинавскими народами, английский кабинет посредством печати поднял заведомо ложную тревогу о том, что будто бы Россия ищет выход к Атлантическому океану через Норвегию и наметила для этого гавань Викторию. Затем, чтобы сделать эту скверную выдумку более правдоподобной, в ноябре 1855 года тогдашние союзники Англии и Франции подписали в Стокгольме со Швецией и Норвегией договор, по которому Скандинавские государства обязывались не уступать, не обменивать и не позволять России занимать какой бы то ни было участок шведско-норвежской территории. Со своей стороны Англия и Франция обещались, в случае надобности, поддержать шведского короля войсками и флотом.

Измыслив, таким образом, предлог и официально взяв под своё покровительство Скандинавские государства, Англия с этой базы распространила своё влияние на Финляндию и начала постепенно превращать Финляндию в свой политический авангард, Швецию – в финляндский резерв, а Норвегию оттягивать под собственное крыло, чтобы обеспечить себе пользование норвежскими бухтами при наступательной войне с очередною континентальною державою на Северном море.

2. Германия. Превратясь со времени своего объединения в несколько раз увеличенную Пруссию, эта могущественная военная держава привлекла к себе три четверти нашего внимания и сил.

3. Австро-Венгрия. Вытесненная из Италии и Германского союза, она повернулась в противоположную сторону, то есть частью к востоку, а главным образом, на Балканы.

Вот, собственно говоря, когда и в каком виде сказались результаты нашего участия в коалициях, наших войн за освобождение Европы и ошибочного понимания нами «равновесия сил». Деятельно помогая Англии валить Францию, мы упустили время, когда с половиною войск, дравшихся на западе, смело могли пробить себе путь к южным морям. А свалив Францию, мы тем самым ослабили полезный нам противовес и дали возможность Англии придвинуть к нашей границе всю континентальную Европу, которая в свою очередь давлением на наш правый фланг помогла Англии парализовать наши действия на всём нашем фронте от устья Дуная до Жёлтого моря...

Сделавшись единственной обладательницей морских путей и распространив своё политическое и экономическое господство на большую часть земного шара, Англия напрягала и продолжает напрягать все усилия к тому, чтобы удержать за собою это исключительное положение и на всякую попытку со стороны других континентальных держав выйти в море, смотрела и продолжает смотреть, как на посягательство на её жизненные интересы. Дважды разрушив поэтому наши морские силы и заблокировав нас с фронта таким образом, что в настоящее время единственным и уже полузакрытым выходом осталась одна Персия, Англия в то же время готовилась к действиям против очередного и последнего из её серьёзных соперников – Германии.

Хотя после войны 1870 г. германцы получили с Франции два миллиарда рублей, но это единовременное пособие, ушедшее большею частью на покрытие военных расходов, не сделало их ни богатыми, ни счастливыми. Уже скоро после войны недовольство накопившегося в городах рабочего населения начало выражаться в стачках, забастовках и покушениях на императора **Вильгельма I** (1878 – 1883 – 1884 – 1885 гг.).

Так как строгие карательные меры, применявшиеся **Бисмарком**, не привели ни к чему, то, рассчитывая уладить

дело с помощью мирного соглашения, император **Вильгельм II** приказал в 1891 г. созвать в Берлине рабочий конгресс, на котором приняты были многие требовавшиеся рабочими улучшения их быта. Но достигнутое таким образом успокоение было непродолжительно, ибо главная причина всеобщего недовольства коренилась в том, что, сжатая с трёх сторон такими же густонаселёнными государствами, Германия не могла питать своё быстрорастущее население одними собственными средствами, а стало быть, нужно было искать их в четвёртой стороне.

Придя к такому выводу, **Вильгельм II** объявил, что «будущее Германии лежит на море». После этих слов, заключавших в себе необычайно важную и для соседей политическую программу, точно вырвавшаяся из запертого сосуда, германская энергия устремилась на морские предприятия. Причём, несмотря на то, что Германия начала превращаться в морскую державу слишком поздно, когда все колонии были уже разобраны, рынки захвачены и для достижения их нужно было ездить по английским путям и останавливаться на английских станциях, германцы в короткий срок достигли удивительных результатов. Их торговый флот по количеству и качеству судов давно обогнал французский и достиг почти одной трети английского. Обороты морской торговли уже в 1904 г. почти вдвое превысили собою французскую контрибуцию, а в 1910 г. достигли шести миллиардов рублей.

Но столь быстрому расцвету, вероятно, будет соответствовать и такой же внезапный конец.

Звучный клич императора, всколыхнувший собою германский народ, сейчас же подхвачен был англичанами, как вызов на борьбу не на жизнь, а на смерть.

Занятая сначала в Трансваале, а затем борьбою с нами в Азии, Англия ещё до Портсмутского мира возобновила свой союз с Японией и, поручив ей охрану своих интересов до Индии включительно, начала стягивать все свои силы в Северное море и вот ещё невиданный по величине флот её дамокловым мечом повис уже над Германией...

...В силу исключительно благоприятного географического положения Англии морская торговля германцев будет прервана, много слабейший флот их будет разбит и сама Германия будет выброшена на сушу.

Но так как для серьёзного обессиления первоклассной европейской державы одной морской победы над нею совершенно недостаточно, а необходимо глубокое поражение её на суше, то сама Англия начнёт войну лишь в том случае, если ей удастся вовлечь в неё Россию и Францию. Участие этих держав и распределение их по театрам войн в течение последних лет обсуждались английскою печатью так, как будто бы «тройственное соглашение» было уже формальною коалициею против Германии.

При таких условиях рассчитывать на чистосердечное желание английской дипломатии привести нынешние Балканские события к мирному разрешению трудно. Наоборот, надо думать, что пользуясь огромным влиянием на Балканах и в известных сферах Австрии, она будет стремиться к тому, чтобы сделать из этих событий завязку общеевропейской войны, которая, ещё больше чем в начале прошлого столетия, опустошив и обессилив континент, явилась бы выгодною для одной только Англии.

Возможно, что огромный английский ум и систематическая работа одолеют и на этот раз все препятствия. Но мне кажется, что пора бы задыхающимся в своём концентрационном лагере белым народам понять, что единственно разумным *ballance of power in Europe* (баланс сил в Европе) была бы коалиция сухопутных держав против утончённого, но более опасного, чем наполеоновский, деспотизма Англии, и что жестоко высмеивавшееся англичанами наше стремление к «тёплой воде» и высмеиваемое теперь желание германцев иметь «своё место на солнышке» не заключают в себе ничего противоестественного. Во всяком же случае, присваивая себе исключительное право на пользование всеми благами мира, англичанам следует и защищать его одними собственными силами¹¹⁵.

Приведём в сокращении вторую из ставших заслуженно знаменитыми работ **А. Вандама**.

(Публикация подготовлена д.с.н. полковником **Игорем Владимировичем Образцовым**)

Алексей Вандам:

АНГЛИЯ НАЧНЁТ ВОЙНУ ЛИШЬ В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ЕЙ УДАТСЯ ВОВЛЕЧЬ В НЕЁ РОССИЮ...

Сбывшийся прогноз развития геополитической ситуации в мире накануне развязывания Первой мировой войны

Вступление в Первую мировую войну явилось для России одной из самых крупных и роковых ошибок XX столетия. Этот шаг, по сути своей, явился самоубийственным для начавшей интенсивно развиваться в новом столетии страны. Последовавшие за этим Февральская и Октябрьская революции 1917 г. и братоубийственная Гражданская война только ускорили процесс развала некогда могущественной Российской империи.

Просчитывали ли наши предшественники последствия этого трагического шага? Учитывали ли жизненно важные интересы, связанные с обеспечением национальной безопасности? Возможен ли был иной вариант развития событий?

Публикуемая с небольшими сокращениями работа **А.Е. Вандама** «Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии» позволяет дать ответ на эти и другие вопросы альтернатив исторического развития. Вышедшая в свет в июле 1913 г. – ровно за год до начала Первой мировой войны – брошюра содержала подробное изложение и детальное обоснование сценария развязывания, возможного хода и исхода общеевропейской войны, прогноз её последствий для различных стран и, прежде всего, для России. И хотя работа имела значительный общественный резонанс, аргументы, изложенные в ней, не были услышаны высшим политическим руководством страны. Россия, воюя исключительно за иностранные инте-

ресы, истекла кровью на полях сражений и никак не смогла воспользоваться плодами победы своих союзников и поражением противников. Реальные итоги этой войны оказались печальнее самых пессимистических прогнозов.

Но прогнозы эти представляют значительный интерес и с позиций сегодняшнего дня, поскольку отличаются глубоким анализом и точными оценками. Принадлежат они перу чрезвычайно одарённого человека – **Алексея Ефимовича Вандама**. К сожалению, сведения из его биографии достаточно отрывочны и не позволяют представить её в полном объёме. Однако даже те эпизоды его жизни, которые удалось восстановить, свидетельствуют о неординарности его творческой натуры.

Несмотря на достаточно необычную иностранную фамилию, автор является выходцем из самых низших слоёв русского общества. Его подлинная фамилия **Едрихин**, родился он 17 марта 1867 г.¹¹⁶ в Минской губернии и происходил из многодетной семьи солдата. Семнадцати лет от роду, 24 декабря 1884 г. **Алексей Едрихин** поступил вольноопределяющимся третьего разряда в 120-й пехотный Серпуховской полк. Через два года он поступает в Виленское юнкерское пехотное училище. Судя по всему, низкий образовательный уровень сказывался на результатах учёбы, поскольку 7 августа 1888 г. **Едрихин** оканчивает училище по второму разряду, что позволяло ему получить офицерский чин, но выбор места службы осуществлялся по вакансиям, оставшимся после распределения юнкеров, окончивших училище с более высоким баллом – по первому разряду. **Едрихин** производства в офицеры не получает, а в чине подпрапорщика направляется в 117-й пехотный Ярославский полк. Можно только догадываться о причинах, по которым училищное начальство сочло возможным приравнять его к юнкерам, окончившим училище по третьему разряду и действительно не имевшим права на получение офицерского чина.

Только по прошествии двух лет службы в войсках, 7 мая 1890 г., он производится в подпоручики. После всех этих пе-

рипетий перспективы его военной карьеры выглядели достаточно скромно: по устоявшейся армейской традиции **Едрихин** должен был завершить многолетнюю службу ротным командиром.

Но, надо думать, именно с момента производства в офицерский чин начинаются чудесные превращения в судьбе **Едрихина**. 30 апреля 1892 г. он был награждён медалью «За спасение погибающих» для ношения на груди на Владимирской ленте. Медаль эта давалась за спасение утопающих и погибающих на пожаре и свидетельствовала о личной решимости и отваге награждённого.

За семь лет офицерской службы в провинциальном гарнизоне, занимаясь самостоятельно, **Едрихин** достигает невиданных успехов: в 1897 г. блестяще выдерживает вступительные экзамены в академию Генерального штаба (12 экзаменов, в том числе 2 – по иностранным языкам), успешно осваивает достаточно сложную даже для весьма подготовленных офицеров учебную программу. В 1899 г. он по первому разряду заканчивает два курса академии с выполнением письменной работы за дополнительный курс. Казалось бы, ещё один год учебы на дополнительном курсе и для него открывается перспектива блестящей карьеры офицера Генерального штаба, но **Едрихин** ходатайствует об откомандировании его к прежнему месту службы в свой полк.

Причины столь странного и необъяснимого на первый взгляд поступка станут известны позже. 9 октября 1899 г. обер-офицер 117 пехотного Ярославского полка поручик Едрихин обращается с рапортом на имя начальника Военно-учёного комитета генерал-лейтенанта **В.У. Соллогуба**, в котором, в частности, пишет: «Желая отправиться в Южную Африку, чтобы лично следить за ходом англо-трансваальской войны, прошу ходатайства Вашего превосходительства о скорейшем зачислении меня в запас армии с предоставлением права по возвращении с театра военных действий быть зачисленным снова в свой полк с зачетом в службу времени, проведённого в отсуствии, и (об) отпуске за это время содер-

жания». На рапорте датированная этим же днём имеется виза военного министра **А.Н. Куропаткина**: «Иметь в виду для исполнения по возвращении поручика Едрихина...»

В послужном списке **А.Е. Едрихина** указано, что 11 ноября 1899 г. он зачислен в запас армейской пехоты (по 6 мая 1900 г.) в связи с участием добровольцем в англо-бурской войне на стороне буров. Получив поддержку руководства военного ведомства, **Едрихин** отправляется в Южную Африку. Офицер становится нештатным корреспондентом достаточно популярной в то время газеты «Новое Время». На страницах этого издания в период с февраля по июнь 1900 года регулярно публикуются его статьи и очерки. Все они были подписаны псевдонимом **А. Вандам**.

Сами репортажи **Едрихина** – это не только и не столько рассказ об увиденном в далёкой Южной Африке, сколько глубокий беспристрастный анализ причин и следствий возникшей войны, в том числе и её влияние на Россию (ослабление экспансионистских устремлений Англии на Кавказе и в Средней Азии). Здесь также находил своё выражение взгляд на Россию сквозь призму зарубежного опыта, проявлялись его истинный патриотизм и любовь к Родине.

В одной из своих корреспонденций он, в частности, пишет: «Я, насмотревшись за это время на здешние заграничные будни, с Божьей помощью постараюсь передать своим соотечественникам, что у нас вообще совсем не хуже, чем у других, что наша нравственность и вообще моральная сила очень высока, что физически мы богатыри, наше прославленное пьянство менее ужасно, чем у других народов, наша лень не так велика, как мы говорим, наше невежество вещь поправимая при нашем здравом рассудке. Наша конфузливость и самоумалиение перед иностранцами не имеют никаких оснований...»

В докладной записке военного министра **А.Н. Куропаткина** императору **Николаю II** от апреля 1901 г. о русских офицерах-добровольцах, принимавших участие в англо-бурской войне, сообщается, что 117 пехотного Ярославского пол-

ка штабс-капитан **Едрихин** для поездки в Южную Африку вышел в запас. Пробыл на театре военных действий около двух месяцев. Вследствие болезни и краткости пребывания в Южной Африке мало принимал участия в военных действиях. Все о нём отзывались как о весьма дельном офицере¹¹⁷.

Буквально через неделю после приезда из Африки **Едрихин** был лично принят военным министром **А.Н. Куропаткиным** и имел с ним продолжительную беседу по результатам своей поездки. Их встреча состоялась 7 мая 1900 г. Случайно или нет, но накануне, 6 мая, **Едрихин** стал штабс-капитаном.

13 июня 1900 г. он был вновь принят на службу, а спустя два месяца, 17 августа 1900 г. прикомандирован к Главному интендантскому управлению для выполнения служебных обязанностей по интендантской части. С этого момента для **Едрихина** наступает достаточно спокойный период службы в столице. Но размеренная жизнь, по-видимому, мало устраивала деятельную натуру **Едрихина** – весной 1901 г. он вновь подает рапорт об отставке. Куда на этот раз повлекло его, установить трудно. Известно, что 13 апреля 1901 г. он зачислен в запас армейской пехоты по Санкт-Петербургскому уезду.

Но на этом его военная карьера не заканчивается. На Дальнем Востоке зреет новый очаг напряжённости: российские интересы всё острее сталкиваются в этом регионе с интересами Великобритании и Японии. Возможно, эти обстоятельства подвигают **Едрихина** к возвращению в строй.

18 ноября 1903 г. капитан **Едрихин** был определён из запаса на службу с зачислением по армейской пехоте и назначен... помощником военного агента (атташе) в Китае. Когда и где **Едрихин** сумел освоить восточные языки, установить сложно. Это могли быть и Лазаревский институт, и курсы восточных языков, и самообразование. Но факт остаётся фактом: после двух с половиной лет перерыва в военной службе в его судьбе совершается неожиданный поворот – вступление на поприще военной разведки.

7 ноября 1906 г. **Едрихин** был приписан к Генеральному штабу. Очевидно, решающую роль в этом сыграла его ра-

бота в военной разведке. Косвенно об этом свидетельствует обнаруженная военным историком **А.Г. Кавтарадзе** в фондах 68 лейб-пехотного Бородинского императора **Александра III** полка¹¹⁸ записка капитана **Едрихина** «Сведения о переустройстве вооружённых сил Китая», датированная 4 января – 23 июня 1906 г.

В 1907 г. упоминание о нём исчезает из официальных документов Военного ведомства, вместо капитана **Едрихина** появляется капитан **Вандам**. Дело в том, что 29 мая 1907 г. было удовлетворено прошение офицера о смене фамилии. В этот день состоялся приказ по Генеральному штабу № 46, согласно которому было установлено просителя Всемилошвейше именовать впредь **Вандам**.

Что заставило **Едрихина** сменить фамилию, доподлинно неизвестно. Остаётся только предположить, что причины для этого были веские, поскольку подобного рода приказы по Генеральному штабу были большой редкостью.

В этой связи можно выдвинуть, по крайней мере, две версии. Первая из них связана с именем французского полководца **Д. Вандама**¹¹⁹, потерпевшего поражение от превосходящих русско-прусско-австрийских войск и попавшего в плен в битве при Кульме (в Чехии) в августе 1813 г. С одной стороны, выбор имени полководца-неудачника представляется малооправданным, но с другой – внимание **Едрихина** могла привлечь схожесть биографии человека, прошедшего путь от рядового солдата до генерала, с его собственным жизненным путём.

Вторая версия связана с Трансваалем. Подобное имя носил один из героев англо-бурской войны – африканер, командант Йоханнесбургской конной полиции **Ван Дамм**. Отряд под его командованием славился своей храбростью на полях сражений с англичанами. И хотя первые корреспонденции, подписанные псевдонимом **А. Вандам**, посланы в середине декабря 1899 г. из Амстердама, нельзя полностью исключать возможность того, что в Голландии того времени, где события англо-бурской войны пристально отслеживались и активно обсуждались, **Едрихин** мог слышать фамилию национально-

го героя Трансвааля. И, возможно, преклоняясь перед подвигами **Ван Дамма**, мог выбрать в качестве литературного псевдонима производную от его имени фамилию.

11 января 1908 г. **Вандам** был причислен к лейб-гвардии гренадёрскому полку для цензового командования ротой. 22 февраля 1909 г. переведён в Генеральный штаб. С 7 марта 1909 г. он исполнял должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 13 армейского корпуса (город Смоленск), 29 марта 1909 г. был произведён в чин подполковника.

Однако опять в его военной карьере возникает очередная, уже третий по счёту, перерыв. 26 июля 1910 г. по личной просьбе он увольняется со службы с зачислением в пешее ополчение Петербургской губернии. И на этот раз он вновь вернулся в строй, но спустя уже почти три года.

Предположительно причины этой очередной отставки были связаны с его желанием реализовать свои литературные способности. Он продолжает сотрудничество с издателем и главным редактором газеты «Новое Время» **А.С. Сувориным**: в 1912–1913 гг. выходят в свет его книги: «Наше положение»¹²⁰ и «Величайшее из искусств»¹²¹.

Обе работы **Вандама** с полным основанием можно отнести к военно-стратегическому направлению в геополитике. По сути, они, наряду с трудами **Д.А. Милютин**¹²², **В.П. Семёнова-Тян-Шанского**¹²³, **А.Е. Снесарева**¹²⁴, заложили фундамент отечественной геополитической школы¹²⁵.

В «Нашем положении» **Вандам** проанализировал историю развития России сквозь призму геополитического подхода и пришёл к выводу, что история эта, помимо несомненных достижений, во многом является и историей упущенных возможностей. Красной нитью через его работу проходит мысль о том, что главным геополитическим и геостратегическим противником России всегда выступала и будет выступать Англия (противостояние континентальной и морской держав). Выход из этого положения он видит в создании коалиции сухопутных держав: России, Германии и Франции против «утончённого деспотизма» Англии¹²⁶.

Сам **Вандам** собственные произведения оценивал достаточно скромно. По его мнению, они представляют собою лишь лёгкую царапину на девственной и безотлагательно требующей разработки почве русской политической мысли¹²⁷.

Вместе с тем многочисленные рецензии, появившиеся в российской периодике после выхода этих книг, свидетельствуют, что мысли и выводы автора оказались чрезвычайно актуальными и нашли широкий читательский отклик. Кроме того, по неподтверждённым сведениям, его книга «Величайшее из искусств» в 1916 г. была переведена на немецкий язык и издана в Германии.

Помимо этих двух работ в 1906–1913 гг. в издательстве **А.С. Суворина** вышло несколько книг иностранных авторов, которые были переведены с английского и французского языков **Вандамом** (ещё одно подтверждение незаурядных способностей этого человека). По своей проблематике эти книги также находились в русле его научных интересов, так как охватывали исключительно геополитическую и военно-политическую области¹²⁸.

Очевидно, реальная угроза возникновения войны, о которой Вандам предупреждал в своих книгах, сыграла решающую роль в принятии им решения вернуться на военную службу. 9 декабря 1913 г. он был назначен в Киевский военный округ на должность штаб-офицера для поручений при штабе 10 армейского корпуса, где и встретил Первую мировую войну. 13 ноября 1914 г. он получил чин полковника. 3 ноября 1915 г. назначен командиром 92 пехотного Печорского полка, а через год, 24 ноября 1916 – начальником штаба 23-й пехотной дивизии. 22 июня 1917 г. **Вандам** был произведён в генерал-майоры.

За отличия в боях он награждается орденами Святой Анны III и IV степеней с мечами и бантом, орденом Святого Владимира IV степени с мечами, а за бои во время летнего наступления 1916 г. – Георгиевским оружием. С 29 сентября 1917 г. генерал-майор **Вандам** состоит в распоряжении начальника Генерального штаба.

Накануне революционных событий октября 1917 г. он уезжает в Эстляндскую губернию, под Ревель, в имение друга, графа **П.М. Стенбока**, где и находится до осени 1918 г.

По мнению военного историка **Н.Н. Рутченко**, англофобские взгляды **Вандама** импонировали немцам, в связи с чем генерал в октябре 1918 г. получил предложение возглавить формируемый при поддержке Германии добровольческий Псковский корпус, который со временем должен был быть развернут в белую Северную армию.

Вандам прибыл из Ревеля в Псков 12 октября 1918 г. и в тот же день отдал приказ по Псковскому корпусу, где объявил, что он временно принимает командование корпусом по просьбе представителей Псковской и Витебской губерний для борьбы с Советской властью во взаимодействии с другими белыми армиями, сформированными на основе добровольчества.

21 октября 1918 г. состоялось совещание командного состава корпуса, один из участников которого, командир артиллерийского дивизиона подполковник **К.К. Смирнов**, оставил описание этого события, из которого мы можем получить некоторое представление о генерале **Вандаме**: «Председествовал генерал-майор Вандам, человек довольно крупного роста, спокойный, сдержанный, производил впечатление всегда чем-то недовольного... Генерал явился на совещание без погон, в весьма потёртом кителе. Общий вид у него был весьма демократический»¹²⁹...

После создания Псковского корпуса на сторону добровольцев перешёл ряд частей Красной Армии и корабли Чудской военной флотилии, а после капитуляции Германии высказывались предложения о проведении всеобщей мобилизации в Северную армию. Однако **Вандам** от подобной меры и активных действий против Красной Армии в тот период предпочитал воздерживаться. На него посыпались обвинения в бездействии и нерешительности, раздавались призывы к проведению собрания офицеров, чтобы выразить недоверие командующему. Узнав об этом, **Вандам** 16 ноября 1918 г.

издал приказ о собственном увольнении с занимаемого поста по болезни.

Находившийся некоторое время в Риге и Германии, **Вандам** прибыл в июне 1919 г. в Нарву, где, как состоявший в распоряжении, 21 июня был назначен исполняющим должность начальника штаба Северо-Западной армии (утвержден в ней 28 августа). Он находился на данном посту по время октябрьского наступления на Петроград. 25 ноября 1919 г. приказом по Северо-Западной армии **Вандам** убыл в командировку. Фактически это означало увольнение, инициированное новым командующим генералом **П.В. Глазенапом**¹³⁰. По некоторым данным, в этот период проявилось особое пристрастие **Вандама** к спиртному.

После ликвидации Северо-Западной армии **Вандам** проживал в Ревеле (Таллине), где состоял членом Георгиевского объединения и Союза взаимопомощи бывших военных. Скончался он 16 сентября 1933 г. и похоронен в Таллине на русском кладбище при церкви Святого Александра Невского. В настоящее время надгробие на его могиле, по всей видимости, разрушено.

Так на чужбине обрел свой последний приют русский офицер **Алексей Ефимович Вандам (Едрихин)**. Его имя долгое время находилось в забвении, а путь его неординарных и по-прежнему актуальных произведений к современному российскому читателю оказался тернист, и лишь недавно его работы стали доступны исследователям.

А. Вандам

ВЕЛИЧАЙШЕЕ ИЗ ИСКУССТВ¹³¹

Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии

*Мне кажется, что наша политика так же
кустарна, как и наша промышленность.*

М. Меншиков

I

...Подобно тому, как каждая нормально растущая семья не может всё время существовать на одном и том же участке земли, так и каждый нормально растущий народ не может довольствоваться всё той же когда-то занятой его предками территорией и по мере размножения вынужден стремиться за пределы своих первоначальных владений.

Эта земельная нужда, давшая в своё время пастушеским народам Азии толчок массовому переселению в Европу, заставила их потом уже в качестве хлебопашцев продолжать своё движение и далее к западу. Едва открыт был Новый Свет¹³², как наиболее предприимчивые и жаждавшие простора западноевропейцы поплыли за Атлантический океан и положили основание Новой Испании, Новой Португалии, Новой Голландии и Новой Франции¹³³.

Но такое распространение по поверхности земного шара народов континентальной Европы встретило сильное противодействие со стороны наделённых исключительными военными дарованиями обитателей Британских островов.

Произведя посредством своих знаменитых мореплавателей широкую разведку океанов и лежащих за ними стран и наметив лучшие места для образования многочисленной семьи Новых Англий, англичане вместе с тем выработали гениальную систему борьбы с континентальной Европой. Рядом упорных войн они по очереди вытеснили с моря всех своих соперников, а с помощью составлявшихся ими их континентальных же народов коалиций до такой степени подорвали организм сначала Испании, а затем и Франции, что обе они, заболевшие тяжким недугом бесплодия, перестали быть опасными для раскинувшей по всему миру свои могучие побеги английской расы.

Направив затем свои главные усилия против распространившейся к югу России, англичане вместе с разрушением нашего флота в Чёрном и Жёлтом морях и вытеснением нас с Тихого океана почти наглухо забаррикадировали весь государственный фронт наш от устья Дуная до устья Амура. Не-

давний крутой поворот их от открытой вражды к внешнему дружелюбию¹³⁴ совершился под давлением весьма серьёзных перемен в стратегических условиях на континенте Европы, происшедших в последние годы.

Перемены эти перечислены были фельдмаршалом графом **Робертсом** в одной из его речей в палате лордов в следующем порядке: Быстрое возрастание в числе и боевых качеств иностранных флотов, что представляет не существовавшую раньше угрозу совместных действий их против Англии. Огромный рост коммерческого тоннажа германских кораблей, в особенности тоннажа и перевозной способности новейших типов пассажирских пароходов, дающих возможность совершать большие заморские экспедиции с меньшим количеством транспортов и большею лёгкостью. Здоровый рост сил Германии и её союзников на суше и на море. Неподвижное состояние населения и военных сил Франции. Искусная работа германской дипломатии по привлечению на свою сторону мелких государств Западной Европы и, наконец, самое главное – успешное стремление Германии к преобладанию на Европейском континенте.

Рассмотрим теперь эти же перемены не с английской, а с совершенно объективной точки зрения.

Одним из основных и неизменных принципов государственной политики (вышей стратегии) англичан является следующий: уничтожив морские силы своих соперников и заперев последних на материке, удерживать их на нём подвижными стенами своего могущественного флота.

Вполне надёжные против слабых попыток каждого европейского народа в отдельности, стены эти могли бы оказаться недостаточными в том случае, когда задыхающиеся в тесноте и пожелавшие вырваться на мировой простор континентальные народы объединились бы вокруг одной из сильных и богатых инициативой держав и совокупными усилиями бросились бы на прорыв английской блокады.

Ввиду этого вторым основным принципом государственной стратегии англичан является наложение на континен-

тальные народы особого рода оков balance of power (баланс сил), под которым, по словам лорда **Керзона**¹³⁵, подразумевается освящённое веками решение Англии не допускать на континенте Европы сколько-нибудь опасного преобладания какой бы то ни было державы.

В настоящее время после потерявших уже наступательную энергию Испании и Франции и временно, как в начале прошлого столетия, понадобившейся России, такой опасной для Англии державой сделалась Германия.

Не имея возможности ни существовать средствами собственной территории, ни распространяться на переполненном людьми материке, быстро растущий германский народ изменил систему своего труда, то есть от хлебопашества перешёл к фабричной и заводской деятельности, переустроил сообразно с новыми требованиями сеть внутренних сообщений, оборудовал морские побережья и, создав превосходный коммерческий флот, устремился для добывания дополнительных средств к жизни за море. Иными словами, сделавшись морской державой, Германия до дерзости смело выступила против могущественной и не терпящей никаких посягательств на её жизненные интересы океанской империи и этим положила начало целому урагану событий, внутренний смысл которых можно видеть из нижеследующего.

Для неизбежной при подобном выступлении англо-германской войны стратегическое положение новой морской державы крайне невыгодно. Все её коммуникационные линии, отходящие от фронта, перерезаются гигантским барьером Британских островов. Обход же последних как с юга – по теснине Ла-Манша, так и с севера – вокруг Шотландии – в военное время невозможен, ибо, отделив Норвегию от Швеции, устроив базы на Оркнских и Шетландских островах и сосредоточив в домашние воды четыре пятых своего флота, англичане, по их образному выражению, запечатали Северное море так, что с открытием действий вся промышленная и торговая Германия сразу же может очутиться в положении армии, пути подвоза которой оказались бы в руках противника.

Чтобы вырваться из этих железных тисков, то есть сохранить во время войны, особенно общеевропейской, связь с внеевропейскими странами, Германия заблаговременно начала устраивать в тылу у себя длинную коммуникационную линию от Берлина через союзную Австрию, Балканский полуостров и Малую Азию в самый центр магометанского мира (Багдадская железная дорога) и постепенно готовить в Турции, Персии и Аравии обширную базу для вывоза из неё в будущем продовольственных припасов и товарообмена, а для обеспечения этой базы и прикрытия коммуникационной линии на турецком участке приступила к реорганизации турецкой армии. В тех же видах более надёжного устройства своих тыловых сообщений она начала поощрять наступление Австрии через Балканы к Салоникам.

Затем, так как средоточием главнейших путей океанской империи является Средиземное море с Суэцким каналом, для действий в этом районе Германия наметила: 1) быстро увеличивавшиеся по её настоянию флоты Австрии и Италии и 2) ту же реорганизованную ею турецкую армию, которая, двинувшись на Египет, одним ударом перерезала бы сонную артерию Суэца.

Наконец, кроме Турции она привлекла на свою сторону ещё одну лежавшую на Средиземном море и Атлантическом океане магометанскую страну – Марокко, с тем чтобы занять один из необычайно важных в стратегическом отношении портов этого государства, укрепить его и, обратив в стоянку для специально строящихся в последнее время для охоты на торговые суда крейсеров-дредноутов¹³⁶ с огромным радиусом действий, зайти таким образом в тыл Англии и стать на всех английских путях через Гибралтарский пролив, вокруг Африки и к обеим Америкам.

Если бы Германии удалось осуществить этот широко, смело и правильно задуманный план действий, тогда она, отвечая угрозой на угрозу, на долгое время обеспечила бы себе и устойчивое развитие своих морских сил. В случае же крайности, инициатива войны и значительные шансы на успешный

исход последней находились бы в её руках, ибо, двинув в надлежащий момент на Египет Турцию, создав серьёзные осложнения на Средиземном море и оттянув туда часть английских сил, она в то же время со своей главной, усиленной голландским и бельгийским побережьями базы могла бы повести против Англии решительные операции в Северном море.

Но, к сожалению для Германии, её молодое искусство борьбы за жизнь оказалось много ниже той изумительной системы, которая работает в Англии ещё со времён плохого философа, но гениального стратега **Бэкона**¹³⁷.

Сумев внушить кому следовало безотчётный страх перед честолюбивыми замыслами германцев будто бы на лежащую за Марокко испанскую и французскую Сахару, англичане посредством прекрасно используемого ими оружия – европейских конференций – заставили Германию уйти из марокканских портов Танжера и Агадира. Причём, уже на первой конференции установили необходимое им *balance of power in Europe* (баланс сил в Европе), то есть в противовес организованной Германией группе держав составили свою, английскую.

Затем, чтобы внести в группу своего противника серьёзный разлад и ослабить её материально, они дали понять Италии, что не окажут никакого противодействия, если та забереёт обещанную ей ещё в 1881 г., то есть во время занятия англичанами Египта, а французами Туниса, Триполитанию¹³⁸. Натолкнув, таким образом, Италию на Турцию, Англия, во-первых, ослабляла две державы германской группы междоусобной войной; во-вторых, отнимала у Турции её последние владения в Африке, иными словами, выбрасывала эту державу из Африканского материка, укрепляя тем собственное положение в Египте; и, в-третьих, ставила Германию как главу группы в весьма затруднительное положение: ворча, но не смея возвысить голос против союзника и лишь сочувственными вздохами помогая другу, она компрометировала себя в глазах обоих.

Внимательно следя, наконец, за положением дел на Балканах, Англия решила, что все освобождённые нами христи-

анские народы выросли и окрепли уже до такой степени, что могут служить прекрасным орудием для её целей, а поэтому сочла своевременным приступить к тем мероприятиям, о которых, как о вещи вполне нормальной, составляющей часть выработанной давным-давно программы...

Ещё 7 декабря 1885 г. английский посол в Константинополе сэр **Вильям Уайт** писал английскому послу в Петербурге сэру **Роберту Морнеру**: «Что касается принятого нами образа действий, то я уверен, что вы одобрите его. В будущем Европейская Турция до Адрианополя, по крайней мере, должна принадлежать христианским народам... Мы подвергались постоянным обвинениям со стороны России в том, что являемся главным препятствием освобождения христианских народов Европейской Турции. Причины для такого особенного образа действий с нашей стороны перестали существовать; мы имеем теперь возможность действовать беспристрастно и постепенно, с надлежащими ограничениями, применять ту политику, которая прославила **Пальмерстона**¹³⁹ в отношении Бельгии и Италии и так далее. Русские принесли много жертв для освобождения Греции, Сербии и княжеств, но они потеряли всё своё влияние в Греции, Сербии и Румынии. Одна только Черногория осталась верной и благодарной... В настоящее время они теряют Болгарию... Эти, только что освобождённые народы, желают дышать свежим воздухом, но не через русские ноздри (and not through Russian nostrils)».

Прежде всего, Англия помогла выдвижению на пост первого министра Греции хорошо известного ей по Криту **Венизелоса**¹⁴⁰, а этот ловкий и умный левантинец, организовав по рецепту *balance of power* Балканский союз и предоставив на первое время главную честь, работу и ответственность наиболее сильной Болгарии, двинул под её предводительством давно ждавшие подобного толчка христианские народы против Турции.

Когда же поднятая, почти в буквальном смысле слова, на штыки Турция сброшена была к проливам, и усерднее других поработавшие болгары потребовали себе наибольшего возна-

граждения, тогда заранее подготовленному четвёртому союзу – уже под гегемонией Греции – внушено было подчинить и эту державу расчётам высшей стратегии.

Расчёты же эти были следующие.

Около ста лет поддерживавшаяся против нас Турция после войны 1877-1878 гг. была признана англичанами не способной замыкать дольше все пути, ведущие через её территорию к Средиземному морю, а именно: 1) через западную часть Балканского полуострова – санджак Новый Базар и Македонию – к Салоникам, 2) через проливы и 3) с Кавказа через Армению к Александrette.

При увеличивающемся с каждым годом напоре со стороны Германии и России решено было иметь на каждом из этих путей отдельного сторожа.

Ввиду этого при размежевании отнятых у Турции земель усилены были прежде всего Сербия и Черногория, а лежащая за ними Греция превращена почти во второклассную державу. Этим двойным барьером заграждён был первый Балканский путь.

Дав затем туркам возможность вернуть во время второй Балканской войны¹⁴¹ часть уже потерянной было ими вместе с Адрианополем территории, Англия уплотнила Турцию, сконцентрировав силы последней на меньшем пространстве, и этим увеличила оборону проливов.

Наконец, чтобы забаррикадировать третий – Кавказский – путь, англичане одновременно с объявлением в 1878 г. своего протектората над Арменией наметили образование в Малой Азии нового государства, подготовка почвы для которого производится в настоящее время.

Вопрос об организации такого государства открыто обсуждался уже много лет назад и всей англосаксонской печатью. Так, ещё в 1900 г. известный военный мыслитель адмирал **Мэхан**¹⁴² писал: «Переходя, наконец, к правому русскому флангу, вообразим на месте нынешнего турецкого хаоса в Малой Азии, Сирии и Месопотамии высокоцивилизованное современное государство с хорошо организованными армией

и флотом. Раскинувшись между Каспийским, Чёрным, Средиземным, Красным морями и Персидским заливом, это государство плотно закрыло бы тот выход, которым Россия пока легко могла бы достигнуть Индийского океана и Средиземного моря.

Такое государство не существует ещё, но нет причин, чтобы оно не появилось в будущем. Процесс образования его должен начинаться извне, ибо и турецкое, и персидское правительства в достаточной степени обнаружили свою неспособность к обновлению управляемых ими народов. Затем в отношении местного населения не следует забывать принцип, что естественное право на землю принадлежит не тому, кто сидит на ней, а тому, кто добывает из неё богатства...»

Итак, видоизменив в благоприятную для себя сторону всю обстановку на Средиземном море и на Балканах, то есть на второстепенном театре борьбы, Англия с той же энергией и с тем же знанием дела перешла теперь к подготовке операции на главном театре.

Какой именно район займёт этот последний, то есть ограничится ли он одним Северным морем или же пожар войны охватит, как и в начале прошлого столетия, всю Европу – разобраться в этом вопросе, конечно, нелегко, но в то же время крайне необходимо. А потому продолжим наши исследования¹⁴³.

II.

Многие из военных мыслителей полагают, что своим нынешним могуществом Англия обязана прежде всего своему стратегическому положению. Действительно, расположенная вблизи материка территория этого государства представляет собой природную крепость, чудовищные водяные рвы которой и подвижные стены флота всегда были надёжной преградой для вторжения в неё континентальных народов. Об эту преграду разбились усилия **Филиппа II**¹⁴⁴, **Шуазеля**¹⁴⁵ и **Наполеона**. И всё же, мне кажется, что первенствующая роль в крепости принадлежит искусству коменданта и энергии гар-

низона, так и первенствующую роль в Англии играют не оборонительные свойства Британских островов, а деятельный характер английского народа и изумительные военные способности правящих его классов.

К числу же приведённых ранее доказательств этому добавлю следующее.

За последние годы военное искусство обогатилось двумя совершенно новыми орудиями борьбы – подводной лодкой и воздушным кораблём. Появившиеся прежде всего на континенте орудия эти вместе с самодвижущейся миной (торпедой) и бросаемой сверху бомбой обещали при дальнейшем усовершенствовании их дать в руки континентальных народов могущественнейшее средство для штурма Британской крепости, почти как сухопутной, а именно: образовав посредством подводной и надводной минных атак широкую брешь в стенах английского флота, двинуть в неё заранее посаженную на современные гигантские транспорты армию и, высадив её на острова, выполнить ту операцию, о которой всю жизнь мечтал величайший из полководцев мира (**Наполеон**).

Легко понять поэтому, с какой тревогой следили англичане за опытами своих континентальных соседей. Но тревога эта была непродолжительна. Едва только блеснула у них мысль о том, какое превосходство могут иметь в известных условиях минные действия перед пушечным огнём, как Англия с поразительной быстротой оставила позади себя все континентальные державы численностью и устройством своего миноносного флота. Вместе с тем изобретательный и неутомимый Британский гарнизон, не теряя времени, пересоздал весь план активной обороны своей крепости против угрожающей ей с востока Германии...

...Первой задачей Англии будет нанесение своему противнику страшного экономического удара и истребление его миноносных флотилий. При подавляющем превосходстве англичан в числе миноносных судов и инициативе действий они, несомненно, достигнут этой цели, а удачное выполнение первой задачи предрешит такой же результат и долженствующе-

го последовать затем столкновения неравных по силе флотов.

Но как бы обдуманна и тщательна ни была подготовка англичан к войне на Северном море, как ни велики были их шансы на успешный исход этой войны, они не могут вступить в единоборство с германцами по следующим причинам.

Захватив все лучшие земли земного шара и образовав из них чудовищную океанскую империю, англичане вынуждены защищать не одну только цитадель этой империи – Британские острова, а всю империю, и защищать её не от одних германцев, а от всех запертых на Европейском континенте народов белой расы. До сих пор они достигали этой цели с помощью многочисленных и разнообразных средств, оказывавшихся действительными, потому что за всеми ними чувствовался могущественнейший английский флот.

Представим себе теперь, что при таких условиях англичане почему-либо потеряли бы голову и бросились на германцев в одиночку, тогда получилось бы вот что.

При малочисленности своей армии они не в состоянии были бы после морской победы высадиться на материк и довершить поражение вооружённого народа на его собственной территории. Стало быть, в смысле разрушения жизненного вопроса результаты подобной, не до конца продуманной операции оказались бы близкими к нулю.

Но в этом было бы ещё полбеды. Главная же беда заключалась бы в том, что сама морская победа досталась бы англичанам не скоро и не дешёво. Прежде чем быть выброшенными на сушу, долго и основательно готовившиеся к войне германцы нанесли бы своему противнику такие жестокие потери, что со своим искалеченным флотом Англия могла бы опуститься на уровень, а может быть и ниже уровня некоторых европейских держав, сохранивших свои флоты целыми и невредимыми. А тогда в каком незащищённом положении очутилась бы океанская империя перед остальными континентальными народами, психология которых изменилась бы быстрее и сильнее, чем это было во время Трансваальской войны. (Автор имел ввиду англо-бурскую войну 1899–1902 гг.)

Само собой разумеется, что при подобных обстоятельствах англичане никогда не думали и не думают ни о каких лобовых атаках на Северное море.

Превосходно знающие характер континентальных народов и не менее искусно командующие ими на театре борьбы за жизнь, чем **Наполеон** командовал армиями на театре войны, английские стратеги поведут борьбу с Германией точно таким же образом, как велась она против Испании и Франции, то есть не на тесных плацдармах Британской цитадели, а на обширном театре всей Европы и с участием всех континентальных народов.

За последние восемь лет и самые выдающиеся государственные люди Англии и английская печать так много говорят и пишут о будущей общеевропейской войне, что главная идея последней сама собой вылилась уже в форму нижеследующей директивы.

Германия и её союзники занимают на материке центральную позицию с хорошо разработанными выходами в Северное и Средиземное моря.

Против этой группы (могут быть) направлены:

I. Боевая линия

На морях:

1) на Северном – английский флот, отборная часть русского флота и отборная часть французских миноносных флотилий.

Задача – запереть Северное море, прервать морскую торговлю Германии и разрушить морские силы этой державы;

2) на Средиземном – усиленная судами береговой обороны местная английская эскадра, весь французский флот, за выделением из него отборной части миноносных флотилий, имеющих (задание) действовать с английским флотом в Северном море, флоты Испании и Греции.

Задача – разрушить морские силы Италии и Австрии, блокировать неприятельские порты и обеспечить свободу плаванья торговым английским судам по Средиземному морю и Суэцкому каналу;

3) на Балтийском – остальные морские силы России.

Задача – облегчить действия англичан на Северном море, оттянув на себя часть германских сил в Балтийское.

На суше:

а) с запада – французская армия, десантная в 250 000 человек армия англичан и 2–3 корпуса испанцев.

Задача – расположить по линии чрезвычайно сильных пограничных крепостей, удерживать противника от вторжения его во Францию и перейти в наступление лишь с началом решительных операций со стороны России;

б) с востока – русская армия.

Задача – наступательные действия против германской и австрийской армий.

II. Резерв

Все ближайшие к театру военных действий и не включенные в боевую линию народы имеют (необходимость) составить резерв для регулирования событий, особенно в конце войны при новом размежевании Европы.

Таким образом, из всего сказанного выше мы видим сами, а англичане со своей стороны подтверждают нам это, что решение очередного для них германского вопроса возможно не единоборством Англии и Германии на Северном море, а общеевропейской войной, при обязательном участии России и при том условии, если последняя возложит на себя по меньшей мере три четверти всей тяжести войны на суше.

Да, но что же именно представляет собой германский вопрос для нас самих, нужно ли нам решать его совместно с англичанами так же, как решали мы с ними в начале прошлого века французский вопрос, и к какому результату придём мы, решив его по английскому способу. Короче говоря, какие дальнейшие перспективы откроются перед нами после этой общеевропейской войны?

Мне кажется, что над этим надо подумать и много серьезнее, чем это делают наши любители стратегического искусства, решающие на политических банкетах за одним бокалом шампанского десять мировых вопросов.

III.

Как в Англии, так и Северо-Американских Соединённых Штатах при решении всех вообще задач высшей стратегии пользуются так называемым Military Charts¹⁴⁶, но если мы подумаем и над обыкновенной картой так, как думают люди с широким кругозором и здоровым воображением, то легко можем представить себе следующую картину.

В настоящее время на земном шаре существуют лишь два истинно великих народа: 160 миллионов англосаксов и 160 миллионов русских.

Первые, утвердив в разных степенях власти своё господство над всеми океанами, тремя с половиной материками и почти всеми островами, отмежевали себе едва охватываемую воображением океанскую империю.

Вторые, завладев полузамерзшим и обильно изрезанным песчаными мелями океаном земли, образовали огромную на карте, но уже тесную для самих себя и пугающую остальные народы темнотой своих ночей и трескучими морозами Сухопутную Российскую империю.

Между двумя этими империями на небольшом пространстве Западной Европы зажаты:

1) окончательно разбитые Англией на театре борьбы за жизнь, морально подчинившиеся ей и служащие полезным орудием в руках английской стратегии Испания и Франция;

2) ни по своему племенному составу, ни по качествам населения, ни по дарованиям и трудоспособности правящих классов не могущие рассчитывать на особенно великое будущее Австрия и Италия;

3) поздно начавшая свою жизнь Великой державы и сразу же очутившаяся в трагическом положении Германия.

Трагизм последней состоит в том, что при огромном приросте населения, не имея возможности кормить на одной и той же, ни на одну пядь не увеличившейся площади сначала 40 миллионов душ, потом 50 миллионов и, наконец, как в данное время, 65 миллионов, она волей-неволей должна была двинуться против одной из двух империй.

Действительно, при первом же ощущении тесноты по всей ещё стоявшей у сохи Германии покатился глухой стихийный гул: «Drang nach Osten» (Натиск на восток), то есть пойдём искать земли на восток (так в тексте).

Но этот, долженствовавший служить нам большим предостережением гул оказался непродолжительным. Лучшие германские умы скоро поняли всю невозможность своего распространения за счёт почти столь же густонаселённой России и нашли иной выход из положения.

Поощряемый свыше германский народ вместе с возведением фабрик и заводов, переустройством путей, оборудованием морских побережий, созданием торгового и военного флотов начал мобилизовываться для жизненного похода в совершенно противоположную от нас сторону – против океанской империи.

С этого времени, то есть ещё до знаменитых слов императора **Вильгельма**: «Unsere Zukunft liegt an der See» (Наше будущее пролегает через моря), являющихся с точки зрения высшей стратегии приказом для начала походного движения nach Westen (на запад), Германия перестала быть нашим соперником на театре борьбы за существование и превращалась в естественного союзника.

Хорошо обдуманное и соображенное с обоюдными выгодами желание сделаться таковым выражено было ею в следующей форме.

Оценивая значение Сибирской железной дороги и соглашаясь, что такому грандиозному и дорогостоящему пути необходим и наилучший выход к Тихому океану, она вместе с Францией помогла нам сначала вывести из Порт-Артура втиснутую туда англосаксами Японию, а затем, заняв обещанное нам Китаем на особых условиях Киао-Чао, дала нам законный повод к вступлению на неизмеримо более нужный нам Квантунский полуостров.

За нашу поддержку при заключении Симонасекского договора Китай обещал нам стоянку для флота в бухте Киао-Хао, а в случае занятия таковой какой-либо другой держа-

вой – Порт-Артур и Талиенван. Так как германцы за убийство двух миссионеров захватили Киао-Хао, то наш флот пошёл и бросил якорь в Порт-Артурской гавани. Пристально следившая за всем этим Англия в свою очередь тотчас же захватила Вей-Хай-Вей.

Само собой понятно, что содействуя нашему наступлению на восток к великой арене будущего, Германия желала, чтобы мы ослабили давление на её правый фланг и не тормозили её марш на запад, к Атлантическому океану.

Но начавшееся таким актом сближение трёх самых сильных на материке держав не было скреплено дальше никаким цементом. А это дало возможность Англии, очутившейся совсем было не в splendid (великолепном), а весьма тревожном isolation (изоляционном положении), приступить к разъединению случайно сошедшейся группы и к немедленной атаке наиболее опасного из членов её.

Пользуясь тем, что почти вся континентальная печать в вопросах международной жизни проповедует по текстам «Times», Англия несколькими газетными статьями поселила в нас такое недоверие к Германии за её коварный отвод нас на Дальний Восток, что мы не решались тронуть сосредоточенных на западной границе сухопутных и морских сил наших и оставили грандиозное государственное сооружение, все вновь приобретённые и со страшными затратами благоустроенные земли и всю с изумительной быстротой развивающуюся предприимчивость нашу почти без всякой защиты (итоги войны генерал-адъютанта **Куропаткина**).

Ослабив вслед за этим значение франко-русского союза заключением равносильного ему англо-японского, иными словами, отделив Россию и от Франции, Англия руками своего жёлтого союзника разрушила сначала одну половину нашего флота. Затем, с торжествующим хохотом и зловещим мерцанием доггербанкских факелов проводила, на заранее видную её опытным глазом участь, вторую половину наших военно-морских сил и отошла в сторону, предоставив (возможность) другой англосаксонской державе – Северо-Аме-

риканским Соединённым Штатам – снова и ещё плотнее за-баррикадировать Японией ту брешь, которую мы пробили к Тихому океану, считавшемуся англосаксами территорией их океанской империи.

Едва только закончена была таким образом тихоокеанская трагедия наша, как с быстротой фокусника, надев на себя маску приветливости и дружелюбия, Англия тотчас же подхватила нас под руку и повлекла из Портсмута в Алхезирас, чтобы, начав с этого пункта, общими усилиями теснить Германию из Атлантического океана и постепенно отбрасывать её к востоку, в сферу интересов России.

Первые же шаги, сделанные нами на этом новом пути с нашим новым другом, привели к следующим результатам: вытолкнутая из далёких от нас Танжера и Агадира Германия заняла представляющий собой естественный выход Кавказского пути в Средиземное море Александретту. Лишённая возможности проникнуть в безразличное для нас Марокко, она усилила свою деятельность в Азиатской Турции. Потерпевшая неудачу в попытке закрепиться за юго-западный берег Африки, она глубже начала проникать в Персию, даже на берега Каспийского моря!

Но опустим все многочисленные слагаемые и перейдём сразу к сумме их, то есть к тому моменту, когда теснимая систематическими ходами английской стратегии Германия окончательно будет прижата к стене и, подняв щетину штыков, выступит вместе со своими союзниками на суд Божий.

Принимая в расчёт превосходные качества наших войск, свежий боевой опыт и усиленную работу их в настоящее время, можно не сомневаться в том, что, пролив реки чужой и собственной крови, мы одержим в конце концов такую же решительную победу на суше, как Англия на море.

Но при этом нельзя упускать из виду, что как в стратегии самая блестящая, но не вовремя и не на месте одержанная тактическая победа спутывает иногда всю обстановку и ведёт к проигрышу кампании, так и в высшей стратегии

самая победоносная, но несвоевременная и ненужная по обстоятельствам война может поставить государство в крайне невыгодное положение для дальнейшей, никогда не прекращающейся борьбы за жизнь.

К числу таких именно войн должна быть отнесена и усердно навязываемая нам ныне англичанами совместная с ними война против Германии.

Чтобы убедиться в этом, обратим внимание на главную цель английской стратегии. Она состоит в том, чтобы уничтожить торговый и военный флот Германии, отнять у последней хотя и бедные сами по себе, но являющиеся своего рода передовыми постами колонии и нанести ей на суше такой удар, после которого, ослабленная духовно и материально, она не могла бы возобновить своих морских предприятий в течение долгого времени в размерах сколько-нибудь значительных и никогда в нынешних.

Короче говоря, главная цель Англии состоит в том, чтобы отбить наступление Германии на океанскую империю на Атлантическом океане, как было отбито наступление России на Тихом.

Когда же эта цель будет достигнута, то есть когда единственно сильная в настоящее время из западноевропейских держав и связывающая пока энергию англичан Германия будет разбита и высажена на сушу, тогда результаты общеевропейской войны начнут сказываться в следующей, вытекающей одно из другого постепенности.

1. При земельном вознаграждении за счёт побеждённого находившаяся как в боевой линии, так и в резерве западноевропейских государств Франция получит Эльзас и Лотарингию и доведена будет до столь желательных естественных границ, а Бельгия, Голландия и Дания, с одной стороны, и Италия, Сербия и Черногория, с другой, будут наращены таким образом, чтобы Германия и Австрия оказались если не отрезаны, то возможно более стеснены – первая на Северном, а вторая на Адриатическом море. Иными словами, вся лежащая западнее Германии и Австрии Европа подвинута будет

к востоку и, вероятнее всего, сплочена союзами под главенством Франции и Италии.

2. Потеряв вместе с морем 8-миллиардный источник годового дохода и не имея возможности существовать средствами собственной территории, сильные практическими знаниями, хорошо тренированные в труде и успевшие выработать собственную систему борьбы за жизнь германцы вместе с австрийцами сейчас же тихой сапой, во всеоружии новейшей антигосударственной техники поведут наступление против недостаточно вооружённого для жизненной борьбы русского народа...

3. Так как с ослаблением Германии единственной сильной державой на всём континенте останется Россия, то по ясному, как день толкованию лордом **Керзоном** одного из основных и неизменных принципов высшей английской стратегии, насквозь проникнутые сознанием своего долга перед родиной и ни под каким видом не позволяющие себе отступать от освящённой веками системы, английские стратеги с такой же спокойной совестью начнут устанавливать balance of power против России, с какой устанавливали они его против Испании, Франции и Германии. Или, выражаясь проще, приступят к образованию против нас коалиции с целью постепенного оттеснения нас не только от Балтийского и Чёрного морей, но стороны Кавказа, насыщаемого сейчас ярым ненавистником России доктором **Морисоном** англосаксонскими идеями Китая.

Об этой титанической борьбе между русскими и англосаксами, долженствующей начаться после падения Германии и наполнить собой двадцатое столетие, уже много лет назад (гораздо раньше, чем сэр **Аильям Уайт** с непогрешимостью иудейских пророков предсказал в 1885 г. нынешний балканский переворот) начали вещать англосаксонскому миру даровитейшие учёные и глубочайшие мыслители, указывающие, как на знамение свыше, на постепенное перемещение ЦЕНТРА БОРЬБЫ между океанской империей и континентом. Находившийся сначала на берегу Атлантического океана, в Ма-

дриде, центр этот с падением Испании передвинулся в Париж. С поражением Франции он из Парижа перешёл в Берлин, а из Берлина, по мнению наших сегодняшних друзей, направится к Москве...

Само собой понятно, что совершающееся таким образом, точно по какому-то космическому закону, отступательное движение сухопутных народов с запада на восток никогда не было и не могло быть написано заранее ни в какой Книге судеб.

Своими неизменными успехами над материком даровитые островитяне обязаны не каким-либо борющимся за них таинственным силам, а исключительно самим себе, то есть своим большим и точным знаниям, определённой постановке целей и планомерному стремлению к последним. Превосходя во всём этом континентальные народы, они и обращаются с ними так, как знающие и сильные опытом мастера обращаются со своими знакомыми, лишь с одной рутиной, подчинёнными.

Такое неравенство сил и вытекающие из него результаты наблюдали мы на всех происходивших на нашей памяти дипломатических конференциях и можем наблюдать ежедневно, читая английские и наши газеты.

После утопления нашего флота в водах Жёлтого моря (речь идёт о Цусимском сражении), в один день повернув от крайней враждебности к крайнему дружелюбию, английская печать с улыбкой сочувствия начала указывать нам на ту счастливую звезду, родясь будто бы под которой, мы хочешь не хочешь, а после жёлтой опасности сейчас же должны были перейти к германской.

И вот этих, по-видимому, совсем не умных, но исходивших из уст самого «Таймс» и насыщенных одуряющим ароматом бензоя и мирры слов оказалось вполне достаточно, чтобы мы в самом непродолжительном времени пришли к непреложному убеждению в том, что в надвигающейся на нас беде истинным другом и защитником России явится не случайный, а естественный и вечный соперник её – Англия.

Между тем, если бы мы, не доверяя диктуемым известными тактическими соображениями статьям английских газет, прислушивались к тому, что говорят в палате лордов такие даровитые стратеги Англии, как граф **Робертс**, и призадумались бы над тем, как быстро растут в центре Европы огромные массы людей, нуждающихся в ежедневном питании, и в какую сторону выгоднее идти им для добывания дополнительных средств к жизни, тогда бы нам стало ясно:

1) что лихорадочно строящая боевые суда и побуждающая к тому же своих союзников Германия грозит нашествием гораздо больше океанской империи, чем сухопутной¹⁴⁷;

2) что общеевропейская война для отражения этого нашествия и поворота его затем в сторону России полезна Англии, а не нам;

3) что вести эту войну ни одними собственными силами, ни в союзе с Францией и Испанией Англия не имеет возможности как вследствие не допускаемого стратегией в таких размерах риска, так и потому, что ей нельзя оставить Россию со свободными руками и не втянутой в дело армией, в то время как сама она будет занята войной, так как иначе всё руководство событиями перейдёт тогда от неё к России;

4) что, правильно оценив наше психологическое состояние, созданное внешними неудачами и внутренними беспорядками, и умело использовав наши отношения к Франции, Англия сейчас же после дальневосточной войны привлекла нас к сотрудничеству, полезному лишь одной ей;

5) что ввиду подготовляющихся таким образом в Европе событий нам никоим образом не следует класть голову на подушку соглашений с такими народами, искусство борьбы за жизнь которых много выше нашего, а нужно рассчитывать лишь на самих себя.

Россия велика и могущественна¹⁴⁸. Моральные и материальные источники её не имеют ничего равного себе в мире, и если они будут организованы соответственно своей массе, если задачи наши будут определены ясно и точно, и армия и флот будут в полной готовности в любую минуту выступить

на защиту наших собственных, правильно понимаемых интересов, у нас не будет причин опасаться наших соседей, ибо самый сильный из них – Германия великолепно понимает, что если будущее её зависит от флота, то существование последнего зависит от русской армии.

С такой подготовкой надо торопиться, не теряя ни одной минуты, ибо посмотрите пристальнее – и вы увидите уже надвигающийся на нас новый период истории¹⁴⁹.

Приведём и документы о военном инженерере **Михаиле Антоновиче фон Зигерн-Корне**:

Сверху сделана приписка: «Не получена медаль светло-бронзовая за участие в русско-японской войне, она поступила декабря 1911 г. Не (неразб.)»

Послужной список командира 25 сапёрного батальона полковника **фон Зигерн-Корна**.

I. Чин, имя, отчество и фамилия

Полковник **Михаил Антонович фон Зигерн-Корн**.

II. Должность по службе

Командир 25 сапёрного батальона

III. Ордена и знаки отличия

Имеет ордена: Святого Станислава 2-й и 3-й степени, Святой Анны 2-й и 3-й степени, Святого Владимира 3-й степени и 4-й степени с мечами и бантом, серебряную медаль в память в Бозе почившего Государя императора **Александра III**, серебряную медаль на Андреевской ленте в память священного коронования императора **Николая II**, Румынский офицерский крест ордена Звёзды.

IV. Когда родился

2 февраля 1858 г.

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец

Из дворян, уроженец Витебской губернии.

VI. Какого вероисповедания

Римско-католического

VII. Где воспитывался

Во 2-й Петербургской военной гимназии (окончил курс) и в Николаевском инженерном училище, окончил курс по 1-му разряду.

VIII. Получаемое по службе содержание. Получает в год:

Жалования 1200 рублей.

Столовых (сумма не указана)

квартирных (сумма не указана)

IX. Прохождение службы, когда в службу вступил и произведён в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба, военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю; по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благоволения

В службу вступил по окончании курса наук во 2-й Санкт-Петербургской военной гимназии в Николаевское инженерное училище юнкером унтер-офицерского звания 1 сентября 1875 г.

Высочайшим приказом, отданным в 16-й день апреля месяца 1878 г., произведён в подпоручики в 8-й сапёрный батальон 16 апреля 1878 г.

Отправился к месту служения 18 апреля 1878 г.

Назначен заведывающим гальванической командой 10 июня 1878 г.

Принял должность 13 июня 1878 г.

Назначен делопроизводителем батальонного суда 7 сентября 1878 г.

Сдал должность делопроизводителя батальонного суда 9 февраля 1879 г.

Получил первый приз за офицерскую стрельбу 21 сентября 1879 г.

Не сдавая должность заведывающего гальванической учебной командой, назначен командующим 2-й сапёрной ротой 12 апреля 1880 г.

Сдал должность командующего 2-й сапёрной ротой 27 мая 1880 г.

Сдал должность заведывающего гальванической учебной командой 24 июня 1880 г.

Командирован в Николаевскую инженерную академию для держания экзамена 25 августа 1880 г.

Не прибывая к батальону, прикомандирован к гальванической учебной роте 20 декабря 1880 г.

На вакансию произведён в поручики 4 августа 1881 г.

Прибыл на приёмный экзамен в академию 31 августа 1881 г.

По выдержании приёмного экзамена, зачислен в младший класс академии 7 октября 1881 г.

Прикомандирован к академии 4 ноября 1881 г., отчислен от академии 1 сентября 1882 г.

Предложено явиться в Главное инженерное управление 9 сентября 1882 г.

Прибыл к батальону и назначен командующим 2-й сапёрной ротой 23 октября 1882 г.

Назначен членом батальонного суда 30 июля 1883 г.

Отчислен от должности члена батальонного суда 6 октября 1883 г.

Назначен членом батальонного суда 2 января 1884 г.

Отчислен от должности члена батальонного суда 29 октября 1884 г.

Сдал должность командующего 2-й сапёрной ротой 4 декабря 1884 г.

Не прибывая из отпуска, приказом по Инженерному корпусу 1885 г. за № 13, прикомандирован к 1-му сапёрному батальону 22 марта 1885 г.

Зачислен в списки прикомандирования к 1-му сапёрному батальону 11 апреля 1885 г.

Прибыл 19 апреля 1885 г.

Переведён в 1-й сапёрный батальон 29 сентября 1885 г.

Назначен заведывающим унтер-офицерским классом батальонной школы 1 октября 1885 г.

Членом батальонного суда с 1 декабря 1885 г.

Сдал эту должность 19 марта 1886 г.

Делопроизводителем батальонного суда 19 марта 1886 г.

За отлично-усердную службу награждён орденом Святого Станислава 3-й степени 30 августа 1886 г.

Сдал должность делопроизводителя батальонного суда 18 января 1887 г.

Назначен командующим 1-й ротой 18 января 1887 г.

На вакансию штабс-капитаном 27 июля 1887 г.

Утвержден в должности командира 1-й роты 15 августа 1887 г.

Назначен членом батальонного суда 1 сентября 1887 г.

Сдал должность члена батальонного суда 1 марта 1888 г.

Награждён за отлично-усердную службу орденом святой Анны 3-й степени 30 августа 1889 г.

Назначен членом батальонного суда с 1 сентября 1889 по 1 марта 1890 г.

Получил второй приз за офицерскую состязательную стрельбу 20 июня 1891 г.

Назначен членом батальонного суда с 1 декабря по 1 июля 1892 г.

Высочайшим приказом, отданным в 30-й день августа 1892 г., произведён в капитаны.

Членом батальонного суда с 1 марта 1893 по 1 сентября 1893 г.

За отлично-усердную службу награждён орденом Святого Станислава 2-й степени 30 августа 1893 г.

Членом батальонного суда с 1 марта 1894 по 1 сентября 1894 г.

Получил третий приз за офицерскую состязательную стрельбу 4 сентября 1894 г.

Членом батальонного суда с 1 марта 1896 г. по 1 сентября 1896 г.

За отлично-усердную службу награждён орденом Святой Анны 2-й степени 14 мая 1896 г.

Членом батальонного суда с 1 марта 1897 г. по 1 сентября 1897 г.

Членом батальонного суда с 1 марта 1898 по 1 сентября 1898 г. и с 1 марта 1899 по 1 сентября 1899 г.

Получил четвёртый приз за офицерскую состязательную стрельбу 1 сентября 1890 г.

Ввиду предстоящего увольнения в 11-месячный отпуск за границу, предписано сдать на законном основании 1-ю сапёрную роту 6 мая 1900 г.

Сдал на законном основании 1-ю сапёрную роту 10 мая 1900 г.

Председателем батальонного суда.

С 1 декабря по 10 (?) декабря 1901 г.

Прибыл из 11-месячного отпуска, который, по Высочайшему повелению, приказано считать за командировку 16 ноября 1900 г.

По Высочайшему повелению командирован в Царское Село¹⁵⁰ для личного доклада Его Императорскому Величеству о своей 11-месячной командировке в Южную Африку 15 марта 1901 г., из означенной командировки прибыл 18 марта 1900 г.

Вр. н.д. помощника командира 1 сапёрного батальона с 5 мая по 5 июля 1901 г.

Высочайшим приказом, отданным в 17-й день июля 1901 г., переведён в Туркестанский батальон 17 июля 1901 г.

Приказом по 1 сапёрной бригаде от 29 июля 1901 г. № 113 прикомандирован к батальону для несения службы на время больших манёвров 29 июля 1901 г.

Высочайшим приказом, отданным в 1-й день августа 1901 г., произведён в подполковники.

1 августа 1901 г. Приказом Военного Министра по инженерным войскам от 22 сентября 1901 г. за № 20 прикомандирован к 1-му сапёрному батальону для несения службы и перевода впоследствии 22 сентября 1901 г.

За отлично-усердную службу Всемилоостивейше награждён орденом Святого Владимира 4-й степени 6 декабря 1901 г.

Высочайшим приказом, отданным в 9-й день февраля 1902 г., переведён на службу в 1 сапёрный батальон помощником командира батальона 2 марта 1902 г.

Временно командующим 1 сапёрным батальоном с 3 апреля по 12 мая

То же с 10 августа по 15 сентября 1902 г.

То же с 24 ноября 1903 по 1 мая 1904 г.

Помощником корпусного инженера 1 армейского корпуса с 25 июля по 31 декабря 1905 г.

Приказом главнокомандующего Маньчжурскими армиями от 13 января 1905 г. за № 81 награждён пожалованием мечей к ордену святого Владимира 4-й степени 13 января 1905 г.

За отличие в делах против японцев, Высочайшим приказом, отданным в 3-й день сентября 1905 г., произведён в полковники 3 сентября 1905 г.

Командующим 1 сапёрным батальоном с 23 февраля по 7 мая 1906 г.

Высочайшим приказом от 6 июня 1906 г. назначен командиром 3 резервного сапёрного батальона 6 июня 1906 г.

Прибыл к батальону 29 июля 1906 г.

Высочайшим приказом, отданным в 25-й день декабря 1908 г., пожалован орден Святого Владимира 3-й степени 25 декабря 1908 г.

Батальон переименован из-за резервного в 25-й сапёрный батальон 6 августа 1910 г.

В службе гражданской и по выборам не служил. Всемиловнейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал

Х. Бытность вне службы

а) Во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то сколько именно и признана ли просрочка уважительной; б) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; в) в бессрочном отпуске и запасе не состоял на гражданской или общественной службе; с какого и по какое время; г) по

роду оружия, без исполнения службы; д) в плену: когда и где взят и когда возвратился на службу, и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу.

В 28-дневном отпуске с 21 сентября по 23 октября 1882 г.

В 2-х месячном отпуске с 6 декабря 1884 по 6 февраля 1885 г.

Отпуск этот, согласно уведомления Главного инженерного управления 1885 г. за № 1762, продолжен по 6 марта 1885 (?)

Вышеозначенный отпуск, согласно предписания Главного инженерного управления 1885 г. за № 3280, объявленного в приказе по 4-й сапёрной бригаде, того же года за № 29 продолжен по 6 апреля (1885?) г.

В 11-ти месячном заграничном отпуске с 14 июня.

Прибыл из отпуска 16 ноября 1900 г. Отпуск этот Высочайше повелено считать за командировку.

В 2-х месячном отпуске с сохранением содержания во все города Российской империи 16 декабря 1900 г.

Прибыл в срок.

В бессрочном отпуске, для пользования ран, по роду оружия, плену и отставке не был.

В 4-х дневном отпуске 18 сентября 1910 г.

Прибыл двумя днями раньше срока 20 сентября 1910 г.

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождения детей; какого они и жена вероисповедания.

Женат первым браком на Боровической 2-й гильдии купчихе **Анне Васильевне Лебедевой**. Детей не имеет. Жена вероисповедания православного.

XII. Есть ли за ним, за родителями его, или, когда женат, за женой, недвижимое имущество, родовое или благоприобретённое.

Нет.

XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединённым с ограничениями в преимуществах по службе, когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке

Нет.

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии; особые поручения, сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям или от начальства.

Участвовал в русско-японской войне в 1904–1905 годах с 8 сентября 1904 г. до конца. Был в боях при реке Шахэ с 28 сентября по 5 октября 1904 г. и при городе Мукдене с 8 по 25 февраля 1905 г.

За отличия в бою при реке Шахэ награждён пожалованием мечей к ордену Святого Владимира 4-й степени.

Ранен и контужен не был.

Отправился в Красное Село для участия в полевой поездке офицеров 1 армейского корпуса 18 августа 1887 г.

Прибыл из командировки 30 августа 1887 г.

Командирован в бригадную полевую поездку в город Выборг 20 августа 1896 г.

Возвратился 3 сентября 1896., командирован в бригадную полевую поездку в город Гажаль 12 сентября 1897 г.

Возвратился 26 сентября 1897 г.

Командирован в город Одессу для производства в одной из приморских крепостей округа опытов по устройству дымовых завес 24 мая 1902 г.

Возвратился 26 сентября 1897 г.

Командирован в город Одессу для производства в одной из приморских крепостей округа опытов по устройству дымовых завес 24 мая 1902 г.

Возвратился 29 июля 1902 г.

Командирован в бригадную полевую поездку, где и находился с 1 сентября по 10 сентября 1903 г.

Командирован в специально-инженерную полевую поездку гг. офицеров бригады в окрестности города Смоленска с 1 сентября по 10 сентября 1908 г.

В службе сего штаб-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдающих срок выслуги к сему знаку.

Начальник 6-й сапёрной бригады генерал-майор (подпись)

В. н.д. начальника штаба капитан **Высоцкий**...

В штаб 25 армейского корпуса (штабм – штаб 25 армейского корпуса получено 18 ноября 1910 г. вход № 1362)

25-й сапёрный батальон по части строевой 17 ноября 1910 г. № 1982 город Старица на № 1145

Рапорт

При сём представляю послужной список с распиской о замеченном мной пропуске невнесения в оный светло-бронзовой медали в память русско-японской войны 1904–1905 годов.

Приложение: послужной список

командир батальона полковник (подпись)

н.д. батальонного адъютанта подпоручик (подпись)¹⁵¹.

Об одном из упоминавшихся выше официально посланных в Южную Африку российских военных агентов – подполковнике **Иолшине** свидетельствуют следующие документы:

Послужной список **Николая Михайловича Иолшина**

Составлен 15 января 1910 г.

Имеет ордена иностранные – Бухарскую золотую Звезду 2 степени и офицерский греческий крест Спасителя и нагрудный знак лейб-гвардии Семёновского полка.

Родился 12 июля 1860 г.

Из дворян Тифлисской губернии, сын генерал-лейтенанта¹⁵².

Вероисповедания православного.

Воспитывался в Нижегородской графа **Аракчеева** военной гимназии и окончил полный курс в 1-м военном Павловском училище и в Николаевской академии Генерального штаба по I разряду.

Получаемое на службе содержание:

Жалованьем – 1200 рублей

столовых – 360 рублей
 добавочных 480 рублей
 фуражных – на одну верховую лошадь.
 Прохождение службы

В службу вступил юнкером рядового звания в 1-е военное Павловское училище 31 августа 1878 г.

Юнкером унтер-офицерского звания 1 января 1870 г.

Старшим портупей-юнкером¹⁵³ 5 декабря 1870 г.

Подпоручиком с прикомандированием к лейб-гвардии Семёновскому полку 8 августа 1880 г.

Переведён в лейб-гвардии Семёновский полк подпоручиком 2 сентября 1880 г.

По выдержании приёмного экзамена зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба 5 октября 1883 г., произведён в поручики 24 марта 1885 г.

За отличные успехи в науках в Николаевской академии Генерального штаба произведён в штабс-капитаны 2 марта 1886 г....

По окончании курса наук 8 марта 1886 г. в Николаевской академии Генерального штаба по I-му разряду приказом по Генеральному штабу за № 43 причислен к Генеральному штабу и назначен на службу в Приамурский военный округ.

Приказом по Генеральному штабу от 23 октября 1886 г. за № 1555 назначен на службу в Виленский военный округ. Высочайшим приказом переведён в Генеральный штаб капитаном, с назначением помощником старшего адъютанта штаба Виленского военного округа 4 мая 1887 г.

Высочайшим приказом назначен старшим адъютантом штаба 4-й кавалерийской дивизии 5 декабря 1887 г....¹⁵⁴

И следующие записки полковника **Иолшина** об англо-бурской 1899–1902 и русско-японской 1904–1905 гг. войнах, о действиях русских отрядов против японцев, искусственного дыма на войне.

6 июня 1911 г.
 город Петербург
 Милостивый государь
 глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич!**

Прилагаю при сём: 1) мою тактическую заметку о введении флангов к распознаванию своих войск и неприятельских от 11 февраля 1910 г. за № 16, в которой я разбираю инструкцию генерала **Цурикова**¹⁵⁵, которую по справедливости можно назвать не инструкцией для распознавания своих войск и неприятельских, а инструкцией для расстрела своих собственных войск¹⁵⁶;

2) газету «Штандарт» от 18 марта 1910 г. за № 33 с моей статьей «Новое тактическое изобретение» и 3) мою записку от 30 мая 1911 г. – «Искусственные облака дыма на полях сражений»¹⁵⁷.

Прошу Вас, примите эти мои военно-литературные работы в знак моего глубочайшего к Вам почитания.

Этими работами я желал внести, в чувствах солдатского долга, свою лепту к победе царской армии в будущую кампанию, которая, быть может, и недалеко от нас.

Мои тактические заметки от 11 февраля 1910 г. о введении флангов к распознаванию своих войск и неприятельских, была принята командующим войсками Виленского военного округа в августе 1910 г. во внимание и на Больших осенних манёврах Виленского военного округа, в 1910 г. генерал **Мартсон**, заметив применение инструкции генерала **Цурикова** в войсках 2-го армейского корпуса, нашёл это неудобным и приказал таковое применение её на манёвренных полях Виленского военного округа – прекратить и саму инструкцию изъять из обращения, как ведущую к совершенно обратной цели, которую она стремится достигнуть.

Хотя это, с одной стороны, и явилось для меня – тактической победой, но, с другой стороны, это явилось и одной из главных фактических причин неудовольствия на меня, со стороны генерала **Цурикова**, приведших меня, fin a fin (в конце-концов), к фатальному положению быть уволенным в от-

ставку и поставленным в безвыходно тяжкие материальные условия.

Прошу, примите уверение в моём глубоком к Вам почтении и верной преданности.

Ваш покорный слуга

Н. Иоштин

Тактическая заметка о введении флангов к распознаванию своих войск и неприятельских (напечатано в виде статьи)

11 февраля 1910 г., № 16

г. Петербург

Ещё новость в наших домашних изобретениях!

Так, вслед за проектом 1907 г. по кавалерийскому строевому уставу, к счастью для нашей армии, распоряжениями свыше уже отменённому, появилась новая инструкция генерал-лейтенанта **Цурикова** к введению флангов в войсках 2-го армейского корпуса для скорейшего распознавания на театре войны своих войск от неприятельских.

Мы приведём только выдержку в копии, из приказа по 2-му армейскому корпусу от 18 декабря 1900 г. за № 150, из которой будут достаточно видны основные тезисы этой новой инструкции.

Так, генерал-лейтенант **Адлерберг**¹⁵⁸ в вышеозначенном приказе объявляет, что весной 1909 г. начальником 2-й кавалерийской дивизии ему была представлена следующая записка о пользовании в войсках. При дальности современного огня и защитном цвете обмундирования, введённого во всех армиях, различить своих от противника становится совершенно невозможно, вследствие чего неизбежны роковые ошибки: расстрел своих, принятых за противника, и наоборот, безнаказанное без выстрела приближение противника, принятого, по недоразумению, за своих...¹⁵⁹

...Совершенно необходимо снабжать безотлагательно и нашу армию, до последнего рядового включительно, по примеру Японии, национальными флагами, выработав для пользования этими флагами особые указания, в основу которых должно быть положено морское правило: при встрече, подъёмом флага, показывать национальность; неисполнение этого правила, то есть сокрытие национальности, показывает врага и даёт полное нравственное право на дальнем расстоянии обстрелять его без малейших колебаний, самым решительным огнём; на ближнем – стремительно атаковать.

Необходимо при этом, однако, установить, что показ флага не обязателен и имеет в виду, что открытое к стороне противника расположение флангов, как облегчающее разведку противнику и создающее для него столь важную ясность боевой обстановки, должно быть избегаемо...

Полагаю, со своей стороны, что в вышеозначенной записке-инструкции генерал-лейтенанта **Цурикова**, объявленной в приказе по корпусу, вошла большая неясность и резкое противоречие.

Так, с одной стороны устанавливается полное нравственное право в случае неисполнения вышеизложенного морского правила о подъёме флага при встрече с войсками, принадлежность коих к нашей или неприятельской стороне не выяснена, без малейших колебаний их обстрелять или атаковать, а с другой стороны, тут же рядом, от строки, делается и оговорка, что – показ фланга не обязателен, тем самым и погашается сполна морское правило об обязательности показа национального флага при встречах судов.

При составлении вышеозначенной записки и установлении известного морского правила, я полагал бы, что было пропущено соображение о весьма существенной разнице между встречами на море и на суше.

Так, на море, кроме ночного и туманного времени, приближение встречных судов видно бывает всегда издали, особенно с салингов и марсов¹⁶⁰, а на суше момент, когда будет усмотрено приближение встречных колонн, всецело зависит

от характера местности, закрытая она или открытая, гористая или равнинная.

Ввиду этого мы полагали бы, что установление морского правила о подъёме флага при встречах на суше не может быть принято.

Затем, по этому предмету, обращает на себя внимание ещё следующее.

Так, в вышеозначенном приказе по корпусу, эта записка-инструкция объявляется полностью и в ней даются вышеозначенные указания для распознавания, при встречах своих войск и неприятельских, полагая в основание вышеизложенное морское правило, а между тем, в конце концов, этот руководительный приказ, давая указание к введению этого способа обозначения наших войск, предписывает на будущее время, на ученьях и манёврах частей корпуса, этот способ практиковать, то есть употреблять флаги национальных цветов, как бы лишь только для обозначения, в сторону своих войск, занятых частями позиций, и не упоминается уже, а как же поступать при встречах с неприятелем – держаться объявленной в сём же приказе записки, или же не держаться её? И если части этой записки-инструкции, касательно подъёма флага, при встречах маневрирующих войск, не должно держаться, то для чего же она была объявлена?!

Кроме того, полагаем, что установление и введение в войсках инструкции по заведению флагов и пользованию ими, к облегчению и ускорению распознавания своих войск от неприятельских, по примеру японской армии, должно быть принято и у нас безотлагательно, но вместе с тем и весьма осторожно, хорошо и точно сообразив редакцию этой инструкции и при том, во всех частях войск нашей армии – одновременно и совершенно одинакова для всех частей армии. Введение же по этому предмету особой инструкции к исполнению в частях одного лишь корпуса, особенно стоящего на границе, когда в других корпусах той же армии таковая инструкция не известна и не принята, в случае внезапной войны в Европе может привести в 1-й

же период кампании – к расстрелу своих и к большим катастрофам.

Полковник **Иолшин**

21 мая 1911 г.

город Петербург

Милостивый государь

глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич!**

В дополнение к тем газетным сведениям, помещённым в «Гражданине» от 12 марта 1894 г. в № 70, который я Вам послал 12 февраля сего года, по поводу подхваченной в своё время в Германии моей идеи об устройстве искусственных дымовых облаков, – идеи, которая мне пришла ещё в 1889 г. когда впервые был принят малодымный порох, привожу ещё некоторые подробности по этому предмету в прилагаемой при сём записке от 18 апреля сего года.

Встречая всегда благосклонный и приветливый приём Вами всех моих военных заметок, я решился поделиться с Вами предметом вопроса по устройству на будущих полях сражений дымовых завес.

Прошу, примите уверение в моём глубочайшем к Вам почтении и верной преданности, с которыми имею быть Вашим покорным слугой.

Н. Иолшин

(напечатано в виде статьи)

Искусственные облака дыма на полях сражений

Rira bien, qui rira le dernier

(хорошо смеется тот, кто смеётся последним)

Как только прошли в печати в 1890 и 1891 гг. мои статьи по предмету идеи, пришедшей мне ещё в 1880 г., об устройстве искусственных облаков дыма как средства противодействия неблагоприятному влиянию, которое оказывает малодымный порох для наступающих на поле сражения войск,

когда впервые был принят для стрельбы малодымный порох, то автор¹⁶¹ брошюры, изданной в 1893 г. под псевдонимом и заглавием **Остап Бондаренко**. IV. Конница Fin de siecle (конец века) на страницах 14 и 15-й высмеял эту нашу идею.

Вот выдержка из этой брошюры...

«Один исследователь влияния малодымного пороха на конницу, задумал даже нарочитый дым. Он находит, что мнение некоторых лжетеоретиков, склонных убрать кавалерию с поля сражения и предоставить ей только роль стратегическую – недалеко от паники¹⁶².

Далась им, право, эта паника!

Теперь пехота, принимая малодымный порох, хочет лишить кавалерию весьма могущественного фактора её успешных атак, лишить возможности налетать на пехоту, как летний град на голову летом, в жару, это должно быть очень освежительно, не то что зимой.

Но конница имеет возможность снова призвать своего друга – дым на поле сражения. Этот друг, как мы видели, для другого, тоже высокоталантливого исследователя, был большим врагом.

Для этого надо устроить искусственные облака дыма. Как их устроить – это дело техники, она придёт на помощь кавалерии (она ведь так страшно шагает). При кавалерии могут следовать лёгкие повозки с запряжкой на манер конной артиллерии и наполненные снарядами для взрыва с целью образования завесы дыма, или эти снаряды (дымчатые облака) пойдут во выюках. В надлежащую минуту они будут разбросаны на поле сражения, там, где есть надобность. За этими облаками конные массы станут скрытно от взоров противника и атакуют внезапно вражескую пехоту и артиллерию.

А в другом случае, за ними не будет ни одного всадника, неприятель, введённый в заблуждение, приготовится здесь к отпору, а конница, найдя в местности пособие для скрытного движения, налетит в другом месте на неприятеля, опять-таки внезапно. Эти облака дыма помогут и наступающей пехоте в бою против пехоты же¹⁶³.

Как же, спрашивается, такого-то друга из обихода военного дела изгонять? Уничтожили дым, а теперь приходится заводить при коннице *fin de siecle*, батареи, в которых будет сигнал: нарочитый дым на позицию!»

Так, **Остап Бондаренко** высмеял эту мою идею, но я полагал бы, что в настоящее время по этому поводу можно бы привести французскую поговорку, что *tira bien, qui tira le dernier*, так как пока у нас иронизировали в этом направлении, то в Германии, ещё в 1893 г., немец **Поль Рейм** уже применил мою идею на практике, сделав по этому предмету премированное изобретение порохового состава, который поднимает такую массу дыма, что дым прежних пушек и ружей ничто перед ним: войско погружается в полный мрак там, куда направлен выстрел. Вслед затем, по этому же предмету, в Берлин был приглашён профессор химии **Швайблер**, который и занялся разработкой этого изобретения, по указанию германского Главного штаба, сильно озабоченного введением при войсках такого вещества, которое, при употреблении войсками для стрельбы бездымного пороха, могло бы, по произволу, давать столько дыму, сколько надо для скрытия от неприятеля, на случай нужды, размещения и передвижения войск.

Так, после крейсеров и эскадренных броненосцев, появились торпедные лодки и мины, их уничтожающие, затем явился бездымный порох, а теперь сделано обратное, в 1893 г. премированное вышеозначенное изобретение, поднимающее невероятную массу густого дыма.

Наша военно-официозная пресса этот предмет борьбы, с неблагоприятным влиянием бездымного пороха, оказываемого им на маневрирование войск на полях сражений и на атаку, упорно замалчивала более 10 лет, и только в некоторых наших гражданских газетах и в «Разведчике» по этому поводу кое-что проскочило!

Так, по этому предмету были помещены весьма отрывочно-лаконического характера сведения: в «Сыне Отечества» от 15 декабря 1893 г. в № 343, в «Гражданине» от 12 марта 1894 г. в № 70-м и мои статьи – в «Санкт-Петербургских ведо-

мостях», – от 28 апреля 1890 г. в № 114¹⁶⁴ и в «Разведчике» от 27 сентября в № 32¹⁶⁵.

Однако же в последнее время, когда сила военной логики привела мою идею к полному осуществлению и торжеству на практике, пока ещё только учебной, то, наконец, и в нашем военном официозе мы встречаем заграничные сведения по этому предмету.

Так, в «Русском инвалиде» от 13 мая 1907 г. за № 106 стр. 5, в статье «Германия. Генерала **Роне** об орудии будущего» мы читаем нижеследующее.

Выдержка в копии

Как бы то ни было, но на быстрое уничтожение лиддитовой батареи рассчитывать не приходится. Следует всегда считаться с тем, что при движении пехоты вперёд, некоторые батареи обороны возобновят свой огонь и остановят пехоту. Так как быстро уничтожить эти батареи не удастся, то было предложено окутать их дымной завесой от разрывных снарядов. Французский полковник **Рюффе** полагает, что это достижимо, если в минуту на фронте в 100 метров разорвутся 16–20 снарядов. Чем больше дыма даст снаряд и чем он гуще, тем меньшее количество их понадобится. Шведский инженер **Холмгрен** предложил шрапнель с пулями, засыпанными сильным дымообразователем.

На опытах в Марме, цель из 20 фигурных мишеней была так окутана дымом от 4 шрапнелей, что она совершенно скрылась из глаз.

Таким образом, вышеприведённая моя идея, которая сегодня, с развитием аэропланов и дирижаблей и введением на полях сражений полевых бронированных башенок, для помещения в них автоматических пушек и пулемётов, получает ещё большее значение, эта идея, по нашу сторону западной границы, к сожалению, вызвала пока одну иронию, но по ту сторону нашей западной границы, – к ещё большему для нас сожалению, – она облекается, как видно, в весьма реальные формы!

И вышеприведённые опыты в Марме своим блестящим успехом оправдали мою уверенность, высказанную печатно ещё в 1890 г., что техника придёт на помощь делу устройства

искусственных облаков дыма. Вот она и пришла! И притом шагнула столь быстро, что не успели ещё использовать для вышеприведённой цели примитива-ракетных станков, к разброске специальных снарядов нарочитого дыма, как артиллерийская техника уже выработала боевую шрапнель, сочетающую в себе и удар, и дымовую завесу.

Выработка артиллерийских снарядов – гранат и шрапнелей, сочетающих в себе одновременную пригодность для целей ударных и дымовых, является уже идейной победой и недалеко то время, когда на европейском Западе мы увидим, что шрапнели и гранаты с сильно дымящим составом введены, в известной пропорции, во всех полевых батареях, как в пешех, так и в конных, а в генеральных сражениях, наступающий, особенно на главных пунктах удара, создаст дымовую завесу, под покровом этой завесы произойдёт сосредоточение главной ударной массы, а затем и атака, войска примут перед самой атакой более сосредоточенные и удобоуправляемые строи, мы вновь услышим *tambour battant* (барабанщика) и увидим внезапные, решающие участь сражений удары кавалерии.

И смело можно предвидеть, что та армия, которая первой примет дымовую завесу, в ближайшую же войну пожнёт плоды своей предусмотрительности, особенно при штурмах укреплённых позиций!!

Это очень хорошо понимают германцы, то есть ту аксиому, как говорил генерал **Леер**¹⁶⁶, что, кто первый явится с чем-либо новым на поле сражения, тот приобретает уже в одном этом громадные выгоды.

Они это очень хорошо помнят с Мольвица и Йены. И вот, в 1864 и 1866 годах – они первые являются с ружьями, заряжающимися с казны, в 1870 г. – они являются с волшебной мобилизацией, с подавляющим численным превосходством вообще, с превосходным числом прекрасной кавалерии и таковым же числом и качеством артиллерии и с употреблением её в массах – Верт, Марс-ла-Тур, Гравелот и Седан¹⁶⁷. Как видно, готовясь к войне против французов, они не поскупились на новинки, а теперь они усердно занялись вопросом о кавалерии, в особен-

ности же вопросом об употреблении кавалерии в больших массах – вся кавалерия у них работает в пылко-наступательном духе, вооружена пикой, получила дальнобойно-лёгкий карабин, обильно снабжена колёсными пулемётами **Максима** и понтонными парками. К полям манёвренных сражений германцы подвозят по шоссе-путям на автомобилях бронированные башенки со скорострельной артиллерией и пулемётами и с поразительной быстротой устанавливают их на главных опорных пунктах позиций, а в артиллерии идут испытания над сильно дымящими составами и выработкой снарядов, сочетающих в себе удар и дымовую завесу.

В настоящее время мы переживаем период вооружённого мира и всё что нами ещё до сих пор упущено, необходимо экстренно ввести, не стесняясь денежными затратами, так как победа царской армии сторицей окупит все расходы по её подготовке!

Н. Иолшин

30 мая 1911 г.

город Санкт-Петербург

(далее черновик вышеприведённой статьи, написанный 18 апреля 1911 г. в городе Белостоке)

31 января 1911 г.

город Белосток

Милостивый государь

глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич!**

Вы меня осчастливили при моих последних 2-х представлениях (к?) Вам Вашим доверием ко мне и надеждой на получение пособия, от которого будет зависеть и вся моя дальнейшая судьба.

Теперь для меня самое важное – это привести в порядок и ликвидировать долговые обязательства и построить генеральскую форму, а также выйти из критического материального положения, чтобы иметь надежду на осуществление в будущем моей мечты о дальнейшей службе.

Для этого также очень важно не быть стеснённым долгами, чтобы не давать повода к разговорам, которые могли бы испортить мне всё дальнейшее.

Всецело Вам, князю **Орлову** и генерал-адъютанту барону **Фредерику** я буду обязан спасением меня от безвыходно тяжёлого материального положения, в котором нахожусь с момента производства в генерал-майоры и увольнения в отставку.

Кроме мотивов, изложенных мной в прилагаемой при сём докладной записке, моя задолженность явилась ещё и как последствие целого ряда разъездов для устройства дела прикомандирования, которое, думаю, что, быть может и на моё счастье, не состоялось, так как я слишком долго пробыл дивизионером, с 1892 г., и за этот период нахождения на должности дивизионера мне пришлось успешно в мирное время – год временно прокомандовать полком, а на войне – командовать отрядом силой в бригаду.

Работа дивизионера была мной исчерпана.

Прошу Вас, не откажите передать прилагаемой при сём докладной записки Его Сиятельству князю **Орлову** и поддержанием её у Его Сиятельства князя **Орлова** и у генерал-адъютанта барона **Фредерикса**.

Внезапный падёж моей отличной кровной, молодой лошади, ещё более затрудняет моё материальное положение и я прошу Вас, если Вы признали бы возможным, хотя бы несколько поднять цифру пособия, которую я решился Вам доложить при последнем моём представлении.

1000 рублей меня вполне выручила бы и выведёт вперёд.

Это пособие даст мне возможность в дальнейшем к осуществлению моей заветной мечты: ещё поработать Его Императорскому Величеству Государю императору как в мирное, так и в военное время – в кавалерийском фронте, но это пока только Вы знаете и прошу ещё раз, оставьте между нами эту мою мечту.

Приехал в Белосток только на несколько дней, чтобы подготовить переезд сюда.

До 1 марта мой адрес: город Сувалки.

Прошу, примите уверение в моём глубоком к Вам почтении и верной преданности.

Ваш покорный слуга

Н. Иолшин

Докладная записка генерал-майора в отставке **Иолшина**
31 января 1911 г., № 4
город Белосток

Его Сиятельству князю **В.Н. Орлову**

Быв произведён Высочайшим приказом от 30 декабря 1910 г. в генерал-майоры с увольнением от службы, я в настоящее время нахожусь в крайне тяжёлом материальном положении, так как необходимо обзаведение генеральской формой, а пенсия мне подлежит к получению весьма небольших размеров, только около 1090 рублей в месяц, и тот мне начнут выдавать не раньше как через 5 месяцев, пока дело о пенсии не пройдёт все канцелярские формальности.

Вместе с тем 15 декабря 1910 г. у меня пала отличная кровная верховая лошадь 5 1/2 лет, что причинило мне большой материальный ущерб.

Кроме того, будучи стеснен долговыми обязательствами, я становлюсь в настоящее время в безвыходно тяжёлое положение, что приводит меня к решимости просить ходатайства Вашего Сиятельства у командующего императорской главной квартирой, у генерал-адъютанта барона **Фредерикса** об оказании мне Его Императорским Величеством Государем Императором поддержки денежным пособием.

Всеми силами своими постараюсь оправдать доверие Вашего Сиятельства ко мне и быть достойным Всемилоостивейшей поддержки меня Его Императорским Величеством Государем императором.

Генерал-майор в отставке

Иолшин

10 февраля 1911 г.

город Белосток

Милостивый государь

глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич.**

Приезжал сюда, чтобы подготовить свой переезд в город Белосток. Возвращаюсь завтра в город Сувалки.

Горячо прошу Вас, не откажите Вашим ходатайством к возможно скорейшему получению мной Высочайшего пособия.

Не получая пенсионна, который, вероятно, выйдет ещё не раньше святой Пасхи, мне придётся доставать деньги под векселя и большие проценты, что ещё ухудшает моё и без того очень дурное материальное положение.

Кроме того, чем скорее я получил бы пособие, то тем скорее я переехал бы из города Сувалки в город Белосток и мог бы, устроившись, приняться за разработку отчётов по бывшим 3 манёврам 1908 и 1909 годов, на которых командовал полком. Эти отчёты, которые я вам представляю, представляют не только мой личный интерес, но и общий военный интерес и значение.

В связи с пособием, уплата по многим долговым обязательствам и моё обмундирование генералом.

Бесконечно буду Вам благодарен за Ваше участие ко мне, от которого зависит всё моё дальнейшее.

Если Государь император осчастливит меня пособием, то я просил бы о направлении его прямо на моё имя, в город Сувалки, где я выжду (?) разрешения этого вопроса.

Посылаю Вам, в знак моей преданности Вам, описания, бывшие помещёнными в газетах, бывших моих полёта на воздушном шаре и работы по устройству дымовой маски на полях сражений и переправам кавалерии.

Прошу, примите уверение в моём глубоком к Вам почтении и верной преданности.

Ваш покорный слуга

Н. Иолшин

P.S. Мой адрес: Город Сувалки, генерал-майору в отставке

Николаю Михайловичу Иолшину

14 марта 1911 г.

город Сувалки

Милостивый государь

глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич!**

У меня ещё произошла большая беда. Самая любимая из всех бывших у меня лошадей – матка павшего в декабре нынешнего года жеребчика, 3 сего марта пала от воспаления лёгких, начало которого вовремя не было замечено. Я, заметив, что лошадь как будто бы больна, показал её 21 февраля ветеринарному врачу лейб-драгунского Псковского полка¹⁶⁸, но он осмотрел её поверхностно, обнаружил только насосы, которые ей и стирали 21, 22 и 23 февраля, тогда как у неё уже было тогда в полном разгаре воспаление лёгких, которое я сам заметил только 26 февраля, когда начали её лечить, но это было уже поздно и никакие мои усилия не могли спасти эту лошадь, которая у меня прослужила, без 4 месяцев, 10 лет, была полна жизни и стильческой энергии. Делюсь с Вами моей бедой, так как знаю и вижу Ваше постоянное ко мне участие и доверие.

Не могу простить себе, что я своевременно не дал её осмотреть хорошему ветеринару в городе.

Совокупный пенсион с эмеритурой, главным штабом определён мне в размере – 89 рублей в месяц и с вычетом в первые же месяцы выдач – 192 рубля, за производство в генералы. Из этих 89 рублей, 1/2 будет удерживаться на погашение долгов, и на руки я буду получать только по 45 рублей в месяц, а между тем является необходимость уплаты острых долговых обязательств и постройки генеральской формы.

В таком плохом материальном положении я ещё никогда не был, но сохраняю надежду, что Вы, глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич**, и князь **Орлов**, и генерал-адъютант барон **Фредерикс** войдут в моё положение и Вашим добрым ходатайством за меня поддержите мою просьбу, выраженную в Докладной записке от 31 января 1911 г. за № 4, на имя князя **Орлова**.

Только поддержка меня Государем Императором, в денежном отношении может дать мне возможность реабилитировать моё бывшее служебное положение.

Прошу, примите уверение в моём глубочайшем к Вам почтении и верной преданности.

Ваш покорный слуга

Н. Иолшин

P.S. Мой адрес: город Сувалки

Генерал-майору в отставке **Н.М. Иолшину**

18 февраля 1911 г.

город Сувалки

Милостивый государь

глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич**

приписка: «Прошу доложить князю **Орлову**».

Отставной генерал-майор **Иолшин** просит пособие в 1000 рублей. Может ли он рассчитывать получить хотя бы небольшую сумму в 200–300 рублей».

Извиняюсь, что беспокою Вас, но материальное положение моё очень уже даёт себя знать, с одной стороны, и с другой – при полном безденежьи – пропадает масса времени совершенно непроизводительно, что ещё более ухудшает моё положение, отдаляя достижение цели.

Я горячо прошу Вас, не откажите Вашим ходатайством за меня по делу моей просьбы о Высочайшем пособии у князя **Орлова** и у генерал-адъютанта барона **Фредерикса**. Всеми силами моими постараюсь заслужить и оправдать бесконечно дорогую для меня милость Государя императора, в такой трудный для меня момент жизни.

Прошу, примите уверение в моём глубоком к Вам почтении и верной преданности, с которыми имею быть Вашим покорным слугой.

Н. Иолшин

23 мая 1911 г.

Санкт-Петербург

Милостивый государь

глубокоуважаемый **Кирилл Анатольевич!**

Извиняюсь, что беспокою Вас этим моим письмом, не решившись при моём представлении Вам 20 сего мая отнять у Вас много времени, я не достаточно ясно изложил обстановку, которая меня приводит к просьбе о Всемилоостивейшем Государя императора пособия мне в размере 1 тысячи рублей.

Не только необходимость построить генеральскую форму и устроить свой домашний обиход, до реабилитации моего строевого – кавалерийского – положения, о чём я только и мечтаю, приводит меня к просьбе пособия в сумме 1 тысячи рублей, но и главным образом задолженность, которая образовалась как результат постройки, в 1909 г., – кирасирской формы, а в 1910 г. как результат хлопот об устройстве прикомандирования.

Упорядочение моего материального положения будет в ближайшем будущем иметь даже большее значение, чем мои манёвренные объяснения, которые я представляю на Ваше благоусмотрение только осенью сего года, а до того времени горячо прошу оставить это только между нами.

Видя Ваше постоянно доброе и сердечное ко мне участие, я прошу Вас, если Вы признали бы это возможным, при ходатайстве за меня о пособии у князя **Орлова** и у генерал-адъютанта барона **Фредерикса**, выразить его Сиятельству и его Высокопревосходительству, что генерал **Иолшин** только и мечтает и надеется ещё поработать на победу царской кавалерии как в мирное, так и в военное время.

Прилагая при сём две газетные заметки о моём участии в Фессалийском походе 1897 г. и в парфорсных охотах и скачках, под м. Поставами в 1903 г., прошу Вас, примите их в знак моего глубочайшего к Вам почтения.

Прошу, примите уверение в моём глубоком к Вам почтении и верной преданности.

Ваш покорный слуга

Н. Иолшин

Вырезка из газеты «Русский инвалид» от 7 октября 1903 г. № 218 из Постав.

2 сентября начались охоты по живому зверю. В настоящий сезон парфорсных охот работают две стаи собак: школьная и гвардейского общества, приведённая сюда из Красного Села. Мастером гвардейской охоты – ротмистр барон **Маннаргейм**¹⁶⁹ (**Маннергейм**). Обе стаи ходят поочерёдно и охоты производятся не менее четырёх раз в неделю. Из охот по зверю были очень удачны и интересны охоты 30 сентября и 2 октября. Зверь шёл по весьма пересечённой местности очень резво, заставив, в особенности в охоту 2 октября, двигаться непрерывно резвым галопом около 3/4 часа и был взят на дне глубокого оврага с ручьем. В охоту 30 сентября зверь (даниэль) был взят на топком болоте, где выкупалось с головой несколько охотников, влетевших по горячности туда с лошадьми, которым еле-еле удалось оттуда выбраться. В скачке на местности 21 сентября участвовало 5 человек. Первым был поручик **Крыгин** на кобыле Далила, вторым – поручик **Екимов**. В *consourshurpique* приняли участие 4 человека – первый приз получил штабс-ротмистр **Ав-Мейнандер** на кобыле Сарина, второй – штабс-ротмистр **Мясоедов** на коне Кантэн. С большим интересом разыгралась скачка 1 октября.

В этот день разыгрывались призы, пожалованные августейшим генерал-инспектором кавалерии для штаб-офицерской скачки по местности, а также приз генерал-адъютанта **Струкова**.

В штаб-офицерской скачке приняли участие все штаб-офицеры, находящиеся в данный момент в Поставах, а именно: полковники **Демор, Васьянов, Мошнин, Стахович, Мориц, Рыжов, Языков, Дитерихс**, барон **Торнау, Нидервил, Ванновский, Ромейко-Гурко**; подполковники **Иоалшин, Заботкин, Тудубьев, Томилов**. Стартёром был полковник князь **Багратион**.

Условия скачки были следующие. Пробег по местности около 10 вёрст за лидером (полковник князь **Багратион**) и затем скачка на резвость около 8 вёрст.

Финиш приходился на довольно крутую гору, у подножия которой было болото с узким дефиле¹⁷⁰-канавой. Скачку повёл полковник **Стахович**, но скоро его сменил полковник **Дитерихс**, который и вёл до болота, где на первое место переложилась чистокровная Помпа под полковником **Ванновским**, но, попав в болото, она падает вместе с ездоком. Борьба происходит между полковником **Дитерихсом** (кобыла Рачительная государственного Лимаревского завода) и неожиданно переложившимся на финише полковником **Гурко** (кобыла Мамзель – казённо-строевая 28 драгунского Новгородского полка). Выигрывает **Д.Д. Дитерихс**, вторым – полковник **Гурко**, третьим – подполковник **Заботкин** (конь Риск – чистокровный), близко четвёртый – полковник **Иолшин**, далее полковники **Васьянов**, **Стахович** и остальные участники. Дистанция пройдена очень резво – около 15 минут. Скакали на школьных лошадях, которые достались по жребию. (Примечание рукой **Иолшина**: «Все, кроме меня, скакали на школьных лошадях, я же в парфорсные охоты и вышеозначенную скачку отбыл на собственной верховой лошади – кобыле Лиля».)

Скачка на приз генерал-адъютанта **Струкова** разыгралась с приключениями. Дистанция и местность были те же самые, что и в штаб-офицерской скачке. Пущенные со старта шесть конкурентов пошли весьма резвым ходом, на первом же мосту проваливается кобыла Далила под поручиком **Крыгиним**. К последней канаве подходят кучно четыре лошади, но две, взявшие немного влево, попадают с полного хода в болото, где обе упавшие лошади придавливают ездоков – поручиков **Василевского** и **Екимова** настолько, что явилось опасение за целостность их костей. Прошло около двух минут, пока им удалось, после принятия ванны, выбраться на сухое место, причём поручик **Василевский**, видя, что скачка ещё не кончена, так как подходит ещё один запоздавший скакун, быстро вскакивает на коня и кончает скачку третьим. Первым был поручик **Менжинский**, вторым – штабс-ротмистр **Васильев**.

Пришедший четвёртым тут же потерял лошадь, которая пала через десять минут, так как у неё оказался перелом тазовых костей в пяти местах.

В числе участников (гостей) парфорсных охот в этот сезон были: генерал-майор **Грязнов**, полковник **Бельгардт**, ротмистр **Розенталь**, поручик **Фёдоров** и другие. В нескольких охотах принимала участие **Е.А. Васьянова**, супруга штаб-офицера лейб-гвардии Гродненского полка.

А. Долматов.

(визитная карточка)

Николай Михайлович Иолшин

Генерал-майор в отставке

Измайловский проспект № 5, кв. 14.

Вырезка из греческой газеты «Le Progres» (Прогресс),
от 19 апреля 1901 г. № 155.

Le peuple grec conserve pieusement le souvenir de tous les etrangers que ont parle, agi ou combattu pour le cause de l'Hellenisme. Au milieu des sombres evements de ces dernieres annes, il oublie quelquefois l'amertume de ses epreuves en songeant aux sympathies qui lui sont venues des quatre points de l'horizon; il venere particulieurement la memoir de ceuax qui ont pris les armes pour la defense de son droit dans les malheureux combats de 1897. Parmi les philhellenes agissants de cette desastreuse anne, une des physionomies les plus remarquables et le plus sympathiques etait assurement celle du Colonel d'Etat-major russe Mr **Nicolas Micailovitch Iolchine** auquel le gouvernement hellenique vient d'accorder la croix d'orde l'Ordre du Sauveur, juste recompense de son philhellenisme et de son merite.

Mr **Iolchine** est un officier, distingue non seulement par sa bravoure, mais encore par son erudition et sa science militaire. Il a complete ses etudes a l'Academie de l'Etat-Major general de St Peterbourg, il a publie plusieurs ouvrage sul les question gouvernement pour suivre les operation de la campagne comme attache militaire a l'Etat-Major anglais, il a donne a son retour une

conferecmce tres interessante sur cette guerre devant un auditoire choisi d'officiers du milieu desquels figuraient les grands Ducs de Russie.

Mr le colonel **Iolchine** me permettra-t-il, si ces lignes lui tombent sous les yeux, de lui rappeler un episode peut-etre oublie de sa campagne de Gresce? Quelques jours apres la bataille de Domo-kos, sur la route de Lamia aux Thermophyles, un officier superieur russe en grand uniforme errait sur les bords du Sperchious, incapable de retrouver son chemin dans le ffoillis inestricavle d'un marais a la vegetation luxuriante et dans le demi-obscurite de crepuscule. Tout a coup a l'angle d'un sentier apparait le costume vert d'un legionnaire. Pour comble de chance, ce legionnaire est un francais et le colonel russe que parle tres purement la langur francaise lui raconte qu'il cherche le camp de la legion philhellénique, et les deux amis et allies' selon l'expression de **Felix Foure**, s'en vont le long des chemins vordes de lauriers roses devisant de la Grece, de la Russie et de la France. La route etait longue, onze kilometres environ, sur la terre molle et visquense d'un marais du sur cailloux pointus d'un torrent ; le colonel de cavalerie russe, peu habitue aux longues marches, commencait a ressentir une fatigue tres sensible ; il admirait le pas guide et s'asseyant sur une pierre pour reprendre haleine : si tous les Francais marchent comme vous, lui dit-il, vous devez avoir une admirable infanterie.

L'officier superieur russe etait Mr le colonel d'Etat-Major **Iolchine** et le legionnaire le redacteur actuel de Progres que se permet de feliciter son compagnon de route des Thermophyles de la distiction meritee qu'il vient de relevoir du gouvernement Hellenique.

J.Guillebert

(перевод:

Греческий народ ревниво хранит память обо всех иностранцах, которые высказывались, действовали или воевали за дело эллинизма. Среди мрачных событий этих последних лет что-то забывается из их многочисленных свидетельств,

хранящих симпатии, обращённые со всех четырёх сторон горизонта. Особенно ревнива память о тех, которые взялись за оружие в защиту своего права во время несчастных боёв 1897 г. Среди филэллинов, действовавших в тот страшный год, есть лица наиболее примечательные и симпатичные, а определённо, российского Генерального штаба полковник господин **Николай Михайлович Иолшин**, которому греческое правительство только что вручило Крест Ордена Спасителя – достойную награду за его любовь к грекам и за заслуги.

Господин **Иолшин** – офицер, отличившийся не только своей храбростью, но и своей эрудицией в военной науке. Он окончил курс Академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге, опубликовал многочисленные работы по управлению войсками в оперативной кампании в качестве военного атташе при английском Генеральном штабе и прочёл в свою очередь очень интересную лекцию об этой войне между избранной аудиторией офицеров, в числе которых фигурировали русские Великие князья. Ежели мне позволит полковник **Иолшин**, если эти строки попадутся ему на глаза, я ему напомним один эпизод, может быть забытый, из кампании в Греции. Несколько дней спустя после битвы при Домокосе, на дороге из Ламни в Фермопилы, один старший русский офицер в полной форме бродил по берегу реки Спрехиос, будучи не в силах найти дорогу среди хаоса болота, поросшего пышной растительностью в уже наступавших сумерках. Вдруг на повороте тропинки показался зелёный костюм легионера. По счастью, легионер был француз, и русский полковник очень чисто рассказывает ему по-французски, что ищет лагерь филэллинского¹⁷¹ легиона и два друга и союзника, по выражению **Феликса Фора**, удаляются вдоль по дороге, обрамленной розовыми лаврами, рассуждая о Греции, о России и о Франции. Дорога была длинной, примерно в 11 км по мягкой и топкой болотистой земле, кое-где твёрдой на выпуклых булыжниках реки; русский кавалерийский полковник, не привыкший к долгим переходам, весьма ощутимо стал чувствовать усталость; он восхищался шагом своего проводника и, садясь

на камень, чтобы передохнуть, сказал: «Если все французы ходят как Вы, то у Вас, должно быть, прекрасная пехота». Старший русский офицер был Генерального штаба полковник господин **Иолшин**, а легионер – нынешний редактор (газеты) «Прогресс», который пользуется случаем, чтобы поздравить своего попутчика по дороге из Фермопил с заслуженной наградой, которой его отметило правительство эллинов.

Ж. Гиллебер

(рядом идентичный текст на греческом языке)
(напечатано в виде статьи)

Записка к Де(?)бою в июле и августе 1905 г.

Охотничьего отряда¹⁷² 4 армейского корпуса

Командуя охотниками 4 армейского корпуса в центре, 26 июля 1905 г. я напал с летучим отрядом, силой в 3 пешие и 3 конные охотничьи команды, на японский полевой караул, на так называемой Голодной сопке, находившейся в расстоянии всего 1 вёрсты от укреплённой японской позиции – Шахедзы-копи, занятой целой дивизией и, после горячей перестрелки и рукопашного боя, разнёс его, захватив десяток японцев в плен, что было весьма важно, так как этот захват японцев в плен, внёс поправку в ориентировку главной квартиры, установив пребывание 6 пехотной японской дивизии в центре, тогда как она предполагалась, по сведениям, полученным в Главной квартире, значительно восточнее.

Того же числа, одновременно с нападением на Голодную сопку, я направил 1 пешую охотничью команду на укреплённую японскую позицию у д. Падзяцзы-Южная, благодаря чему было парировано обходное движение японцев, имевших целью отрезать вверенный мне отряд.

Вернувшись того же числа с трофеями в своё расположение и не потеряв ни одного охотника захваченным в плен или без вести пропавшим, я, в ночь на 27 июля, вновь произвёл глубокую рекогносцировку за долиной Син-Лун-Хэ, к югу от д. Эрдагоу, которая определила, что японцы были настолько

охвачены паникой, после нападения моего – 26 июля 1905 г. – на их укрепленную позицию, что вся их передовая линия, противопоставленная моему отряду, очистила долину Син-Лун-Хэ и отошла за корейский вал, оставив в Гаоляне¹⁷³ долины лишь одних сигнальщиков.

30 июля 1905 г., на рассвете, японцы в отместку за 26 июля, перешли в наступление силами не менее дивизии, с артиллерией и кавалерией, причём около бригады японцев обрушилось, у д. Талиппау на мой охотничий отряд, считавший в своих рядах только 800 винтовок и не располагавший ни артиллерией, ни пулемётами.

При этом 2 наших соседних передовых отряда, расположенные левее вверенного мне отряда, отошли при первых же выстрелах загоревшегося боя на север, уступом, за его левый фланг, и передовой отряд, расположенный правее его, отошёл ещё с вечера, 29 июля, уступом за его правый фланг, и весь бой охотничий отряд 4-го армейского корпуса, под моим начальством, провёл самостоятельно, не получив никакой поддержки ни от соседних передовых отрядов, расположенных в передовой линии, ни от авангардов, расположенных во II линии. При этом все убитые и раненые охотники были вынесены с поля боя.

Однако не смотря и на всю трудность положения и указание диспозиции по авангарду 8 армейского корпуса, от 26 июля 1905 г. за № 9 п.2, под натиском превосходных сил противника передовым отрядам отходить на авангард с боем, я не только не отступил, с раз занятой мной у д. Талипау позиции, когда ещё путь отступления в начале боя был совершенно свободен, но даже и не вздумал пробиваться через кольцо охвативших меня японских войск, а быв охвачен превосходными неприятельскими силами, решил бить их по частям и перейти в наступление, что и было мной совершенно самостоятельно, с успехом выполнено, причём неприятелю не удалось у меня захватить какой-либо трофей и, как это констатировано в приказе по 4 армейскому корпусу от 26 августа 1905 г. за № 104, к 9 часам утра я откинул неприятеля за его посты с большими для него потерями.

Успешные действия в центре нашего охотничьего отряда 4-го армейского корпуса имели большое значение для всей нашей действующей армии, так как помешали японцам врезаться клином в образовавшийся 30 июля 1905 г. между отрядами правого фланга I Манчжурской армии и левым флангом II Манчжурской армии большой интервал.

При производстве форсированной рекогносцировки всеми передовыми отрядами II Манчжурской армии 1 августа 1905 г. вверенный мне охотничий отряд прошёл глубже всех передовых отрядов, первым ворвался на рассвете в д. Кообянтун, в тыл укреплённой японской позиции у Шахедзы-копи, навёл своим налётом панику на японскую роту, занимавшую эту деревню, обратил её в бегство и захватил при этом военные трофеи – пленных, оружие и котелки с варёным рисом.

Этот захват пленных ещё раз подтвердил, что 6-я пехотная японская дивизия не двинута к востоку, а осталась в центре.

Ворвавшись в тыл неприятельской укреплённой позиции и их передовых отрядов, я продолжал там оставаться до 11 часов утра, снимая кроки с укреплённой японской позиции Шахедзы-копи, несмотря и на то, что соседние мне передовые отряды отошли к северу в своё расположение за Син-Лун-Хэ уже в 8 часов утра.

При отходе назад, по моей личной инициативе, охотничий отряд мой остановился у Голодной сопки под сильным неприятельским шрапнельным огнём и тут ещё раз нанёс неприятелю вред, причинив залпами спешенных конных команд (117 пехотного Ярославского и 120 пехотного Серпуховского полков) серьёзную убыль неприятельской кавалерии и тем остановил, начавшийся уже переход в наступление со стороны неприятеля, и обеспечил тем благополучный переход наш через болотистую долину Синь-Лун-Хэ.

Полагаю, что взятая на себя, 30 июля 1905 г., инициатива не отступить перед превосходными силами неприятеля и успехе боя под д. Талимпау, проведённого мной до конца совершенно самостоятельно, а также успех форсированных

рекогносцировок 26 и 27 июля и 1 августа 1905 г., подходят под нижеозначенные статьи статута о награждении орденом Святого Георгия 4-й степени.

Справка: св. зак. ... Т.I, ч.2, кн. VIII

Учрежд. орденов, изд. 18922, ст.294, п. 1-й и ст. 295, п.6.

Приложения

1) Приказ по 4-му армейскому корпусу от 26 августа за № 104 как подтверждение, что вверенный мне отряд имел 30 июля 1905 г. дело с превосходными силами неприятеля и закончил бой самостоятельно, не получив поддержки от соседних отрядов, и что он опрокинул неприятеля, причинив ему значительные потери.

2) Выдержки из «Русского инвалида» от 3 и 4 августа 1905 г. за № 165 и 166 как подтверждение того, как охотничий отряд, расположенный у железной дороги, имел дело 30 июля 1905 г. с превосходными японскими силами.

3) Мой отчёт о бое – 30 июля 1905 г. у д. Талимпау, с 6 кроками.

4) Копия телеграммы начальника авангарда 8 армейского корпуса от 30 июля 1905 г. за № 431 как подтверждение об отступлении передового отряда II Сибирского армейского корпуса, а также и передового отряда III Сибирского армейского корпуса.

5) Копия с донесения подпоручика **Виттекопфа** от 30 июля 1905 г. за № 1 как подтверждение об отступлении к северу, от железной дороги станции Шцанмяуцза, передового отряда 8 армейского корпуса, бывшего под начальством войскового старшины **Шишкина**.

6) Диспозиция по авангарду 8 армейского корпуса от 26 июля 1905 г. за № 9 как подтверждение, что мне было приказано, в случае наступления превосходных японских сил – отступать на Север и что, следовательно, моё наступление к Югу против превосходящих японских сил было делом моей личной инициативы.

7) Воспоминания о бое 30 июля 1905 г. под д. Талимпау бывшего начальника кон. ох. команды 148 пехотного Шуй-

ского полка поручика **Цитовича**, – ныне 106 пехотного Уфимского полка штабс-капитана как подтверждение моего отчёта о бое под д.Талимпау.

8) Заметка о бое 30 июля 1905 г. у д. Талимпау, бывшего начальника кон. ох. команды 120 Серпуховского полка поручика **Руденко** как подтверждение моего отчёта о бое под д.Талимпау.

В настоящее время поручик **Руденко** состоит в прикомандировании к штабу 4-го армейского корпуса в чине штабс-капитана.

9) Заметка под заглавием:

Дело сводно-охотничьего отряда 4 армейского корпуса у Талипао 30 июля 1905 г. составлена бывшим камер-пажом при дворе Его Императорского Величества **Н. Вороновичем**¹⁷⁴, ныне лейб-гвардии конно-гренадёрского полка корнетом.

10) Мой приказ по Охотничьему отряду 4 армейского корпуса от 7 августа 1905 г. за № 16.

Полковник **Иолшин**

14 сентября 1908 г.

г. Сувалки (напечатано в Извалковской губернской типографии) (далее от руки)

Его Высокоблагородию флигель-адъютанту¹⁷⁵ Е.И.В.

полковнику **Половцеву**¹⁷⁶

Спешная

Записка для памяти

22 апреля 1900 г., Санкт-Петербург

20 апреля переписка и все документы по предмету боевой работы моей как бывшего начальника охотничьего отряда 4 армейского корпуса были переданы Его Превосходительством генералом от инфантерии **Батьяновым** начальнику Главного штаба, при надписи: «Для содействия».

Всё дело вопроса о передаче представления меня генералом **Батьяновым** к ордену Святого Георгия 4 степени, в кавалерскую думу, зависит в настоящее время от начальника Главного штаба и Военного министра.

Адрес генерала **Батьянова**: город Петербург, Мойка 28.

Полковник **Иолшин**

Приложение № 3

Приказ (по)(напечатано далее)

4-му армейскому корпусу № 104.

Бивак у станции Годзядан. 26 августа 1905 г.

16 июня сего года от войск вверенного мне корпуса был сформирован сводный отряд, в составе 8 пеших и 8 конных охотничьих команд при 4-х пулемётах **Максима** и команды сапёров.

18 июня отряд этот, под начальством Генерального штаба подполковника **Тихменева**¹⁷⁷, временно заменившего войскового старшину **Иолшина**, находившегося в командировке, поступил в распоряжение начальника авангарда 8-го армейского корпуса для несения сторожевой и разведывательной службы на передовых постах против неприятеля, охранявшего своими передовыми частями участок по линии деревни Манзялинза, Шахедзы, Каобянтун, Паизяцзы.

С 20 июня по 25 июля охотники несли как сторожевую, так и разведывательную службу с примерным усердием, энергией, смелостью и нередко под огнём противника, внимательно изучая врага, удачно производя и частичные разведки, добывая нужные сведения о нём, иногда при самой неблагоприятной погоде в период дождей – несмотря на то, что были ещё новичками в этом деле.

К концу июля отряд настолько уже ознакомился с местностью и противником, что явилась возможность предпринять более глубокую рекогносцировку одновременно несколькими командами, что и было исполнено отрядом 26 июля под начальством прибывшего из командировки войскового старшины **Иолшина**, принявшего таковое от подполковника **Тихменева**.

Первая рекогносцировка была весьма успешна.

Из 3-х команд, брошенных на неприятеля в направлении на Голодную и Усечённую сопки, одна навлекла на себя большую часть огня противника и под этим огнём твёрдо подвигалась вперёд, приковав к себе всё внимание неприятеля,

чем дала возможность двум другим приблизиться вплотную к его постам без потерь.

Остальные продолжали идти по заранее указанному направлению, причём одна из них, несмотря на перекрёстный огонь противника, по инициативе своего начальника, быстро изменила данное ей направление и, зайдя в тыл неприятеля, заставила его бросить свои окопы и устремиться к резервам.

Произошла рукопашная схватка, в которой молодцы охотники доказали, что в единоборстве русский штык, в руках смелого русского солдата, грозен, неотразим и не имеет себе равного.

Взятие в плен 8 японцев в схватке, где мы понесли незначительные потери – два нижних чина ранено, а также оружие и документы, взятые с убитых и раненых, дали возможность установить присутствие 6-й японской пехотной дивизии, которая предполагалась расположенной много восточнее, то есть против нашего левого фланга, а не центра.

Как бы в отместку за смелые действия охотников, 30 июля перед рассветом, японцы, силой около 2-х батальонов пехоты с артиллерией и кавалерией, скрытно приблизились к одному из соседних с нами, с запада, сторожевых участков, незаметно прошли сквозь цепь их аванпостов и на рассвете, выйдя во фланг и тыл постам и заставам нашего отряда, открыли по ним сильный огонь с дистанции 400–600 шагов.

Неожиданность эта несколько не поколебала духа молодых охотников. Тяжело было под неприятельским огнём с фланга и тыла собирать секреты и посты и отступать с ними к резерву. Были убитые и тяжело раненные, но ни один не был оставлен на месте и не попал в руки врага, стремившегося отрезать наши передовые посты от их резерва. Это обстоятельство всецело приписываю блестящему духу, коим были проникнуты охотники и их начальники, – духу, выразившемуся в беззаветной храбрости и ясном сознании высокого долга.

Лишь только подоспел резерв, как отряд немедленно перешёл в наступление, и неприятель к 9 часов утра был уже откинут за свои посты с большими потерями.

1 августа, при производстве усиленной рекогносцировки всем фронтом передовых частей 2 армии, под общим начальством генерал-майора **Грекова**, наши охотничьи команды проникли в глубь неприятельского сторожевого охранения, захватив в бою Голодную и Усечённую сопки, и под ружейным и артиллерийским огнём противника произвели тщательную разведку района от названных сопки к югу до железнодорожной станции Шазедзы – деревня Хейцзясинца.

Была произведена съёмка местности и точно определено расположение неприятельских окопов и батарей.

Отнятые у пленного документы и оружие ещё раз подтвердили о расположении против нашего центра 6-й пехотной японской дивизии.

6 августа, распоряжением командующего 3-й армией, отряд был отозван и должен был закончить свою работу на передовых постах.

Подводя итог деятельности охотничьих команд вверенного мне корпуса, находившихся в течение почти двух месяцев в соприкосновении с противником и честно исполнивших возложенное на них поручение, считаю своим долгом сказать, что никогда не сомневался в доблести моих охотников и их начальников. Посылая их на трудное и опасное дело, был уверен, что все чины – от начальника отряда до последнего рядового – свято исполняют свой долг, приложив к тому все силы и познания, приобретённые в мирное время.

Спасибо вам, молодцы охотники, за вашу доблестную службу; уверен, что с вами никакой враг не страшен!

Искренне благодарю войскового старшину **Иолшина**, в течение месяца начальствовавшего командами и руководившего ими при усиленных рекогносцировках (26 июля и 1 августа и при отражении японцев 30 июля); генерального штаба подполковника **Тихменева**, приведшего команды на их сторожевой участок и в течение месяца образцово наладившего несение сторожевой и разведывательной службы; штабс-капитана **Якобсона**, исполнявшего всё время обязанности начальника штаба отряда; Генерального штаба капитана **Му-**

ханова, начальствовавшего командами 40-й дивизии; благодарю также начальников команд как пеших, так и конных и всех годов офицеров.

Подлинный подписал:

командир корпуса генерал от инфантерии **Маслов**

Начальник штаба

генерал-майор **Клембовский**¹⁷⁸

(далее от руки)

Приложение № 4

Копия

Его Превосходительству

Начальнику штаба Главнокомандующего

Доклад генерал-квартирмейстера штаба Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами действующими против Японии 7 марта 1905 г., квартира станция Сыпингай

Подполковник 4 драгунского Псковского полка **Иолшин**, явившись в штаб, доложил, что, по его мнению, постоянно беспокоящие нас на западе хунхузы представляют собой отдельные партии силой 200–300 человек, которые, занимая отдельные пункты, то сосредоточиваются, то действуют отдельно, передвигаясь с одного места на другое, и этим вводят нас в обман как относительно направления, так и силы партий.

Пограничная стража, действуя мелкими разъездами, для пользы общего дела согласилась дать ему небольшой конный отряд (конно-охотничий) с двумя горными орудиями или пулемётами, уверенный, что отряд этот, преследуя исключительную цель: уничтожение отдельных партий хунхузов, – справится со своей задачей успешно.

В случае одобрения ходатайства подполковника **Иолшина** полагал бы возможным назначить в его распоряжение 2–3 конных охотничьих команды, при 2-х пулемётах II армии.

Испрашиваю: будет ли признано желательным назначение такого отряда.

Генерал-майор **Эверт**¹⁷⁹.

Верно: Генерального штаба подполковник **Абрамов**.

Резолюция Главнокомандующего (копия)

Командировать подполковника **Иолшина** к генералу **Каульбарсу**¹⁸⁰ и просить назначить в распоряжение подполковника **Иолшина** 2 конно-охотничьи команды и 2 пулемёта, а затем дать **Иолшину** и указания: в направлении к Монголии крайне желательно тщательно разведать, какие партии ша-таются по направлению к Монголии, и желательно их разо-гнать.

2.III. **Линевич**¹⁸¹.

Верно: Генерального штаба подполковник **Абрамов**.

Докладная записка 2 лейб-драгунского Псковского Её Им-ператорского Величества Государыни императрицы **Марии** Фёдоровны полка полковника **Иолшина**. 10 апреля 1909 г.

№ 14, город Петербург

Его Высокоблагородию

флигель-адъютанту Его Императорского Величества

полковнику **А.П. Половцеву**

Прошу ходатайства Вашего Высокоблагородия у Его Сия-тельства графа **А.Ф. Гейцена (Гейдена?)** об оказании мне по-собия Августейшим шефом полка Ея Императорским Вели-чеством Государыней императрицей **Марией Фёдоровной**, во внимание следующим обстоятельствам:

1) Я прокомандовал 2 лейб-гвардии драгунским Псков-ским Её Императорского Величества Государыни императри-цы **Марии Фёдоровны** полком 11 месяцев непрерывно, с 1 июля 1902 г. и по 27 мая 1903 г., получив за 9 1/2 месяцев в этом командовании столовых денег только по 30 рублей в месяц, то есть меньше, чем получали даже младшие штаб-офицеры, бывшие мои подчинённые.

За это столь продолжительное командование полком, я получил благодарность в приказе по дивизии от генерал-лей-тенанта **Дубенского**¹⁸² и, на последовавшем через 2 недели после сдачи мной полка смотру генерала **фон дер Лауница**¹⁸³ полк представился в блестящем виде, о чём и было объявлено 30 июля 1903 г. в приказании войскам Виленского военного округа.

2) За командование мной гл. драгунским Псковским Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полком на манёврах 1901 г., я также получил отличный отзыв от бывшего командира 4 армейского корпуса и благодарность в приказе по дивизии от генерал-лейтенанта **Плеве**¹⁸⁴.

Кроме того, за время с 1901 по 1909 годы я неоднократно временно командовал полком более краткие периоды.

3) Во внимание к моему крайне стеснённому положению, которое становится ещё труднее по необходимости построить кирасирскую форму.

Разница, за 9 1/2 месяцев, между командирскими столовыми и младшего штаб-офицера мной полученными, составляет сумму в 1852 рубля.

За всё время пребывания моего в полку с января 1901 г. я, состоя на вакансии младшего штаб-офицера, исполнял должность старшего штаб-офицера.

Беспредельно был бы благодарен Её Императорскому Величеству за оказание мне пособия.

Полковник **Иолшин**.

Докладная записка 2 лейб-драгунского Псковского Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полка полковника **Иолшина**.

10 апреля 1909 г., № 16, город Петербург.

Его Высокоблагородию полковнику **А.П. Половцеву**

Докладываю Вашему Высокоблагородию, что в декабре 1905 г., на параде войска 4-й и 7-й Восточно-Сибирских стрелков дивизий в городе Харбине, бывший главнокомандующий генерал-адъютант **Линевич** осчастливил меня, выразив желание, чтобы я был представлен к следующей очередной боевой награде.

Очередной наградой для меня 6 декабря 1905 г. был орден Святого Владимира 3-й степени с мечами, к каковому, согласно желания главнокомандующего, я и был представлен в июне 1906 г. бывшим начальником авангарда II Сибирского армейского корпуса Генерального штаба генерал-майором

Гнида за командование моё на Каутулинском перевале передовым отрядом 17 Сибирского армейского корпуса, силой в 2 роты стрелков 20-го В.С.Стрелкового полка и в 2 сотни казаков, и за производство мной формированных рекогносцировок в долину реки Тайцзы-хэ, в бытность мою начальником передового Куртулинского отряда, с 24 августа по 14 сентября 1904 г., подготовивших выбор путей для предстоящего движения Восточного отряда генерал-лейтенанта барона **Штакельберга** (см.приложение № 1).

Означенное представление, по чисто канцелярской ошибке, пошло в конце июня 1906 г. из штаба тыла войск Дальнего Востока в штаб войск Дальнего Востока, к генералу **Гродекову**¹⁸⁵ вместо того, чтобы быть направленным к бывшему командиру II Сибирского армейского корпуса – к генералу **Засуличу**¹⁸⁶ и далее к бывшему главнокомандующему генерал-адъютанту **Куропаткину**.

Генерал **Гродеков** не дал хода этому представлению к боевой награде, так как он не был на войне в 1904–1905 годах.

Тогда генерал **Гнида** вторично сделал представление меня к ордену Святого Владимира 3-й степени с мечами и вместо направления представления к бывшим моим боевым начальникам, каковыми по этому делу были генерал **Засулич** и генерал-адъютант **Куропаткин**, опять направил это представление к бывшим моим в 1906 г. начальникам в Манчжурii, по службе уже мирного времени – к генералу **Глинскому**, и генерал **Глинский** опять ошибочно направил это представление не к генералу **Засуличу** и генерал-адъютанту **Куропаткину**, а к генерал-адъютанту **Иванову**¹⁸⁷, к бывшему его начальнику по службе в тылу армий уже в мирное время, который и отклонил награждение. Между тем по полученной мной официальной исторической справке из Военно-исторической комиссии от Генерального штаба генерал-майора **Грулева**¹⁸⁸, генерал **Засулич** в августе-сентябре 1904 г. не был в подчинении у генерал-адъютанта **Иванова**, а прямо был подчинён генерал-адъютанту **Куропаткину** (эту официальную справку я передал в 1908 г. генералу **Глинскому**).

Когда выяснилась эта вторичная ошибка, в фатальном для меня двукратном направлении бывшего представления, то генерал-майор **Глинский** телеграфировал и писал в декабре 1908 г. генералу **Гниде** о присылке ему копии бывшего представления, но ответа не получил, так как генерал **Гнида**, встретив отказ от начальников, которые, хотя и не могли быть компетентными в деле представления меня к боевой награде, так как я у них под начальством на войне не был, в настоящее время уже не желает исправить своей ошибки и дать правильный ход бывшему представлению, которое было сделано по личному желанию главнокомандующего генерал-адъютанта **Линевича**, согласно Высочайше бывше представленной ему власти.

Вместе с тем, докладываю, что как генерал **Засулич**, так и генерал-адъютант **Куропаткин** выразили мне, что в случае поступления к ним представления меня к ордену Святого Владимира 3-й степени с мечами, они дадут охотно вполне благоприятный ход представлению.

Таким образом, только в силу того, что двукратное представление меня к ордену Святого Владимира 3-й степени с мечами, попали к начальникам, бывшим моими начальникам не в военное, а в мирное время, я не получил этой дорогой для меня царской награды, со скорым получением которой меня уже поздравили на параде под Харбином, в декабре 1905 г. бывшие на этом параде генералы, что должно быть известно бывшему при генерал-адъютанте **Линевиче** генерал-майору **Давидовичу**, генерального штаба генерал-майору **Глинскому** и флигель-адъютанту Его Императорского Величества штабс-капитану **Линевичу**.

Не менее фатально было представление меня к 3-м боевым наградам за участие моё в сражении на Тай-цзы-хэ.

Прилагая при сём копии рапорта генерал-майора **Данильчука** от 13 сентября 1905 г. за № 180 и представления генерал-майора **Данильчука** от 13 сентября 1905 г. за № 187 (см. приложение № 2) докладываю, что в сражении на Тай-цзы-хэ, я принял самое горячее участие – пробрался с конно-

охотниками Сретенского пехотного полка в тыл армии генерала **Куроки**¹⁸⁹ – на левом берегу Тай-цзы-хэ и, завязав бой у местечка Бенциху, продержался 28 сентября 1904 г. с 6 часов утра до 7 часов утра против превосходных японских сил, в расстоянии от их резервов в 1 1/2–2 тысяч шагов и на дистанции от атаковавшей меня японской колонны, в 600–700 шагов и, отразив атаку, нанёс им на мосту у Бенциху, командуя конно-охотниками сретенцами, совместно с 8-й батареей 26 артиллерийской бригады, сильный урон.

Действиями своими подле моста у Бенциху, я вытянул на левый берег Тай-цзы-хэ – 28 сентября, утром – 2 японских эскадрона и огонь японской батареи, чем несколько облегчил положение наших войск, ведших атаку на правом берегу Тай-цзы-хэ.

Как за боевую работу мою в сражении на Тай-цзы-хэ с 25 по 30 сентября 1904 г., так и за командование мной передовым отрядом впереди Далинского перевала, я не получил никакой награды по нижеследующим обстоятельствам.

Командир 7 армейского корпуса генерал-лейтенант **фон Ренненкампф**¹⁹⁰, представив вышеозначенное представление генерал-майора **Данильчука** командующему I Манчжурской армией, надписал в своей графе: «Полагаю достойным награждения орденом Святой Анны 2 степени с мечами. Генерал-лейтенант **фон Ренненкампф**. 25 сентября 1905 г., местечко Тяццц».

Когда означенное представление поступило к командующему I Манчжурской армией, то в штабе той же армии, когда меня поздравили с вышеозначенным представлением генерала **Ренненкампфа**, я выяснил, что уже имею, с месяц тому назад – с 1 сентября 1905 г., – орден Святой Анны 2 степени с мечами, за 1905 г. кампании, а именно за бой 1 августа 1905 г. у железнодорожной станции Махедзы и у железнодорожной станции Чанцудчу (?), о чём генерал-адъютант **Куропаткин** и телеграфировал командиру 7 армейского корпуса, на что последовал в конце сентября 1905 г. ответ депешей от командира 7 армейского корпуса, что в таком случае он по-

лагает меня вполне достойным награждения орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

Эта депеша в суетах демобилизации и эвакуации армии затерялась в делах штаба I Манчжурской армии и потому только до настоящего времени орден Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость» мной не получен.

Я уверен, что генерал-адъютант **Куропаткин**, конечно, дал бы вполне благоприятный ход этому представлению генерал-лейтенанта фон **Ренненкампа**, если бы оно было найдено и ему доложено.

Если бы я не был в конце сентября 1905 г. в штабе I Манчжурской армии, то мне вышла бы награда – орден Святой Анны 2 степени с мечами, приказом по I Манчжурской армии, за 1904 год кампании, каковой орден я уже имел к тому времени за 1905 год кампании приказом по III Манчжурской армии и, таким образом, заслужив 2 раза орден Святой Анны 2 степени с мечами, один из них был бы главнокомандующим заменён мне орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами и, помимо бывшего специального представления меня, за командование Каутулинским передовым отрядом, к ордену Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Таким образом, в силу только неблагоприятно сложившихся для меня канцелярских случайностей, я не получил за целый ряд сражений и боёв, в которых участвовал, боевых наград, хотя и был к ним представлен.

За нижеозначенные сражения, бои и дела, в которых я принял участие, я не получил ни одной награды.

1) Сражение под Ляоляном 17 и 18 августа 1904 г., в котором я выполнил поручение генерал-лейтенанта фон **Ренненкампа**.

2) Бой у местечка Банбюцзы (?) – с сентября 1904 г. В отряде генерал-лейтенанта **фон Ренненкампа**.

3) Бой в тылу Банбюгтузских позиций японцев, у деревни Саншанцзы – 9 сентября 1904 г. В отряде генерал-лейтенанта **фон Ренненкампа**.

4) Командование Каутулинским передовым отрядом. С 24 августа и по 14 сентября 1904 г.

Дела на Каутулинском перевале и рекогносцировки в долину реки Тай-цзы-хэ – 11 сентября 1904 г. При авангарде II Сибирского армейского корпуса.

5) Сражение под Бенци-ху с 25 по 30 сентября 1904 г. В отряде генерал-лейтенанта **фон Ренненкампа**.

6) Арьергардные бои у деревни Лишзы – 30 сентября, и у деревни Бейлингтуцзы – 1 октября 1904 г. в отряде генерал-майора **Муджевского**.

7) Командование передовым конным отрядом, силой в 3 сотни Нерчинского казачьего полка, впереди Далинского перевала, под общим начальством генерал-майора **Данильчука**, со 2 и по 10 октября 1904 г. Дело у деревни Чинцзяуцзы 30 октября 1904 г.

8) Дело при взятии за местечком Цинхеченом деревня Фудтялузы – 10 октября 1904 г. В отряде генерала **Зара-Зараковского**.

9) Дело на передовых постах конно-охотничьей команды 17 В.С. стрелкового полка у деревни Шихуза-Западная 11 июня 1905 г. На фронте II Сибирского армейского корпуса.

Кроме того, видя что с левого фланга Манчжурской армии идут в Главную квартиру главнокомандующего утрово-ванные донесения о числе противопоставленных там японских войск, я представил через адъютанта главнокомандующего полковника барона **Остен-Сакена** 7 февраля 1904 г., накануне Мукденского сражения, стратегическую записку от 6 февраля 1905 г., в которой дал совершенно точную и вполне подтвердившуюся дальнейшими событиями картину действительного положения дела (см. приложение № 3).

С представлением такой записки я поставил на карту всю дальнейшую мою боевую службу Государю императору, в которой и стоит моя единственная цель, и когда эта стратегическая записка вполне подтвердилась ходом Мукденского сражения, то о ней забыли и я за представление такой стратегической записки ничего не получил.

Затем, когда после Мукденского сражения мне стало ясно, что отделение массы нашей кавалерии в глубокий тыл

правого фланга, в окрестности города Бодунэ, на монгольскую границу, является результатом лишь созданной пограничной стражей легенды о пребывании на монгольской границе массы в 22 тысячи хунхузов, то я в первых же числах марта лично доложил в штаб главнокомандующего, что никакой такой массы хунхузов нет и что хунхузы бродят на монгольской границе, как это я сам лично видел в первых числах марта 1905 г., лишь шайками по десять, по 20 человек, всегда конными, которые изредка собираются в отряды в несколько сот человек, и что для уничтожения их достаточно несколько конно-охотничьих команд с несколькими пулемётами и 2–4 орудиями.

Доклад мой, по этому предмету, был сообщён своевременно генерал-квартирмейстерской частью штаба главнокомандующего командующему II Манчжурской армией генералу от кавалерии барону **Каульбарсу**.

Подтверждающие по этому предмету документы будут мной представлены в мае сего года.

За эту верную ориентировку главной квартиры, не обошедшуюся казне ни копейки денег, в противоположность легенде об 22 тысячах хунхузов, обошедшейся в колоссальную цифру, я не получил никакой боевой награды, хотя мой доклад вслед за тем и подтвердился всеми дальнейшими событиями и являлся прямым результатом виденного мной лично на монгольской границе, в Факулинском районе.

Наконец, 21 апреля 1905 г. я, видя, что хотя японцы и не сосредоточивали в течение всей кампании массы кавалерии, но что после Мукденского сражения они её сосредоточат, я представил командующему II Манчжурской армией генералу от кавалерии барону **Каульбарсу** стратегическо-тактическую записку от 21 апреля 1905 г. за № 3, где в пункте 4-м докладывал, что японцы выдвинут значительные сводные японско-хунхузские кавалерийские отряды на наши сообщения – город Харбин – город Цицикар – город Хайлар, как для порчи железной дороги, так и для оттяжки значительной массы нашей кавалерии от фронта и развлечения нашего вни-

мания. При этом надо быть готовым к нарушению японцами нейтралитета монгольской территории.

Бой в начале июня 1905 г. у Ляолян-Вону, на монгольской границе, когда японцы сосредоточили к Ляолян-Вопу 23 эскадрона (!), наступавшие вдоль монгольской границы на север, вполне подтвердил и этот мой стратегический доклад, за который я также не получил никакой боевой награды.

Эта стратегическо-тактическая записка за № 3 находится в делах штаба II Манчжурской армии и печатная копия с неё будет мной представлена в мае сего г.

Быв командированным в 1900 г. в Южную Африку, я представил военному министру отчёт, который вполне подтвердился боевыми событиями 1904–1905 годов в Манчжурии, но об этом отчёте, который был неприятен Главному штабу 1900 г., так как он обрисовывал много наших дефектов и несовершенств, когда он подтвердился, то о нём забыли и я не получил также за мою боевую работу при английской действующей армии в Южной Африке никакой награды.

Как вышеозначенные мои 2 стратегические записки, так равно и доклад о действительном положении дел на монгольской границе, лично мной виденное, и отчёт об англо-боэрской войне и английской армии, были мной своевременно, смело представлены для пользы царской армии, хотя вышеозначенные записки и доклад и шли вразрез со сделанными главной квартирой главнокомандующих ошибками по развертыванию войск, а вышеозначенный отчёт подчеркнул рельефно наши военно-технические дефекты, что, как я признавал, могло неблагоприятно отразиться на ходе моей дальнейшей службы, как это в действительности и отразилось.

Последовавший затем целый ряд обходов меня, по делам моей боевой работы, не замедлил проявиться в полной силе и ставит меня, чем дальше, тем всё в более и более трудное положение.

Полковник **Иошнин**

Приложение №1 (напечатано в виде отдельной брошюры)
Передовой отряд 2 Сибирского армейского корпуса на
Каутулинском перевале в августе и сентябре 1904 г.

Полковник **Иолшин...**

24 августа 1904 г. я прибыл в деревню Фандяпу, в отряд генерала **Любавина**, и того же числа приказом по Забайкальской казачьей дивизии временно командующего дивизией, был прикомандирован ко 2-му Нерчинскому казачьему полку и того же числа отправлен с дивизионом из 3-х сотен (1-я, 3-я и 4-я сотни 2 Нерчинского казачьего полка) в отделе в деревню Фаншин, куда и прибыл 25 августа, составляя с вверенным мне дивизионом – передовой, самостоятельный отряд, имевший задачу разведать в районе Каутулинского перевала расположение и передвижения японских войск и прикрыть до прибытия казачьей бригады Забайкальской дивизии из деревни Фандяпу в деревню Чудзя-Тунгоу – фронт II Сибирского армейского корпуса, на путях от Каутулинского перевала и деревни Фаншина к деревне Хухуйчену и городу Фушуну, и войти в связь с отрядом полковника **Мадритова**.

24 августа, вечером, хунхузы с гор, покрытых гаоляном, между деревней Дандяпу и деревней Фаншин, обстреляли мою колонну на походе не безрезультатно – и я продолжал безостановочно моё движение, не отвечая им на выстрелы.

25 августа я прибыл с дивизионом на бивак у деревни Фаншина, и тот же час отправил 4-ю сотню 2 Нерчинского казачьего полка на Каутулинский перевал и разъезд для связи в отряд полковника **Мадритова**.

27 августа я прибыл с 2-мя сотнями дивизиона в деревню Чудзя-Тунгоу, на бивак прибывшей туда Забайкальской казачьей бригады, куда была притянута и 4-я сотня по смене её 6-ю сотней 2 Нерчинского казачьего полка.

31 августа казачья бригада пошла на бивак у деревни Фаншина, а я был командирован с 4-ю сотней 2 Нерчинского казачьего полка на Каутулинский перевал, где соединился с 6-ю сотней того же полка, поступившей под моё начальство.

Заняв прочно Каутулинский перевал, я немедленно же повёл рекогносцировки полосы местности, бывшей в сфере передвижений японских войск, между Каутулинским перевалом, местечком Баньянузой и деревней Фаншин.

Одновременно я предпринял целый ряд активных мер против хунхузских команд, занявших лесистые горы, окружавшие деревню Падъядзу и обстреливавших оттуда мои посты и мой квартиробивак.

В результате мои донесения сводились к тому, что японцы укрепляют фронтом на север, северо-запад и северо-восток позицию у Баньянузы, что происходит передвижение небольших колонн японцев от местечка Бенциху к деревням Гаолинцзы и Цинхичену и Цянчану, и что полоса местности от Каутулинского перевала на юг к реке Тайдзыхэ занята только небольшими хунхузскими командами и шайками.

1 сентября, усмотрев невозможность по количеству сил моего передового отряда предпринять наступательную экспедицию в лесистые горы против хунхузов, я подманил их шайки к моим постам и заставам, и в 11 1/2 часа утра внезапно для них открыл сильный ружейный огонь, нанеся им чувствительные потери. Я лично стрелял при этом с одного из постов из **маузера**.

Этого оказалось достаточным, чтобы отбить у хунхузов охоту подходить на ружейный выстрел к моему отряду, они отступили в горы, не подобрав даже трупов убитых, и в окрестностях Каутулинского перевала наступило временное затишье.

1 сентября, вечером, я был отозван с 6-ю сотней 2 Нерчинского казачьего полка к биваку бригады у деревни Фаншина (долгом своим считаю констатировать, что 6-я сотня 20-го Нерчинского казачьего полка, под начальством есаула¹⁹¹ князя **Джендиери**, на Каутулинском перевале отличалась как примерным несением полевой службы, так и образцовой дисциплиной и внутренним порядком).

4 сентября 1904 г. я участвовал в усиленной рекогносцировке отряда генерал-лейтенанта **фон Ренненкампа**, в ко-

лонне генерал-майора **Любавина**, позиции японцев у местечка Баняпузы и того же числа, вечером, был отправлен с дивизионным из 3-й и 4-й сотен 2 Нерчинского кавалерийского полка на Каутулинский перевал, куда прибыл 5 сентября утром и, приняв там снова командование передовым отрядом, на этот раз из 3-й и 4-й сотен 2 Нерчинского казачьего полка, произвёл глубокие разведки, выслав для этой цели целую серию летучих разъездов в долину реки Тайдзыхэ, к деревне Сандзядзы и к деревне Уньянину. Наиболее энергично и дельно была в этот день произведена рекогносцировка к деревням Чаузуандай и Сандзядза летучим разъездом от 4-й сотни под начальством урядника **Бирюкова**, который и был мною представлен за эту рекогносцировку к знаку отличия Военного ордена 3-й степени.

Затем урядник **Бирюков** был назначен во 2 Нерчинском казачьем полку вахмистром и в настоящее время имеет все 4 степени знака отличия Военного ордена.

Эти рекогносцировки выяснили следующее: в городе Бензиху расположено около батальона японской пехоты и эскадрон кавалерии, в деревне Уньянин – 1 батальон японской пехоты, в деревню Сандзяцзы японцы ежедневно посылают из деревни Уньянина пехотный взвод, который там варит рис и на ночлег возвращается в деревню Уньянин, и что направление от Каутулинского перевала через деревню Чаухуанзай и к Хоэлинскому перевалу, что около деревни Саншанцзы, наблюдается японцами весьма слабо.

Кроме задач рекогносцировочного характера, на мой передовой дивизион было возложено на 4, 5 и 6 октября прикрывать расположение авангарда II Сибирского армейского корпуса и доносить обо всем происходящем в передовом отряде начальнику авангарда II Сибирского армейского корпуса полковнику **Гниде** и, в случае наступления японцев, войти в состав вышеозначенного авангарда.

6 сентября, в 2 часа дня, я получил приказание начальника дивизии с 4-й сотней 2 Нерчинского казачьего полка обследовать направление между Каутулинским перевалом

и деревней Фаншин и вернуться на бивак полка у деревни Шанхах-Начжа, что подле деревни Фаншина.

По прибытии на бивак, я доложил генералу **фон Ренненкампу** о положении дела впереди Каутулинского перевала и о возможности уничтожить взвод японской пехоты в деревне Сандзяцзы, если силу моего Каутулинского отряда доведут до 3-х сотен. Генерал **фон Ренненкампф** ответил мне на это: «Вы сами стоите 5-ти сотен!», но усилить отряд не согласился. Располагая же на Каутулине только 2-мя сотнями, я не мог совершить подготовленного моей рекогносцировкой набега для уничтожения японского взвода в деревне Мандзяцзы, так как для этой цели, по моему расчёту, надо было двинуть не менее 2-х сотен, что совершенно обнажило бы Каутулинский перевал и подвергло бы его риску быть захваченным японцами в моё отсутствие при набеge дивизиона.

Генерал **фон Ренненкампф**, видимо, остался в этот день очень доволен моим докладом и на меня его вопросы произвели впечатление, что он в результате моего доклада задумал предпринять что-то серьёзное, и предположение моё вскоре оправдалось.

7 сентября 1904 г. я снова был командирован с бивака у деревни Фаншина с разъездом на Каутулинский перевал, для прикрытия фронта авангарда II Сибирского армейского корпуса и для принятия там команды над дивизионом (из 1-й и 3-й сотен 2 Нерчинского казачьего полка от войскового старшины **Квитко**).

Едва я поднялся с разъездом, составлявшим мой конвой, на Каутулинский перевал, как слышал характерно оживлённую японскую ружейную стрельбу с юга и усмотрел движение 2-х казачьих сотен на рыси к северу, по дороге от деревни Гоутулин к перевалу того же наименования.

То был дивизион войскового старшины **Квитко**, который 7 сентября в 9 1/4 часа утра подвергся внезапному нападению японцев. Дивизион был расположен на ночлег с 6 на 7 сентября в Импани, что подле деревни Гоутулин. Около 8 часов утра войсковой старшина **Квитко** получил от генерал-

лейтенанта **фон Ренненкампфа** приказание послать разъезд для связи в отряд полковника **Мадритова**.

В 9 часов утра означенный разъезд отправился по назначению, а казаки заварили чай, лошади были рассёдланы и меры охранения весьма слабы. Едва разъезд для связи отошёл версты две, как по нему около 2-х японских рот открыли беглый огонь. Это обстоятельство спасло дивизион войскового старшины **Квитко** от повторения эпизода, бывшего 17 августа 1904 г. с 2-й сотней (так называемой Волчьей) 20-го Аргунского казачьего полка под Уньянином. Разъезд повернул назад и карьером вернулся в Импань с извещением о близком наступлении японской пехоты. Казаки по тревоге стали седлать лошадей и, группами выскакивая из Импани, устремились на север, к Каутулинскому перевалу. Японцы открыли по ним огонь пачками и подстрелили при этом 4 казачьи лошади. К счастью для казаков, японцы, заняв Импань, остановились и преследования не повели.

Не менее счастливым обстоятельством для казачьего дивизиона было и случайное совпадение момента высылки разъезда для связи, с моментом подхода японских 2-х рот к Импани, занятой казаками.

Было около 10 часов утра, когда я усмотрел с высоты Каутулинского перевала быстрый отход на север казаков, и, слышав ружейную пальбу, поскакал к ним навстречу, и около 10 1/2 часов утра остановил дивизион у южной подошвы Каутулинского перевала и принял команду от войскового старшины **Квитко**.

Вступив в командование дивизионом, я тотчас же выслал сторожевые разъезды в южном, юго-западном и юго-восточном направлениях, построил дивизион в резервную колонну, вытянул затем его по три, и шагом начал отходить на Каутулинский перевал, который и занял к 11 часам утра.

В этот день японцы против моего фронта проявили особенную резвость в деле ведения партизанской войны. Так, в 3 часа дня того же числа на мой квартиробивак у Каутулинского перевала, подле деревни Падъянза, прискакал летучий

разъезд от Дагестанского конного полка под начальством сотника **Колюбакина**¹⁹², весь в крови – 6 раненых всадников и почти все люди перепачканные кровью от первой перевязки ран своих товарищей. Доктор моего дивизиона немедленно же сделал им вторую перевязку и разъезд сотника **Колюбакина** повёз на север своих раненых.

Оказалось, что разъезд сотника **Колюбакина**, вышедший в этот день в долину, ведущую от Каутулинского перевала на юг, к деревне Сандхяцзы, попал под японскую засаду – под их залпы, и только чудом успел выскочить из кольца, которым его японцы уже окружили.

Весь этот день японцы рекогносцировали подступы к Каутулинскому перевалу и до самого вечера на моих передовых постах шла ружейная перестрелка, а мои летучие разъезды успели пробраться для производства дальнейшей рекогносцировки к перевалу Хознлин и на реку Тайдзыхэ – к деревням Сандзяцзы, Уньянину и Саншанцзы, и поздно вечером благополучно вернулись на Каутулинский перевал, доставив самые точные сведения о группировке японских войск в этом районе.

В итоге эти сведения сводились к тому, что долина Каутулинский перевал – деревня Чаухцанзай занята небольшими японскими рекогносцировочными отрядами; по течению реки Тайдзыхэ, от деревни Сандзяцзы, через деревню Уньянин и до местечка Бенциху – эшелонировано около 2 батальонов японской пехоты и что за Хознлинским перевалом, по-видимому, группируется значительный японский отряд из 3-х родов оружия, силой в бригаду пехоты, при батарее и 2-3-х эскадронах.

8 сентября 1904 г. в 9 часов утра я получил от начальника Забайкальской казачьей дивизии приказание выдвинуться с моим дивизионом, перед Каутулинским перевалом остановиться и прикрыть переход через перевал отряда из казачьей бригады с конной горной батареей Пограничной стражи. В этом же приказании я уведомлялся о предстоящем прибытии вышеозначенного отряда из-под деревни Фаншин на Каутулин к 11 часам утра.

Таким образом, предположение моё, 6 сентября, что генерал **фон Ренненкампф** задумал что-то серьёзное, наступательное, утром 8 сентября оправдалось и мне стало ясно, что предстоит движение на юг всей казачьей бригады, в направлении обследованном вверенным мне на Каутулинском перевале дивизионом.

Получив вышеозначенное приказание, я быстро выдвинулся с вверенным мне дивизионом перед перевалом, осветив своими сторожевыми разъездами долину, ведущую от Каутулинского перевала на юг.

В 11 часов утра прибыл на Каутулинский перевал генерал **Ренненкампф** с казачьей бригадой и батареей и, соединившись с моим дивизионом, он повёл весь отряд по большой дороге на деревню Чау-хуан-зай, выдвинув в авангард 2 Нерчинского казачьего полка 2-ю сотню, при которой приказал следовать мне для руководства действиями авангарда всего отряда.

Получив приказание, я поскакал от головы главных сил к авангарду, приказал ему выдвинуться намётом, для лучшего прикрытия походной колонны главных сил, на большую дистанцию, затем, выдвинув авангард на надлежащую дистанцию, перевёл его в шаг и галопом догнал передовой разъезд прапорщика барона **Корфа**, с которым и следовал весь переход до деревни Чай-хуан-зай, где весь отряд был остановлен на ночлег.

9 сентября 1904 г. я следовал с отрядом генерала **фон Ренненкампфа** от деревни Чау-хуан-зай к Хоэнлинскому перевалу и принял участие в бою, при производстве усиленной рекогносцировки биваков японцев у деревни Саншанцзы, в тылу, на укреплённых баньяпузских позициях.

Отряд генерала **фон Ренненкампфа** прошёл вполне успешно по путям, рекогносцированным моим Каутулинским отрядом, в дни непосредственно предшествовавшие вышеозначенной усиленной рекогносцировке генерала **фон Ренненкампфа**.

Выход отряда генерала **Ренненкампфа** на Хоэнлинский перевал, выезд конной горной батареи на позицию несколько

впереди этого перевала, под прикрытием огня 2-х спешенных сотен 2 Аргунского казачьего полка, и разрыв наших шрапнелей над японским биваком, были совершенно внезапны для японцев, несмотря и на то обстоятельство, что за 1/4 часа перед вступлением нашего авангарда в деревню Каотайцзы, там был японский сильный патруль, быстро скрывшийся в горах при нашем приближении.

На японских биваках поднялась большая суeta, и вскоре их дежурные части открыли по нашему отряду ружейный огонь.

Всё дело продолжалось 20 минут, причём у нас было убито, 2 Аргунского казачьего полка – 2 казака.

При производстве означенной усиленной рекогносцировки, я передал под огнём генералу **фон Ренненкампфу** донесение командующего 2-м Нерчинским казачьим полком о появлении неприятельских патрулей на нашем левом фланге и от генерала **фон Ренненкампфа** – приказание командующему 2-м Нерчинским казачьим полком, стоявшем в резерве за перевалом.

При производстве рекогносцировки генерал **Ренненкампф** расположился со своим штабом, для наблюдения за ходом дела, на склоне сопки, обращённой к неприятелю, покрытой густым кустарником, несколько левее батареи и в сфере действительного ружейного огня неприятеля.

Рекогносцировка определила присутствие на биваках, под деревней Саншанцзы около бригады японской пехоты с артиллерией и кавалерией, и доступность тыла японской позиции у Баньянузы; эффект выхода казачьего отряда на действительный артиллерийский выстрел, – дистанцию около 2-х вёрст, – был полный, несмотря и на ночлег казачьей бригады в деревне Чаухуанзай, в каких-нибудь 15–16 верстах от предмета рекогносцировки и медленность движения казачьего отряда: 9 сентября японцы проспали дело!

В 12 1/2 часов дня уже начался отход казачьего отряда по той же дороге, по которой было произведено наступление.

При этом обращают на себя внимание 2 приёма, принятые генералом **фон Ренненкампфом** для обеспечения отсту-

пления в горной стране, это 1) занятие сильными заставами, при наступлении в тыл неприятеля, оставленных в своём тылу более крупных узловых перевалов, для чего в данном движении были выставлены заставы на Гаутулинском перевале от 3-й сотни 2 Нерчинского казачьего полка и на сопках в юго-западном от Каутулинского перевала направлении, от 1-й сотни 2 Нерчинского казачьего полка и ещё сильная застава подле перевала, что около деревни Каотайдзе, от того же полка и 2) энергичный ружейный обстрел полосы местности в тылу арьергарда, выпавший в данном случае на одну из сотен 2 Аргунского казачьего полка и на конвой начальника отряда.

Неприятель не преследовал, и к 8 часам вечера казачий отряд снова расположился на ночлег в деревне Чаухуанзай.

Мы со своей стороны полагаем, что расположение на ночлеги накануне нападения на неприятельские биваки, в близком от них расстоянии, открывает даже и малодетельному и не обладающему хорошей кавалерией неприятелю глаза и будит его внимание, а расположение по окончании усиленных рекогносцировок вблизи от бывших предметов действия, в войнах будущего, с неприятелем, располагающим предприимчивой кавалерией, снабжённой лёгкой артиллерией, например, пушками **Максима-Норденфельда**, калибром в 37 мм и пулемётами, более чем рискованно.

10 сентября я участвовал в обратном движении казачьего отряда, от деревни Чацхуанзай, через Каутулинский перевал, на биваки под деревни Фаншин-Шванхан-Начжа.

По сосредоточении всего казачьего отряда на Каутулинском перевале, около 11 часов утра, на вершине перевала были похоронены 2 Аргунского казачьего полка 2 казака, убитые в бою 9 сентября. Обряд краткого отпевания и похороны были совершены в присутствии начальника и всех офицеров отряда.

Затем генерал **фон Ренненкампф**, оставив на Каутулинском перевале 2 Нерчинского казачьего полка 5-ю сотню под командой хорунжего **Андреева**, для занятия означенного пе-

ревала и прикрытия авангардного фронта 2 Сибирского армейского корпуса, со всем казачьим отрядом перешёл снова к 5 часам дня на биваки у деревень Сяхайленцзай, Фаншин и Шанхай-Начжа, куда я и прибыл, командуя дивизионом в строю 2 Нерчинского казачьего полка. (В 1-й день рейда – 8 сентября, казачий отряд с батареей прошёл около 30 вёрст, во 2-й день – 9 сентября – 32 вёрсты, в 3-й день – 10 сентября – 30 вёрст, а всего за 2 2/3 суток – 92 вёрсты).

11 сентября, на рассвете, на биваках казачьего отряда у деревни Фаншина было получено тревожное известие, что японцы внезапно атаковали Каутулинский перевал, что 5-я сотня отступила, и японцы овладели Каутулинским перевалом.

Тогда начальник Забайкальской казачьей дивизии – генерал-лейтенант **фон Ренненкампф** решил немедленно же снова овладеть утерянным перевалом, для чего назначен был передовой отряд из 2-х рот 20 В.С.С. полка и одной сотни 2 Нерчинского казачьего полка, которому назначено было соединиться с сотней, отступившей с перевала, атаковать перевал, и немедленно овладеть им! Командование же этим отрядом было вверено мне, как штаб-офицеру уже изучившему за период двух недель, положение дел и местность в окрестностях Каутулинского перевала. Вместе с тем мне указано было подчинение начальнику авангарда II Сибирского армейского корпуса – полковнику **Гниде**.

В 6 часов утра я двинулся с 3-ей сотней 2 Нерчинского казачьего полка, бывшей под командой подъесаула **Ловцова**, через горные кряжи, кратчайшими тропинками к деревне Тадьялаза, что в долине между деревней Шихуйчен и Каутулинским перевалом.

К моему отряду был прикомандирован в это утро есаул – граф **Келлер**¹⁹³, которому предписано было принять, на законном основании, 5-ю сотню 2 Нерчинского полка от хорунжего **Андреева**.

В 9 часов утра я прибыл на выстрелы с 3-й сотней в деревню Тадьялазу, куда вскоре подошли 20 В.С. полка 3-я и 4-я

роты, под общей командой капитана **Блохина**, и 5-я сотня 2 Нерчинского казачьего полка, отступавшая с Каутулинского перевала.

Сосредоточив весь отряд в деревне Тадъялазе и ориентировавшись в положении дел, я в 10 часов утра быстро двинулся вперёд и, после непродолжительной ружейной перестрелки, охватив фланги позиции японцев на Каутулинском перевале, овладел им.

Удачу в обратном овладении нами Каутулинским перевалом я всецело приписываю быстрому подходу стрелковых рот славного В.С.С. полка, направленных к югу полковником **Гнидой**, благодаря чему я успел упредить подход к японскому передовому отряду, занявшему Каутулин, значительных сил, уже направленных ими туда.

Японские главные силы (около 2-х батальонов), завидя, что перевал уже в наших руках – остановились, а затем, соединившись со своим передовым отрядом, повернули на юг и двинулись большой долиной на деревню Чаухуанзау.

Визит японцев на Каутулинский перевал, видимо, был реваншем за усиленную рекогносцировку генерала **Ренненкампа** 9 сентября на Хоэлинском перевале.

С этого дня – 11 сентября 1904 г. – и до момента кризиса Мукденского генерального сражения, Каутулинский перевал оставался всё время уже в наших руках и стратегическое значение его для нашей армии рельефнее всего определилось в февральских на нём боях.

О вышеозначенном действии вверенного мне передового Каутулинского отряда была телеграмма от 12 сентября 1904 г., начальника штаба армии в Главный штаб следующего содержания:

Копия 12 сентября 1904 г.

Сторожевые части противника за последние дни приблизились к перевалу Каутулин, но занять его им не удалось вследствие противодействия, оказанного нашим передовым отрядом на южном фронте, противник пока держится пас-

сивно, ежедневно происходят перестрелки и стычки на передовых постах.

Генерал-лейтенант **Сахаров**.

По занятии вверенным мне передовым отрядом Каутулинского перевала обнаружено было, что могилы убитых в деле 9 сентября казаков, похороненных на вершине Каутулинского перевала, разрыты были неприятелем, что служит доказательством, что японцы не только приблизились к Каутулинскому перевалу, но и владели им.

По овладении мной Каутулинским перевалом, я немедленно донес о том начальнику авангарда II Сибирского армейского корпуса – полковнику **Гниде**.

Остальная часть дня 11 сентября прошла в разведке казачьими разъездами путей в южном от перевала направлении в перестрелках казачьих разъездов с японскими патрулями и установлении связи с отрядами генерала **фон Ренненкампа** и полковника **Мадритова**.

Ночь на 12 сентября прошла в отряде спокойно, и в долине Чаухуанзая всё затихло.

При несении службы на Каутулинском перевале, чтобы не подвергнуться внезапному нападению со стороны неприятеля, бывшего всё время в непосредственном со мной соприкосновении, я постоянно менял с наступлением ночной темноты место бивака сторожевого резерва и установил оптическую – дневную – сигнализацию флажками, заведёнными мной ещё в бытность на охране Забайкальской железной дороги, при 3-м Верхнеудинском казачьем полку.

12 сентября – в этот день, вверенный мне передовой Каутулинский отряд продолжал нести службу прикрытия фронта авангарда II Сибирского армейского корпуса и ведение дальних разведок в южном направлении.

Высланный мной офицерский летучий разъезд открыл пребывание около 2-х японских рот у деревни Чаухуанзай, причём имел в этот день перестрелку с неприятельскими патрулями и разъездами у деревень Чаухуанзай и Хоу-ся-цзя-

хэ-цзы, о чём мной и было донесено начальнику авангарда. В этот же день мною была установлена связь с отрядом генерала **фон Ренненкампа** и полковника **Мадритова**.

13 сентября мной был подготовлен набег на японский отряд, расположенный у деревни Чаухуанзай и деревни Сандзяцзы, и вверенный мне передовой отряд продолжал службу охранения перевала Каутулин, наблюдения за передовыми частями японцев и ведения дальних разведок в долине реки Тайдзыхэ.

Около 2 часов дня этого числа, внезапно для меня, прибыл к Каутулинскому перевалу батальон Читинского пехотного полка под начальством полковника **Душкина**, и я получил приказание сдать ему весь вверенный мне передовой отряд и самому отправиться к Казачьей бригаде, на бивак у деревни Фаншина.

В этот же день стрелковые роты ушли в деревню Иншоурузу (?), и я сдал две сотни 2 Нерчинского казачьего полка полковнику **Душкину** и, ориентируя его в общем положении дела в окрестностях Каутулинского перевала, отправился в сопровождении 2-х казаков – **Протопопова** и **Нечепуренко**, – горами и перевалами, на бивак под деревню Фаншин. Этот путь мне пришлось сделать под выстрелами хунхузских шаек.

Так, вторично задуманный и подготовленный мной набег в долину реки Тайдзыхэ, мне не дано было свыше исполнить, и удары по японцам, уже занесённые мной, были отведены!

Первый раз мой удар был отведён отклонением моей просьбы к увеличению численного состава моего передового отряда, а 2-й раз, подготовленные мной набег и удар, обещавшие все шансы на успех, были отведены внезапным отзывом меня с Каутулина.

Зато плодами подготовки мной, в первых числах сентября, набега в долину реки Тайдзыхэ, воспользовался генерал **фон Ренненкампф**, совершив движение в тыл Баньяпузских укреплённых позиций и произведя 9 сентября усиленную рекогносцировку на Хоэнлинском перевале.

Так закончилось моё командование передовым Каутулинским отрядом, сила которого была доведена в последние дни моего командования до числа 400 штыков и 200 пашек, а в общем, до 600 винтовок!

14 сентября я был назначен генералом **Ренненкампом** начальником передовой кавалерии II Сибирского армейского корпуса, для действий на случай наступления японской армии и в состав нового отряда, мне вверенного, вошёл дивизион из 3-х сотен 2 Нерчинского казачьего полка.

Затем я участвовал в движении отряда генерала **Ренненкампа**, перед фронтом II Сибирского армейского корпуса, из-под деревни Фаншин к деревне Санлунью, куда отряд прибыл 17 сентября и затем, в наступлении отряда генерала **Петерова (Петрова?)** из деревни Санлунью в деревню Сандзяцзы, и к местечку Унбянину, на реке Тайдзыхэ, с 22 по 25 сентября включительно.

За всё время моих командирований в августе и сентябре 1904 г. Каутулинским передовым отрядом, ни разу японцам не удалось меня потеснить с перевала или обойти мои фланги и, вверенный мне отряд, энергично удерживая свой Каутулинский пост – прикрытия фронта авангарда II Сибирского армейского корпуса и ведя дальнейшие разведки в долину реки Тайдзыхэ, не потерял ни одного офицера и ни одного нижнего чина без вести пропавшими или пленным!

Такие результаты были достигнуты мной путём: 1) самой строгой дисциплины в отряде; 2) путём точного исполнения всех требований Высочайше утверждённого устава полевой службы; 3) путём активного характера действий вверенного мне отряда, что выражалось в постоянных – дальних рекогносцировках в долине реки Тайдзыхэ и 4) путём непрерывного внесения личного своего труда как начальника отряда, в работу передовых постов и летучих разъездов.

Полковник **Иолшин**

7 февраля 1907 г., город Сувалки

Приложение № 2

Копия

Командир 2-й бригады 22-й пехотной дивизии – 13 сентября 1905 г.

№ 180 деревня Суандитунь.

Командиру 7 Сибирского армейского корпуса

Рапорт

При сём представляю наградной лист за № 187 на 3 Верхнеудинского казачьего полка войскового старшину **Иолшина**, находившегося у меня в подчинении с 25 по 29 сентября и со 2 по 11 октября 1904 г.

Генерал-майор **Данильчук**

К приложению за № 2 (копия)

К наградному листу 3 Верхнеудинского Забайкальского казачьего войска полка войскового старшины **Иолшина**.

Имея под своим начальством конно-охотничью команду 1 пехотного Сибирского Сретенского полка, 25 сентября 1904 г., в бою под Уньянином, действуя на левом фланге вверенного мне боевого участка, удалил японскую кавалерию с поля боя, чем прикрыл левый фланг наших атакующих войск и способствовал тем взятию укрепленной японской позиции.

26, 27 и 28 сентября с той же командой продолжал действия против превосходных сил японцев, задерживая их переход и атаку на левый берег Тайдзыхэ у Бенциху, причинив им серьезные потери.

С 2 по 10 октября 1904 г., в бытность мою начальником Далинского отряда, находился в моем распоряжении и успешно содействовал мне в охране Далинского перевала и разведках к югу от него.

Во всех означенных действиях он проявил отличное мужество и храбрость.

Полагаю наградить золотым оружием с надписью «За храбрость».

Генерал-майор **Данильчук**

13 сентября 1905 г., № 187-й

деревня Суандитцы

Приложение № 3 (копия)

Стратегическая записка подполковника **Иолшина**.

6 февраля 1905 г.

Железнодорожная станция Суятунь.

Я пришёл к заключению:

1) что передвижение японских отрядов от Янтай-Копи, через Бань-ю-пуза и Сьян-шан-цзы к востоку – это только демонстрация обхода.

2) Что японская армия наступление на город Мукден поведёт значительными силами с фронта.

3) Что главный удар у них заносится против нашего правого, а не левого фланга.

4) Что стратегический и тактический обходы нашей позиции под Мукденом они поведут с запада, то есть против нашего правого фланга.

5) Что данными к тому являются: а) течение реки Ляо-хэ; б) направление и положение Китайской железной дороги из Цзин-чжо-фу на город Сикминтин и с) поворот нашей Китайской восточной железной дороги от города Харбина на запад, точнее, участка её, по которому идёт наша главная коммуникационная линия, соединяющая армию с империей.

6) Возможность для японской армии, обходя наш правый фланг, двинуть партизанские отряды на наше сообщение, с Хайларом и ж.д.ст. с Манчжурией.

7) Что ввиду пребывания китайской армии генерала **Ма** вблизи Синминтина, японцы могут рассчитывать, что каждый их наступательный шаг и успех вблизи от войск китайской армии рельефнее отразится на умах населения Китая.

8) Что поднятие хунхузского движения в Монголии может дать японцам неизмеримо большие выгоды, чем таковое же движение, например, в округе Саймацзы.

9) Что демонстрация обхода нашего левого фланга ведётся японцами очень слабо.

10) Что в настоящую минуту не только каждый корпус,

но каждый батальон, эскадрон и батарея должны быть на счёту под Мукденом.

Подполковник **Иолшин**.

Копия

Удостоверение

Сим удостоверяю, что означенная на сём листе стратегическая записка, по прибытии подполковника **Иолшина** 17 февраля сего года в городе Фукцамынь, во вверенный мне Заамурский конный отряд была мне немедленно же им доложена.

При этом докладе подполковник **Иолшин** выразил мне свой взгляд на готовящиеся разыграться под Мукденом военные события, который сводился к следующему:

1. Ввиду ясно видимого для него занесения японцами главного удара армиями генералов **Оку**¹⁹⁴ и **Ноги**¹⁹⁵ на наш правый фланг II-й армии и перевода 12 февраля сего года I Сибирского армейского корпуса с правого фланга за центр армий, к деревне Чажамутуню, он полагал крайне необходимым сосредоточение возможно большей кавалерийской массы в долине реки Ляо-хэ и движение её в направлении к городу Синминтину и реке Пу-хэ, для противодействия обходу японцами правого фланга нашего стратегического фронта и, чтобы атаками своими на головы обходных японских колонн задержать их до подхода и сосредоточения стратегического резерва всей нашей армии к её правому флангу.

2. В ряду выполнения вышеозначенного манёвра подполковник **Иолшин** полагал весьма желательным движение вверенного мне конного отряда с батареей из Факумынского района на юг, в долину реки Ляо-хэ и затем, возможно, дальше вниз по течению этой реки.

3. Предпринятое движение 24 и 25 февраля сего года из деревни Таопиншаня должно было, по мнению подполковника **Иолшина**, служить не только поддержкой правому флангу II-й армии, но и, обеспечив её фланг от обхода, прикрыть ещё возможные пути наступления японской кавалерии, под на-

чалством генералов **Тамуры** и **Акиямы**, к правому флангу Телинской позиции и обеспечить нашу армию от окружения её под Теменым.

Представив мне вышеозначенный доклад подполковник **Иолшин** при движении моём 24 и 25 февраля сего года на юг из деревни Таопиншаня к деревне Изченцзы, а затем долиной вниз по течению реки Ляо-хэ, лично следовал на марше, всё время с авангардом или передовым разъездом бывшие вверенного мне конного отряда.

Командир I Заамурского конного полка подполковник **Чевакинский**

28 сентября 1905 г., город Херсу

Заметка к стратегической записке от 6 февраля 1905 г.

20 декабря 1906 г., город Царкое Село

Означенная на странице 1-й стратегическая записка от 6 февраля 1905 г. была мной отправлена по почте 7 февраля 1905 г. – то есть за неделю до завязки Мукденского сражения, с железнодорожной станции Суятунь, казённым пакетом за № 32, с надписью «с документом», в деревню Сахэтун, где в то время была расположена главная квартира главнокомандующего, на имя адъютанта главнокомандующего полковника барона **Остен-Сакена**, для доклада главнокомандующему.

Означенный пакет был получен полковником бароном **Остен-Сакеном** в тот же день и вышеозначенная стратегическая записка была своевременно им доложена главнокомандующему – генерал-адъютанту **Куропаткину**.

Полковник **Иолшин**.

Примечание. Если бы эта стратегическая записка была главнокомандующим принята во внимание, то I-й Сибирский армейский корпус не был бы двинут 12 февраля 1905 г. с крайнего правого фланга армии на крайне левый её фланг и сражение под Мукденом должно было бы тогда нами выиграно.

Означенную стратегическую записку я имел счастье представить Его Императорскому Величеству Государю им-

ператору при представлении моём 20 декабря 1906 г. в городе Царское Село.

Справка: св.зак, Т.I, ч.2, кн. VIII, Учреждение орденов изд. 1892. ст.294, п.2-й.

Полковник **Иолшин**

Докладная записка 2 лейб-драгунского Псковского Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полка полковника **Иолшина** 10 апреля 1909 г. № 17 город Петербург

Его Высокоблагородию флигель-адъютанту Его Императорского Величества полковнику **А.П. Половцеву**.

Докладываю Вашему Высокоблагородию нижеследующие обстоятельства моей службы по окончании академии Генерального штаба.

Начав службу в лейб-гвардии Семёновском полку и окончив в 1886 г. академию Генерального штаба по I разряду, я был прикомандирован к штабу I гвардейской кавалерийской дивизии на лагерный сбор и по окончании лагерного сбора получил отличную аттестацию как офицера Генерального штаба от бывшего начальника штаба дивизии, ныне генерал-лейтенанта **Ставровского**, от начальника дивизии князя **Шаховского** и от командира гвардейского корпуса – Его Высочества Принца **Ольденбургского**.

В конце августа 1886. я принял участие при штабе 4-й кавалерийской дивизии на Высочайших манёврах под Белостоком и Брест-Литовском и получил отличную аттестацию от бывшего начальника дивизии генерал-адъютанта **Струкова**.

В 1887 г. я был назначен адъютантом штаба 4-й кавалерийской дивизии.

В 1880 г. принял участие на Елизаветградских манёврах, в Высочайшем присутствии.

В 1887 и 1888 гг. был на императорских манёврах под городом Берлином, у Гранзее и у Мюнхенберга.

В 1889 г. по Высочайшему повелению пробыл 10 месяцев в прикомандировании к Инструкторскому отделу офицерской

кавалерийской школы для изучения техники кавалерийской службы (см. приложение № 1).

Затем снова вернулся в штаб 4-й кавалерийской дивизии и в 1890 г. был ординарцем у Его Императорского Высочества Великого князя **Николая Николаевича Старшего** на Дубно-ровенских манёврах, Высочайшем присутствии.

В 1891 г. в мундире Генерального штаба командовал эскадроном в 10-м драгунском Новотроицко-Екатеринославском полку.

За время командования эскадроном я получил 2 награды – орден Святого Станислава 3-й степени и чин Генерального штаба подполковника.

2 сентября 1891 г. командовал на 2-стороннем кавалерийском манёвре, под городом Белостоком, отрядом силой в 6 эскадронов, 2 сотни и конной батареей.

Пробыв несколько месяцев в штабе Свеаборгской крепости, я, сгорая желанием служить в кавалерии, основательно себя подготовив к роли кавалерийского начальника, и всецело отдался строевому кавалерийскому делу, просился с переводом из Генерального штаба в кавалерию, имея при этом в виду исключительно лишь принцип специализации труда.

Будучи командированным в 1892 г. в июне месяце по Высочайшему повелению в Варшавский военный округ, чтобы перед переводом в кавалерию пройти кавалерийскую школу генерал-фельдмаршала **Гурко**, я в июле 1892 г. руководил 10-дневной поездкой с разведчиками 37-го драгунского Военного ордена полка, в августе командовал дивизионом на Большом манёвре под Варшавой в присутствии генерал-фельдмаршала **Гурко** в 38-м драгунском Владимирском полку и в сентябре 1892 г., командуя большим обозначенным отрядом из 3-х родов оружия, на корпусном кавалерийском манёвре под Скерневицами, удостоился получить одобрение генерал-фельдмаршала **Гурко**.

В 1893 г. я был назначен Высочайшим приказом штаб-офицером в 10-й драгунский Новотроицко-Екатеринославский полк, в котором и прослужил, командуя дивизионом, 7 лет.

В 1895 г. 1 сентября я совершил на военном шаре воздушный 500-вёрстный полёт из крепости Осовца под город Вильно.

В 1896 г. получил орден Святой Анны 3 степени.

В 1897 г., для изучения боевого дела на практике, с разрешения военного министра, я взял 4-месячный отпуск в Грецию и был в мае 1897 г. в Фессалии, на Фермопильской позиции и в Отрисских горах, при сосредоточении там греческой действующей армии, после сражения у Домокоса я весь июнь 1897 г. пробыл в нашем экспедиционном отряде на острове Крит.

В августе 1897 г. принял участие с первого же дня большого манёвра под городом Белостоком, в Высочайшем присутствии, перед фронтом дивизиона 10-го драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка.

В 1896 г. в июле я был командирован в 3-ю бригаду 2-й гвардейской кавалерийской дивизии для показания приёмов переправы кавалерии и конной артиллерии через реку Вислу, при пособии предложенных мной парусинных снарядов.

В октябре 1896 г. я, взяв отпуск, совершил путешествие в Среднюю Азию – в Закаспийский край и Бухару, для ознакомления с восточной кавалерией и принял участие в манёврах Закаспийской стрелковой бригады и Туркменского дивизиона под Ашхабадом, в горах Копет-Дага.

В 1897 г. я имел отличную аттестацию от командира 6-го армейского корпуса генерала от кавалерии **Кульгачева**.

В 1898 г., в феврале, я успешно командовал на двухстороннем кавалерийском манёвре, на германской границе, в Ломжинской губернии, 10-м драгунским Новотроицко-Екатеринославским полком.

За время командования дивизионом в 10-м драгунском Новотроицко-Екатеринославском полку, я многократно бывал командирован на полевые поездки офицеров Генерального штаба в западном крае и сделал много военных сообщений в полках 4-й кавалерийской дивизии, в штабе Виленского военного округа – одно и в штаб войск гвардии Петербургского военного округа – одно (см. приложение № 5).

В 1900 г. я был командирован Военным министром на театр англо-боэрской войны, в английскую действующую армию, для изучения техники ведения современных войн и представления отчётов как о ходе войны, так и о состоянии английской действующей армии.

Я пробыл в английской действующей армии всего 6 месяцев.

Его Высокопревосходительство генерал-адъютант **Куропаткин** остался в полной мере доволен моим отчётом, который я представил Его Высокопревосходительству 5 декабря 1900 г. в городе Ялте и положил на дело о зачислении меня в 4-й лейб-драгунский Псковский полк резолюцию: «Подполковник **Иоалшин** представил мне прекрасный отчёт».

В январе 1901 г. я был назначен штаб-офицером в 4-й лейб-драгунский Псковский Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полк и по прибытии в полк, по приказаниям командующего войсками Виленского военного округа и начальника 2-й кавалерийской дивизии, я сделал военные сообщения об англо-боэрской войне в штабе Виленского военного округа и в г. Сувалях, в собрании 2-го лейб-гусарского Павлоградского полка.

На Большом манёвре под Белицами (?) и по 27 мая 1903 г., я временно командовал 4-й Лейб-драгунским Псковским Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полком, причём получил двукратно, от двух начальников дивизии благодарность в приказах по дивизии. и 4-й лейб-драгунский Псковский полк, осмотренный генералом от кавалерии **фон дер Лауницем**, через две недели после сдачи мной полка, получил блестящий ордер, объявленный по войскам Виленского военного округа (смотрите приложения № 2, 3 и 4).

В 1901 г. я выбил, в чине подполковника, офицерские призы на стрельбе.

В 1901, 1902 и 1903 годах я постоянно принимал участие в чине подполковника, с обер-офицерами на стипль-чезных скачках и получил несколько призов.

В сентябре 1903 г. я отбыл курс парфосных охот в Поставах на собственной лошади и 1 октября 1903 г. на штаб-офицерской, 10-вёрстной скачке в Поставах пришёл на финиш из 17 штаб-офицеров четвёртым, что и было объявлено в статье штабс-ротмистра **Далматова** в «Русском инвалиде» за 1-ю половину октября 1903 г.

В 1904 г., в феврале, я был командирован, вызвавшись добровольно на Дальний Восток.

10 марта 1904 г. я прибыл в город Читу и был назначен в 3-й Верхнеудинский казачий полк, подготовлявшийся в Забайкальской области для отправления в Манчжурию. В этом полку за нездоровьем командира полка, затруднившегося ездить верхом (за весь поход 1904–1905 годов он сел только 1 раз на лошадь, на смотр – в городе Харбин), я произвёл строевые и тактические учения и строевой смотр всем сотням 3-го Верхнеудинского казачьего полка.

30 июля 1904 г. я был вызван на театр войны и прибыл в город Ляоян – 17 августа, рано утром, при завязке генерального сражения.

Затем я пробыл в боевом фронте до 29 августа 1905 г., то есть до момента съезда парламентёров, каковой застал меня на передовых постах II-го Сибирского армейского корпуса.

В предположении, что война может опять вспыхнуть, я, с целью ознакомиться с возможным будущим театром военных действий, а особенно с горным районом, занятым войсками I-й Манчжурской армии, сделал в сентябре и октябре 1905 г. около 500 вёрст верхом, с 2-мя казаками, нередко в местностях, по которым бродили хунхузские шайки.

С ноября 1905 г. и по июль 1906 г. я пробыл при штабе тыла маньчжурских армий штаб-офицером для поручений и получил отличную аттестацию как кавалерийский штаб-офицер, от генерального штаба генерал-майора **Глинского**, направленную в июле 1906 г. в штаб 2-й кавалерийской дивизии.

За время войны я получил 5 боевых наград. (...Боевые награды получены мной за участие в следующих боях:

1) Орден Святого Станислава 2 степени с мечами за бои 28 апреля и 5 мая 1905 г. у города Чантудая, в передовом отряде генерала **Толмачева** II-й Манчжурской армии.

2) Орден Святой Анны 2 степени с мечами за бой передовых отрядов II-й Манчжурской армии и вверенного мне охотничьего отряда 4-го армейского корпуса – 1(?) августа 1905 г. у железнодорожной станции Шахедзы и города Чантуфу, а также за бой, вверенного мне охотничьего отряда 4-го армейского корпуса, у деревни Талимпау – 30 июля 1905 г.

3) Орден Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом, за и.д. офицера Генерального штаба в Заамурском конном отряде пограничной стражи, в период Мукденского сражения и за доставку донесений начальника Заамурского конного отряда, под огнём неприятеля, в город Телим из-под города Факумыня в дни арриергардных дел у города Пилина 1 и 2 марта 1905 г.

4) Чин полковника за содействие с конно-охотниками 85-го пехотного Выборгского¹⁹⁶ полка, в день боя – 7 июня 1905 г. в долине Гулошей (?) и на Яндалинском перевале, к обратному овладению нами этим перевалом.

5) Золотое оружие с надписью «За храбрость» за производство мной рекогносцировки 11 и 12 июля 1905 г. в центр у деревни Шахэдзы и деревни Эддагау (?) и за бой бывше вверенного мне охотничьего отряда 4-го армейского корпуса, в центр у деревень Шахэдзы и Пацзяцзы – 26 июля 1905 г.¹⁹⁷.

Полковник **Иолшин** командовал отрядами в сражениях, боях и делах, силой в 600, 800 и в 1000 винтовок.

18 августа 1906 г. я прибыл во 2-й лейб-драгунский Псковский Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полк и был зачислен снова на вакансию младшего штаб-офицера, исполняя обязанности старшего штаб-офицера.

В сентябре 1906 г. я принял участие в 7-вёрстном дивизионном стипль-чезе [скачке с препятствиями] под городом Сувалками, в чине полковника, с поручиками и корнетами, и получил призы.

Аттестации 1907 и 1908 годов удостоивали меня к возвышению на должность командира действующего кавалерийского полка (см. приложение № 6), но так как в армии по военным округам установлена для армейских штаб-офицеров норма, то я рискую и в этом, несмотря и на то, что двукратно аттестован на возвышение и на то, что я уже 4-й год полковником, не только не получить назначения командиром полка, но и не попасть в кандидатский список.

Прошу ходатайства Вашего, чтобы генерал-инспектор кавалерии принял во внимание, что я – бывший офицер Генерального штаба, кончивший Академию Генерального штаба по I разряду и перешедший в строй только из безграничной преданности кавалерийскому делу и чтобы мне, как двукратно аттестованному к возвышению на должность командира кавалерийского полка и состоящему уже 4 года полковником, представили эту должность в порядке моего армейского старшинства и вне окружных и дивизионных норм (и при этом, чтобы меня поставили в кандидатском списке выше подполковников, аттестуемых вне очереди).

Я, окончив Академию Генерального штаба по I разряду и поучаствовав в 3-х кампаниях, команду дивизионом 16 лет, из-за того что перешёл во фронт, тогда как офицеры Генерального штаба, служившие в штабах крепостей и в Управлениях резервных бригад и не бывшие ни в одной кампании, командуют дивизионами только 6 месяцев.

Мои сверстники по Генеральному штабу уже все давно генералы. К сему докладываю, что Высочайшее повеление о зачтении времени, проведённом мной в номинальном запасе на театрах англо-боснийской войны, последовавшее в январе 1901 г., было мне занесено в послужной список только в 1907 г., и что такое штабное упущение отразилось весьма неблагоприятно на ходе моей службы, по возвращении моём из Южной Африки.

Приложения: 1) рескрипт Его Императорского Высочества Великого князя **Николая Николаевича Старшего** от 29 ноября 1908 г. за № 1306, 2) приказ по 2-й кавалерийской

дивизии, от 6 сентября 1901 г. за № 97; 3) приказ по 2-й кавалерийской дивизии, от 11 мая 1903 г. за № 71; 4) приказание войскам Виленского военного округа, от 30 июня 1903 г. за № 187, с орденом генерала от кавалерии **фон дер Лауница**; 5) «Русский инвалид» от 21 февраля 1986 г. за ; 41 и 6) последнее официальное аттестационное извещение от 30 января 1909 г. за № 3.

Полковник **Иолшин**

Приложение № 1 (копия с копии)

Рескрипт генерал-фельдмаршала Его Императорского Высочества Великого князя **Николая Николаевича Старшего** на имя Военного министра, генерала от инфантерии **Ванновского**.

Пётр Семёнович!

Начальник 4-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант **Струков** обратился ко мне с особым ходатайством о прикомандировании старшего адъютанта 4-й кавалерийской дивизии Генерального штаба капитана **Иолшина** к одному из кавалерийских полков, для командования эскадронном.

Капитан **Иолшин** начал свою службу в пехоте, и в штабе кавалерийской дивизии служит всего 1 1/2 года, почему, на основании существующих положений, прикомандирование его к кавалерийской части может последовать не ранее как по истечении пяти лет пребывания в настоящей должности, и таким образом офицер этот пропустит лучшие годы для своей кавалерийской подготовки.

Служба капитана **Иолшина** мне известна с его производства в первый офицерский чин и я имел случай не раз убедиться в его способности и любви к кавалерийскому делу, так что признаю вполне желательным сделать исключение и дать возможность этому офицеру основательно подготовить себя для будущей службы в кавалерии.

Во внимание к изложенному, прошу Ваше Высокопревосходительство не признаёте ли возможным, в изъятие из правил, разрешить прикомандировать капитана **Иолшина** ныне же, для изучения технической стороны кавалерийской служ-

бы, к офицерской школе до окончания лагерного сбора, а затем уже, в порядке его старшинства, разрешить ему прикомандирование к кавалерийскому полку для командования эскадроном.

Уверен, что капитан **Иолшин** оправдает моё особое о нём ходатайство.

Пребываю к Вам навсегда искренне доброжелательным.

Подписал: **Николай**

№ 1306

29 ноября 1888 г.

Санкт-Петербург

Его Высокопревосходительству **П.С. Ванновскому**

с подлинным верно: 2-го лейб-драгунского Псковского Её Императорского Величества Государыни Императрицы **Марии Фёдоровны** полка

Полковник **Иолшин**

Приложение № 2 (копия)

Приказ 2-й кавалерийской дивизии № 97.

Оранский лагерь, сентября 6 дня 1901 г.

§1

Командир 4 армейского корпуса письмом от 25 августа сего года за № 2177 сообщил мне, что Его Превосходительство во время занятий Скобелевского общего лагерного сбора остался очень доволен отличной службой 4-го лейб-гвардии Псковского полка, его разведками, быстротой и стройностью действий, а также энергией и распорядительностью командира полка полковника **Мейнарда**, исполнявшего во время большого манёвра обязанности начальника конницы Восточного корпуса, и временно командовавшего полком, подполковника **Иолшина**. Считаю приятным долгом объявить об этом вверенной мне дивизии и со своей стороны сердечно благодарю полковника **Мейнарда**, полковника **Иолшина** и всех господ офицеров; молодцам – нижним чинам – объявляю большое спасибо.

§2

Вследствие ходатайства начальника штаба 27-й пехотной дивизии от 31 августа сего года за № 3036 разрешаю усту-

пленную ему из 6 лейб-драгунского Павлоградского полка за ремонтную цену строевую лошадь под названием Памятник переменить на строевую лошадь того же полка под название Наглец.

Подлинный подписал:

Начальник дивизии генерал-лейтенант **Плеве**

С подлинным верно:

Вр.и.д. начальника штаба Генерального штаба

капитан **Товарищев**

Приложение № 3 (копия)

Приказ 2-й кавалерийской дивизии № 71, город Сувалки,
мая 11 дня 1903 г.

§1

4 лейб-драгунского Псковского Её Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка подполковник **Иолшин** командовал временно полком с 2 июля прошлого по 6 мая сего года.

За громадные, доходящие до самопожертвования, старания и усердие к службе, положенные им неослабно в течение этих слишком 10 месяцев на исполнение своих чрезвычайно трудных, по особенным обстоятельствам, обязанностей, считаю моим долгом выразить подполковнику **Иолшину** мою искреннюю благодарность.

§2

Командир 5 лейб-драгунского Курляндского полка, рапортом от 8 сего мая за № 1705, с представлением акта и дознания донес, что строевая лошадь 6 эскадрона того же полка ремонта 1892 г. под № 972 и названием Кадка от воспаления мозга и его оболочки пала.

Предписываю означенную лошадь исключить из описи строевых лошадей полка и с фуражного довольствия с 25 минувшего апреля сего г.

Подлинный подписал:

Начальник дивизии генерал-лейтенант **Яубенский**

С подлинным верно:

Вр.и.д. Начальника штаба подполковник **Завлейский** (?)

Приложение № 4

срочное

Приказание войскам Виленского военного округа № 187

Город Вильно, 30 июля 1903 г.

Управление окружного генерал-квартирмейстера. Отделение строевое. (по окружному штабу)

Командующий восками округа приказал объявить замечания по докладу генерала от кавалерии **фон дер Лауница** об осмотре частей 2-й и 3-й кавалерийских дивизий, 1-й отдельной кавалерийской бригады, 3-го конно-артиллерийского дивизиона и конного взвода 1-й запасной пешей батареи.

Подписал:

Вр.и.д. начальника штаба генерал-майор **Харкевич**¹⁹⁸
к приказанию № 187

Замечания по докладу помощника командующего войсками Виленского военного округа об осмотре частей 2-й кавалерийской дивизии с 13 по 17 сего июня.

13 июня, Августов, 2-й Донской казачий полк.

Лошади в хороши телах, особенно в 4-й сотне, в 1-й сотне похуже.

Ковка и содержание копыт очень хороши; уход за лошадьми хорош.

В 1-й сотне несколько коротки хвосты; во 2-й сотне заметны на спинах следы набивки.

В лазарете 91 лошадь: большая часть из них больны инфлюенцией (гриппом), в особенности много больных лошадей во 2-й сотне.

Конюязи лазарета нельзя было ставить на болоте.

Размещение 1-й и 2-ой сотен полка неудовлетворительно в гигиеническом отношении, так как местность болотиста и во время дождей туда стекает из города вода.

14 июня. Полковое учение (в строю 9 рядов во взводах).

Движение развернутым строем, построение и развертывание резервной колонны, перемена фронта были исполнены хорошо. Спешивание и посадка на полевом намёте очень хороши.

Учение 1-й сотни. Сотня исполнила движение развернутым фронтом и в полоборота, перестроение во взводную колонну с выстраиванием фронта и произвела разомкнутую атаку. Все перестроения были произведены очень хорошо.

Рубка и стрельба с коня во 2-й полусотне 3-й сотни удивительны; некоторые не успевали ни стрелять, ни рубить.

Офицерская езда – хороша.

На препятствия были вызваны офицеры и 2-я полусотня 6-й сотни. На препятствия шли отлично. Учение с обозначенным противником. Полку было приказано наступать против противника, занявшего позицию 2-мя ротами пехоты и 4 сотнями.

Полк повёл атаку лавой настолько энергично, что роты едва успели отступить за закрытие, причём часть кавалерийского строя преодолела эти препятствия и преследовала отступавшую пехоту.

В общем задача полком была выполнена лихо и энергично.

Церемониальным маршем полк пропущен посотенно и в сотенной сомкнутой колонне на всех аллюрах – хорошо... (далее – 6-й лейб-драгунский Павлоградский полк)...

14 июня, город Сувалки. 4-й лейб-драгунский Псковский полк.

Тела лошадей отличные, ровные. В особенности выделяются лошади лейб-эскадрона.

Ветеринарный лазарет содержится во всех отношениях в образцовом порядке.

Полковое учение. Для встречи полк был выстроен развернутым строем. Выровнен отлично.

Движение развернутым строем и облическое, построение и разворачивание резервной колонной, спешивание и посадка на полевом галопе исполнены безукоризненно.

Эскадронное учение 4 и 6 эскадронов.

Эскадронами было произведено движение фронтальное и облическое на всех аллюрах, построение взводной колонны и выстраивание фронта во все стороны.

4-й эскадрон произвёл учение хорошо, 6-й – отлично.

Рубка – хороша.

Езда офицеров и нижних чинов отличная.

Тактическое учение против 18 стрелкового полка.

По тревоге был вызван 18-й стрелковый полк, который занял позицию на высотах правее Стрелковых казарм, фронтом к Августовскому лесу.

Стрелковый полк построил боевой порядок, имея в 1-й линии 4 роты. Цепь расположилась от опушки леса в 1 1/2 верстах.

4-й лейб-драгунский полк был отведён за Августовский лес на 1 1/2 вёрсты. Пройдя лес в резервной колонне, выяснив обстановку разъездами и дозорами, полк на опушке леса перестроился в боевой порядок в две линии, имея в 1-й линии разомкнутые и за ними сомкнутые полуэскадроны 3-х эскадронов и во 2-й линии 3 эскадрона в колоннах. Атака была произведена прекрасно.

Церемониальным маршем полк был пропущен поэскадронно и эскадронной сомкнутой колонной, прошли безукоризненно.

Подписал:

командующий войсками

генерал от инфантерии **Гриненберг.**

Приложение № 6. Секретно

2-й лейб-драгунский Псковский Её Величества Государыни императрицы Марии Фёдоровны полк. По части строевой 31 января 1900 г. № 3. Штаб-квартира, город Сувалки.

Полковнику **Иолшину.**

Сообщаю окончательное решение командира корпуса по Вашей аттестации: Достоин выдвижения на должность командира кавалерийского полка, в порядке старшинства.

Командир полка полковник (подпись)

Полковой адъютант поручик (подпись)

Приложение № 5

Газета «Русский инвалид», 21 февраля 1896. № 41. С. 2.

В понедельник, 19 февраля, в собрании офицеров Гене-

рального штаба Петербургского военного округа, в присутствии их Императорских Высочеств главнокомандующего войсками Великого князя **Владимира Александровича** и Великого князя **Николая Николаевича** и многих начальствующих лиц, состоялось сообщение подполковника 10 драгунского Новотроицко-Екатеринославского полка **Иолшина** «О возможности кавалерийской атаки на пехоту и маневрирования кавалерии в массах».

Считая, что новейшие усовершенствования в технике огнестрельного оружия и возрастающая культура местности не уменьшили роли кавалерии на поле сражения, где успех кавалерийских атак во всё времена исключительно зависел от качеств кавалерии и таланта её вождей, лектор подтвердил сказанное разбором сражений под Асперном в 1809 г., под Кенигрецом и Кустой в 1866 г. и под Марс-ля-Туром в 1870 г. Выяснив обстановку, предшествовавшую этим сражениям, подполковник **Иолшин** шаг за шагом проследил наиболее показательные в них действия кавалерии.

Признавая однако, что малокалиберные ружья и бездымный порох затрудняет всё-таки до известной степени боевую деятельность кавалерии, лектор указал на удлинение протяжения конной атаки, увеличение выносливости коней и уменьшение веса конского снаряжения – как на средства к парированию вредного влияния новых факторов боя на успех кавалерийских действий. К числу таких средств лектор отнес также устройство на будущих полях сражений искусственных облаков дыма, которые, по словам полковника **Иолшина**, могут в некоторых случаях способствовать развитию столь важного для кавалерии принципа внезапности.

В заключение лектор коснулся того, что уже сделано в этом отношении в немецкой кавалерии, основывая свои выводы на данных, появившихся в последнее время в военной литературе и на личных наблюдениях в бытность свою на больших манёврах германской армии под Мюнхебергом в 1888 г.

(В той же газете сказано: В «Times» телеграфируют из Йоханнесбурга от 14 (26) февраля, что при своём предстоящем

посещении Англии президент **Крюгер** будет добиваться следующих уступок: отмены конвенции 1884 г. и замены её торговым и дружественным договором, причём Англия будет признана первенствующей в Южной Африке державой; присоединение области **свазиен** (**свази**) к Южно-Африканской Республике; обеспечение независимости Трансвааля; предоставление Южно-Африканской Республике права первенства при покупке бухты Кози на берегах Делагоа. Уитландерам в Трансваале будут предоставлены избирательные права.

1908 г. Прошение полковника **Иолшина** о денежном увольствии (?) на имя графа **Гейдена**¹⁹⁹.

8 января 1908 г., город Сувалки

№ 1

Милостивый государь

Глубокоуважаемый **Николай Петрович!**

На этих днях я послал Вам некоторые из моих материалов по англо-боэрской войне 1900 г. и нашей последней – 1904–1905 годов.

Прошу, примите их от меня в знак глубочайшего моего почитания Вас и преданности Вам за Ваш милостивый и сердечный приём меня, в октябре прошлого года, и поданая надежда на материальную поддержку меня Государем императором, дают мне смелость приложить при сём – записку для памяти, в которой я обозначаю в 16 пунктах причины моей тяжкой задолженности, дошедшей до суммы в 12 тысяч рублей.

Не имея слов, чтобы выразить насколько я буду Вам на всю жизнь благодарен за участие к моей просьбе.

Поддержка меня Государем императором дала бы мне новые силы к дальнейшей службе на пользу и боевую славу царских знамен, сводит для моей службы на нет всё, что было мной заработано продолжительным, тяжёлым и настойчивым трудом.

Касательно моего служебного положения могу доложить.

22 ноября прошлого года мне было отдано старшинство в чине полковника, с 7 июня 1905 г. – за боевое отличие в бою у местечка Гуюши, на Яндалинском перевале.

8 декабря прошлого года, по моему представлению, бывший мой ординарец – старший камергер-паж **Воронович**, был Высочайше пожалован знаком отличия Военного ордена 4-й степени. И я беспредельно дорожу и счастлив высокомиловидным для меня монаршим доверием.

В декабре прошлого года и начале сего января, я временно командовал полком и бригадой.

Смею думать, что если бы Вы изволили спросить о моей бывшей боевой работе генерал-адъютанта **Куропаткина** и **Линевича**, и барона **Штакельберга**, и генерала **Ботбянова**, то они дали бы обо мне самый добрый отзыв.

Поскольку же я надеялся бы и на добрые обо мне отзывы бывших моих начальников – генерал-адъютантов **Струкова** и **Пателеева**.

Его Сиятельство граф **А.Ф. Нейден** и барон **Фредерикс**, я надеюсь, что по доброте и великодушию их сердца, поддерживали бы меня также у Государя императора, если бы Вы попросили их за меня.

Прошу, примите уверение в моём глубоком к Вам почтении и преданности, с которыми имею быть Вашим покорным слугой

Иолшин.

2 лейб-драгунского Псковского Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полка полковник **Иолшин**

28 декабря 1907 г., № 16, город Сувалки.

Записка для памяти

1) Быв командирован в 1900 г. от нашего Военного министерства в Южную Африку для присутствования при военных операциях при английской армии, я получил сверх моего ординарного полкового содержания от военного министерства только около 1 тысячи рублей и затем, в ноябре 1901 г., ещё получил от Его Императорского Величества Государя императора – 1 тысячу рублей.

Мною же было издержано на поездку в Африку около 5 тысяч рублей.

Полковники **Стахович** и **Гурко** получили по 15 тысяч рублей каждый при такой же командировке.

У меня образовалась по этому предмету передержка в 3 тысячи рублей.

2) В 1902–1903 гг. я временно командовал с 1 июля 1902 г. по 27 мая 1903 г., то есть подряд 11 месяцев, 4-м лейб-драгунским Псковским Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полком; полк был в отличном виде и через 1 1/2 недели после сдачи мной полка, осмотрен по приказанию командующего войсками, генералом **фон дер Лауницем**. Лошади найдены были Его Высочайшим превосходительством в отличном виде, а также и строевое обучение эскадронов, о чём и было отдано в ордер генерала фон дер **Лауница**, на имя командующего войсками, каковой ордер и был объявлен в приказании по войскам Виленского военного округа от 30 июля 1903 г. за № 187.

За это командование полком я получил в приказе по дивизии от 11 мая 1903 г. за № 71 – благодарность.

Я, за 11 месяцев командования полком, получил командирские столовые деньги только за 1 1/2 месяца, и в течение 9 1/2 месяцев получал меньше даже, чем бывшие подчинённые мне штаб-офицеры, на 25 рублей в месяц, а именно – 9 1/2 месяцев, командуя полком, я получал столовых денег только по 30 рублей в месяц.

Разница между командирскими столовыми деньгами и мной полученными за 9 1/2 месяцев составит сумму в 1837 рублей 50 копеек.

3) В войну 1904–1905 гг. я командовал в боевой линии в течение месяца, с 8 июля по 8 августа 1905 г., большим охотничьим отрядом в центре, в 2 тысячи винтовок и получил за месяц командования столовых денег только в размере 30 рублей и прочее содержание по окладу младшего штаб-офицера.

Разница в окладе командира отдельной части и младшего штаб-офицера за месяц военного времени составляет сумму в 400 рублей.

4) При командованиях передовыми отрядами на Гаутулинском перевале, в августе и сентябре 1904 г., на Далинском перевале, в октябре 1904 г. и в центре, в июле и августе 1905 г. я истратил на дело разведок до 300 рублей и не получил ни от казны, ни из хозяйственных сумм ни копейки на этот предмет.

Между тем в результате всех моих разведок и службы в передовых отрядах, начиная от Ляолянского сражения, в котором я принял участие, за время августа, сентября, октября, ноября и декабря 1904 г., я представил главнокомандующему стратегическую записку от 6 февраля 1905 г., в которой верно доложил, что: 1) японцы перейдут в наступление и 2) что главный удар будет направлен на наш правый фланг, при демонстрациях против левого.

Это вполне подтвердилось событиями, хотя и шло в разрез с ориентировкой Главной квартиры, на каковую разведывательным отделением были истрачены сотни тысяч рублей!!

Затем, в результате моих разведок в июле и августе 1905 г., я внёс поправку в ориентировку Главной квартиры касательно нахождения 6-й пехотной японской дивизии, которая предполагалась по ориентировке Главной квартиры против нашего левого фланга, тогда как она оказалась в центре, что мной и было доказано путём захвата японского полевого караула, у деревни Шахедзы, в плен.

5) Все офицеры 2-го Верхнеудинского казачьего полка и Уссурийского казачьего полка, даже пробывшие на Дальнем Востоке меньше года, получили II-е прогоны, от Петербурга до пунктов Дальнего Востока, и холостые – 2/3 оклада годового содержания, что составило бы для меня около 1 1/2 тысяч рублей. Я же, пробыв на Дальнем Востоке 2 1/2 года, не получил ни II-х прогонных денег, ни 2/3 годового оклада содержания, так как казачье начальство мне вовремя их не потребовало.

Копию, с разрешения главнокомандующего на такое требование, я представил в прошлом Его Сиятельству графу **Гейдену**.

6) В городе Харбин, в декабре 1905 г., у меня пала вьючая лошадь (мул) – ценой около 200 рублей, и я не получил в возмещение убытка ни копейки.

7) Желая драться до конца войны и предполагая, что война продолжится года три, я сделал большой запас обмундирования, вооружения и снаряжения и этот запас хранил на станции Манчжурия, у жандармского ротмистра **Сокольского**, в доме военного ведомства, который затем, в мае 1905 г., весь сгорел и в нём большая часть моего имущества, а всего сгорело на сумму около 1300 рублей, на предмет чего я получил, по ходатайству генерала **Гродекова**, в августе 1906 г. из сумм Военного министерства пособие, только в 219 рублей.

Таким образом, этот пожар причинил мне чистого убытка на сумму около 110 рублей.

8) Во время Телинского боя пограничники у меня утащили 2 шашки и треногу от подозрительной трубы, стоимостью в 150 рублей, я же получил на этот предмет пособие в городе Харбин в 1906 г. только в 50 рублей и, таким образом, понёс по этому предмету чистого убытка 100 рублей.

9) При командировании меня для раздачи учреждению сенозаготовки 70 тысяч рублей казённых денег, из города Харбина на станцию Джалай Мор (?), я истратил из своих денег на ведение канцелярии по раздаче вышеозначенной суммы и на провоз 1 нижнего чина от станции Даналай-нор (?) до города Харбина, во II классе, для охраны оправдательных документов – около 100 рублей, к выдаче которых мне интендантством было отказано, хотя я, провезя в весьма тревожное революционное время – март 1906 г. – 70 тысяч рублей казённых денег без конвоя, сделал тем чистой экономии казне не меньше как в 500 рублей.

10) На пути с Дальнего Востока на Запад я был задержан в пути вследствие размыва от ливней Забайкальской железной дороги на 2 недели и хотя закон, вышедший в августе 1906 г., и определяет суточные за такую задержку, но мне интендантство отказало выдать их, мотивируя, что задержка моя была в июне 1906 г., тогда как закон вышел в

августе 1906 г. Эта задержка мне причинила убыток в 50 рублей.

11) Ввиду того, что по ходатайству главнокомандующего всем экстренно вызванным на театр русско-японской войны, к разряду которых и я принадлежу, 6 октября 1905 г. был Высочайше разрешен 4-месячный отпуск, с содержанием, я взял отпуск на 3 месяца, с содержанием, но, затем, по разъяснению Главного штаба, мне вычли содержания за 3 месяца моего бывшего отпуска, то есть за декабрь 1906 г., в размере 150 рублей, несмотря на то, что в бытность мою на Дальнем Востоке я мог бы за войну, как в награду, получить такой отпуск.

12) В феврале 1896 г. я делал военное сообщение в штабе войск гвардии и Петербургского военного округа в присутствии их императорских Высочеств – Великих князей **Владимира Александровича** и **Николая Николаевича** и всех генералов и командиров отдельных частей Петербургского гарнизона по приглашению генерала **Бобрикова**²⁰⁰, и моим сообщением их императорские Высочества оказались вполне довольны, а генерал **Бобриков** меня благодарил и написал обо мне отличный отзыв бывшему начальнику 4-й кавалерийской дивизии генералу **Тимирязеву**²⁰¹, который дал мне его, как дорогую память.

В апреле 1894 и в 1901 гг. я, по приказанию командующего войсками Виленского военного округа, делал военные сообщения в городе Вильно в присутствии всех старших начальников и командиров отдельных частей. За время с 1886 и по 1903 год я сделал много исторических и тактических сообщений в полках 4-й и 2-й кавалерийских дивизий.

Все эти сообщения были иллюстрированы массой карт, планов и чертежей, покупка, черчение, и составление которых обошлось мне в 110 рублей, за которые я не получил ни от казны. ни от хозяйственных сумм полков ни разу ни копейки.

Все эти карты, планы и чертежи у меня сохраняются для военных сообщений на будущее время.

13) Составление и напечатание моих отчётов о герман-

ской армии и германских манёврах обошлось мне в 250 рублей, истраченных мной за свой счёт, из своего жалования.

14) На памятник брату, убитому и похороненному в крепости Порт-Артур, я израсходовал 100 рублей.

15) С целью пополнить своё военное образование и в желании своём внести лепту знания прогрессу военной техники, в сокровищницу царской армии, мною были произведены поездки на германские манёвры, в 1887 и 1888 годы и в Баварскую кавалерию – в 1900 году.

С той же целью я побывал в греческой действующей армии, в Фессалии, при отступлении её от Домокоса к Фермопилам, в мае 1897 г., и на остров Крит – в июне 1897 г.

Все эти поездки, произведённые исключительно с военной целью, обошлись мне в 1700 рублей.

16) Прошу, в виде вышеозначенных обстоятельств, об оказании мне Его Императорским Величеством Государем императором пособия в 12 тысяч рублей.

Полковник **Иолшин**

Приложение № 4

28 марта 1905 г. Город Харбин.

Ваше Сиятельство

Милостивый государь

граф **Александр** Фёдорович!

Вопрос о боевых наградах складывается для меня до сих пор фатально.

Так, 28 сентября 1904 г. на левом берегу реки Тайдзыхэ, из массы в 30 сотен казаков, 1-й батареи и 1-й конной охотничьей команды, бывших там в тот день, приняли участие в сражении под Бенциху только 1 сотня, батарея и конная охотничья команда. При этом вышеозначенная сотня 2 Нерчинского казачьего полка и конная охотничья команда Сре-тенского полка были под моей командой и он-то, вместе с 8-й батареей 26-й артиллерийской бригады, и принял участие в сражении с 6 часов утра до 9 часов утра 28 сентября.

Я имел с этим маленьким отрядом жаркое и очень полезное для войск Дальневосточного отряда дело, за которое, по

отзыву всех офицеров моего отряда и батареи, вполне достоин награждения золотым оружием.

Между тем мне не дали за это дело никакой награды, так как награждение явилось бы живым упреком массового бездействия в этот день 29-ти сотен казаков Забайкальской и Сибирской казачьих дивизий генералов **Любавина** и **Самсонова**²⁰².

Затем я подаю стратегическую записку 7 февраля сего года, следовательно, за 5 дней до генерального сражения под Мукденом. Все события на поле сражения и на коммуникационной линии со стороны монгольской границы вслед затем разыгравшиеся, вполне до мелочей подтвердили верность моей стратегической ориентировки, к которой я пришёл путём: 1) опыта, вынесённого из Фессалийского похода 1897 г., Критской экспедиции 1897 г. и англо-бозерской войны 1900 г.; 2) непрестанного продолжения занятиями военными науками и после окончания Академии и 3) пребывание *toujours en vedettes* (всегда в дозоре), в боях, в строю и в штабах в эту войну 1904–1905 гг., начиная со дня генерального сражения под Ляояном, куда я прибыл 17 августа 1904 года.

По статусу я подхожу к награждению меня орденом Святого Георгия 4-й степени, но разрешение вопроса и тут было бы нелегко, так как награждение меня орденом Святого Георгия 4-й степени за своевременное представление стратегической записки, было бы доказательством того, что я, не имея в своём распоряжении разведочного бюро, на которое затрачивались при Главной квартире поразительные суммы, сумел верно предусмотреть военные события, а генерал Куропаткин поддался гипнозу с левого фланга, произведённого на него генералами I-й армии, откуда поступали постоянно утрированные донесения о качестве направляемых японцами войск против нашего левого фланга, а также гипотезы об общем расстройстве японской армии и их будто бы намерениях скорее уйти в Корею.

Справедливое награждение меня было бы полезно для армии, так как я таким путём мог бы получить возвышение и

принести для нашей армии большую пользу, чем теперь, в чине подполковника, и такое награждение я считаю вполне заслуженным мной.

Если бы Ваше Сиятельство только видели, как указывали здесь золотое оружие, не хочется и писать об этом.

Наградить меня мог бы только Государь император по разъяснении моей боевой работы и факту двукратного представления стратегической записки генералами, начальниками и офицерами, не заинтересованными в устранении меня от вышеозначенной награды.

Но каким путём мог бы Государь Император узнать о факте своевременного представления мной стратегической записки?

Дело со стратегической запиской известно было генералу **Флиру**, полковнику **Пестичу**²⁰³ и барону **Остен-Сакену**, командиру 4-й бригады Заамурского округа пограничной стражи полковнику **Денисову** и временно командующим I Заамурским конным полком полковнику **Чевакинскому**.

Я вынес свой труд 28 сентября 1904 г. в генеральном сражении под Бенциху, находясь в рядах Восточного отряда под начальством генерала барона **Штакельберга**, и я уверен, что Его Превосходительство барон **Штакельберг**, если бы только узнал, что я один из целой массы казачьего отряда дрался с одной сотней и одной конной охотничьей командой утром 28 сентября против превосходных сил неприятеля и притом довольно слабо поддержанный артиллерийским огнём 8 батарей 26 артиллерийской бригады, бывшей с дистанции 3-х вёрст и находясь с отрядом на позиции всего в 800 шагах от моста у местечка Бенциху, центра главных сил армии **Куропки**, и, полагаю, что Его Превосходительство, высокосправедливый и строгий в делах службы, представил бы меня к награждению Золотым оружием.

Приехал сюда на несколько дней хлопотать об исправлении и получении 2 японских пулемётов, отбитых у японцев; и о получении 2 конных горных орудий для II армии, из состава которой имеет (?) быть выделен небольшой летучий отряд под моей командой.

Завтра еду к фронту.

Глубоко и сердечно был бы благодарен Вашему Сиятельству, если бы признали возможным напомнить при Дворе, о моей боевой службе на театре войны.

Прошу, примите уверение в глубочайшем почтении и верной преданности Вам, с которыми имею быть Вашего Сиятельства покорным слугой.

Н. Иолшин²⁰⁴.

Следующий документ:

Записки полковника **Иолшина** об англо-бурской и русско-японской войнах.

Докладная записка 2 лейб-драгунского Псковского полка полковника (**Николая Михайловича**) **Иолшина**.
10 апреля 1909 г., Петербург.

Его Высокоблагородию флигель-адъютанту
Его Императорского Величества полковнику
А.П. Половцеву.

Докладываю Вашему Высокопревосходительству
нижеследующие обстоятельства моей службы по
окончании Академии Генерального штаба.

В 1895 г. 1 сентября я совершил на военном шаре воздушный 500-вёрстный полёт из крепости Осовца под городом Вильно.

В 1897 г. для изучения боевого дела на практике, с разрешения военного министра я взял 4-месячный отпуск в Грецию и был в Мато (неразборчиво) 1897 г.²⁰⁵ в Фессалии, на Фермопильской позиции и в Отрисск (неразборчиво), при сосредоточении там греческой действующей армии после сражения у Домокоса, а весь июнь 1897 г. пробыл в нашем экспедиционном отряде на острове Крит.

В 1900 г. я был командирован военным министром на театр англо-боснийской войны, в английскую действующую армию, для изучения техники ведения современных войн и

представления отчётов как о ходе войны, так и о состоянии английской действующей армии. Я пробыл в английской действующей армии всего 6 месяцев.

Его Высокопревосходительство генерал-адъютант **Куропаткин** остался в полной мере доволен моим отчётом, который я представил его Высокопревосходительству 5 декабря 1900 г. в городе Ялте, и положил на деле о зачислении меня в 4 лейб-драгунский Псковский полк, резолюцию: «Подполковник **Иолшин** представил мне прекрасный отчёт».

К сему докладываю, что Высочайшее повеление о зачете времени, проведённом мною в номинальном запасе, на театре англо-бозрской войны, последовавшее в январе 1901 г., было мне занесено в послужной список только в 1907 г., и что такое штабное упущение отразилось весьма неблагоприятно на ходе (неразборчиво) моей службы по возвращении моём из Южной Африки.

Брат убит и похоронен в Порт-Артуре²⁰⁶. (Фонд генерала **Н.М. Иолшина** (1860–1914(?)) находится в отделе письменных источников (ОПИ) Государственного исторического музея.)

Приведём и множество документов о хорошем строевом офицере-кавалеристе Иолшине и о его насильственном увольнении в отставку с пенсией:

В Главный штаб

Представление об увольнении от службы в аттестационном порядке полковника 2 лейб-драгунского Псковского Её Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полка **Иолшина** с награждением следующим чином при увольнении, мундиром и пенсиями из казны в размере 287 рублей 50 копеек, эмеритуры в размере 431 рубля и добавочной пенсии 404 рублей 70 копеек, всего по 1123 рубля 20 копеек в год...

Полковник **Николай Михайлович Иолшин**. Прослужил на государственной службе 31 год и 4 месяца. Прослужил с платой в эмеритальную кассу 29 лет 4 месяца. Пенсия II раз-

ряда II класса. Оклад пенсии 431 рубль. Пенсия ассигнована из Белостокского уездного казначейства 50 лет от роду, холост. Прилагается послужной список.

Командир полка (подпись)

секретно

В Главный штаб

Штаб 2-й кавалерийской дивизии, часть строевая

26 января 1910 г. № 16. город Сувалки

Рапорт

Представляя при сём в отставку в аттестационном порядке 2 лейб-драгунского Псковского полка **Иолшина** доношу, что он не пожелал подать прошение об отставке на Высочайшее имя.

Приложение: Представление об увольнении полковника **Иолшина**, послужной его список, расчёты службы на пенсии и копия последней его аттестации...

Начальник дивизии

Генерал-лейтенант (подпись)

В Главный штаб

Представляя настоящую переписку доношу, что временно командующий войсками округа поддерживает ходатайство начальника 1-й кавалерийской дивизии, изложенное в рапорте его от 3 февраля сего года за № 356, о производстве полковника **Иолшина** в генерал-майоры с увольнением его от службы, так как странности в характере названного штаб-офицера, как указано в прилагаемой при сём его аттестации, обнаружились не за последнее время, а были всегда ему присущи.

Начальник Штаба Виленского военного округа, генерал-лейтенант (подпись)

9 марта 1910 г., № 3850, Город Вильно

Докладная записка. По Главному Штабу. Управление дежурного генерала отделения 8. Делопроизводство 1.

Вследствие приказания Вашего Превосходительства дать ход представлению об отставке полковника 2 лейб-драгунского Псковского Её Величества Государыни импера-

трицы **Марии Фёдоровны** полка **Иолшина**, в настоящее время в Главном штабе возник вопрос: каким порядком следует уволить от службы названного штаб-офицера, так как полковник **Иолшин** прошения об отставке не подал, увольнению же в аттестационном порядке, без прошения, он не подлежит, так как, согласно статье 28 положения об аттестациях, объявленного в приказе по военному ведомству 1906 г. № 701, штаб-офицеры увольняются от службы без прошений лишь в случае признания их аттестационным совещанием подлежащими таковому увольнению.

Полковник же **Иолшин** аттестован только заслуживающим предупреждения о неполном служебном соответствии.

Таким образом, приведённая аттестация, полученная первый раз, вообще не может служить основанием к увольнению полковника **Иолшина** в отставку, но так как Государь император по Всеподданнейшим докладам военного министра в 9 и 21 дни декабря минувшего года Высочайше повелел соизволить предложить безотлагательно подать прошения об увольнении от службы тем подполковникам пехоты и кавалерии, которые по аттестации за 1909 год получают предупреждение о неполном служебном соответствии, то непосредственное начальство названного штаб-офицера признало соответственным применить и к нему означенное Высочайшее повеление и предложило ему подать установленное прошение об увольнении от службы.

Представляя Всеподданнейший доклад о принудительном увольнении от службы тех штаб-офицеров, которые по аттестациям не будут выделены из всей массы подполковников, Главный штаб не допускал возможности, чтобы те штаб-офицеры, которые произведены в полковники за отличие по службе или за боевые отличия, не были бы признаны достойными выдвижения по службе в аттестационном порядке; ввиду сего в тексте означенного доклада и не было введено упоминание о полковниках, которых следовало бы уволить от службы; но, казалось бы, что обстоятельство это не может почитаться препятствием к принудительному увольнению тех

полковников, которые в аттестационном порядке, как и подполковники, не признаны достойными выдвижения по службе, так как полковники, не командующие отдельными частями, занимают штаб-офицерские вакансии в частях войск.

Испрашивается: угодно ли будет Вашему Превосходительству приказать представить проект Всеподданнейшего доклада об увольнении полковника **Иолшина** от службы без прошения или же, ввиду имеющегося в Высочайших повелениях 9 и 21 декабря 1909 г. указания, что принудительному увольнению в пехоте и кавалерии подлежат лишь подполковники – приказано будет оставить полковника **Иолшина** на службе до новой аттестации.

Дежурный генерал генерал-майор **Кандзеровский**.

Докладная записка 2 лейб-драгунского Псковского Её Императорского Величества Государыни императрицы

Марии Фёдоровны полка полковника **Иолшина**

16 декабря 1910 г., № 197, город Петербург.

Его Превосходительству Генерального штаба генерал-лейтенанту **М.А. Беляеву**²⁰⁷

Докладываю Вашему Превосходительству, что в феврале сего года я был представлен генерал-лейтенантом **Цуриковым** в генерал-майоры с увольнением меня в отставку.

Горячо желая продолжать службу Его Императорского Величества в мирное время – до последних сил, а военное – до последней капли крови, я просил: об оставлении меня по службе и Его Высокопревосходительство Военный министр, в марте сего года соизволил мне на прикомандирование, на 1 год к одному из кавалерийских полков.

По этому предмету генерал-инспектор кавалерии выразил отзывом Главному штабу в апреле сего года, что с его стороны препятствий на такое прикомандирование не встречается.

17 ноября сего года командир 2 армейского корпуса генерал-лейтенант **Адлеберг** выразил генералу **фон Ренненкампу** добрый отзыв о моей службе во 2-м армейском корпусе и согласие на прикомандирование меня к 3-му гусарскому Елизаветградскому полку.

28 ноября сего года в городе Гродно генерал **Адлерберг**, при представлении моём выразил мне, что препятствий к прикомандированию меня к 3-му гусарскому Елизаветградскому полку не имеет и выразил мне пожелание успеха в дальнейшей службе в 3 армейском корпусе.

В настоящее время командир 3 армейского корпуса генерал от кавалерии **фон Ренненкампф** в надписи своей от 7 декабря при моей докладной записке выразил, что вполне согласен на прикомандирование меня к 3-му гусарскому Елизаветградскому её Императорского Высочества Великой княгини **Ольги Николаевны** полку.

Вместе с тем командир 2 армейского корпуса генерал-лейтенант **Адлерберг** в собственноручной резолюции своей от 29 ноября сего года на переписке по вышеозначенному предмету выразил, что: «Препятствий не имею. Генерал-лейтенант **Адлерберг**. 29 ноября 1910 г.», но затем, в надписи своей от 4 сего декабря, на той же самой переписке, подтверждая, что с его стороны препятствий к просимому мной прикомандированию не имеется, ставит условием, чтобы я не состоял в списках 2 лейб-драгунского Псковского полка при вышеозначенном прикомандировании.

Так как при всех командировках командируемые всегда остаются на время командирования, в списках той части из которой командируются, то я прошу ходатайства Вашего Превосходительства у Военного министра о прикомандировании меня к 3 гусарскому Елизаветградскому её Императорского Высочества Великой княгини **Ольги Николаевны** полку...

Полковник **Иолшин**.

Министерство военное.

Доклад по Главному штабу.

Пенсионный отдел. Пенсионная часть. Отделение 8. Стол 1 дел. 27 декабря 1910 г. № 696. О Производстве полковника **Иолшина** в генерал-майоры, с увольнением от службы без прошения.

(Высочайшее соизволение на испрашиваемое последовало 28 декабря 1910 г. (генерал от кавалерии (подпись)
штамп: Высочайший приказ 30 декабря 1910 г.

Командующий войсками Виленского военного округа ходатайствует о производстве 2 лейб-драгунского Псковского Её Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полка полковника **Иолшина** в генерал-майоры, с увольнением, без прошения, от службы как аттестованного подлежащим предупреждению о неполном служебном соответствии, с награждением мундиром и пенсией.

Справка. Названный штаб-офицер на действительной службе состоит 31 год 11 месяцев, с прибавлением же времени за службу в отдалённой местности и за походы – 33 года 1 месяц и в настоящем чине – 5 лет 1 месяц.

В походах и делах находился в 1904 и 1905 гг. против японцев.

Ранен не был.

За боевые отличия награждён орденами: святого Станислава 2 степени с мечами, святой Анны 3 степени с мечами и Владимира 4 степени с мечами и бантом, золотым оружием с надписью «За храбрость» и произведён в чин полковника.

Штрафам не подвергался.

Согласно утверждённого командиром 2 армейского корпуса заключения дивизионного аттестационного совещания полковник **Иолшин** подлежит предупреждению о неполном служебном соответствии.

Подробная аттестация названного штаб-офицера изложена на особом листе.

Заключение: Вашему Императорскому Величеству в 9 день декабря 1909 г. благоугодно было Высочайше повелеть предложить безотлагательно подать прошение об увольнении от службы подполковников пехоты и кавалерии, получившим по аттестациям за 1909 год предупреждение о неполном служебном соответствии, дабы освободить большее число штаб-офицерских вакансий к предстоящему производству капитанов в штаб-офицеры.

При представлении Всеподданнейшего доклада в принудительном увольнении со службы подполковников строевых частей полагалось невозможным, чтобы штаб-офицеры, произведённые в полковники за отличие по службе или за боевые отличия, не были бы признаны достойными выдвижения по службе в аттестационном порядке, почему в означенном докладе и не было введено упоминание о подполковниках, но обстоятельство это, казалось бы, не может почитаться препятствием к принудительному увольнению от службы тех полковников, которые в аттестационном порядке, как и подполковники, признаны подлежащими предупреждению о неполном служебном соответствии.

Выслугой лет полковник **Иолшин** приобрёл право на производство при отставке в следующий чин генерал-майора.

В случае Высочайшего соизволения на испрашиваемое производство штаб-офицер этот будет подлежать награждению мундиром и пенсией: из Государственного казначейства – 430 рублей и из эмеритальной кассы – 753 рубля, всего – 1183 рубля в год, причём пенсия будет ему назначена по подаче о сём соответствующего прошения.

Испрашивается: благоугодно ли будет Вашему Императорскому Величеству Высочайше соизволить на производство полковника **Иолшина** в генерал-майоры с увольнением, без прошения, от службы, с награждением мундиром и пенсией.

Генерал от кавалерии **Сухомянов**²⁰⁸.

Полковник **Иолшин** за 1909 год аттестован командиром полка: «Полковник **Иолшин** достаточно подготовлен в строевой и в служебной работе полка, а также в хозяйстве и в руководстве тактическими занятиями. В полевой же службе, командуя отрядом в присутствии начальства, слишком нервный, и для пользы дела получаются результаты непожелательные. Умственное развитие очень хорошее. Характер нервный, нравственность хорошая и к напиткам умеренный. Физическое здоровье хорошее. В общем, признаю его пригодным к оставлению в занимаемой должности».

Командир бригады: «С аттестацией командира полка не согласен. За время моей службы с полковником **Иолшином** я пришёл к убеждению, что в силу особенностей и странностей его характера ответственной должности ему поручить нельзя. Несмотря на солидное образование, продолжительную службу и боевой опыт, штаб-офицер этот до крайности нервен, неуравновешен, неосмотрителен и горяч. Таков он и в частной жизни, и на службе. Ни любовью и никаким авторитетом среди товарищей и подчинённых не пользуется. Полевой офицер весьма слабый, и если ему случается быть во главе полка, замещая его командира, как старшему штаб-офицеру, то всегда нужно опасаться, что он что-нибудь выкинет. Либо замотает часть, либо ускользнёт с ней из рук старшего начальника так, что его более не поймаешь».

Утверждённое командиром корпуса заключение дивизионного аттестационного совещания: «Подлежит предупреждению о неполном служебном соответствии».

Особое мнение председателя аттестационного совещания генерал-лейтенанта **Цурикова**: «Подтверждая своё особое мнение прошлого года и вполне соглашаясь с аттестацией командира бригады, нахожу, что полковник **Иолшин**, как не могущий нести никакой ответственной обязанности, не может без вреда для службы оставаться далее на службе, а потому и подлежит не предупреждению о неполном служебном соответствии, а удалению со службы по полному служебному несоответствию.

Генерал-майор (подпись)».

В штаб Виленского военного округа

7 января 1911 г. № 321 на № 3850.

Главный штаб уведомляет, что полковник 2 лейб-драгунского Псковского полка **Иолшин** Высочайшим приказом 30 декабря 1910 г. произведён в генерал-майоры с увольнением от службы с мундиром и пенсией, которая ему может быть назначена лишь по подаче установленного о сём прошения.

В случае подачи прошения о назначении пенсии по истечении 6-месячного срока со дня увольнения пенсия ему будет назначена со дня подачи прошения.

Помощник начальника отдела
действительный статский советник (подпись)

Начальник отделения полковник (подпись)

Докладная записка генерал-майора в отставке **Николая Иолшина**. 12 января 1911 г. № 2, город Сувалки.

Его Превосходительству Генерального штаба генерал-лейтенанту **П.А. Смородскому**.

(Печать) Главный штаб. 17 января 1911 г. № 4998/87

Приписка д.с.с. **Переченскому**. Прошу иметь в виду при разсорт (?) пенсии 16/1)

Прошу ходатайства Вашего Превосходительства об ассигновании и выдаче мне подлежащих пенсионна и эмеритуры из Белостокского цезурного казначейства.

При этом докладываю, что расчёт по предмету вышеозначенного ассигнования, представленный 2 лейб-драгунским Псковским полком 20 января 1910 г. в штаб 2-й кавалерийской дивизии и, направленный затем в Главный штаб, в настоящее время должен быть изменён, так как с того времени и по день отдачи Высочайшего приказа о моём увольнении прошёл почти год, кроме того, в первоначально составленном расчёте было упущено, что время, проведённое мной в запасе, при командировке меня в Южную Африку в 1910 г. было зачтено мне по Высочайшему повелению за действительную службу и что при выдаче мне в мае или июне 1901 г. содержания по должности помощника командира полка по строевой части, за всё время этого пребывания в запасе, то есть с 7 марта 1900 г. и по 25 января 1901 г., с меня было сделано соответственное удержание в эмеритуру, ввиду чего к 30 декабря 1910 г. у меня является для получения эмеритуры, платных не 28 лет 6 месяцев и 24 дня, как было обозначено в первоначальном расчёте-ведомости, по которому предназначалась пенсия из эмеритальной кассы военно-сухопутного ведомства, а 30 лет 4 месяца и 21 день.

Расчёт на содержания за время, проведённое мной в запасе, зачтенном по Высочайшему повелению за действительную службу, был составлен в Главном штабе, откуда и был выслан в 4 лейб-драгунский Псковский полк, в мае или июне 1901 г., соответственный талон на получение мной за вышеозначенное время содержания.

К сему присовокупляю, что я пробыл в Манчжурии с 4 августа 1904 г. по 10 июля 1906 г.

При этом докладываю, что мной был подан отзыв от 3 января сего года за № 1, по команде и по содержанию своему аналогичный с настоящей докладной запиской, но начальник 2 кавалерийской дивизии генерал-лейтенант **Цуриков** не дал ему дальнейшего хода, мотивируя это, как видно из надписи препровождённой в полк начальником штаба 2 кавалерийской дивизии от 8 января 1911 г. за № 115 и данной мне для прочтения, в которой указывается: очевидно, что все необходимые изменения в расчёте пенсий сделаны Главным штабом, иначе им были бы потребованы новые расчёты, но мне известно, что Главный штаб не был извещён начальником 2 кавалерийской дивизии, что я в 1910 г. не был в отпусках без содержания и, полагая это сведение необходимым для пересоставления эмеритальной ведомости, прошу о запросе, если возможно, то по телеграфу – был ли я в отпусках без содержания в 1910 г. и о проверке в Главном штабе вычета с меня в эмеритарную кассу, при выдаче мне в 1901 г. содержания за время с 7 марта 1900 г., по 25 января 1901 г. проведённое в запасе, зачтённом мне по Высочайшему повелению в действительную службу.

Вместе с тем, не располагая никакими денежными средствами, прошу распоряжения Вашего Превосходительства об ускорении в ходе дела по назначению подлежащих мне к выдаче пенсион и эмеритуры.

Генерал-майор в отставке **Иошнин**.

(1 февраля 1911 г. **Иошнину** была назначена пенсия в 430 рублей в год из Государственного и Белостокского казначейств.)

Всепресветлейший Державнейший Великий Государь император **Николай Александрович** Самодержец Всероссийский Государю Всемиловитейший.

Просит уволенный в отставку из 2 лейб-драгунского Псковского Её Императорского Величества Государыни императрицы **Марии Фёдоровны** полка генерал-майор в отставке **Николай Михайлович Иолшин** о нижеследующем:

Высочайшим приказом Вашего Императорского Величества, состоявшимся в 30 день декабря месяца 1910 г., я произведён в генерал-майоры с увольнением от службы, с мундиром и пенсией, и потому Всеподданнейше прошу:

К сему дабы повелено было выдавать мне выслуженную пенсию.

Город Сувалки. Января месяца 26 дня 1911 г. К подаанию надлежит по команде.

Сие прошение со слов просителя печатал **Витольд Кунтис(к)** прошению генерал-майор в отставке **Николай Иолшин** руку приложил.

В Пенсионный отдел Главного штаба

Возвращая настоящую переписку и препровождая дело 1 стола 4 отделения Главного штаба 1900 г. за № 30, в котором заключается Всеподданнейший доклад от 10 января 1901 г. за № 30 о зачете в действительную службу подполковника (ныне генерал-майора в отставке) **Иолшина**, времени пребывания его в запасе по случаю нахождения на театре военных действий в Южной Африке, распорядительная часть Главного штаба просит означенное дело, по миновании надобности, возвратить в архив сего штаба.

Справка § 15 инструкции, объявленной при приказе по военному ведомству 1872 г. за № 35...

25 августа 1911 г.

Копия.

Начальнику штаба Виленского военного округа.

Канцелярии 3 стол (неразборчиво)

9 апреля 1902 г. № 21388

Начальнику штаба Виленского военного округа

Вследствие надписи за № 16672, Главный штаб уведомляет Ваше Превосходительство, что Военный министр отклонил возбуждённые 4 лейб-драгунского Псковского полка подполковником **Иолшиным** ходатайства в сравнении его в чине и старшинстве со сверстниками по Генеральному штабу по переводе его в Генеральный штаб, а также и о зачтении ему за командировки без расходов от казны, с внесением в послужной список некоторых поездок, за исключением времени бытности его с 15 августа по 2 сентября 1890 г. ординарцем у Великого князя **Николая Николаевича Старшего** на Вольнском манёвре, каковая командировка, по документальной её проверке, может быть внесена в послужной список названного штаб-офицера, распоряжением непосредственного его начальства, и о зачете ему в службу времени пребывания его в Южной Африке, каковое ходатайство уже удовлетворено при определении подполковника **Иолшина** на службу запаса в 1901 г.

Подлинное подписал: помощник начальника Главного штаба генерал-лейтенант **Уссаковский**...

Министерство военное. Прикомандированная к канцелярии министерства эмеритальная часть пенсионного отдела Главного штаба

8 октября 1911 г., № 1364, город Санкт-Петербург на № 40, 471 и 54, 105.

В Главный штаб

Положением Военного совета сего 8 октября разрешено отставному генерал-майору **Иолшину** оплатить 6% взносами, в сумме 98 рублей 10 копеек, период пребывания его в запасе с 7 марта 1900 г. по 25 января 1901 г., зачтённый ему, согласно Высочайшего соизволения от 16 января 1901 г. в действительную службу, с выдачей денежного пособия в размере того содержания, которое причиталось бы ему за время пребывания в запасе – по должности помощника командира драгунского полка...

город Белосток Гродненской губернии
отставному генерал-майору **Иолшину**

16 ноября 1911 г. № 71022

Главный штаб уведомляет, что согласно положению Военного совета от 8 ноября 1911 г., Вам ассигнован дополнительный оклад эмеритальной пенсии по 108 рублей к ранее назначенной пенсии по 645 рублей, для составления оклада по 573 рублей в год по числу 30 платных лет, и о производстве этой пенсии из Белостокского казначейства Гродненской казённой палаты сообщено министру финансов.

При выдаче этой пенсии будет удерживаться половина оклада впредь до пополнения девяноста восьми рублей десяти копеек (98 рублей 10 копеек), составляющих 6%-ный вычет из полученного Вами содержания, за время состояния в запасе с правами действительной службы, с 7 марта 1900 г. по 25 января 1901 г.

Помощник начальника отдела
действительный статский советник (подпись).

(27 марта 1913 г. и 9 апреля **Иолшин** вновь обратился с прошением о пересчёте пенсии в связи с утверждением нового положения о пенсиях.

Отставному генерал-майору **Николаю Михайловичу Иолшину**

23 апреля 1913 г.

На основании Высочайше утверждённого 23 июня 1912 г. пенсионного устава Вам переназначена пенсия из Государственного казначейства по семьсот шестьдесят пять рублей 60 копеек (765 рублей 60 копеек) в год с 1 января 1912 г., и о производстве этой пенсии, за установленным вычетом, из Белостокского казначейства Гродненской казённой палаты сообщено министру финансов.

Размер же пенсии из эмеритарной кассы остаётся без изменения.

Пенсия рассчитана Вам в 74% содержания за 33 года службы из окладов жалования по чину полковника 1200 рублей, столовых по должности младшего штаб-офицера по 360 рублей и добавочных по 480 рублей. За 34 года службы пенсия не может быть Вам рассчитана, так всей службы вашей на-

считывается 32 года 3 месяца 29 дней, и с надбавками времени, проведённого в походах против японцев 1 год 4 месяца и в отдалённой местности 3 года 8 дней (время нахождения в командировании к Забайкальскому казачьему войску, надбавки к выслуге на пенсию не даёт), составит всего 33 года 7 месяцев 21 день.

Приложение: копия указа об отставке и два удостоверения.

Помощник начальника отдела действительный статский советник (подпись)

Отставному генерал-майору

Николаю Михайловичу Иолшину.

Город Белосток, 30 мая 1913 г.

От Главного штаба объявляется, что пенсия из государственного казначейства Вам предназначена по 756 рублей 60 копеек, как ошибочно сообщено в объявлении от 25/26 апреля сего года за № 31428.

За помощника начальника отдела полковник (подпись).

(Приведём и последний из пенсионных документов

Иолшина):

В отдел дежурного генерала Главного штаба

По принадлежности

Пенсия генерал-майору **Иолшину** назначена от казны 756 рублей 60 копеек и эмеритуры 573 рубля.

За помощника начальника пенсионного и по службе нижних чинов отдела Главного штаба полковник (подпись)

10 июля 1914 г., № 48294, город Санкт-Петербург.

За начальника 8 отделения полковник (подпись)²⁰⁹.

Приведём и сведения из дальнейшей военной биографии капитана **Потапова:**

Послужной список командира бригады 64-й пехотной дивизии генерал-майора **Алексея Степановича Потапова**

Составлен мая 1916 г.

I. Чин, имя и фамилия

Потапов Алексей Степанович

II. Должность по службе

Командир бригады пехотной дивизии

III. Ордена и знаки отличия

Имеет ордена: Святого Станислава 2 и 3 степени с мечами, Святой Анны 2 и 3 степени с мечами, Святого Владимира 3 степени с мечами, золотое оружие²¹⁰ с надписью «За храбрость».

Медали: серебряную, в память Царствования Императора **Александра III**, серебряную, в память коронования Их Императорских Величеств, тёмно-бронзовую – медаль за труды по первой всеобщей переписи, светло-бронзовую – за поход в Китай в 1900–1901 гг.²¹¹, светло-бронзовую²¹² – за русско-японскую войну 1904–1905 гг. и знак Красного Креста.

IV. Когда родился

17 марта 1872 г.

V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец:

Из дворян²¹³ Санкт-Петербургской губернии.

VI. Какого вероисповедания

Православного.

VII. Где воспитывался

В Императорской Военно-медицинской академии; окончил военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища по 1-му разряду и два класса и дополнительный курс успешно в Николаевской академии Генерального штаба.

VIII. Получаемое на службе содержание

XI. Холост или женат, на ком; имеет ли детей; год, месяц и число рождений детей; какого они и жена вероисповедания.

Женат первым браком на дочери генерал-лейтенанта **Вере Алексеевне Фертовой**. Жена вероисповедания православного; детей не имеет.

XII. Есть ли за ним, за родителями его, или, когда женат, за женой, недвижимое имущество, родовое или благоприобретённое

Не имеет.

XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединёнными с ограничениями в преимуществах по службе, – когда и за что именно; по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке

Не подвергался.

XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии, особые поручения, сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям или от начальства

В походах и делах находился в Китае в Квантунской области и в Приамурском военном округе с 12 ноября 1900 г.

Участвовал в русско-японской войне.

При открытии военных действий находился в Порт-Артуре в распоряжении наместника на Дальнем Востоке.

Участвовал в боях: 27 января, 10, 11 и 12 февраля 1904 г., после чего переведён в Маньчжурскую армию, где пробыл все пять периодов.

Из них первый и второй – при штабе и в отряде генерал-лейтенанта **Косаго**вского, третий – там же и в войсках 4 Сибирского армейского корпуса, четвёртый – в 4 Сибирском армейском корпусе и в отряде генерал-лейтенанта **Флейшера**, пятый – во втором и в 4 Сибирском армейском корпусе и в Люхеджанском отряде и начальником Магюгского отряда в 5-й роте, 10 сотен, 9 команд с артиллерией.

Из Манчжурии выехал морем со 2-й Кубанской пластунской бригадой 25 февраля 1906 г. и прибыл на Кавказ 11 апреля 1906 г.

Состоял руководителем полевой поездки строевых офицеров Приамурского военного округа с 20 июля 1901 г. по 10 июня 1903 г.

Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Манчжурию с 11 по 14 июня 1903 г.

Командирован в город Сеул в Корею 11 августа 1903 г. по 25 января 1904 г.

Состоял членом комиссии по проверке успешности выполнения принятых в офицерской стрелковой школе программ и правильности постановки курса практических занятий с 13 по 20 сентября 1906 г.

Состоял при инженер-генерале **Богаевском** по должности временного генерал-губернатора Южно-горнозаводского района с 11 октября по 12 ноября 1906 г.

Состоял руководителем практических занятий в офицерской стрелковой школе с 2 февраля по 20 сентября 1907 г.

Командирован в город Люблин для участия в тактических занятиях с врачами с 16 по 21 декабря 1907 г.

Командирован в город Гарвалин для участия в большом манёвре в Люблинской и Седлецкой губерниях с 20 по 31 августа 1908 г.

Командирован в город Радом для участия в качестве члена комиссии, наблюдающей за проверочной мобилизацией с 24 по 30 октября 1908 г.

Командирован в город Люблин для участия в специальных занятиях с войсковыми начальниками с 16 по 24 ноября 1908 г.

Командирован в Люблинскую губернию для участия в двух сторонней поездке офицеров Генерального штаба с 20 по 29 мая 1909 г.

Руководителем специальной кавалерийской поездки строевых офицеров 8-й кавалерийской дивизии с 5 по 15 сентября 1909 г.

Участвовал в поездке офицеров Генерального штаба Одесского военного округа в Херсонской и Бессарабской губерниях с 9 по 24 октября 1909 г.

Командирован в город Одессу для участия в тактических занятиях офицеров генерального штаба с 26 ноября по 4 декабря 1909 г.

Участвовал в тактических занятиях с начальниками при штабе 14-й пехотной дивизии с 26 по 30 марта 1910 г.

Руководителем специально-кавалерийской поездки 8-й кавалерийской дивизии с 5 по 15 сентября 1910 г.

Участвовал в корпусной полевой поездке с 18 по 30 сентября 1910 г.

Ранен и контужен не был. В походах и делах в текущую кампанию с 24 февраля 1915 г.

В службе сего генерал-майора не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы или отдаляющей срок выслуги к оному знаку.

И.Д. начальника штаба 64-й пехотной дивизии.

подполковник

Старший адъютант

поручик (подпись)

По указу Его Императорского Величества

Государя императора Самодержца Всероссийского

и прочая, и прочая и прочая...

Предъявитель сего генерал-майор **Алексей Степанович Потапов** имеет ордена: Святого Станислава 2-й и 3-й степени с мечами, золотое оружие с надписью «За храбрость», медали: серебряную – в память Царствования **Александра III**, серебряную – в память коронования Их Императорских Величеств, тёмно-бронзовую – за труды по первой всеобщей переписи, светло-бронзовую – за походы в Китай в 1900–1901 гг., светло-бронзовую – за русско-японскую войну, знак Красного Креста.

Родился 17 марта 1872 г. Из дворян Санкт-Петербургской губернии. Находился в Императорской Военно-медицинской академии, окончил военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища по 1-му разряду и окончил 2 класса и дополнительный курс успешно в Николаевской академии Генерального штаба.

В службу вступил вольноопределяющимся 1 разряда в 47-й пехотный Самарской полк 17 сентября 1891 г. Командирован в Киевское пехотное училище, куда и прибыл, и где переименован в юнкера 30 сентября 1891 г.

Произведён в унтер-офицеры 28 июня 1892 г. Назначен и.д. отделённого начальника 10 сентября 1892 г.; назначен и.д. взводного унтер-офицера 29 сентября 1892 г. Произведён

в младшие унтер-офицеры с оставлением и.д. взводного унтер-офицера 5 декабря 1892 г. Произведён в старшие унтер-офицеры с утверждением в должности взводного унтер-офицера 5 марта 1893 г.

По окончании полного курса наук произведён в подпоручики с определением на службу в 24-ю артиллерийскую бригаду 7 августа 1893 г. со старшинством 4 августа 1892 г. Отправился к месту служения 14 августа 1893 г.

Зачислен в 4-ю батарею сей же бригады, куда и прибыл 23 сентября 1893 г. Назначен заведывающим бригадным лазаретом 1 февраля 1894 г. Назначен и.д. бригадного казначея и квартирмейстером 15 мая 1894 г.

Командирован в Лужицкий уезд Санкт-Петербургской губернии для производства военно-конской переписи 9 мая 1894 г.

Прибыл из этой командировки 1 июля 1894 г. Отчислен от должности бригадного казначея 14 ноября 1894 г. Переведён в 3-ю батарею 20 декабря 1894 г. Отчислен от должности заведывающего бригадным лазаретом 20 декабря 1894 г. Отправился и прибыл в 3 батарею 23 октября 1893 г.

Высочайшим приказом в 4 день февраля тысяча восемьсот девяносто пятого года переведён на службу в 24-й летучий артиллерийский парк 4 февраля 1895 г. Отправился по месту служения 20 апреля 1895 г. Прибыл 24 апреля 1895 г.

Согласно распоряжения Военного министра прикомандирован к лейб-гвардии Волынскому полку для испытания по службе и перевода впоследствии 14 февраля 1896 г. Прибыл в полк и зачислен в 5-ю роту 19 февраля 1896 г.

На основании Высочайшего указа от 26 февраля 1896 г. награждён серебряной медалью на Александровской ленте в память Царствования императора **Александра III** 26 февраля 1896 г.

Переведён в лейб-гвардии Волынский полк с тем же чином 6 мая 1896 г. Со старшинством 7 августа 1893 г.

По выдержании приёмного экзамена зачислен в Николаевскую академию Генерального штаба 8 октября 1896 г.

Произведён в поручики 6 декабря 1897 г. Со старшинством 7 августа 1897 г. По окончании курса 2 классов Академии по 1-му разряду приказом по Генеральному штабу за № 28 переведён в дополнительный курс с предоставлением ему права установленных ст. 52. п. 60 кн. XV 6 В.П. 1896 г. изд. 1869 г. – 1898 г. 20 октября. Дополнительный курс окончил успешно и за отличные успехи в науках произведён в штабс-капитаны 2 июня 1899 г.

Приказом по Генеральному штабу за № 18 отчислен от своей части с прикомандированием для ближайшего ознакомления со службой Генерального штаба в полк к войскам Петербургского военного округа 5 июля 1899 г. На основании ст. 75 кн. XV С.В.П. 1896 г. изд. 1896 г. обязан срочной службой в военном ведомстве за обучение в Академии. При выпуске из академии выдано ему 300 рублей на первоначальное обзаведение лошадью со всей принадлежностью.

Прикомандирован к штабу 1-й гвардейской пехотной дивизии на время лагерного сбора 21 ноября 1899 г.

Назначен в состав командированного в Трансвааль санитарного отряда Российского Общества Красного Креста в качестве агента при уполномоченном Красного Креста и начальнике отряда 21 ноября 1899 г. По перечислении в запас Высочайше разрешено сохранить все права и преимущества по службе при обратном поступлении после окончания возложенного на него поручения; во время же исполнения сего последнего назначено отпускать по 450 рублей в месяц с отнесением сего расхода на интендантскую смету 21 ноября 1899 г. Согласно разъяснения канцелярии Военного министерства, сообщённого отзывом Главного Управления Генерального штаба от 30 июля 1909 г. за № 6982, за время пребывания в запасе с 21 ноября 1899 г. по 12 ноября 1900 г. производились 6% вычеты в эмеритальную кассу, вследствие чего согласно ст. 685 кн. VIII ч. 2. С.В.П. изд. 1902 г. считался участником эмеритальной кассы.

Определён из запаса на службу в лейб-гвардии Волынский полк 12 ноября 1900 г. Приказом по Генеральному штабу

от 23 ноября 1900 г. за № 50 причислен к Генеральному штабу с назначением на службу в Приамурский военный округ 23 ноября 1900 г.

Произведён в капитаны 6 декабря 1900 г. со старшинством 6 мая 1900 г. Назначен начальником эшелона приамурских новобранцев на пароходе добровольного флота «**Кострома**» 17 февраля 1901 г. за № 2307, оставлен временно по делам службы при названном штабе 22 апреля 1901 г.

Прибыл в штаб Приамурского военного округа 12 мая 1901 г. На основании ст. 13 и п. 2. ст. 34 прав., приложенного по приказу по В.В. 1887 г. № 201, три дня службы считаются за четыре, согласно приказа по штабу Приамурского военного округа 1901 г. за № 135, (от) 12 мая 1901 г. награждён орденом Святого Станислава 3-й степени 21 мая 1901 г.

Назначен вр. и.д. обер-офицера для поручений при штабе Приамурского военного округа 14 июля 1901 г.

Прикомандирован к 7-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку для годичного командования ротой 13 сентября 1901 г. Прибыл в полк 9 февраля 1902 г. Принял роту 10 февраля 1902 г.

По окончании командирования ротой откомандирован в город Сеул для исполнения должности военного агента в Корею, куда отправился 11 августа 1903 г., назначен и.д. военного агента в Корею с непосредственным подчинением наместнику 1 октября 1903 г.

Переведён в Генеральный штаб с переименованием в подполковники, с назначением старшим адъютантом штаба войск Забайкальской области 6 декабря 1903 г.

По приказанию наместника Его Императорского Величества на Дальнем Востоке для личного доклада о положении дел в Корее прибыл в Порт-Артур 25 января 1904 г.

Ввиду открывшихся в ночь с 26 на 27 января военных действий, лишённый возможности вернуться в город Сеул, прикомандирован к штабу Квантунской области как и.д. военного агента в Корею 26 января 1904 г.

Назначен и.д. старшего адъютанта штаба военно-окружных управлений 8 февраля 1904 г. Назначен членом комиссии по размещении лагерем проходящих в армию войск 21 апреля 1904 г. Назначен заведующим военной цензурой и корреспондентами.

Командирован в полевой штаб Маньчжурской армии, куда по прибытии 12 июня 1904 г. назначен в распоряжение начальника Ляокейского отряда и командующего Сибирской казачьей дивизией 12 июня 1904 г. Награждён орденом Святой Анны 3 степени с мечами. Возложены обязанности цензора армии независимо от исполнения возложенных ранее обязанностей 16 сентября 1904 г.

Откомандирован от Ляохейского отряда и прикомандирован к штабу главнокомандующего 4 декабря 1904 г. Командирован в распоряжение начальника штаба 1-й Маньчжурской армии для пополнения некомплекта офицеров Генерального штаба в штаб 4 Сибирского армейского корпуса, куда прибыл и прикомандирован 30 декабря 1904 г.

Награждён орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами 27 января 1905 г. Награждён орденом Святой Анны 2-й степени с мечами 25 апреля 1905 г.

Назначен и.д. начальника штаба 5-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, куда и прибыл 29 апреля 1905 г. Назначен штаб-офицером при управлении 2-й Кубанской бригады, куда и прибыл 20 июля 1905 г. Назначен начальником штаба Люхеджанского отряда 20 июня 1905 г.

Утвержден в должности штаб-офицера при Управлении 2-й Кубанской пластунской бригады 17 сентября 1905 г. За расформированием Люхеджанского отряда оставлен штаб-офицером при управлении 2-й Кубанской пластунской бригады 20 октября 1905 г. За расформированием 2-й Кубанской бригады командирован в Войсковой штаб Кубанского казачьего войска 1 мая 1906 г.

Прикомандирован к Главному управлению Генерального штаба 1 июля 1906 г.; как оставшийся за штатом до назначения на штатную должность прикомандирован к

штабу Кавказского военного округа с производством содержания согласно приказа Военного ведомства 1905 № 660 – 2 июля 1906 г.

Утверждено пожалование ордена Святой Анны 2-й степени с мечами за боевые отличия 17 декабря 1906 г.

Назначен и.д. начальника штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии 14 апреля 1907 г. Прикомандирован к лейб-гвардии гренадёрскому полку на 4 месяца для цензового командования батальоном, куда отправился 6 мая 1907 г. Сдал батальон и откомандирован к штатному месту служения 26 сентября 1907 г.

Назначен начальником штаба 2-й пехотной дивизии 18 сентября 1907 г. Прибыл к новому месту служения 26 ноября 1907 г.

Командирован в 38-ю артиллерийскую бригаду для ознакомления с технической стороной артиллерийской службы 21 мая 1908 г. Прибыл из командировки 31 июля 1908 г.

Командирован в 7-й гусарский Белорусский полк для ознакомления с обязанностями кавалерийской службы 13 сентября 1908 г. Прибыл из командировки 30 сентября 1908 г.

Произведён в полковники 6 декабря 1908 г. Прикомандирован в Главное управление Генерального штаба 11 июля 1909 г.

Прибыл из командировки 10 августа 1909 г.

Назначен начальником штаба 8 кавалерийской дивизии 31 июля 1909 г. Отправился к новому месту служения 19 августа 1909 г. Прибыл к месту служения 21 августа 1909 г.

Награждён золотым оружием с надписью «За храбрость» 4 ноября 1909 г.

Назначен начальником штаба 47 пехотной дивизии и впредь до отправления к новому месту служения находился в прикомандировании к штабу 8 кавалерийской дивизии 8 февраля 1911 г. Отправился к новому месту служения 27 июля 1911 г. Прибыл к месту служения 2 августа 1911 г.

Командирован в город Пензу для участия в комиссии по проверке мобилизационной готовности 8 октября 1911 г. Прибыл из командировки 19 октября 1911 г.

Командирован в город Казань для присутствия на разборе отчёта комиссии 15 декабря 1911 г. Прибыл из командировки 20 декабря 1911 г.

Высочайшим приказом 16 августа 1912 г. произведён в генерал-майоры с увольнением по болезни, от службы с мундиром и пенсией: из государственного казначейства по одной тысяче пятисот двенадцати /1512/ рублей в год.

В гражданской службе и по выборам дворянства не служил. Всеподданнейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал.

В отпусках был: в 28-дневном, с сохранением содержания с 14 августа до 17 сентября 1893 г.; в 2-х месячном – с 12 февраля по 7 апреля 1895 г.; в 4-х месячном академическом отпуске за границу с 11 сентября 1901 по 19 января 1902 г. Просрочил на 8 дней, просрочка признана уважительной; в 10-дневном с 1 по 12 апреля 1908 г.; 13-дневном – с 1 октября, разрешено продлить до 27 октября. Прибыл из отпуска 27 октября 1908 г.; в 4-х месячном, по болезни, за границу, с сохранением содержания 12 марта 1909 г., до окончания разрешённого ему отпуска распоряжением начальника Генерального штаба задержан при Главном управлении Генерального штаба 11 июля 1909 г. Прибыл из отпуска 19 августа 1909 г.; в 28-ми дневном – с 7 февраля 1910 г. Прибыл из отпуска 12-ю днями раньше срока 23 февраля 1910 г.; в 2-х месячном – с 23 ноября по 15 декабря 1910 г.; в 12-ти дневном – с 8 по 23 февраля 1911 г.; в 4-х месячном, по болезни, за границу с 9 марта по 9 июня 1911 г.; в 14-ти дневном с 22 сентября по 6 октября 1911 г.; в 9-ти дневном с 25 декабря 1911 г. по 4 января 1912 г.; отпуск продлён на 5 дней с 5 января по 9 января 1912 г. Больным в отпуску с 10 января по 10 февраля 1912 г. Отпуск продлён на 12 дней с 11 февраля по 22 февраля 1912 г. Больным в отпуску с 23 февраля по 22 апреля 1912 г. С 23 апреля по 4 мая 1912 г. с 5 мая по 18 мая 1912 г.; с 19 мая по 7 июня 1912 г. уволен в отпуск впредь до увольнения в отставку. На основании Высочайшего повеления, последовавшего в 21 день ноября 1899 г. был коман-

дирован в южноафриканские республики агентом для участия в военных действиях англо-бурской войны с 21 ноября 1899 г. по 12 ноября 1900 г. За время пребывания в Южной Африке во время боёв был взят в плен англичанами, но, как агент нейтральной державы, освобожден и возвращался к бурским войскам. В походах и делах находился в Китае в Квантунской области и в Приамурском военном округе с 12 ноября 1900 г. до конца похода. Участвовал в русско-японской войне. При открытии военных действий находился в Порт-Артуре в распоряжении наместника на Дальнем Востоке, участвовал в боях: 27 января, 10, 11 и 12 февраля 1904 г., после чего переведён в Маньчжурскую армию, где пробыл все 5 периодов. Из них 1 и 2-й при штабе армии и в отряде генерал-лейтенанта **Косаговского**, 3-й там же и в войсках 4 Сибирского армейского корпуса, 4-й в 4-м Сибирском армейском корпусе и в отряде генерал-лейтенанта **Флейгнера**, 5-й во 2-м и 4-м Сибирском армейском корпусе и в Люхеджанском отряде и начальником Малюгоузского отряда в 5 рот, 10 сотен 9 команды с артиллерией. Из Манчжурии выехал морем со 2-й Кубанской пластунской бригадой 25 февраля 1906 г. и прибыл на Кавказ 11 апреля 1906 г. Состоял руководителем полевой поездки офицеров Приамурского военного округа с 20 июня по 30 июля 1901 г., с 1 по 10 июня 1903 г. Участвовал в полевой поездке офицеров Генерального штаба в Манчжурии 11 по 14 июня 1903 г. Командирован в город Сеул в Корею с 11 августа 1903 г. по 25 января 1904 г., состоял членом комиссии по проверке успешности выполнения принятых в офицерской стрелковой школе программ и правильности постановки курса практических занятий с 13 по 20 сентября 1906 г. Состоял при инженер-генерале **Богаевском** по должности временного генерал-губернатора Южно-горнозаводского района с 11 октября по 12 ноября 1906 г. Состоял руководителем практических занятий в офицерской стрелковой школе со 2 февраля по 20 сентября 1907 г. Командирован в город Люблин для участия в тактических занятиях с вра-

чами с 16 по 21 декабря 1907 г. Командирован в город Гарвалин для участия в большом манёвре в Люблинской и Седлецкой губерниях с 20 по 31 августа 1908 г. Командирован в город Радом для участия в качестве члена комиссии, наблюдающей за проверочной мобилизацией, с 24 по 30 октября 1908 г. Командирован в город Люблин для участия в специальных занятиях с войсковыми начальниками с 16 по 24 ноября 1908 г., командирован в Люблинскую губернию для участия в двухсторонней поездке офицеров Генерального штаба с 20 по 29 мая 1909 г. Руководителем в специально-кавалерийской поездке строевых офицеров 8 кавалерийской дивизии с 5 по 15 сентября 1909 г. Участвовал в поездке офицеров Генерального штаба Одесского военного округа в Херсонской и Бессарабской губерниях с 9 по 24 октября 1909 г. Командирован в город Одессу для участия в тактических занятиях офицеров Генерального штаба с 26 ноября по 4 декабря 1909 г. Участвовал в тактических занятиях с начальниками при штабе 14-й пехотной дивизии с 26 по 30 марта 1910 г. Руководителем в специально-кавалерийской поездке 8 кавалерийской дивизии с 5 по 15 сентября 1910 г. Участвовал в корпусной полевой поездке с 18 по 30 сентября 1910 г.

Женат первым законным браком на дочери генерал-лейтенанта **Вере Алексеевне Фертовой**. Жена вероисповедания православного. Имения родового или благоприобретённого за ним, родителями или женой не состоит. Взысканиям, соединённым с ограничением по службе, не подвергался. В службе сего генерал-майора **Потапова** не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия беспорочной службы, или отдаляющих срок выслуги к оному, в чём подпиской (?) с приложением казённой печати удостоверяю.

Город Саратов. октября 18 дня 1912 г.

В этом указе подчисток и поправок нет.

Начальник 47-й пехотной дивизии генерал-лейтенант

Болотов (?)

Начальник штаба (неразборчиво)

(печать штаба 47-й пехотной дивизии)
 (печать Санкт-Петербургской столичной полиции
 1 участка Петербургской части.

Выдан вид на жительство с припиской от генерал-майора
Алексея Степановича Потапова,
 № 330, 13 марта 1913 г.)

IX. Прохождение службы

Когда в службу вступил и произведён в первый офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам: переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением; по какому случаю: по воле начальства или по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды: чинами, орденами, знаками отличия, Всемилостивейшие рескрипты, Высочайшие благоволения.

Высочайшим приказом 8 декабря 1914 г. определён на действительную службу с назначением в резерв чинов при штабе Двинского военного округа с зачислением по армейской пехоте со старшинством 8 декабря 1914 г. Прибыл в резерв 23 декабря 1914 г.

Приказом по округу № 188 назначен наблюдающим за командами выздоравливающих округа 12 февраля 1915 г.

Командирован для командования Мемельским отрядом на правах начальника дивизии и вступил в командование 24 февраля 1915 г.

Пр. Округу № 365 секр. Мемельский отряд обращён в отряд генерала **Потапова** на прежних правах начальника дивизии 18 марта 1915 г.

Ввиду временного подчинения частей отряда в оперативном подчинении разным начальникам назначен в распоряжение командира 19 армейского корпуса и начальника Риги-Шавельского района с сохранением содержания по прежней должности (телеграмма штаба 19 армейского корпуса за № 5124 и 5342, 19 мая (1915 г.).

Телеграммой штаба X-й армии № 6388 командирован в крепость Ковно²¹⁴ для командирования бригадой 68 пехотной дивизии 30 мая 1915 г.

Состоял временным членом Двинского военно-окружного суда по делу о соучастниках государственного преступника **Мясоедова**²¹⁵ с 1 по 15 июля (1915 г.).

Согласно телеграммы начальника штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта за № 17056 командирован в распоряжение коменданта Новогергиевской крепости отп. 18 июня. воз. 28 июля (1915 г.).

Согласно телеграмме дежурного генерала штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта за № 18470 командирован в крепость Гродно в распоряжение начальника штаба X-й армии для назначения командиром бригады 104 пехотной дивизии 28 июля 1915 г.

Прик. Двинского военного округа отряд, образованный приказом № 365 секр. расформирован 3 августа 1915 г.

Согласно телеграммы дежурного генерала штаба главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта за № 20320 назначен в распоряжение командующего X-й армией 18 августа 1915 г.

Предписанием командующего X-й армией от 10 августа за № 8862 назначен начальником отряда в составе 6 и 9 Сибирских казачьих полков 404 дружины и полубатареи 15 ополченской батареи (приказ X-й армии № 45) 16 августа 1915 г.

Согласно представления командующего X-й армией от 22 августа за № 5090-463 и телеграммы дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего Западным фронтом за № 22486 назначен начальником отдельной Сибирской казачьей бригады из 6 и 9 полков 12 сентября 1915 г.

С присоединением к отдельной Сибирской казацкой бригаде 4 и 5 Сибирских казачьих полков и с образованием, согласно приказа начальника штаба Верховного главнокомандующего от 23 октября, дивизии; приказом по коннице № 3358 назначен командующим Сибирской казачьей дивизией 23 октября 1915 г.

Согласно приказа I-й армии за № 1438 сдал командование дивизией назначенному и прибывшему начальнику дивизии и вступил во временное командование бригадой 24 ноября 1915 г.

Приказом главнокомандующего западным фронтом от 5 января 1916 г. за № 2785 допущен к командованию бригадой 64 пехотной дивизии с 22 декабря 1915 г.

Согласно предписания начальника Сибирской казачьей дивизии от 17 января 1916 г. за № 479 отправился к новому месту служения 18 января 1916 г.

Высочайшим приказом 18 января 1916 г. назначен командиром бригады 64-й пехотной дивизии 18 января 1916 г.

Вр. и.д. начальника штаба 38 армейского корпуса (телеграмма штаба X-й армии № 6(?)2553 с 20 марта по 1 мая 1916 г.

Высочайшим приказом, состоявшимся в 18-й день марта 1916 г., за отличия в делах против неприятеля награждён орденом Святого равноапостольного князя Владимира 3-й степени с мечами 18 марта 1916 г.

В гражданской службе и по выборам дворянства не служил.

Всемилоостивейших рескриптов и Высочайших благоволений не получал.

И.д. начальника штаба Двинского военного округа на театре военных действий, генерал-майор (подпись) (печать: штаб Двинского военного округа на театре военных действий)²¹⁶.

Итак, **Потапов Алексей Степанович** окончил Константиновское военное училище (Киевское пехотное юнкерское училище)²¹⁷ в 1893 г. и Императорскую Николаевскую военную академию в 1899 г по 1 разряду... Православный. В службе с 1891 г. Выпущен в 24-ю артиллерийскую бригаду и лейб-гвардии Волынский полк. Состоял при Приамурском военном округе. Участник подавления боксёрского восстания в Китае 1900–1901. Старший адъютант штаба войск Забайкальской области (06.12.1903–17.09.1905). Участник русско-японской войны 1904–

Русский доброволец Александр Иванович Гучков.

С марта 1917 г. – военный министр в первом составе Временного правительства

1905. Штаб-офицер при управлении 2-й Кубанской пластунской бригады (17.09.1905–14.04.1907). И.д. начальника штаба 2-й Кавказской казацкой дивизии (14.04.1907–18.09.1907). Начальник штаба 2-й пехотной дивизии (18.09.1907–31.07.1909). Начальник штаба 8-й кавалерийской дивизии (31.07.1909–08.02.1911). Начальник штаба 47-й пехотной дивизии (с 08.02.1911). 16.08.1912 произведён в генерал-майоры с увольнением от службы по болезни с зачислением в ополчение по Петербургской губернии. Во время мировой войны принят из отставки в чине генерал-майора. Состоял в резерве чинов при штабе Двинского военного округа (с 08.12.1914). Командир бригады 64-й пех. дивизии (назначен между 01.01. и 01.03.1916; на 08.1916 в должности). Награждён орденом Святого Георгия 4-й степени (Высочайший приказ 15.08.1916). Член Военной комиссии Временного комитета Государственной думы с 01.03.1917, помощник председателя комиссии **А.И. Гучкова**. 04.03.1917 генерал **Потапов** стал председателем Военной комиссии. В начале 04.1917 оставил должность²¹⁸...

Штабс-капитан **Алексей Степанович Потапов**, пехотинец по военному образованию, выпускник Николаевской академии Генерального штаба, был послан в Трансвааль в качестве неофициального военного агента, причём его формально на время поездки уволили с военной службы, а после возвращения из командировки не только приняли назад, но и с 6 декабря 1900 г. произвели в капитаны, а срок командировки включили в действительную военную службу. Позднее он служил на Дальнем Востоке и активно участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. Ушёл в отставку по здоровью в 1912 г. в чине полковника с производством в генерал-майоры. С 1914 г. – вновь на службе. В начале 1916 г. командовал корпусом в 64 пехотной дивизии.

В списках генералов по старшинству на 10 июля 1916 г. (С. 187) значится генерал-майор **Потапов Алексей Степанович** – командир бригады 67 пехотной дивизии (с 18 января 1916 г.). В списках по старшинству генералам на 1917 год **Потапов Алексей Степанович** значится в резерве чинов при

штабе Киевского военного округа (14 января 1917 г.), генерал для поручений при военном министре (4 марта 1917 г.). Находился на время войны в распоряжении Военного министра (20 марта 1917 г.). В резерве чинов при штабе Петроградского военного округа (20 июня 1917 г.). Был награждён орденами: Святого Владимира 3 степени с мечами (18 марта 1916 г.), Святого Георгия 4 степени (15 августа 1916 г.), Святого Станислава 1 степени с мечами (14 апреля 1917 г.)²¹⁹.

Судьба генерала **Потапова** после июля 1917 г. пока не выяснена²²⁰.

Сапёр по специальности капитан **Виктор Тимофеевич Айп**, единственный из военнослужащих со столь редкой фамилией, находившийся в то время на действительной военной службе и написавший небольшую пробурскую книгу «Война Англии с бурами». (Его личное дело, где ничего не сказано о его пребывании в Трансваале и Оранжевом Свободном Государстве, приводится ниже). Но он, судя по разысканным архивным документам, в Южной Африке якобы никогда не был:

Послужной список Сибирского воздухоплавательного
батальона подполковника **Айпа**
Составлен 26 января 1911 г. – 1914 год.

Чин, имя, отчество и фамилия	Подполковник Виктор Тимофеевич Айп
Должность по службе	Помощник командира батальона по строевой части
Ордена и знаки отличия	Имеет ордена: Святой Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава и Святой Анны 3 степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2 степени с мечами. Медали: серебряную в память царствования императора Александра III и светло-бронзовую медаль – в память русско-японской войны 1904–1905 гг.
Когда родился	11 марта 1871 г.
Из какого звания происходит	Сын личного дворянина

и какой губернии уроженец	С.- Петербургской Губернии
Где воспитывался	Окончил курс в техническом училище Морского ведомства и окончил военно-училищные курсы Киевского пехотного юнкерского училища по 1 разряду и курсы офицерского класса учебного Воздухоплавательного парка по 1 разряду.
Какого вероисповедания	лютеранского.
Национальность	русский
Жена уроженка города Твери	
Получаемое по службе содержание	Жалования 1344 рублей Столовых 780 рублей Амурских суточных, добавленных за выслугу 5 лет в Приамурском крае, 270 рублей Разного рода добавочное содержание 480 Итого: 2784 рублей в год Кроме того, квартирных по положению и фуражное довольствие на одну верховую лошадь
На службу поступил 20 сент. 1890 г.	1892 г. 76 пех. Кубанск. полк с прикомандированием в 7-й сапёрный батальон 1893-1896 гг. в 7-м сапёрном 1896-1897 г. в учебном воздухоплавательном парке 1897-1898 гг. в Варшавском крепостном воздухоплавательном отделении 1898-1902 гг. в Кронштадтской сапёрной роте 1902-1903 гг. в 5 м Понтонном батальоне 1904-1910 гг. в 3-м Восточно-Сибирском сапёрном батальоне 1910-1914 гг. в Сибирском воздухоплавательном батальоне...
Подпоручиком, 4 августа 1892 г. Со старшинством, 5 августа 1892 г. Поручиком, 1 августа 1896 г. Со старшинством, 5 декабря 1893 г. Штабс-капитаном, 1 августа 1900 г. Со старшинством, 6 мая 1904 г. Капитаном, 3 июля 1904 г. Со старшинством, 3 августа 1903 г. Подполковником, 22 августа 1910 г. Высочайшим приказом от 30 марта 1914 г. назначен командиром Сибирской воздухоплавательной роты	

Настоящий листок составлен 6 мая 1914 г.

Послужной список Сибирского воздухоплавательного батальона подполковника **Айпа**

...Полевая служба: в походах и делах во время русско-японской войны с 9 апреля 1904 по 3 октября 1905 г. С 27 июля 1904 г. при устройстве сети телеграфного и телефонного сообщения на позициях близ города Симучена в Манчжурии упал вместе с лошадью. Ушиб правой стороны грудной клетки, крестца и правой подвздошной кости, сопровождается шоком. Кровоизлияние под подрёберную плевру. Ордена: Святой Анны 2й степени с надписью «За храбрость», Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом, Святой Анны 3 степени с мечами и бантом, Святого Станислава 2 степени с мечами.

Командный ценз 5 лет 7 месяцев.

Аттестация (секретно)

Старательный, трудолюбивый, знает службу и проникнут в полной мере воинским духом, дисциплинирован, сумеет всякого поставить на своё место, поддерживать дисциплину как в нижних чинах, так и в офицерах.

Хороший строевик, но вследствие потери ступни на четверть выше косточек на правой ноге от гангрены, не может долго ходить, особенно быстро, верхом же ездит хорошо и может долго держаться в седле, не уставая. Хороших умственных способностей, начитан и много читает по военным специальным вопросам не только по-русски, но и на немецком и французском языках. Пользуется авторитетом у офицеров батальона за свои знания и начитанность. Честный, прямой иногда до резкости, добрый человек, хороший товарищ, не вспыльчивый, увлекающийся, впечатлительный. Его доклады надо взвешивать, так как под влиянием минуты он может осветить обстановку крайне односторонне и через некоторое время можно услышать от него об одном и том же совершенно другое мнение. Хороший семьянин, живёт скромно, жалования ему хватает, посторонних средств не имеет. Пристрастия у него к спиртным напиткам нет. В азартные игры не играет. В общем, хороший офицер и достоин выдвижения на долж-

ность командира отдельной воздухоплавательной или сапёрной роты по старшинству.

П.П.Командующий батальоном подполковник **Крицкий**.

Верно: адъютант Сибирской воздухоплавательной роты поручик **Марцинов**.

7 мая 1914 г.

Село Спасское Приморской области...

Настоящий листок составлен 6 мая 1914 г., причём сведения о прохождении службы проверены по Высочайшим приказам полученным до 30 апреля 1914 г.

Командир роты подполковник **Айп** читал 8 мая 1914 г.

Подпись (**Айп**)

(Ещё раз подчеркнем сведения из аттестации: Хороших умственных способностей, начитан и много читает по военным и специальным вопросам не только по-русски, но и на немецком и французском языках. Пользуется авторитетом у офицеров батальона за свои знания и начитанность... (лица, знавшие немецкий язык как иностранный могли очень быстро начать вполне сносно объясняться с бурами, говорившими на упрощённом диалектном голландском. – *Прим. авт.-сост.*)

Прохождение службы.

Поручиком 1896 августа 1.

(Он дважды успешно сдавал экзамены в Николаевскую академию Генерального штаба, но не прошёл по конкурсу – *Прим. авт.-сост.*)

Командирован в город С.-Петербург в учебный Воздухоплавательный парк для прохождения курса 1896 г. ноября 25.

Переведён в Кронштадтскую крепостную сапёрную роту 1898 ноября 20.

Назначен обучающим в подрывном классе ротной школы 1898 ноября 20.

Назначен заведывающим оружием роты 1899 августа 25.

Штабс-капитаном 1900 августа 1... (курсив авт.)²²¹

Назначен на формирование 3 Восточно-Сибирского сапёрного батальона 1904 января 21 <...>

Высочайшим приказом переведён в 3-й Восточно-Сибирский сапёрный батальон 1904 марта 21.

Капитаном 1904 июля 3.

Командующим Маньчжурской армией, за отличие в боях против японцев 17 и 18 июля 1904 г. награждён орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» 1904 сентября 4.

Главкомандующим Маньчжурскими армиями за отличия, оказанные в боях пол Ляоляном с 13 по 25 августа 1904 г., награждён орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом 1904 ноября 3.

Командующим 1-й Маньжурской армией, за отличия против японцев в боях с 24 августа по 5 октября 1904 г., награждён орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом 1904 ноября 29.

Назначен командиром военно-телеграфной роты 1905 января 2 <...>

Командующим 1 Маньжурской армией за отличия, оказанные одновременно в делах против японцев, награждён орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами 1905 октября 30.

...переведён в 1 Сибирский воздухоплавательный батальон и произведён в подполковники 22 августа 1910 г..

Высочайшим приказом от 30 марта 1914 г. назначен командующим Сибирской воздухоплавательной ротой.

В отпусках: в 2-х месячном с сохранением содержания с 1 декабря 1893 по 1 февраля 1894 г. Возвратился в срок.

В 15-дневном отпуску с сохранением содержания с 9 июня 1894 г. по 23 июля 1894 г.

В 2-х месячном по болезни с 17 июля 1902 по 7 августа 1902 г.

В 3-х недельном с сохранением содержания 26 января по 14 февраля 1903 г.

В 4-х месячном по болезни с сохранением содержания с 21 июля 1903 г. по 21 августа 1903 г.

В 28-дневном с сохранением содержания с 1903 ноября по 12 декабря <...>

Женат первым законным браком на дочери священника Владивостокской епархии девице **Антонине Дмитриевне Кузнецовой**. Детей не имеет.

Не имеет недвижимого имущества.

Не подвергался наказаниям или взысканиям.

26 января, крепость Владивосток²²².

Приведём и личное дело инженер-капитана **Щеглова**:

Военный инженер генерал-майор **Владимир Иванович Щеглов**.

Начальник инженеров Ивангородской крепости.

Имеет ордена: Святого Владимира 3 степени, Святой Анны 2-й и 3-й степени и медали: серебряную – в память царствования императора **Александра III** и светло-бронзовую медаль в память 300-летия царствования Дома **Романовых**.

Родился 15 февраля 1864 г.

Сын поручика Тульской губернии.

Исповедания православного.

Где воспитывался.

В Псковском кадетском²²³ корпусе.

В Николаевском инженерном училище и Николаевской инженерной академии; в последних двух окончил курс по 1-му разряду.

Продолжение службы.

В службу вступил по окончании полного курса в Псковском кадетском корпусе, в Николаевское инженерное училище юнкером рядового звания 31 августа 1882 г.

Произведён в унтер-офицерское звание 26 февраля 1883 г.

Произведён в старшие портупей-юнкера 26 ноября 1884 г.

Высочайшим приказом, отданным в седьмой день августа тысячу восемьсот восемьдесят пятого года, произведён в подпоручики в 6-й сапёрный батальон 7 августа 1885 г.

Со старшинством – 12 августа 1883 г.

На основании статьи 183 устава о воинской повинности статьи 345 кн. XV Св. Воен. пост. изд. 2 1860 г. по второму продолжению обязан прослужить на действительной службе четыре с половиной года за каждый учебный год, проведённый в училище.

Переведён в распоряжение Главного инженерного управления для отправления к месту службы 12 августа 1885 г.

Прибыл к батальону 19 сентября 1885 г. Вр. н.д. батальонного казначея с 9 августа по 8 сентября 1886 г.

Делопроизводителем батальонного суда 11 августа 1886 г.

Заведывающий швальной²²⁴ батальона 11 августа 1886 г.

Изъявил желание держать экзамен на поступление в Николаевскую академию 22 марта 1887 г.

Освобождён от занятий в батальоне 1 мая 1887 г.

Сдал должность делопроизводителя батальонного суда 12 августа 1887 г.

Сдал должность заведывающего батальонной швальни 13 августа 1887 г.

Командирован в Петербург для держания экзамена на поступление в Николаевскую инженерную академию 17 августа 1887 г.

Прибыл в академию 1 сентября 1887 г.

По выдержании приёмного экзамена зачислен в младший класс академии 27 октября 1887 г.

Приказом по инженерному корпусу за № 29, прикомандирован к академии 29 октября 1887 г., на вакансию произведён в поручики 27 июля 1888 г.

Со старшинством – 12 августа 1887 г.

Переведён в старший класс академии 16 ноября 1888 г.

Окончил академию по 1-му разряду и переведён в дополнительное отделение старшего класса академии с правом ношения академического знака 23 октября 1889 г.

На основании ст.62, кн. XV Св. воен. пост. по 3-му продолжению произведён в штабс-капитаны 5 ноября 1880 г.

По окончании полного курса академии, на основании Св.

воен. пост. 1869 г. кн. XV ст.76, причислен к 1-му разряду с назначением на службу в инженерный корпус и отправлен в распоряжение главного Инженерного управления 22 мая 1890 г.

Приказом по инженерному корпусу 1890 г. за № 15 назначен в распоряжение начальника инженеров Киевского военного округа, куда и отправился 2 июля 1890 г.

Высочайшим приказом, состоявшимся в 14-й день июня, переведён в военные инженеры 14 мая 1890 г.

Приказом по Киевскому окружному инженерному управлению 1890 г. за № 101 назначен в Курскую инженерную дистанцию 27 июня 1890 г., куда отправился 2 июля 1890 г.

Прибыл к месту служения 9 июля 1890 г.

Приказом по инженерному корпусу от 4 февраля 1891 г. за № 6 переведён в распоряжение начальника инженеров Петербургского военного округа, куда отправился 1 марта 1891 г.

Приказом по Окружному инженерному управлению Петербургского военного округа за № 14 зачислен по спискам и на довольствие содержанием в Санкт-Петербургское крепостное инженерное управление 5 марта 1891 г.

Приказом по тому же управлению № 33 переведён в Петергофскую инженерную дистанцию 5 мая 1891 г.

Прибыл и зачислен по спискам дистанции 5 мая 1891 г.

Высочайшим приказом в 28-й день марта 1893 г. произведён в капитаны на основании Св. воен. п. 1869 г. кн. VII ст. 337. 28 марта 1893 г.

Всемилоостивейше награждён орденом Святого Станислава 3-й степени 6 декабря 1895 г.

Пожалована серебряная медаль на Александровской ленте в память царствования императора **Александра III** 17 марта 1896 г.

Согласно приказов по Окружному инженерному управлению Петербургского военного округа за № 12 и 15 вр. и.д. начальника Петергофской инженерной дистанции с 7 февраля по 13 февраля 1890 г.

Приказом по военно-инженерному ведомству от 8 апреля 1899 г. за № 8 назначен репетитором Николаевской инженерной академии и училища по предмету фортификации 8 апреля 1899 г. по тому же управлению за № 42, вр. н. д. начальника Петергофской инженерной дистанции с 14 по 18 мая 1899 г., исключен из списков Петергофской инженерной дистанции 29 мая 1899 г.

Прибыл в академию и училище 1 июня 1899 г.

Назначен н.д. штатного преподавателя академии и училища по предмету фортификации 6 апреля 1900 г.

Главным начальником инженеров утверждён штатным преподавателем академии и училища по предмету фортификации 25 апреля 1899 г.

Высочайшим приказом на основании св. воен. пост. 1869 г. кн. VII ст.337 произведён в подполковники 1 января 1901 г.

Со старшинством – с 6 декабря 1900 г.

Всемилоостивейше пожалован орденом Святой Анны 3-й степени 6 декабря 1901 г.

Инженерный комитет Главного инженерного управления на основании §19 Положения об издании Инженерного журнала, статью «История развития полевой фортификации в XIX веке²²⁵», помещённую в Инженерном журнале за 1902 г., считать достойной 2-й премии в 300 рублей, о чём объявлено по Военно-инженерному ведомству 1903 г. № 11 12 мая 1903 г.

Всемилоостивейше пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени 15 июня 1903 г.

Высочайшим приказом в 6-й день декабря 1904 г. за отличие по службе произведён в полковники.

Всемилоостивейше награждён орденом Святой Анны 2-й степени 6 декабря 1907 г.

Высочайшим приказом назначен начальником инженеров Выборгской крепости 24 сентября 1909 г.

Предписано отправиться к новому месту служения 30 сентября 1909 г.

Исключён из списков академии и училища 29 сентября 1909 г.

На основании статьи 2612 пункт 3 и ст. 201 п. II кн. VIII св. воен. пост. 1869 г. изд. 2-е, за службу в Николаевской инженерной академии и училище с 1 июня 1899 г. по 30 сентября 1909 г., принимая 5 лет за 7 лет, добавляется к общей службе четыре года, один месяц и семнадцать дней.

Прибыл и зачислен в списки Управления 10 октября 1909 г.

Согласно предписания Главного инженерного управления от 9 марта 1910 г. за № 4439 с разрешения Военного министра командирован за границу в Германию, Францию и Англию, для сопровождения Августейшего генерал-инспектора артиллерии, куда отправился 17 марта 1910 г.

Возвратился 15 апреля 1910 г.

Приказом по войскам гвардии и Петербургского военного округа от 25 марта 1911 г. за № 18 назначен наблюдающим в техническом отношении по постройке казарм войсковыми комиссиями Финляндии: Экенесской, Рихимякской, Гельсингфорской, Лахтисской, Куовольской и Выборгской 18 марта 1910 г.

Всемилоостивейше награждён орденом Святого Владимира 3-й степени.

3 мая 1910 г. вр. н.д. коменданта Выборгской крепости с 6 октября (с перерывами) по 1 декабря 1910 г.

Всемилоостивейше пожалованы золотые, с таковой же цепочкой, часы с изображением государственного герба из кабинета Его Императорского Величества²²⁶, по удостоверению заведывающего камеральной частью кабинета Его Величества за № 1656 11 января 1911 г.

Вр.н.ж. коменданта Выборгской крепости (в январе-марте 1911 г.).

Находился в крепостной поездке со строевыми офицерами в окрестностях города Выборга под руководством коменданта Выборгской крепости генерал-лейтенанта **Петрова** (приказ по Выборгской крепости, 1911 год, № 5361 со 2 по 11 июня).

Вр. н.д. начальника Выборгского гарнизона с 31 июля по 3 августа 1911 г.

Вр.н.д. коменданта Выборгской крепости с 31 июля по 3 августа и с 18 августа по 19 августа 1911 г.

Командирован в город Ревель на основании секретного предписания Главного управления Генерального штаба от 18 октября 1911 г. за № 5763 27 октября 1911 г.

Возвратился из командировки 29 марта 1912 г.

Высочайшим приказом от 3 апреля 1912 г. произведён за отличие по службе в генерал-майоры с назначением начальником инженеров Ивангородской крепости 3 апреля 1912 г.

Секретным предписанием Главного инженерного управления за № 286, 1912 г. командирован в город Ревель 27 апреля 1912 г.

Прибыл из командировки 2 мая 1912 г.

Отправился к новому месту служения 9 сентября 1912 г.

Предписанием начальника инженеров Варшавского военного округа за № 1173 о командировании в город Ревель 2 октября 1912 г.

(далее неразборчиво – медаль в честь 300-летия **Дома Романовых**) 15 мая 1913 г.

Приказом по Военно-инженерному ведомству за № 33 назначен строителем морской крепости императора **Петра (?) Великого** с прикомандированием к Морскому ведомству 27 августа 1913 г.

По выборам не служил.

Всемилоостивейших рескриптов и Высочайших Благоволений не получал.

В отпусках был. В 4-х месячном, с сохранением содержания на основании ст. 60 кн. XV св. воен. пост. 1860 г. по 3 продолжению с 16 октября 1890 по 16 февраля 1891 г. Явился в срок.

В бессрочном отпуске, для использования как по роду оружия, в запасе и отставке не был.

Женат первым браком на дочери протоирея девице **Софии Платоновне Карашевич**, уроженке Санкт-Петербургской губернии, у них дети: сын **Юрий** – родился 3 августа 1898 г. и

дочери: **Наталья** – родилась 6 мая 1900 г. и **Надежда** – родилась 27 декабря 1906 г.

Жена и дети вероисповедания православного.

Недвижимости не имеет. За женой в совместном владении с сестрой дома в Ораниенбауме.

Наказаниям не подвергался.

В походах не был.

Командирован по Высочайшему повелению, состоявшемуся в 29-й день апреля 1900 г. на театр военных действий в Южную Африку в качестве помощника военного агента на стороне южноафриканских республик, в каковую командировку отправился 17 мая 1900 г.

Возвратился 4 декабря 1900 г.

С разрешения вр. н. д. главного начальника инженеров и с согласия командующего войсками Варшавского военного округа командирован для присутствования на большом манёвре войск названного округа, имеющий быть в августе месяце 1901 г. В каковую командировку отправился 17 августа 1901 г.

Возвратился 3 сентября 1901 г. С разрешения главного начальника инженеров командирован на каникулярное время в крепости Очаков, Севастополь и Керчь для осмотра крепостных и портовых сооружений, в каковую командировку отправился 21 июня 1902 г.

Возвратился 26 августа 1902 г., с разрешения главного начальника инженеров, командирован на каникулярное время в крепости Варшаву, Новогеоргиевск, Зегрж и Ивангород для их осмотра, в каковую командировку отправился 5 августа 1903 г.

С разрешения военного министра начальника Главного штаба командирован для присутствования на манёврах войск Варшавского военного округа, в каковой командировке находился с 22 августа по 1 сентября 1903 г.

С согласия главного начальника инженеров командирован на каникулярное время, по 20 августа, для осмотра крепостей Варшава, Брест-Литовск²²⁷, куда и отправился в 1904 г.

Его Императорским Высочеством генералом-инспектором по инженерной части назначен членом комиссии для решения вопросов в отношении значения инженерных работ на полях сражений 30 марта 1905 г.

С разрешения Его Императорского Высочества генерал-инспектора по инженерной части командирован в крепости Севастополь и Очаков для их осмотра, куда и отправился 27 июня 1906 г.

Возвратился из командировки 16 августа 1906 г.

Согласно предписания Главного инженерного управления от 28 июля 1906 г. за № 13511 командирован для участия в крепостной поездке офицеров Генерального штаба в крепость Новогеоргиевск под руководством начальника генерального штаба генерал-лейтенанта **Палицына**, куда и отправился. Прибыл из командировки 1906 г. 2 сентября.

С разрешения Августейшего генерал-инспектора по инженерной части командирован в город Груднец (Гродно?) для осмотра и подготовки всех данных для организации в этом пункте летних практических занятий с офицерами старшего класса академии, куда и отправился 13 июля 1907 г.

Возвратился из командировки 18 июля 1907 г.

С разрешения Августейшего генерал-инспектора по инженерной части командирован в крепость Свеаборг для её осмотра, куда и отправился 5 июня 1907 г.

Возвратился из командировки 11 июня 1907 г.

На основании предписания Главного инженерного управления от 21 июля 1907 г. за № 14101 находился в командировке с Высочайшего соизволения в крепости Новогеоргиевске для участия во второй крепостной поездке, куда и отправился 21 июня 1908 г.

Возвратился 9 сентября 1908 г.

С разрешения Военного министра командирован в город Гродно и крепость Брест-Литовск, куда и отправился 15 мая 1909 г.

Возвратился 3 июля 1900 г.

Военный министр, с согласия Начальника главного инже-

нерного управления, разрешил возлагать помимо его прямых обязанностей по службе, особую работу срочного значения, при Главном управлении Генерального штаба с 29 августа 1909 г. по 16 марта 1910 г.

В службе сего генерала не было обстоятельств, лишавших его права на награждения знаком отличия беспорочной службы или отдаляющих срок выслуги к сему знаку.

Комендант Ивангородской крепости генерал-лейтенант **Петров**.

Начальник штаба Ивангородской крепости Генерального штаба полковник (подпись неразборчива)²²⁸.

(В списках генералов по старшинству на 10 июля 1916 г. (С. 97) значится генерал-майор **Щеглов Владимир Иванович** – начальник инженеров Ивангородской крепости²²⁹.)

(По другим данным, **Щеглов** проживал в 1917 г. в Ораниенбауме, близ Санкт-Петербурга, по адресу: Загородный, 70 (Съезжинская, 4), работая в звании полковника в должности преподавателя Николаевской инженерной академии...) ²³⁰.

Его дальнейшую судьбу, к сожалению, выяснить удалось лишь отчасти.

Постройка Перекопских укреплений в Крыму (в 1919–1920 гг.) проходила на основе опыта Гражданской войны. Не было проектов и технического руководства англичан и французов. Строительство осуществляли русские военные инженеры, служившие в Белой армии. Общее руководство строительством вёл комендант Севастопольской крепости военный инженер генерал **Субботин**. Его заместителем был бывший профессор (?) кафедры полевой фортификации Инженерной академии генерал **Щеглов**. Непосредственное руководство работами осуществлял военный инженер полковник **Проценко**. Все они были участниками русско-японской и Первой мировой войн и не нуждались в наставлениях и опыте зарубежных специалистов²³¹.

Что же касается военного агента подполковника **Миллера**:

Миллер Евгений-Людвиг Карлович (1867–1939), позднее – генерал-лейтенант; в 1892 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба, в 1898–1907 гг. – военный атташе (агент) в Бельгии, Голландии и Италии. В 1912–1914 гг. – начальник штаба Московского военного округа. В Первую мировую войну – начальник штаба 5-й армии, командир корпуса. В апреле 1917 г. арестован солдатами за сопротивление неумелым реформам Временного правительства в армии, а с осени того же года назначен тем же Временным правительством представителем ставки при итальянском главном командовании. Участвовал в Гражданской войне. С января 1919 г. – генерал-губернатор Северной области, а в мае 1919 г. назначен главнокомандующим войсками Северной области. После поражения белых и их западных союзников в 1920 г. переехал сначала в Норвегию, а потом во Францию. С 1930 г., после похищения ИНО ОГПУ из Парижа генерала **Кутепова**, становится начальником Русского Общевоинского Союза (РОВС). 22 сентября 1937 г., за намерение поддерживать фашистскую Германию в предстоящей войне с Советским Союзом, был похищен в Париже агентами НКВД²³² и тайно вывезен в СССР, где содержался в камере Лубянской тюрьмы под именем **Петра Васильевича Иванова**. Отказался подписать воззвание к эмигрантским кругам с призывом прекратить борьбу против Советской власти. Был расстрелян 11 мая 1939 г.

Биография полковника **Стаховича** довольно любопытна

Стахович Павел Александрович (1865–19??), позднее генерал-лейтенант. Из дворян Московской губернии. Родился 14 января 1865 г. Православный. В службу вступил 1 сентября 1882 г. Окончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба. Занимал следующие должности: штаб-офицер для особых поручений при штабе гренадёрского корпуса с 7 августа 1895 г. В декабре 1895 г. произведён

в подполковники. Младший делопроизводитель канцелярии Военно-учёного комитета Главного штаба с 5 апреля 1897 по 6 декабря 1899 г. За отличие по службе 8 января 1900 г. Высочайшим приказом назначен старшим делопроизводителем канцелярии Военно-учёного комитета Главного штаба. В 1902 г. назначен начальником II отделения Главного штаба. С 24 декабря 1903 г. – командир 52 Нежинского драгунского полка. В ноябре 1904 г. – за отличие против японцев с 15 по 18 августа 1904 г. награждён золотым оружием с надписью «За храбрость»... (Также награждён в сентябре 1905 г. мечами к ордену Святого Владимира 3-ей степени). 16 февраля – 22 декабря 1906 г. – командир уланского Его Императорского Величества полка. 5 декабря 1906 г. произведён в генерал-майоры. (По другим данным – произведён в генерал-майоры с 31 мая 1907 г.). С 22 декабря 1906 по 4 октября 1908 г. – окружной генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. С 1908 г. – начальник 2-й отдельной кавалерийской бригады. Холост, нет недвижимости (РГВИА Ф. 409, оп. II, д. 37578). (Полный послужной список генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал-майора **Стаховича**); (Список генералов по старшинству на 1 января 1910 г. С. 641, СПб., 1910 г.) В начале войны **Стахович** – генерал для поручений при Генеральном инспекторе кавалерии и член Главного управления государственного коннозаводства. В 1917 г. проживал в Санкт-Петербурге по адресу: Надеждинская улица, дом 15 и служил в Управлении государственного коннозаводства в чине генерал-лейтенанта. Являлся президентом императорского царского поощрения Скакового общества и общества поощрения рысистого коннозаводства («Весь Петербург за 1917 г.»)

По уточненным данным, генерал-лейтенант **Павел Александрович Стахович** в 1915–1917 гг. являлся главноуправляющим Императорского государственного коннозаводства, то есть занимал министерскую должность. Его судьба после февральской революции 1917 г. пока не выяснена.

По другим сведениям, **Стахович Павел Александрович родился** в 1865 г. Из малороссийского дворянского рода. Сын штаалмейстера, члена Главного управления государственного коннозаводства (в 1898–1913) **Александра Александровича Стаховича** (1830–1913) и **Ольги Павловны Ушаковой** (1827–1902). Православный. В службу вступил 01.09.1882 г. Окончил Пажеский корпус (1884). Выпущен корнетом (ст. 14.08.1884) в кавалергардский Её Величества полк. Поручик (ст. 14.08.1888). Окончил Николаевскую академию Генштаба (1890; по 1-му разряду). Штабс-ротмистр гвардии (ст. 13.05.1890). Состоял при Кавказском военном округе. Отбывал лагерный сбор при Московском военном округе. Переименован в капитаны Генерального штаба (ст. 26.11.1890). Старший адъютант штаба 36-й пехотной дивизии (26.11.1890–22.09.1891). Старший адъютант штаба 1-й пех. дивизии (22.09.1891–27.09.1893). Цензовое командование эскадроном отбывал в 3-м драгунском Сумском полку (15.11.1892–15.11.1893). Старший адъютант штаба 1-й Кавказской дивизии (27.09.1893–07.08.1895). Штаб-офицер для особых поручений при штабе гренадёрского корпуса (07.08.1895–05.04.1897). Подполковник (ст. 06.12.1895). Младший делопроизводитель канцелярии Военно-учёного комитета Главного штаба (05.04.1897–08.01.1900). Для ознакомления с общими требованиями управления и ведения хозяйства в кавалерийском полку был прикомандирован к 52-му драгунскому Нежинскому полку (18.05.1899–28.09.1899). Состоял военным агентом при английской армии в Южной Африке во время англо-бурской войны 1899–1902 (распоряжение о назначении 27.09.1899; о возвращении 31.07.1900). За успешное исполнение миссии награждён орденом Святого Владимира 4-й степени (ВП 01.01.1901?). Полковник (приказ 06.12.1899; ст. 06.12.1899). Старший делопроизводитель канцелярии Военно-учёного комитета Гл. штаба (08.01.1900–26.01.1901). Начальник отделения Главного штаба (26.01.1901–24.12.1903). Командир 52 драгунского Нежинского полка (24.12.1903–16.02.1906). Участник русско-японской войны

1904–1905. Командир лейб-гвардии уланского Его Величества полка (16.02.1906–22.12.1906). Генерал-майор (приказ 06.12.1906; сти. 31.05.1907). Окружной генерал-квартирмейстер штаба войск гвардии и Петербургского военного округа (22.12.1906–04.10.1908). Начальник 2-й отдельной кавалерийской бригады (04.10.1908–27.11.1912). Генерал для поручений при генерал-инспекторе кавалерии (с 27.11.1912) и член совета Главного управления государственного коннозаводства (с 25.05.1913). Генерал-лейтенант (пр. 14.04.1913; ст. 31.05.1913). В 19.07.1914–28.07.1915 начальник 1-й Кубанской казачьей дивизии. С 1915 г. управляющий государственным коннозаводством. Главноуправляющий гос. коннозаводством (назначен между 03.01. и 08.02.1917). Награды: ордена Святого Станислава 3-й степени (1895); Святой Анны 3-й степени (1898); Святого Владимира 4-й степени (1901); Святого Владимира 3-й степени (1903); мечи к ордену Святого Владимира 3-й степени (1905); Золотое оружие (1906); Святого Станислава 1-й степени (06.12.1909; 17.01.1910)²³³.

(Возможно, что в РГВИА имеются и другие документы, рассказывающие о службе **Стаховича** как офицера военной разведки. По крайней мере, известно, что у офицеров военной разведки и контрразведки имелось несколько личных дел, формально все под грифом «Секретно», но одни личные дела, говоря современным языком, предназначались для служебного пользования, а другие личные дела – исключительно для начальства военной разведки и контрразведки, в которых и отражался истинный послужной список офицера. А исследователям в РГВИА далеко не всегда выдают подлинное личное дело, а лишь, как правило, личное дело последнее по годам. – *Прим. авт.-сост.*)

Полковник **Ермолов Николай Сергеевич** (1853 – 1918(?). Позднее – генерал-лейтенант. Закончил императорский Санкт-Петербургский университет и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. С 1891 г. по март 1905 г. состоял военным

агентом при российском посольстве в Лондоне. С апреля 1902 г. – генерал-майор. Позднее, в 1905–1906 гг. – начальник военно-статистического отдела Управления 2 генерального квартирмейстера Главного штаба (Военная разведка). С 1906 по 1907 гг. – генерал для поручений при начальнике Главного штаба. С 1902–1916 гг. являлся членом Российского императорского общества востоковедов. С 1907 по 1916 гг. – вновь русский военный агент в Великобритании. После октября 1917 г. некоторое время формально продолжал выполнять свои обязанности военного агента в Великобритании, входя в кабинет министра иностранных дел России **С.Ф. Сазонова**.

Подполковник (позднее – генерал от кавалерии) (генерал-полковник) **Ромейко-Гурко (Гурко) Василий Иосифович** (1863(64)–1937) – сын генерал-фельдмаршала **Гурко**, героя русско-турецкой войны 1877–1878 гг., прославившегося обороной Шипки и взятием Софии. Масон. Окончил Пажеский корпус (1885 г.) и Николаевскую академию Генерального штаба (1892 г.), служил в Царстве Польском. В 1900 г. состоял военным агентом России при армии буров, позднее, в 1901 г. был военным агентом в Берлине. С 1901 по 1904 г. состоял в распоряжении начальника Генерального штаба. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., командуя 2-й бригадой Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. **Гурко Василий Иосифович** за отличия в русско-японскую войну награждён чином генерал-майора, золотым оружием и орденами с мечами Святой Анны 2-й степени, Святого Станислава 2-й степени и Святого Владимира 3 степени. **Гурко** в 1906–1911 гг. – председатель военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. С 1911 по 1914 год он командовал 1-й кавалерийской дивизией, с которой участвовал в 1914 г. в наступлении в Восточной Пруссии. Во время 1-й мировой войны командовал 6-м армейским корпусом, потом 5-й и Особой армиями. Отличился в ходе наступления Юго-западного фронта (Брусиловский прорыв, 1916 год). А с октября 1916 г. по февраль

1917 г. исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего; по инициативе **Ромейко-Гурко** 4-х батальонные полки были переформированы в 3-х батальонные. (Другими словами, трёхчленная структура армейских подразделений: 3 отделения – 1 взводу; 3 взвода – 1 батальону; 3 батальона – 1 полку; 3 полка – 1 дивизии; 3 дивизии – 1 армия; 3 армии – военный округ, сохранившаяся (с перерывами) на более чем 80 лет, сначала в Советской, а позднее, до 2009 г., в Российской армии, когда четырёхзвенная система управления войсками была заменена на трёхзвенную (вместо прежней: полк – дивизия – армия – военный округ заменено на: бригада – оперативное командование – округ), была создана именно царским генералом **Василий Иосифовичем Ромейко-Гурко**). (Справедливости ради стоит упомянуть, что подготовлена данная структура была начальником штаба Верховного главнокомандующего генералом **Алексеевым**. После Февральской революции **Ромейко-Гурко** командовал войсками Западного фронта, в мае 1917 г., за критику Временного правительства и монархические взгляды, сначала понижен в должности до начальника дивизии, в июле был арестован за переписку с царём. (При этом он написал письмо бывшему царю через три дня после его отречения, а через неделю после отречения Временным правительством была дана всеобщая амнистия. Тем не менее, **Керенский** счёл это предлогом для задержания **Ромейко-Гурко**, хотя данное решение было незаконным, и в августе (сентябре) 1917 г. был выслан за границу, а 14 октября был уволен в отставку. Вскоре вернулся и в конце 1917 – начале 1918 гг. от имени так называемого «Правого Центра» вёл переговоры в Москве и Петрограде с представителями Французского правительства. В то время Франция была готова выделить значительные денежные средства за действия «Правого Центра», которые привели бы к отказу России от условий Брестского мира и продолжения войны с Германией. В 1919 г. **Ромейко-Гурко** отказался возглавить войска Белой гвардии на Севере и Северо-

Западе. Эмигрировал. Написал несколько книг и брошюр с мемуарами и размышлениями о Первой мировой войне и русской революции, в частности, «Царь и царица» (по другим сведениям, эту книгу написал его брат **Владимир**²³⁴), а также «Воспоминания и впечатления о войне и революции в России 1914–1917» (на английском) *General Gourko. Memories and Impressions of War and Revolution in Russia 1914–1917*. London Jonh Murray, Albemarle Street, W. 1918. 347 P., а также «Россия в 1914–1917» Берлин. 1921. (на немецком языке). На русском языке написал следующие мемуары: «Война и революция в России». Нью-Йорк, 1919; «Россия 1914–1917 гг. Воспоминания о войне и революции». Берлин, 1922; «Царь и царица». Париж, 1927.) Жил в эмиграции в Италии. Скончался в Риме в 1937 г. Был дважды женат. Первая жена – **Мартынова Эмилия Николаевна** (1860–1918). Вторая жена – француженка. Их дочь **Екатерина Васильевна** (р. 1935) проживает во Франции.

Его родной брат – **Дмитрий Иосифович Ромейко-Гурко** (1872–1945), выпускник Пажеского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба, участник русско-японской войны. С 1908 по 1914 гг. – военный агент в Швейцарии. Во время Первой мировой войны командовал в 1914–1915 гг. 18-м гусарским Нежинским полком. С мая 1915 г. – генерал-майор. 19 мая 1915 г. награждён орденом Святого Георгия 4-й степени. В 1915–1917 гг. – начальник штаба 14 армейского корпуса. С апреля 1917 г. – командующий 16-й кавалерийской дивизией. С 27 августа 1917 г. – переведён в резерв чинов при штабе Московского военного округа. Принимал участие в Гражданской войне на стороне белого движения на Северо-западе России. В эмиграции состоял председателем объединения лейб-гвардии Уланского полка. Скончался в 1945 г. в Париже. Его внуки и правнуки, в том числе **Иосиф Владимирович Ромейко-Гурко**, проживают во Франции.

Приложение

Приведём несколько интереснейших документов о русско-японской войне, связанных с вышеприведёнными материалами **Николая Михайловича Иолшина**.

В 1906 г. в правой русской газете «Кремль»²³⁵ по поводу уроков русско-японской войны и Великой смуты, заслуженно получившей название Первой русской революции XX в., была опубликована следующая, весьма и весьма любопытная статья, которая, несмотря на свои откровенные антианглийские, равно как и антинемецкие, антиеврейские и антипольские «загибы» стоит того, чтобы с нею ознакомиться, поскольку она, в отличие от многих последующих статей и исследований на эту тему, писалась по горячим следам прошедших горьких событий.

Из записной книжки читателя газет и журналов.

С марта по октябрь 1905 г.

Главные виновники русско-японской войны

Теперь, когда эта бедственная война, благодарение Богу, отошла в область истории, настает необходимость выяснить её виновников; ибо, кроме военных катастроф, непосредственным её следствием явилась настоящая смута.

В предыдущем № «Кремля» было указано, что начало жестокой к нам вражды со стороны японцев было положено неуместным вмешательством нашей дипломатии в китайско-японскую войну и отнятием у японцев завоёванного ими Ляодуна с Порт-Артуром. Но вот что последовало затем.

Уже весной 1895 г. в Министерстве финансов явилась мысль о значении китайских портов для русской торговли на Дальнем Востоке. А летом этого года начались изыскания в Манчжурии для проведения железной дороги, тогда же возник (на казённые деньги) Русско-китайский банк, которому была выхлопотана от китайского правительства концессия на постройку Восточно-Китайской дороги. Эта

дорога, проведённая прямо к Владивостоку, была построена на чужой территории и на русские казённые деньги. А потом, в начале 1898 г. состоялась аренда Квантунского полуострова и тот же министр финансов повёл магистраль через всю Манчжурию прямо к Порт-Артуру. Всё это до крайности раздражило Японию. Итак, ясно, что одним из главных инициаторов нашей агрессивной политики на Дальнем Востоке – политики, приведшей к бедственной для нас войне, был наш министр финансов. Англия поспешила занять Вей-Хай-Вей. Это было первым нам предостережением. Вторым же явилось разрушение дороги во время Боксёрского восстания в 1900–1901 гг.

С.Ю. Витте щедро возместил обществу Восточно-Китайской дороги якобы понесенные им убытки в размере более 70 000 000, то есть более 50 000 рублей на версту. А в 1901 г. охрана этой дороги преобразована в пограничную стражу, снабжённую всеми правами русской государственной службы, что подало повод говорить о наших завоевательных планах. Англия и Япония забили тревогу. Россия обязалась Китаю в течение 18 месяцев очистить Манчжурию, но по смутным там обстоятельствам не исполнила сего обязательства. Вот те факты, которые привели к войне и на которые особенно нападают «Московские Ведомости» (№№ 11, 112, 114 и 113).

В мае месяце после разгрома эскадры **Рождественского** наша еврейская и радикальная печать с особой ревностью выступила на защиту **С.Ю. Витте**, против сложившегося в обществе (и совершенно основательного) убеждения, что сей государственный деятель был одним из главных виновников нашей дальневосточной авантюры и русско-японской войны. В числе органов сей печати наиболее отличались «Русские Ведомости», которые прежде были просто антинациональные, а теперь совсем объевреились. Во-первых, в целом ряде статей они пытались главную вину свалить на господина **Безобразова**²³⁶ и его товарищей по захвату лесных богатств в Корее. То же обвинение поддерживали и некоторые другие антинациональные или еврейские газеты.

Но факты слишком ясно свидетельствуют, что эти лесные концессии были только каплей, переполнившей сосуд. Вторых, означенные «Ведомости», ещё недавно относившиеся отрицательно к дальневосточной политике бывшего министра финансов, вдруг сделали поворот и поместили в его оправдание целый ряд писем господина **Гурьева** (№№ 131, 133, 138 и 140). Сей чиновник-семит, слывший в министерстве господина **Витте** его правой рукой, попытался, якобы с документами в руках, обелить своего патрона: нагромождением всяких подтасовок и лжетолкований он старается выставить главным инициатором авантюры покойного графа **Муравьёва**, которого министр финансов будто бы предостерегал об её опасностях, но тот не послушал его советов. Конечно, сии документы и аргументы господин **Гурьев** получил от своего бывшего патрона. Но ведь его апологии дал надлежащую отповедь господин **Гофштетер** в «Русском листке» (№ 137), который указал, какими белыми нитками сшита сия апология. Хотя покойный министр иностранных дел, отличавшийся политической близорукостью, действовал в этом случае наивно и прямолинейно, однако достоверно и то, что министр финансов искусно подталкивал его к захвату Квантуна с Порт-Артуром. Даже из повествования господина **Гурьева** (замечает «Русский листок») видно, что главным вдохновителем и отчасти исполнителем маньчжурской авантюры был **С.Ю. Витте**.

Но вот что ещё выясняется и подтверждается из писем господина **Гурьева** и на чём ваш покорнейший слуга настаивал с самого начала: самым-то главным и усердным инициатором, толкнувшим Петербург на дальневосточную авантюру был изобретатель «жёлтой опасности» император **Вильгельм II**, или, точнее, вредоносные для русского народа сердечные отношения Петербурга с Берлином, которые наше Министерство иностранных дел и наши послы в Германии так тщательно всегда старались и стараются поддерживать.

В конце 1897 г., когда Германия высадила войско в Шаньдуне и захватила Киа-Чжоу, китайское правительство обра-

тилось к русскому с просьбой о помощи против немецкого захвата. Эта просьба была вполне естественна, раз мы незадолго до того вступились за Китай против Японии и вошли с ним в союз. Но сильная немецкая партия при петербургском дворе, конечно, не допустила никакого ущерба немецким интересам, хотя бы и с пожертвованием русских. Недаром и пост министра иностранных дел занимал такой известный немцефил, как граф **Муравьев**. Вместо помощи Китаю против немцев был выдвинут проект: самим русским занять Порт-Артур. Некоторые лица возражали против сего проекта. Так, управляющий морским министерством **Тыртов** советовал подождать и при случае занять порт на Восточном берегу Кореи, который, во-первых, не затрагивал бы Китая, а во-вторых, представлял более удобств, чем закрытое Жёлтое море. Но, конечно, немецкая партия превозмогла. Любопытно, что генерал **Куропаткин** в этом вопросе держал сторону немцев, чем и доказал, что не будучи на высоте своей задачи как военный министр, он не оказался компетентен и в политике подобно двум своим предшественникам.

А **С.Ю. Витте** якобы возражал против занятия Порт-Артура, но слабо и не убедительно, как будто бы только для того, чтобы в случае осложнений умыть руки. Но он сам себя выдал тем, что, как скоро вопрос был решен, то с каким-то особым азартом принялся швырять сотни миллионов кровных русских денег на построение маньчжурских дорог и городов, и вместе с тем на обогащение чиновников-казнокрадов и хищных инженеров (большой частью инородцев) (имеются в виду поляки и немцы). Господи, сколько же высших, средних и всяких школ и дорог можно было создать на те русские миллиарды, которые были растрочены на петербургские дальневосточные фантазии и вызванную ими войну. Вместо того масса русской молодёжи остаётся за бортом и не может попасть в учебные заведения по недостатку места!

И тем не менее дальневосточная авантюра нашла себе поборников в значительной части печати. Особенно отли-

чилось сумбурное «Новое Время» со своим издателем **Сувориным** и сотрудником **Сыромятниковым**, которое усердно помогало немцам толкать нас на Дальний Восток и между прочим раздувало «жёлтую опасность», изобретённую **Вильгельмом II** специально для пугания петербургских сфер. Любопытно, что господин **Сыромятников**, оказавшийся чиновником особых поручений при наместнике того края генерал-адъютанте **Алексееве**, впоследствии в газете «Слово» вздумал упрекнуть бывшего министра финансов за то, что своим образом действий там по отношению к дутым акционерным предприятиям он унизил русское имя в глазах китайца и корейца. Тотчас на господина **Сыромятникова** набросились «Биржевые Ведомости» и указали на то, что **безобразовские** акционерные компании находились под личным покровительством бывшего наместника **Е.И. Алексеева** (по цитатам «Русского Слова» № 141). Разумеется, подобные разоблачения только расширяют список виновников русско-японской войны, но никого из них не оправдывают. Относительно печати, помогавшей немцам толкать нас на дальневосточную авантюру, конечно, господин **Суворин** виновнее всех; но виноваты и некоторые консервативные органы, которые действовали в том же направлении по недостатку политической компетентности.

То, что так усердно начали покойный граф **Муравьёв** и **С.Ю. Витте** на Дальнем Востоке, то есть слепую, агрессивную политику приключений и безумных финансовых затрат, которая привела к русско-японской войне, было закончено преемником **Муравьёва** графом **Ламздорфом**, с его политическим маловедением и совершенным непониманием современного положения России, внешнего и внутреннего, а также с его подчинением немецкому влиянию и немецким интересам. Я говорю о неумелом ведении дипломатических переговоров с Японией и упрямом отрицании японских интересов в ненужной нам Корее, тогда как надлежащие уступки в этом вопросе ещё могли бы предотвратить несчастную для нас войну.

Причины военных неудач

О причинах нашей неподготовленности и наших поражений уже говорил в предыдущем номере «Кремля». Теперь только пополюню прежде сказанное.

Бросается в глаза неудачное назначение высших начальников. Во-первых, генерал **Куропаткин** никакими талантами полководца ранее этой войны не отличился, и надежды, возлагавшиеся на него, были основаны только на том, что он состоял начальником штаба у **Скобелева**. На нём, так сказать, отражались лучи скобелевской славы. А как самостоятельный главнокомандующий он оказался не выше посредственности, и напрасно было после Ляояна не только оставлять его во главе армии, но и делать главнокомандующим морских и сухопутных сил (о чём, между прочим, хлопотала и сумбурная суворинская газета). А в качестве военного министра, – как плохо он подготовил армию: видно, например, что она не была снабжена пулемётами, благодаря которым японцы производили у нас такое страшное опустошение. Затем любопытно, что своими военными талантами до самого Мукдена включительно не выдвинулся ни один из 13–15 корпусных командиров (за исключением отчасти генерала **Церпицкого**²³⁷. Особенно не отличился барон **Штакельберг**²³⁸.) Следовательно, назначение их можно объяснить протекцией, связями и другими случайными обстоятельствами, а не боевыми способностями. Особенно бросается в глаза столь обычное у нас обилие немцев на посту начальников в армии и флоте, и почти никто из них не стяжал себе лавров. Выдвинулись в течение всей войны из второстепенных военачальников всё же русские люди, каковы **Кондратенко**²³⁹, **Мищенко**²⁴⁰, **Самсонов**, **Смирнов**²⁴¹ и некоторые другие.

Относительно немцев известно, как они пристрастны к своим единоплеменникам и как упорно тянут их на высшие посты в ущерб коренным русским людям. По сему поводу приведу любопытный факт из воспоминаний **А.К. Детенгофа** об одном из севастопольских героев **А.В. Меньшикове**. («Русский Архив», 1905, № 8). Сам **Детенгоф**, очевидно, при-

надлежит к тем русским и православным, у которых только фамилия напоминает о немецком происхождении их предков.

«До какой степени **Тотлебен** не любил русских и отдавал предпочтение немцам видно из следующего эпизода с пишущим эти строки» – говорит **Детенгоф**. В эпоху польского мятежа в 1863 г. после раскассирования инженерной академии, в которой учился, он вместе со своим товарищем (кровным немцем) решил обратиться к **Тотлебену** с просьбой прикомандировать их на время к инженерному управлению. Первым был принят товарищ, который вышел от Его Превосходительство с сияющей улыбкой. Ободрённый его успехом, автор воспоминаний уже уверенно переступил порог кабинета.

– Вы тоже немец и говорите по-немецки? – спросил его **Тотлебен**.

– Никак нет, Ваше Превосходительство, я русский и по-немецки ничего не понимаю.

Приветливая улыбка моментально исчезла с лица **Тотлебена**. Он нахмурил брови и сухим холодным тоном наотрез отказал в обращённой к нему просьбе.

Обращаясь к морским силам мы видим, что на Дальнем Востоке самая бедственная участь постигла наш флот, предводимый целым рядом контр- и вице-адмиралов из немцев. А в два критические момента главная команда переходила как нарочно в руки таких русских контр-адмиралов, как князь **Ухтомский** и **Небогатов**. Последний своей сдачей с четырьмя малоповреждёнными броненосцами навлёк на русских моряков несмываемый позор. На чём было основано назначение его начальником третьей Балтийской эскадры в такое критическое время, о том известно одному Богу, да ещё разве господину **Авелану**²⁴², вице-адмиралу из финляндцев. Из Севастополя писали, что там были удивлены назначением **Небогатова**, которого знали как плохого, угрюмого начальника учебного отряда («Русское Слово» № 147).

Но кто были ближайшими виновниками гибели почти всего нашего флота в Корейском проливе?

Иной читатель, конечно, раскроет рот от удивления, когда я отвечу: капитан **Кладо**²⁴³ и **Суворин**²⁴⁴ – отец.

А между тем, это верно.

В № 1–20 «Кремля» я уже в начале войны предупреждал, что считаю положение наше на море безнадежным. К сему убеждению привели меня отсутствие для нас морской базы и положение, занятое Англией, точнее – её мнимый нейтралитет, или усердная помощь Японии кораблями, людьми, боевыми припасами, а ещё более всякого рода интригами. Я указывал единственное для нас средство спасения: ударить по Индии, если англичане не заставят японцев немедленно просить мира. Я не советовал посылать новые эскадры на Дальний Восток: англичане или не пропустят их через Суэцкий канал, и тогда придётся идти вокруг Африки, не имея угольных станций, а если и пропустят, то только для того, чтобы погубить тем или иным способом. Разумеется, моему совету – нуль внимания. Послали **Рожественского** со второй эскадрой вокруг Африки. Он благополучно дошёл до Мадагаскара, потом до Китайского моря; но там и тут стал задерживаться, ждать.

Чего? Да в это время капитан **Кладо** поднял страстную агитацию о посылке третьей эскадры на помощь **Рожественскому**. **Суворин** печатал и усердно поддерживал сию агитацию в своём органе. Послушались сих плохих политиков; начали наскоро снаряжать эскадру, и задержали **Рожественского** на несколько месяцев. Англичане не помешали её проходу через Суэцкий канал, но воспользовались задержкой, и вместе с японцами приготовили все средства, чтобы одним ударом погубить весь русский флот. Подняли они шум против Франции, якобы не соблюдавшей нейтралитет; мнимые наши союзники подчинились их требованиям, и вот русские корабли, гонимые от портов, начали беспомощно слоняться у берегов Индокитая в поисках угля и съестных припасов.

Один **Рожественский** со своей быстроходной эскадрой, может быть, и пробился бы во Владивосток, если бы не те-

рял времени. Но ожидание **Небогатова** и потом соединение с ним, кроме потери драгоценного времени, связало его новоприбывшими тихоходами, удвоило нужду в угле, боевых и съестных припасов, а главное, дала ему не помощника, а нечто противоположное в лице сего контр-адмирала. Вредная сторона соединения заключалась в том, что теперь русский флот считался по численности почти равным японскому, а потому решено было вступить с ним в генеральное сражение.

Сам **Рожественский** обнаружил много характера, но мало искусства и предусмотрительности. Очевидно и он не понимал роли англичан, рассчитывая на одних японцев. С помощью первых вторые знали о каждом его шаге, тогда как о неприятеле он или совсем не знал, или получал ложные сведения и допустил завлечь себя в страшную западню. Раненый в начале боя он передал команду роковому контр-адмиралу (**Небогатову**) и Цусимская катастрофа свершилась.

Теперь уже не полежит сомнению, что в этом бою принимали участие несколько английских броненосцев и большое количество английских же миноносцев (об участии англичан смотрите «Московские ведомости» № 150: с указанием на заявление «Standard'a» господин **Ишимарев** указал, что прежде погибшие японские броненосцы и крейсера в этот день появились на сцене ясно; то были английские суда, преобразовавшиеся в японские; после боя они спрятались в Сасебо или Вей-Хай-Вее. Русские раненые и спасшиеся из Цусимского боя рассказывали, что сами видели, как английские корабли обгоняли их и потом явились среди японцев во время боя, и как, переговариваясь с японцами посредством беспроволочного телеграфа, они случайно себя выдали («Московские ведомости» № 190).

Известно также, что английские транспорты, доставлявшие русской эскадре уголь в открытом море не только вместо кардифского поставляли самый скверный, своим густым дымом издавдала её выдававший, но и служили шпионами для японцев и доносили им о всяком нашем ша-

ге. Господин **Глинка** (в № 10504 «Нового Времени») указывает на удивительную угольную операцию нашего морского ведомства. Оно не нашло ничего лучшего, как заключить с евреем **Гинцбургом** в ноябре 1904 г. контракт о доставке угля во Владивосток, хотя сообщение с ним было уже прервано. Эта доставка оказалось для нас фиктивной, а для японцев очень реальной: все пароходы **Гинцбурга** беспрепятственно пропускались русской эскадрой, а потом захватывались японскими крейсерами. **Гинцбург** брал риск на себя и как будто мы заключили выгодные условия, а в действительности он таким образом доставлял японцам настоящий английский уголь на английских кораблях и получал аккуратно свои деньги с Японии. (Шпионство сих угольщиков разумеется само собой.) Этот контракт был грубым надувательством, порождённым простодушием нашего морского ведомства, а может быть и подкупностью.

«Свет» (№ 225) со слов газеты «Слово» указывает ещё одну очень существенную причину нашей катастрофы при Цусиме, где наши суда гибли и тонули, как беззащитные жертвы, а неприятельский флот остался цел. Воротившиеся в Петербург раненые матросы, с укрывшихся в Маниле крейсеров **«Олег»**, **«Аврора»** и **«Жемчуг»** рассказывают, что японские снаряды производили у нас страшное опустошение (имеется в виду применение нового по тем временам взрывчатого вещества шимоза, оно же лиддит), а наши или совсем не разрывались, или действовали очень слабо, потому что они не были начинены взрывчатыми веществами. А готовились они на иностранных заводах. Что же это, как не подкуп заказчиков и приёмщиков? Разве это не гнусная измена? Но главная причина, конечно, страсть нашего военно-морского ведомства всё заказывать за границей вместо того, чтобы развивать собственные заводы. Корень зла всё в том же антинациональном направлении петербургских сфер и в их подкупности.

Оказывая помощь японцам шпионством, кораблями, людьми, оружием, англичане служили им, кроме того, воз-

буждением смут внутри России и забастовками заводов, особенно, изготавливающих боевые снаряды. Как известно, нет той пакости, которую они не учинили бы России. Нет сомнения, что разгром Одесского порта и бунт черноморского броненосца «**Потёмкин-Таврический**» тоже их дело, исполненное с помощью подстрекателей – евреев, которые потом спаслись на английский пароход (см. «День» № 170, 200 и 201).

Любопытно, что во время бунта, происшедшего на «**Потёмкине-Таврическом**» и отчасти на «**Георгии Победоносце**», командующий Черноморским флотом вице-адмирал из немцев (**Кригер**) совершенно растерялся; имея у себя целую эскадру, не сумел вовремя потушить мятеж, и допустил мятежников разгуливать по Чёрному морю. По поводу сего бунта господин **Кладо** основательно указывает на ненормальные порядки нашего флота, особенно на малочисленность и обособленность офицеров, которые с экипажем почти ничего общего не имеют и слишком преданы вину, картам и женщинам; о какой-либо дружной корабельной семье нет и помину («Новое Время» № 10525).

В «Русском Слове» (№ 151) встречаем довольно оригинальный факт: эта радикально-еврействующая газета из «*Neue Ferie Presse*» приводит с сочувствием любопытное мнение мадьярского главаря **Франца Кошута** о русско-японской войне: «Японцы сознательно сражаются за своё отечество, а русские лишь исполняют веление власти. В японской армии царит воодушевление и дисциплина, в русской только дисциплина. Там глубокое национальное чувство, а у нас национальное чувство говорит только шёпотом.

Там офицеры и солдаты составляют одну семью; у нас офицеры не товарищи, а господа солдат. Настоящая война показывает, что нравственные побуждения сильнее дисциплины, национальное самосознание сильнее военной дрессировки». **Кошут** указывает на тот именно национализм, который ваш покорнейший слуга постоянно, но тщетно проповедует. Ещё прежде та же еврейская газета (№ 140) привела со-

чувственно слова **Людовика Надо** из «Journal» № 46291: «Россия поплатилась за свою культурную отсталость, а причина успехов японцев в их любви к знанию и прогрессу». Но отсталость наша обусловлена недостатком национализма и протекционизма, против которых так усердно вооружаются именно те органы нашей печати, к которым принадлежит «Русское Слово».

Какую жалкую роль во время войны играла наша полурусская дипломатия, и как много способствовала она нашим неудачам, о том излишне было бы и говорить. Известно, как замалчивала она мнимый нейтралитет Англии и как раболепно исполняла английские требования о прекращении захвата нашими крейсерами англо-японских судов, нагруженных военной контрабандой, и даже об освобождении уже захваченных. А когда Англия подняла шум о якобы несоблюдении нейтралитета Францией на Дальнем Востоке, наша дипломатия не нашла ничего на это возразить. Отличается также она и своими назначениями на важные политические посты: или бездарный немец, или такой русский, что только руками разведёшь. Вот, например, пресловутый господин **Павлов**, бывший при начале войны нашим посланником в Корее. Из-за него погибли два корабля «**Варяг**» и «**Кореец**», которых Бог знает зачем наместник **Алексеев** держал в Сеуле к услугам господина **Павлова**. Сей посланник отличился только своим вопиющим казнокрадством. В № 32 «Рассвета» помещено было вызвавшее много шума и справедливого негодования письмо из Парижа некоего господина **Михайлова** с обозначением цен за которые господин **Павлов** в **Шанхае** через еврея **Циммермана** (купил) корабли для русского правительства. Положим, **Циммерман** купил корабль за 2000 фунтов стерлингов, а **Павлов** уплатил ему якобы 11 000. Купил за 6500 фунтов, а уплачено 17 000. И так, – целый десяток кораблей. В том же роде выставлены цены за кардиффский уголь, динамит, американские копчёные окорока, солёное масло, солдатские сапоги и так далее...^{245,246}

Интересные сведения об одной из причин поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг. были приведены в последние годы в ряде книг об истории разведок. Так, в одной из них под заголовком «За шпионаж Япония не заплатила ни гроша» сообщалось:

30 сентября 1900 г. мобилизационный отдел Главного штаба Российской армии сообщил под грифом «Секретно» начальнику штаба Виленского округа:

«Одним из штабов была доставлена в Главный штаб зашитая в холст, обвязанная и опечатанная сургучной печатью посылка с весьма секретными документами, которые в Главном штабе были извлечены из укупорки без порчи печатей и обвязки шнура. Взамен документов в холст с нетронутыми печатями в Главном штабе были положены другие бумаги, затем посылка была зашита.

Сообщая о сём, Главный штаб просит, чтобы на укупорку посылок с секретными документами было обращено самое тщательное внимание, чтобы печати накладывались по швам и шнурам, дабы таковые посылки не могли быть вскрытыми без повреждения печатей».

Этот уникальный документ свидетельствует: задолго до русско-японской войны в российском Главном штабе завелись «кроты», которые бесцеремонно потрошили посылки с секретными бумагами без порчи печатей и обвязки шнура. Судя по всему, острой бритвой разрезался шов, затем извлекались документы, на их место укладывалась всякая макулатура, затем по шву холст вновь зашивался. Печати оставались целыми...

В России тогда разразилось громкое, поистине скандальное дело, главный герой которого – ротмистр **Николай Иванович Ивков** – доставлял секретные распоряжения и приказы, сбывая их затем японскому шпиону подполковнику **Акаси**. Русская контрразведка разоблачила **Ивкова**, и он понёс суровое наказание. Но, к сожалению, не удалось поймать трёх других предателей, которые нанесли огромный ущерб государственным интересам России накануне русско-

японской войны. Это были офицеры **Александр Фёдоров**, **Владимир Варский** и граф **Игорь Зелинский**.

Выпотрошив не одну подобную посылку, они задумались: кому сбыть добычу? Где найти покупателя? После долгих раздумий троица решила обратиться к японцам. В результате стечения ряда обстоятельств им удалось встретиться в Японии с высокопоставленным представителем военной верхушки страны – маршалом **Ямагути** – и заключить с ним договор. Согласно договору каждый из предателей мог получить за свои заслуги по 50 миллионов рублей (5 миллионов тогдашних фунтов стерлингов). По тем временам сумма прямо-таки баснословная.

Но **Ямагути**, действуя с согласия официальных властей, подписал этот договор недрогнувшей рукой. Во-первых, потому, что выплата денег будет производиться только в случае победы Японии в войне с Россией. Во-вторых, только после 1915 г.

Война, как известно, закончилась поражением России, и многие в стране задавали себе вопрос: как же это могло произойти? **Зелинский**, **Фёдоров** и **Варский** таких вопросов себе не задавали. Они с нетерпением ждали, когда же наступит долгожданный 1915 год. Наконец, время, установленное договором, пришло, и из России в Японию поехали за расчётом **Фёдоров** и **Варский**. В Нагасаки они получили три чека по 46.000.000 иен. Дельцы были людьми неглупыми и, возвращаясь в Россию, приняли необходимые меры предосторожности. Заметив за собой слежку, **Варский** передал свой чек **Фёдорову**, и они разделились – каждый пошёл в порт своим путём. Однако плохо ориентируясь в незнакомом городе, уже вблизи порта **Варский** против своей воли оказался в тёмном переулке. Тут же раздались два выстрела, и **Варский** упал замертво. Его обыскали, но чека не нашли.

Фёдорову повезло – он благополучно достиг порта и вернулся в Россию. А дальше случилось так, что, закружившись в вихре Гражданской войны, он оказался в Одессе,

где умер от сыпного тифа. Подлинник договора и два чека остались в этом приморском городе у его родственницы. **Зелинский** же с копией договора и своим (третьим) чеком умудрился покинуть Россию, прибыть в Швейцарию и там сдать документы в банк. Их приняли, но попросили **Зелинского** представить подлинник договора. Его Сиятельство метался по тихим женевским улицам в поисках юриста, способного помочь ему заполучить из Одессы оригинал, подписанный маршалом **Ямагути**.

Представьте себе, произошло невероятное, – несмотря на хаос, который царил в ту пору в России, затея **Зелинского** увенчалась успехом: ему доставили из Одессы не только оригинал договора, но и остальные два чека. Радости его не было предела! Он тотчас направился в Английский банк получать миллионы.

Однако там развели руками: «Ничем не можем быть полезны – японцы отказываются платить по чекам». **Зелинский** подал в суд. В ходе судебного разбирательства ни японское посольство в Лондоне, ни японский банк в Токио сам факт заключения договора и выдачи чеков не оспаривали, но они отрицали юридическую силу договора. Японцы ссылались на то, что подпись их представителя сделана не под текстом, а сбоку...

В конце концов суд отклонил иск одного мошенника против другого. Граф **Зелинский** остался, как говорится, при пиковом интересе. Да и не могло быть иначе – предательство, в конечном счёте, никогда не окупается²⁴⁷.

Любопытно и то обстоятельство, что через несколько лет после русско-японской войны Япония стала близким союзником России и оставалась ею и в Первую мировую войну.

Позднее были заключены русско-японские соглашения: 1) 17 (30) июля 1907 г. в Санкт-Петербурге – гласная конвенция об уважении территориальной целостности сторон, независимости и целостности Китая и равных правах в торговле с ним; 2) договор о разделе Манчжурии на русскую (северную) и японскую (южную) сферы влияния. Корея призна-

валась сферой специфических интересов Японии, Внешняя Монголия – России.

21 июня (4 июля) 1910 г. было заключено новое соглашение в Петербурге о выработке общих мер в случае нарушения статус-кво в Китае или угрозы специфических интересов сторон в Манчжурии. Фактически это означало согласие России на аннексию Кореи Японией.

Русско-японская конвенция (секретная) заключена 25 июня (8 июля) 1912 г. в Петербурге, предусматривала раздел сфер влияния в северо-восточном Китае и Внутренней Монголии, которая делилась по пекинскому меридиану на русскую (западную) и японскую (восточную) сферы влияния.

Третье соглашение (1916 г.) заключено 20 июня (3 июля) в Петрограде (гласное и секретное), фактически устанавливало Русско-японский военный союз для охранения Китая от политического господства 3-й державы.

Что же касается последствий русско-японской войны, то резкое тогдашнее увеличение влияния Японии на Дальнем Востоке после победы над Россией сильно встревожило Англию, что наряду с усилением Германии в Европе подтолкнуло Великобританию присоединиться в 1904 г. к союзу с Францией, а в 1907 г. – к франко-русскому военному союзу. Интересно, что в зарубежной историографии причинами поражения нашей страны в войне с Японией до сих пор упрямо называют экономическую слабость и отсталость России, забывая, что на Дальний Восток посылались запасные полки и резервисты зачастую пожилого возраста, а лучшие части (до 90%) остались на границе с Германией и Австро-Венгрией (впрочем, затем почти вся полевая русская артиллерия была перевезена в Манчжурию и там было сосредоточено свыше 1 млн русских войск, из которых 600 000 были готовы немедленно перейти в наступление, что наряду с продолжительностью и огромной стоимостью войны и заставило Японию принять условия Портсмутского мирного договора) и, кроме того, одной из причин поражений было и то, что части мобилизовыва-

лись и состояли из немолодых солдат, призванных из запаса и что военные части отправлялись Военным министерством постепенно, вместо одновременного проведения массовой мобилизации и посылки крупных подкреплений в кратчайшие сроки.

Впрочем, после ряда сражений Второй мировой войны – нападения японцев 7 декабря 1941 г. на Пёрл-Харбор и захват 60-тысячной английской армии в Сингапуре 15 февраля 1942 г., сдавшейся без особого сопротивления японцам, по причине общей неподготовленности Великобритании ко Второй мировой войне, и последующие сражения в Тихом океане и Юго-Восточной Азии, и быстрый захват японскими войсками Бирмы и других британских колоний, а также Индонезии у Голландии, Филиппин и Малайзии заставили некоторых трезвомыслящих западных историков, хорошо почувствовавших на собственной шкуре, насколько тяжело воевать с образованными, умелыми и храбрыми японцами вдалеке от своих метрополий, гораздо более взвешенно, чем прежде стали подходить к освещению событий русско-японской войны 1904–1905 гг.

Эта война явилась прямой предтечей Первой мировой войны в области военного искусства (многокилометровые траншеи и окопы, массовое применение винтовок, а позднее и пулемётов, стрельба артиллерии с закрытых позиций (впрочем некоторые полагают, что данное новшество применяли ещё буры в 1899–1900 гг.), применение беспроволочного телеграфа (радиосвязи), полевого телеграфа и телефона, впервые применённая позиционная война и другие новшества).

Во флоте впервые были использованы миноносцы, а также быстрый и точный огонь из орудий главных и второстепенных калибров на пределе возможного, при одновременном сосредоточении огня сразу нескольких наиболее мощных тяжёлых кораблей на одном из неприятельских, и применение японцами мощного взрывчатого вещества шимоза (лиддит), тайные ночные постановки морских мин и

так далее. Впервые в массовом масштабе использовались пулемёты типа **Максим** и ручные пулемёты **Мадсен**.

Эти горькие события оказались весьма полезными уроками для русской армии, поскольку причины поражений, когда многократно победа была близка, но ускользнула, всегда изучают всегда куда как более внимательно, чем собственные просчёты и недостатки при победе.

Поэтому на основании опыта данной войны в русской армии в 1905–1912 гг. были проведены военные реформы, сделавшие нашу армию одной из сильнейших в Европе.

Некоторые отечественные историки, возможно, справедливо полагают, что если бы не было поражения России в русско-японской войне 1904–1905 гг., то не было бы и поражения в Первой мировой войне а затем, и собственно Февральской и Октябрьской революций 1917 г.

Сноски

1> Кронстад – город на севере Оранжевого Свободного Государства. Некоторое время являлся временной столицей бурской республики (после захвата английскими войсками столицы – города Блумфонтейна).

2> Видимо, **Максимов** питал надежды на союз России, Франции и Германии, направленный против Великобритании.

3> Речь идёт об **Абрааме Фишере** (1850–1913) – государственном деятеле Оранжевого Свободного Государства.

4> Голиаф – по библейскому преданию – великан-фелистимлянин, побежденный в единоборстве пастухом Давидом, ставшим впоследствии царем Иудеи; великан, гигант.

5> **Давыдов Василий Иванович** – один из врачей санитарного отряда Российского Общества Красного Креста (военного госпиталя).

6> Упоминавшийся уже бурский генерал **Джеймс Баррри Герцог** (1866–1942), позднее – премьер-министр ЮАС.

7> **Багратион-Мухранский** и его нукер (слуга) **Сапаров (Санджанов?)** – российские добровольцы.

8> Из записной книжки подполковника в отставке **Е.Я. Максимова**. Южная Африка. 1900. Цит. по: Россия и Африка. Документы и материалы XVIII – 1960 г. Т. I, Институт всеобщей истории РАН, М., 1999. С. 180–187.

9> Московские ведомости. 7 апреля 1900 г. № 87. С. 4.

10> Борода, расширяющаяся книзу на две части.

11> Джигитовка (от тюркского «джигит» – искусный и отважный всадник) – упражнения на скачущей лошади у народов Кавка-

за, Средней Азии, Казахстана, у донских казаков. Князь **Багратион-Мухранский** не владел джигитовкой. Возможно, он поехал на парижскую выставку участвовать в конных состязаниях среди представителей различных народов.

12> Московские ведомости. 8 апреля 1900 г. № 98. С. 4-5.

13> Московские ведомости. 11 апреля 1900. № 99. С. 5-7.

14> Московские ведомости. 12 апреля 1900 г. № 104.

15> Московские ведомости. 21 апреля 1900 г. № 109.

16> Ярды (yard) – английская мера длины. Один ярд равен трём (3) футам, или 91,44 см.

17> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 124–125.

18> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 199–200.

19> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 195.

20> Тут явная неточность, поскольку полковник **Вильбоа-де-Марейль** (1847–1900) до назначения фехт-генералом некоторое время командовал французским отрядом добровольцев.

21> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 196–197.

22> Сообщение господина **Потапова**, административного секретаря русского отряда Красного Креста, отправленного на театр военных действий в Южной Африке, № IV, от 4/17 марта 1900. из лагеря под Glencoe.

23> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 201–202.

24> Война Англии с южноафриканскими республиками, 1899–1901 г. Отчёт командированного по Высочайшему повелению к войскам южноафриканских республик Генерального штаба полковника **Ромейко-Гурко**, СПб., 1901. С. 64–67.

25> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 205.

26> **Фон Врангели** (Wrangell) – немецкий дворянский и баронский род, живший с XIII в. в Эстляндии (Эстонии).

27> Лейтенант французской армии **Галлопо** (**Галлипо**) (**Gallopaud**) был вынужден покинуть ряды вооружённых сил своей страны из-за долгов незадолго до начала англо-бурской войны. В 1914 г. с началом Первой мировой войны он вновь поступил на военную службу и погиб на фронте в 1917 г. (по материалам Интернета).

28> Цит. по: Россия и Африка. Документы и материалы XVIII в. – 1960 г. Том I., М., 1999. С. 189–190.

29> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 209–210.

30> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 213–214.

31> 30 апреля 1900 г. Голландский корпус **Максимова** и присоединившиеся к нему отряды общей численностью примерно 150 человек – 40 голландцев, нескольких русских, немецкого отряда из Оранжевого Свободного Государства, нескольких французов и двое американцев не только заняли стратегическую позицию, но и отбили ружейным огнём штыковую атаку англичан, несмотря на ранение своего командира **Максимова**. Добровольцы отошли на ночь, чтобы

подкрепиться, а когда утром вернулись, то обнаружили, что буры с правого фланга ушли, но бой продолжился; они были вынуждены отступить, поскольку позицию было не удержать. Британцы потеряли в двухдневном бою 157 убитыми, а добровольцы – шесть убитыми, 28 ранеными и десять взятыми в плен (среди которых был **Кор Ван Гог** – брат известного художника-импрессиониста. Брат художника позднее покончил с собой в заключении) (*Gloete G.P. The Anglo-Boer War A Chronology. Pretoria. 2000. P. 137–138*).

32> Известно, что английский капитан **Таус (Таузе) (Тауз)**, ранивший **Максимова** в голову с близкого расстояния в бою при Табанчу (Тобабаерг) и сам тяжело раненный в бою, и вследствие этого потерявший зрение, позднее был награждён Крестом Виктории – высшей военной наградой Великобритании. Об этом человеке известно, что **Тауз Эрнест Бичкрофт Беквит (Towse Ernest Beachcroft Beckwith)** (1864–1948) в армии с 1886 г. Служил в Индии. Участник сражения под Магесрфонтейном, где вынес из-под обстрела смертельно раненого полковника **Даумана**, а 20 апреля с 12-ю солдатами участвовал в бою против 150 буров (цифры явно преувеличены), получил тяжёлое ранение приведшее к полной потере зрения. Получил Крест Виктории за оба боя. Получал небольшую пенсию как сержант-майор и кавалер ордена. Во время Первой мировой войны служил капитаном в госпитале, где печатал на пишущей машинке для незрячих письма раненым солдатам (по материалам Интернета).

33> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 218–223.

34> Русский листок. 22 апреля 1900 г. № 3739.

35> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 282.

36> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 283.

37> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 286, 283–284.

38> **Блиньо Питер Еремиас (Blignaut Pieter Jeremias)** (1841–1909) – с 1879 по 1900 г. – государственный секретарь Оранжевого Свободного Государства. Участник англо-бурской войны.

39> *Изъединова С.В.* Несколько месяцев у буров. Воспоминания сестры милосердия, СПб., 1903. С. 284–285.

40> Это одно из немногих сообщений о сдаче африканеров, которое, к несчастью для буров, было правдой, и это событие (сдача свыше 4300 буров) явилось одной из самых позорных страниц для буров в истории той войны. – *Прим. авт.- сост.*

41> Новое Время. 21 июля (3 августа) 1900. № 8763.

42> Личное дело сотника царского конвоя **Александра Фердинандовича Зайн-Виттгенштейна-Берлебурга** не обнаружено в материалах РГВИА.

43> Варьете (фр. *variete*, буквально – разнообразие), театр эстрадных программ. Первый был основан в Париже в конце XVIII в.

44> «Признак русской культурности: в интеллигенции – быть приверженцем Англии, Франции и т.д., в купечестве – содержать англичанку, француженку и т.д.». *Ключевский В.О.* Сочинения в девяти томах. Т. IX (материалы разных лет). М., Мысль. 1990. С. 409.

45> *Davidson A., Filatova I.* The Russians and the Anglo-Boer War. Cape Town, 1998. P. 96–98.

46> Новости дня, 18 марта (31 марта) 1902. («Новости дня» – политическая и общественно-литературная газета. Издавалась в Москве в 1883–1906 гг.).

47> *Дягилева Ю.* Живая очередь... на дуэль. АиФ, СПб, 24.01.01.

48> Имеются в виду войска охраняющие и обслуживающие железные дороги в действующей армии. В их состав входили пехота, связисты, дорожные части. Были созданы в середине XIX в. (До 1881 г. все железнодорожники в Российской империи являлись военнослужащими.)

49> Об определении на службу подполковника запаса **Максимова** 22 марта 1904–24 августа 1904, на 27 листах

50> Первого августа 1904 г., наконец, последовал Высочайший приказ о зачислении **Максимова** в действующую армию. **Евгений Яковлевич Максимов** был определён в 36-й пехотный Орловский полк. Прибыв в Манчжурию в сентябре, он сразу вступил в командование 2-м батальоном. Первого октября 1904 г. Орловский полк принял участие в битве на реке Шахэ. В этом тяжёлом бою полк потерял убитыми и ранеными 17 офицеров и 945 нижних чинов (более половины личного состава). Среди погибших в бою был и подполковник **Евгений Яковлевич Максимов** (по материалам профессора *А.Б. Давидсона*).

51> Исторический Вестник (СПб), Т. 98, № 12 (декабрь), 1904. С. 1196–1197. («Исторический вестник» – историко-литературный журнал консервативного направления. Издавался в 1880–1917 гг.)

52> Новое Время. 1904. № 10282.

53> Ревель ныне – столица Эстонии город Таллин.

54> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 3.

55> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 5.

56> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 7.

57> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 9, 9 об.

58> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 11, 11 об., 12.

59> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 13, 13 об., 14.

60> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 19, 19 об.

61> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 23, 23 об.

62> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 23, 23 об.

63> *Amery L. Ch., The Times History of the War in South Africa. 1899–1902. L. 1909, T. 6. P. 292–293, 448–452.* (Цит. по: *Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.)*, М., 1970. С. 74.)

64> *The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. T. 94, P. 1271–1273.* (Цит. по: *Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.)*, М., 1970. С. 74.)

65> *The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. T. 104, P. 848.* (Цит. по: *Никитина И.А. Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.)*, М., 1970. С. 74.)

66> Доминион (англ. *dominion* от лат. *dominium* – владение) – название самоуправляемых частей Британской империи. После 1931 г. доминионами именуют некоторые страны – бывшие английские колонии, получившие независимость, но остающиеся членами Содружества наций и признающих в качестве главы государства английского монарха, который представлен в этих странах генерал-губернатором.

67> The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. Т. 104, Р. 152, 371. (Цит. по: *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.), М., 1970. С. 75.)

68> The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. Т. 103, Р. 1272–1273. (Цит. по: *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.), М., 1970. С. 76.)

69> The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. Т. 103, Р. 846–848. (Цит. по: *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.), М., 1970. С. 76.)

70> The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. Т. 103, Р. 851. (Цит. по: *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.), М., 1970. С. 76.)

71> The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. Т. 103, Р. 559–560. (Цит. по: *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.), М., 1970. С. 76.)

72> The Parliamentary Debates, 4 Series, vol. 74–105, L. 1899–1902. Т. 103, Р. 846–849. (Цит. по: *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.), М., 1970. С. 76.)

73> Бродрик Вильям Джон Фремантл (1856–1942), лорд, заместитель военного министра в 1895–1898 гг. и военный министр Великобритании в 1900–1903 гг. В 1903–1905 гг. – госсекретарь по делам Индии.

74> *Никитина И.А.* Захват бурских республик Англией (1899–1902 гг.), М., 1970. С. 74–78.

75> В архиве нет сведений, когда в декабре вышла данная статья, а авторам не удалось найти эту статью в названной газете в номерах за декабрь 1901 г.

76> Любопытно отметить тот малоизвестный факт, что до Февральской революции 1917 г., по меньшей мере, 95% всех российских газет (включая провинциальные), прямо или косвенно принадлежали еврейскому капиталу, а крайне правая санкт-петербургская газета «Новое Время», в которой и была напечатана данная разухабистая статья, находилась под тогда сильным немецким влиянием и лишь после начала Первой мировой войны акции данной газеты через подставных лиц (графа **Сергея Юльевича Витте**) выкупили петербургские еврейские банкиры, что вызвало жуткий скандал. – *Прим. ред.-сост.*

77> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 42.

78> Новое Время. 28 декабря 1901 (10 января 1902), № 9273.

79> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), 1901 г. д. 2123 об, л. 4.

80> Ермолов А.С. (1847–19??) – статс-секретарь, министр земледелия и государственных имуществ России в 1893–1905 гг.

81> Великий князь **Дмитрий Константинович Романов** (1860–1919), генерал, двоюродный брат **Александра II**, в 1897–1905 гг. являлся главноуправляющим Главного управления коннозаводства. Расстрелян большевиками.

82> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, лл. 52, 53, 53 об, 54, 54 об, 55, 55 об, 56, 56 об, 58, 58 об.

83> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 60.

84> АВПРИ, ф. II Департамент, стол 1–5, оп. 929, д. 10, л. 76, 76 об, 77, 77 об.

85> Амурская газета. 6 января 1902. № 2.

86> Новое Время. 1902. 30 октября, № 9575 (Цит. по: *Власов*

В.В. Русская пресса о политических событиях в Южной Африке 1899–1910 гг. Дипломная работа. 1978. М., Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы).

87> Davidson A. Filatova I. The Russians and the Anglo-Boer War Cape Town, 1998, P. 242–243.

88> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2125, лл. 19–21 об.

89> Жубер-Пинаар Франсуа Якобус (Pienaar Francois Joubert) (1856–1932) – участник англо-бурской войны, генерал. Именно его отряд первым среди буров захватил английский бронепоезд в Натале. Сдался португальцам с отрядом в 700 человек. Попал в плен к британцам. Эмигрировал во Францию, затем в Анголу. Позднее вернулся на родину. Женился на француженке и сражался добровольцем в составе французских войск во время Первой мировой войны.

90> Баротце – современное название **лози, балози, баротсе** – народность, живущая на территории современной Замбии, создавшая политическое объединение, известное с 60-х гг. XIX в. как **Баротселенд**. В 1891 г. был провозглашён английским протекторатом.

91> Имеется в виду восстание народов **нама** и **гереро** в Юго-Западной Африке в 1904–1907 гг. против немецких колонизаторов и борьба народов Мозамбика против проникновения португальцев во внутренние районы страны.

92> Мосамедес или Мосамедиш, ныне город и порт Намибе на Атлантическом побережье Анголы.

93> Речь идёт о крупнейших народах Южной Африки – **басуто, зулусах** и **свази**.

94> Речь идёт о так называемом «китайском эксперименте», проведённом золотопромышленниками в 1904–1910 гг., когда из-за

нехватки дешёвой африканской рабочей силы на шахты Трансвааля ввозились китайские рабочие.

95> Вализа (фр. Valise) – почтовый мешок, чемодан дипломатического курьера, пользующийся неприкосновенностью.

96> Камер-юнкер (нем. Kammerjunker) – младшее придворное звание в Российской империи и некоторых других монархических государствах Европы.

97> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2125, лл. 31–38.

98> Бункер – специально оборудованное вместилище для сыпучих грузов.

99> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2125, лл. 39–40 об.

100> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2125, л. 59.

101> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2125, л. 54–58 об.

102> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2125, л. 59.

103> Не исключено, что одной из причин отказа были крайне нелестные сведения о бурском генерале, содержащиеся в выше-приведённом докладе подполковника **фон Зигерн-Корна: Пинаар** – бывший командант Йоханнесбургской команды, отрешённый от начальствования ею по просьбе своих же подчинённых за непрерывные денежные недоразумения с ними и за чрезмерное пристрастие к спиртным напиткам... (*Фон Зигерн-Корн. Англо-бурская война. От сдачи Претории бурами до отъезда президента Крюгера в Европу. Гл. XVIII. Отряд Пинаара. С. 190*).

104> АВПРИ, ф. 151 (Политархив), оп. 482, д. 2125, л. 60.

105> Московские ведомости. 21 ноября 1903. № 319. (Цит. по:

Власов В.В. Русская пресса о политических событиях в Южной Африке 1899–1910 гг. Дипломная работа. 1978. М., Университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы.)

106> Бамбата (1865–1906) – зулусский вождь народности **зонди**. Возглавил восстание против англичан и погиб в бою 10 июня 1906 г.

107> Московские ведомости. 21 мая 1906. № 130. (Цит. по: *Власов В.В.* Русская пресса о политических событиях в Южной Африке 1899–1910 гг. Дипломная работа. 1978. М., Университет дружбы народов им Патриса Лумумбы.)

108> Едришкин – под таким псевдонимом писал в то время свои статьи в периодических изданиях генерал **Вандам (Едрихин)**.

109> Юденич Н.Н. (1862–1933) – генерал от инфантерии. Окончил академию Генерального штаба в 1887 г. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1914 г., с началом Первой мировой войны – начальник штаба Кавказской армии, затем командующий армией и Кавказским фронтом. Перешёл после революции на сторону белого движения. Осенью 1918 г. эмигрировал сначала в Финляндию, а потом в Эстонию. В 1919 г. был назначен адмиралом Колчаком командиром Северо-Западной армии белых, которая под патронажем немцев, а затем англичан пыталась провести наступление на Петроград. С 1920 г. – в эмиграции в Великобритании.

110> Реконструкция биографии **Едрихина (Вандама)** сделана по материалам профессора **А.К. Кавтарадзе** (Москва) и **Н.Н. Рутченко** (Париж).

111> Карл Мартелл – в 715–741 гг. правитель франкских королевств в Западной Германии и Северной Франции.

112> Масоны (фр. Francs-maçons – буквально вольные каменщики или франкмасоны) – члены религиозно-этического общества,

возникшего в XVIII в. в Англии, а затем распространившего сеть своих ячеек (лож) и в остальных странах Европы; проповедь нравственного самоусовершенствования сопровождаемого специальной обрядностью и таинственностью.

Русские противники масонства ссылаются на хрестоматийный случай с великим русским просветителем и издателем XVIII столетия и известным масоном **Н.И. Новиковым**, (масонское имя – брат **Аки-вильон**.) который во время русско-шведской войны 1788–1790 гг. во исполнение приказов масонской ложи, в которой он состоял и которая располагалась в Швеции (а была создана и направлялась англичанами), по приказу её главы собирал с братьев-масонов деньги и посылал их гроссмейстеру ложи. В частности, за это он и попал в 1792–1796 гг. в Шлиссельбургскую крепость по указу **Екатерины Великой** и освобожден только после её смерти (и прожил до самой смерти в 1818 г. в своём имении в деревне Авдотьино Московской губернии более не занимаясь изданием книг и журналов), хотя за подобное преступление – перевод средств врагу в военное время, попросту расстреливали. Позднее большинство членов Временного правительства (1917 г.), в том числе **Керенский**, являлись масонами ложи «Великий Восток Народов России». Кроме того, многие отечественные историки уже открыто признают, что и первый руководитель Временного правительства князь **Львов** и второй – **Керенский**, да и многие министры Временного правительства исполняли приказ своих зарубежных хозяев-масонов (преимущественно англичан и американцев) и целенаправленно развалили в 1917 г. надорвавшуюся от тяжёлой долгой войны (только к началу 1917 г., ещё до Февральской революции, в русской армии уже насчитывалось 1 млн 200 тыс. дезертиров) и крайне плохого управления и ставшей к тому времени республикой бывшую Российскую империю, в частности, **Керенский** постоянно откладывал дату выборов в Учредительное собрание, чем восставил против Временного правительства все слои общества и отправил в сибирскую ссылку отрёкшегося от власти царя **Николая II** и его семью, прекрасно зная, что живыми им уже не вернуться, и не принял мер против большевиков и даже вооружил их во время Корниловского мятежа (который сам во многом и подготовил), хотя прекрасно был осведомлён, что руководители большевиков были платными не-

мецкими, и американскими и британскими агентами (получавшими деньги через шведские и швейцарские банки), и что получив оружие и подавив мятеж **Корнилова** и получив дополнительное финансирование из-за рубежа они захватят власть и не допустят правления избранного народом Учредительного собрания. Большевики, узурпировав власть, лишь довершили начатое **Керенским** уничтожение семьи царя и в 1918 г. прихлопнули сперва младшего брата царя – **Михаила Романова**, а затем и самого бывшего **Николая II** (точнее, к тому времени гражданина **Николая Романова**) с семьёй. Пришедшие на смену Временному правительству большевики использовали для своих целей пламенеющую пятиконечную звезду как символ армии и ВВС – один из символов второго градуса масонских лож, хотя сами в конце 1920-х годов запретили все масонские ложи. [Их идею озвучил в 1917 г. сам **Лейба Бронштейн (Троцкий)** (второй человек в партии большевиков после **Владимира Ленина (Ульянова)**: «нам нужна не Россия, а мировая революция», другими словами, стоявшие за «пламенным революционером» богатые американские и британские преимущественно еврейские промышленники и финансисты собирались управлять всей Европой и Китаем или оказывать на них серьёзное, в том числе и военное давление руками незаконно захвативших власть большевиков]. Подробнее об американских масонах («Ордене») и организации ими большевистской революции и подготовке Второй мировой войны см. книги **Энтони Саттона** «Введение в Орден», «Как Орден контролирует образование», «Как Орден организует войны и революции» и «Секретный культ Ордена» «Уолл-стрит и Большевистская революция»; «Как Орден организует войны и революции»; «Уолл-стрит и приход Гитлера к власти». Кроме того, существует точка зрения, что все ведущие современные российские масонские ложи (воссозданные в 1992 г.) во многом управляются из-за рубежа посредством Объединённой Великой Ложы Англии и других европейских и американских Великих Лож. Хотя в последнее время появилась и противоположная точка зрения, о том, что отечественные масоны усердно работают над восстановлением Российской империи с включением в её состав наиболее экономически и географически важных областей отколовшихся при распаде Советского Союза в конце 1991 г. и стремящихся вернуться в состав России. – *Прим.*

авт.-сост. (О современном состоянии российского масонства см. беседы с руководителями отечественных «Вольных каменщиков» **Георгием Борисовичем Дергачёвым** в статье «Мы противостоям злу в человеке и в мире» (Независимая Газета. 12 июля 2000) и **Андреем Владимировичем Богдановым** (руководитель Демократической партии России, в марте 2008 г. на выборах в президенты России набрал 1,3% голосов) в газете «Комсомольская правда» 30 августа 2007.)

113> Вот те партии, которые делали Октябрьскую революцию 1917 г., ну нет альтернативы – еврей на еврее сидит и евреем погоняет: ЦК (Центральный комитет) большевиков – 9 из 12 евреи; ЦК меньшевиков – 11 из 11 евреи; ЦК правых эсеров – 13 из 15 евреи; ЦК левых эсеров – 10 из 12 евреи. Напомним также, что один из столпов американского иудейского финансового мира **Яков Шифф** в 1904–1905 гг. (во время русско-японской войны) заблокировал получение кредитов воюющей Россией, взамен пролоббировал финансовую поддержку Японии, став кавалером её высшего ордена. (Во время русско-японской войны банк, управляемый **Шиффом**, разместил на американском рынке серию японских государственных займов на сумму около 200 миллионов долларов. Антироссийская позиция **Шиффа** во многом объяснялась его связями с финансовыми кругами Великобритании, которая в то время была союзницей Японии другая часть японских займов была размещена в Англии. За свою поддержку Японии во время войны **Шифф** в 1905 году был награждён японским орденом Священного сокровища, а в 1907 г. орденом Восходящего солнца). Он же выступал главным спонсором эсеров и других радикал-террористов, которые методически отстреливали имперский истеблишмент и дестабилизировали ситуацию во владениях **Романовых**. США руководствовались собственными интересами и в годы Первой мировой – подрыв мощи колониальных империй Англии и Франции, превращение ослабленной постмонархической России в младшего союзника, источник ресурсов и необъятный рынок сбыта. Любопытно, что из 50 млн золотых марок 40 млн большевикам поступило (через шведские банки) не от хрестоматийного кайзеровского Генштаба, а из банкирского дома **Варбург** в Нью-Йорке (партнера **Я. Шиффа**). Вдобавок к «пломбированному вагону» (**В. Ленин** и со-

ратники из Германии) из США 26 марта 1917 г. отправился пароход с **А. Троцким** и большой группой «профессиональных революционеров» (по материалам Интернета).

114> Торговый оборот Голландии [в 1652 г.] превосходил оборот Англии в пять раз. Голландский рыбный промысел в столько же раз превосходил английский до 1636 г., когда король **Карл I** изгнал голландскую рыболовную флотилию из трёх тысяч судов, занимавшуюся сельдяным промыслом у самого английского берега. Потом он снова разрешил ловлю сельди, но за очень высокое вознаграждение; во времена революции это соглашение было оставлено без внимания. Уже в 1654 г. [английские] посланники были отозваны <...> **Кромвель** заявил категорически, что Англия не потерпит появления без её соизволения флагов других держав в мировом океане. Эта ревность выразилась в «Навигационном Акте», изданном в октябре 1651 г., который разрешал торговлю с Англией только на английских судах или на судах государств, из которых этот товар вывозился, причем в последнем случае эти суда должны были идти прямо в Англию, без захода в какие-либо промежуточные порты. Командиры и по крайней мере три четверти команды должны были быть англичанами. Суда, не соблюдающие этого акта, подлежали конфискации. В таком же роде были постановления, касающиеся торговли с колониями и рыбного промысла. Тем же актом запрещалась иностранцам прибрежная торговля, а пошлины в некоторых случаях были повышены. Лишь в 1854 г. [спустя свыше 200 лет] этот навигационный акт был окончательно отменён; в течение времени он подвергался изменениям, благодаря различным международным соглашениям. Сперва он был Англии в некоторых отношениях убыточен, но впоследствии сделался одним из главных источников её могущества (*Штенцель А. История войн на море. Гл. V. Первая англо-голландская война 1652–1654 гг.*)

115> *Вандам А. Наше положение. СПб., 1912 г. (Текст приводится по материалам доктора социологических наук полковника запаса И.В. Образцова).*

116> Все события до 1918 г. датируются по старому стилю.

117> РГВИА, ф. 401, д. 5, д. 41.

118> РГВИА, ф. 2347, оп. 1, д. 437.

119> Вандам Жозеф-Доминик (1771–1838) – генерал-лейтенант Наполеоновской французской армии, командир VIII корпуса. Интересно отметить, что **Наполеон** не пожаловал маршальского жезла генералу **Вандаму**, хотя и высоко ценил его как военачальника. Ценил настолько, что даже простил ему служебные злоупотребления, сказав его уличителям: «Если бы у меня было два **Вандама**, то одного из них я повесил бы за это!» Однако 18 августа 1913 г. в сражении под Кульмом русско-пруссские войска под командованием **Барклая де Толли** разгромили французский корпус генерала **Вандама**, который после неудачного для противников **Наполеона** Дрезденского сражения попытался зайти им в тыл, но оказался сам в окружении и был разгромлен, а генерал **Вандам** оказался в русском плену. С января по сентябрь 1814 г. он отбывал ссылку в Вятской губернии. После сдачи Парижа союзникам в 1814 г. генерал **Вандам** одним из первых перешёл на сторону **Бурбонов** и всё же был осуждён в ссылку в родной город, но в 1815 г. вновь вернулся к **Наполеону**, за что впоследствии несколько лет провёл в ссылке. По французским источникам, биография несомненно выдающегося наполеоновского генерала выглядит так: **Вандам Доминик-Рене, (Vandamme)** (1770–1830), граф **Гюнебургский**. Французский генерал-лейтенант. Начал службу солдатом в колониальном полку на острове Мартиника. В 1792 г. ему было поручено сформировать роту вольных стрелков, с которой он отличился в боях Северной армии (1793 г.) С этого времени стали известны его горячий патриотизм и его легендарная храбрость, но вместе с тем обнаружилась и порывистость его характера, и его любовь весело пожить, и нередкая среди военных деятелей революционной эпохи склонность не пренебрегать на войне чужою собственностью. В том же 1793 г. **Вандам** получил чин бригадного генерала и последовательно действуя в Самбро-Маасской армии, в Рейнской (1796 г.) и в Дунайской, он

в 1799 г. был произведён в дивизионные генералы. В голландской армии, под началом **Брюна**, **Вандам** был участником сражений при Бергене и Касстрикуме; потом он снова служил в Дунайской армии (1800 г.) под началом генерала **Моро**, а также отличился в Граубинденском походе **Массена** (1800–1801 гг.). В Аустерлицком сражении 1805 г. дивизии **Вандама**, входившей в состав корпуса **Сульта**, выпало на долю драться на самом решительном пункте сражения – Праценских высотах. Безостановочное, совместно с **Сент-Илером**, движение **Вандама** против войск **Милорадовича** имело следствием разгром центра союзной армии, что, как известно, и решило исход сражения в пользу **Наполеона**. По овладении Праценскими высотами, войска **Вандама** у Аугеста пресекли путь отступления левых флангов частей союзной армии и заставили их повернуть к губительным для них озёрным теснинам. В кампании 1806–1807 гг. **Вандам** командовал IX корпусом, с которым занимал Силезию. В 1808 г. он получил титул графа **Гюнебургского**, а в 1809 г. принял деятельное участие в боях при Абеснберге и Экемюле. В русском походе 1812 г. **Вандам** командовал VIII вестфальским корпусом великой армии, но почти в самом начале кампании, вследствие столкновений с командиром корпуса **Иеронимом** (братом **Наполеона**) должен был уехать во Францию. В 1813 г. он снова появляется в составе великой армии в качестве командира I корпуса, отбивает у союзников Гамбург, а затем, вызванный **Наполеоном** в Саксонию, принимает участие в операциях под Дрезденом, где на его войска были возложены действия в тыл фланга союзной богемской армии. Он мог бы поставить в критическое положение русские войска, бывшие под начальством графа **Остермана-Толстого**, захватив на их пути выходы из рудных гор, но это ему не удалось. Тогда, будучи спокойным за свой тыл, **Вандам** настойчиво атаковал эти войска под Кульмом, но, вследствие прекращения **Наполеоном** преследования богемской армии со стороны Дрездена, сам оказался в изолированном положении. 30 августа, когда в тылу его показались прусские войска, **Вандам** пытался пробиться через них; часть его войск при этом была рассеяна, а с другою он вынужден был положить оружие, и был взят в плен. Он был отправлен на жительство в Вятку, откуда возвратился в Париж 1 сентября 1814 г., но отвергнутый **Бурбона-**

ми, отправился на родину, в Касель. Во время «ста дней» **Вандам** примкнул к **Наполеону**, вверившему ему командование III корпусом, с которым **Вандам** содействовал победе над пруссаками при Линьи (1815 г.). После Ватерлоо он довёл в порядке свой корпус до Парижа, а затем отвёл остатки великой армии за реку Луару. Исклучённый вместе со многим другими генералами из службы (24 июля 1815 г.) и изгнанный из Франции (12 января 1816 г.), **Вандам** нашёл убежище в США. 1 декабря 1819 г. ему было разрешено возвратиться во Францию, но он не получил назначения, а только числился в списках армии и в 1824 г. вышел в отставку. Умер генерал **Вандам** в 1830 г. (*Du Casse, Le general Vandamme et sa correspondance, Paris, 1870*).

120> Вандам А. Наше положение. СПб.: Типография товарищества А.С. Суворина «Новое Время». 1912. 204 С. Сразу после выхода в свет циркуляром Морского учебного комитета № 112 от 20 апреля 1913 г. книга была рекомендована для приобретения в офицерские библиотеки.

121> Вандам А. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при Свете высшей стратегии. СПб.: Типография товарищества А.С. Суворина «Новое Время». 1913. 53 С.

122> Милютин Д.А. (1816–1912), российский военачальник, генерал-фельдмаршал (1898), военный министр (1861–1881), граф (1878). В 1856–1859 гг. начальник Главного штаба Кавказской армии. В 1860–1870-х гг. провёл военные реформы. Родоначальник военной статистики в России.

123> Семёнов-Тян-Шанский (до 1906 – **Семёнов**) **П.П.** (1827–1914), географ, статистик, общественный деятель. Руководитель Русского географического общества (с 1873) и Русского энтомологического общества (с 1889). В 1856–1857 гг. исследовал Тянь-Шань, составил первую схему его орографии и высотной зональности. Инициатор ряда экспедиций в Центральную Азию. Организатор первой переписи населения России в 1897 г.

124> Снесарев А.Е. (1865–1937) – российский и советский военачальник и учёный-востоковед, профессор, Герой Труда (1928). В Первую мировую войну командовал дивизией и корпусом, генерал-лейтенант, участник 75 боёв, многократно награждён. В 1918 г. перешёл на сторону Советской власти. В Гражданскую войну – командующий войсками военного округа, армией, затем на преподавательской и научной работе. Владел 14 языками. Работы по военной географии. В 1930–1937 гг. был в тюрьме (не поладил с **Тухачевским**). Реабилитирован и выпущен из заключения. Скончался своей смертью.

125> Что же касается современной библиографии основателя русской геополитики **Алексея Вандама**, то следует упомянуть две его книги: *Вандам А.Е. «Геополитика и геостратегия»*. М., 2002 и *Вандам А.Е. «Неуслышанные пророки грядущих войн»*. М., 2004.

Из других представителей русской геополитической школы стоит отметить генерала **Головина** и адмирала **Бубнова**.

Николай Николаевич Головин (1875–1944 г.) – русский генерал-майор, видный военный теоретик и военный историк, участник белого движения, коллаборационист (сотрудничал с фашистами во Франции в годы Второй мировой войны). Скончался в Париже в 1944 г.

Окончил в 1900 г. Николаевскую академию Генерального Штаба. Служил в штабах гвардейских полков. С 17 октября 1905 – старший адъютант штаба войск гвардии и Петербургского военного округа. С ноября 1905 по июнь 1910 г. – заведующий передвижением войск по железнодорожным и водным путям Петербургско-Рижского района.

В 1905–1907 гг. – секретарь Общества ревнителей военных знаний. Неоднократно командировывался во Францию для изучения службы Генштаба, по возвращении вёл курс «Служба Генштаба» в военной академии. С февраля 1908 г. – профессор Николаевской академии Генерального штаба. В январе–июне 1914 г. — командир 20-го драгунского Финляндского полка.

В июне 1914 г. назначен командиром лейб-гвардии Гродненского гусарского полка, во главе которого выступил на фронт. За отличное командование полком был произведён в генерал-майоры. С ноября 1914 г. – генерал-квартирмейстер штаба 9-й армии. 9 марта 1915 г. награждён Георгиевским оружием. С 24 октября 1915 – на-

чальник штаба 7-й армии. В декабре 1916 г. за составление плана действий в мае 1916 г. на Стрыпе награждён орденом Святого Георгия 3-й степени. После Февральской революции в марте 1917 г. исполнял дела помощника начальника штаба командующего армиями Румынского фронта, а в середине октября 1917 г. переведён в распоряжение министра-председателя и Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции уехал в Одессу, а в декабре 1918 г. – во Францию. В августе 1919 г. **Головин** прибыл из Франции в Западную Сибирь в армию адмирала **А.В. Колчака**. Ожидалось, что **Головин** станет начальником штаба колчаковской армии или военным министром. Однако прибыв в Омск, он после ряда совещаний оценил ситуацию как безнадёжную и уехал обратно во Владивосток и Европу. Вернулся в Крым. В ноябре 1920 г. эвакуировался из Крыма в Галлиполи (Турция), затем во Францию. В марте 1927 г. создал и возглавил Высшие военно-научные курсы Российского общевойскового союза в Париже. Преподавал историю Первой мировой войны во французской Военной академии, был профессором Русского историко-филологического факультета при Парижском университете, член русской академической группы. С 1960 по 1940 г. – официальный представитель Гуверовской военной библиотеки в Париже, посещал в 1930-1931 гг. военный колледж в Вашингтоне и Стэнфордский университет в Калифорнии, где читал цикл лекций по истории Первой мировой войны. После захвата Франции войсками фашистской Германии активно сотрудничал с немцами, занимаясь, в частности, отправкой русских добровольцев в армию генерала **Власова**, и писал статьи о победах Третьего рейха. После поражения Фашистской Германии в 1942–1943 гг. и смерти в 1943 г. жены и нахождения единственного сына **Михаила**, авиационного инженера, одного из ведущих сотрудников военно-технической разведки ВВС Англии, во враждебном ему лагере подорвали его силы и он скончался от сердечного приступа.

Наиболее значимые труды:

«Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте» в 4-х томах. Прага – Париж, 1925–1940. Том 1. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага. 1926.

Англ. перевод: The Russian campaign of 1914: the beginning of the

war and operations in East Prussia. The Command and General Staff School Press, 1933.

Галицийская Битва (первый период – до 1 сентября нов. ст.). Изд. Родник. Париж. 1930.

The problem of the Pacific in the Twentieth Century. L. 1922. By GENERAL N'. GOLOVIN. IN COLLABORATION WITH ADMIRAL A. D. BUBNOV TRANSLATED BY C. NABOKOFF (Тихоокеанская проблема в XX-м столетии). совместно с **Головиным Н.К.**, перевод К.Д. Набокова) (совместно с **Бубновым А.Д.** и **К.Д. Набоковым**)

(Тихоокеанская проблема в XX-м столетии). The problem of the Pacific in the Twentieth Century. New York. Charles Scribner's sons. 1922. (совместно с Бубновым А.Д. и К.Д. Набоковым) (переиздание в Нью-Йорке)

Авиация в минувшую войну и будущую. Белград. 1922

Тихоокеанская проблема в XX-м столетии. Прага. 1924 (совместно с **Бубновым А.Д.**).

Танки в минувшую войну и в будущую. Прага. 1925.

Air Strategy. London, 1936 (совместно с сыном **Михаилом**).

Views on Air Defence. London, 1938 (совместно с сыном **Михаилом**).

Александр Дмитриевич Бубнов (1883–1963) – русский контр-адмирал. Участник белого движения. В эмиграции преподавал в Югославской морской академии.

Окончил Морской кадетский корпус в 1903 г. и Военно-морской отдел Николаевской морской академии в 1913 г. Во время русско-японской войны на эскадренном броненосце «**Орёл**» участвовал в Цусимском сражении 14 мая 1904 г., был тяжело ранен. Находился в японском плену. Старший флаг-офицер Штаба начальника УМО Балтийского флота в 1910–1912. Во время Первой мировой войны служил в штабе Верховного главнокомандующего в должности флаг-капитана, затем начальника Военно-морского управления при Верховном главнокомандующем. Уволен в отставку 19 декабря 1917 г. Перешел на службу в белую армию. Морской эксперт делегации зарубежной России на Версальской конференции (1918–1920 гг.). Начальник штаба Черноморского флота в 1920 г. Уволен в отставку в феврале 1920 г. Эмигрировал во Францию, затем в 1923 г. переехал

в Югославию в город Дубровник для оказания помощи в организации Военно-морского училища. При его непосредственном участии в 1930 г. в Дубровнике была создана Высшая военно-морская школа. Профессор стратегии и военно-морского искусства в Королевской военно-морской академии в Дубровнике в 1923–1941 гг. После оккупации Югославии немцами и увольнения из академии преподавал русский язык в гимназии в Кранье, где и умер. Автор многочисленных научных статей и фундаментальных исследований

Наиболее значимые труды:

The problem of the Pacific in the Twentieth Century. L. 1922. By GENERAL N'. GOLOVIN. IN COLLABORATION WITH ADMIRAL A. D. BUBNOV TRANSLATED BY C. NABOKOFF (Тихоокеанская проблема в XX-м столетии. совместно с **Головиным Н.К.**, перевод **К.Д. Набокова**) (совместно с Головиным Н.К. и К.Д. Набоковым)

The problem of the Pacific in the Twentieth Century. New York. Charles Scribner's sons. 1922.

(Тихоокеанская проблема в XX-м столетии). (совместно с Головиным Н.К., перевод К.Д. Набокова) (переиздание в Нью-Йорке)

Тихоокеанская проблема в XX-м столетии. Прага. 1924. (совместно с Головиным Н.К. и Набоковым К.Д.)

В царской ставке. Русское верховное командование в Первой мировой войне Нью-Йорк. Издательство имени Чехова. 1955.

В царской ставке. Русское верховное командование в Первой мировой войне Санкт-Петербург. Облик. 1995. (переиздание)

В царской ставке. Русское верховное командование в Первой мировой войне Конец Российской монархии. Москва. Воениздат. 2002.

Оба автора (адмирал **Бубнов** и генерал **Головин**) предсказали, в частности, в деталях будущие захватнические войны Японии, в том числе войну между США и Японией на Тихом океане.

126> Вандам А. Наше положение. СПб., 1912. С. 203.

127> Вандам А. Наше положение. СПб., 1912. С. 3.

128> Демолен Э. Аристократическая раса (Пер. с фр. А.Вандама).

СПб.: Типография товарищества А.С.Суворина Новое Время. 1906; *Рейх Эмиль*. Современная Германия. Пер. с фр. А.Вандама. СПб.: Типография товарищества А.С.Суворина Новое Время. 1908; (*Репингтон Чарльз*) Будущая война на суше и на море. Из Essays and Criticisms военного сотрудника The Times. Извлёк А.Вандам. Типография товарищества А.С.Суворина Новое Время. 1913; *Эбергарт Изабелла*. Тень ислама Пер. с англ. А.Е.В. (А.Вандама). В 2 частях. СПб.: Типография товарищества А.С.Суворина Новое Время. 1913. (возможно, книга была только подготовлена к изданию, но не издавалась, в российских библиотеках обнаружить её не удалось).

129> *Смирнов К.К.* Начало Северо-Западной армии. Белое дело. Берлин: Медный всадник, 1926. Кн.1. С. 124.

130> **Фон Глазенап П.В.** – генерал-лейтенант, в конце 1919 – начале 1920 гг. командовал Северо-Западной армией, затем эмигрировал в Германию. Скончался после Второй мировой войны.

131> Публикуется по: *Вандам А.* Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при Свете высшей стратегии. СПб.: Типография товарищества А.С. Суворина Новое Время. 1913 г. 53 С.

132> Когда даже образованный человек неожиданно для себя узнаёт, что Византия долгое время была духовным, культурным и политическим центром мира, а Западная Европа была захолустьем по отношению к ней, это вызывает настоящий шок. В Константинополе – полумиллионном мегаполисе с широкими проспектами и многоэтажными домами с гидравлическими лифтами – с IV века были водопровод, канализация. В то время как Париж и другие европейские столицы до X века насчитывали не более 20 тысяч жителей. А основное гигиеническое изобретение Запада – башмаки на высокой подошве, чтобы в грязи не утонуть. Не говорю об образовании, о медицине, о необыкновенно развитой в Византии «социалке» – приютах для сирот, инвалидов, престарелых... Слово «олигархия» в переводе с греческого означает «власть немногих». Наши олигархи 1990-х годов –

это младшие братья византийских олигархов, которых тогда называли «динаты» – сильные. Это были люди из разных сословий, воспользовавшиеся возможностью быстро и сказочно разбогатеть, но претендовавшие не только на богатство, но и на власть в стране и влияние на императора. Закон им был не писан. Именно с ними успешно боролся **Василий II**. Те из динатов, которые были мудрее, быстро отказались от посягательств на власть и встроились в государственное тягло. Те же, кто оказались политическими олигофренами (это однокоренное с «олигархами» слово, которое означает «немногий ум»), стали цепляться за власть и поплатились. Стабилизационный фонд – тоже не изобретение новейшей России. В истории Византии такие огромные государственные резервы накапливались по крайней мере дважды – в VI веке при императоре **Юстиниане** эти средства пошли на строительство знаменитой **Святой Софии** и на воссоединение отторгнутых от империи земель. А **Василий II** предназначал свои накопления для решений особых первоочередных государственных задач, в первую очередь создание боеспособной армии... Был период, когда императоры в Византии менялись в среднем каждые четыре года. И такой период действительно был. С 1025 по 1081 г., за 56 лет, сменилось 14 правителей, которые в среднем как раз и правили ровно по четыре года. Именно в этот период, после смерти **Василия II**, динаты, используя частую смену власти и слабость императоров, растащили «стабилизационный фонд», а заодно и всю оставшуюся казну, разрушили армию и подвели страну к необходимости заключения той самой «Золотой буллы» – унижительного соглашения, в результате которого все ресурсы Византии перешли в руки иностранцев. А это в свою очередь послужило главной причиной захвата и разграбления крестоносцами Константинополя, что и надломило хребет империи... Византийцы должны были зарубить на носу, что Западу нужно только полное религиозное и духовное подчинение. Непогрешимым для византийцев должен был стать не только папа Римский, но и сам Запад... Если мы заглянем в историю, то увидим, что развитие Запада происходило совершенно особым образом. В 1204 г. примитивные по сравнению с Византией западноевропейцы захватывают Константинополь. И получают небывалые средства для развития своих стран и народов. Надо сказать, что использованы были эти новые возможно-

сти очень талантливо. Европейская культура, экономика стали бурно развиваться, на что европейцы положили много внутренних сил и творческой энергии. Но потом, когда к концу XV века для Европы стали жизненно необходимы дополнительные ресурсы и финансовые вливания, они отправились искать новый источник богатства. В поисках пути в Индию **Колумб** нашёл Америку, которая была разграблена – так же, как в своё время Византия. И снова европейцы самым талантливым, даже гениальным образом употребили эти сокровища: несколько столетий продолжался небывалый рост Старого Света. Потом пришла очередь Индии, Китая и других стран и колоний. Результат соединения грабежа и гениального научного и экономического творчества у нас перед глазами. Хорошо это или плохо – другой вопрос. Просто хочу сказать, что западная цивилизация развивается ровно таким же образом. В том числе и сегодня. (Статья «Главное, что происходит сегодня в стране, – это выбор пути» (Беседа с архимандритом **Тихоном**, автором документального фильма «Гибель империи. Византийский урок».) «Известия». 04. 02. 2008.

133> Здесь и далее географические названия даются по оригиналу без изменений.

134> Заключение франко-русского (1891–1893), англо-французского (1904) и русско-английского (1907) соглашений привело к созданию трёхсторонней коалиции Англии, Франции и России, получившей название Антанты (франц. Entente cordiale – сердечное соглашение). Формально союзные отношения между ними были закреплены уже после начала Первой мировой войны соглашением 23.08 (5.09) 1914 г. об объединении их военных усилий против Германии и её союзников и о незаключении сепаратного мира с противником.

135> **Керзон Джорджи Натаниел** (1859–1925) – лорд, английский политический деятель, дипломат, консерватор.

136> Дредноут (англ. Dreadnought – буквально бесстрашный) – название первого английского сверхлинкора, в первые десятилетия XX в. – крупный броненосный корабль с очень мощной дальнбой-

ной артиллерией (калибра 305–380 мм). Пришёл с 1906 г. на смену броненосцу. Вооружение – 10х305 мм (две башни по пять дальнбойных орудий калибра 305 мм орудий и 28 орудий калибра 76 мм, но уже с 1910 г. начали вводить в строй сверхдредноуты типа **«Орион»** 10х343 мм, вооружённые 10 тяжёлыми орудиями калибра 343 мм (две башни по пять артиллерийских орудий) и 16 орудий калибра 102 мм). (Дредноут как тип основного боевого корабля устарел уже к концу Первой мировой войны, когда стали производить сверхдредноуты (артиллерия калибра свыше 380 мм), которые тоже очень быстро устарели, поскольку основной ударной силой флота стали авианосцы, а дредноуты и сверхдредноуты во время Второй мировой войны стали лёгкой добычей самолётов-бомбардировщиков, самолётов-торпедоносцев и подводных лодок. – *Прим. авт.- сост.*)

137> Бэкон Фрэнсис (1561–1626) – английский философ и государственный деятель, основоположник английского материализма. Лорд-канцлер при короле **Якове I**. Автор утопии «Новая Атлантида».

138> Первая в мировой истории бомбардировка с воздуха произошла в 1911 году – и не где-нибудь, а в небе над Ливией (Триполи-танией или восточной Ливией). Шла итало-турецкая война. История сохранила даже имя пилота, сбросившего вручную с борта аэроплана (в ноябре 1911 г.) четыре двухкилограммовых бомбы на турецкие позиции. Им был лейтенант **Джулио Гавотти...** (по материалам Интернета).

139> Пальмерстон Генри Джон Темпл (1784–1865) – граф, английский политический деятель. В 1809–1829 гг. – министр по военным делам, в 1830–1841 гг. и 1846–1851 гг. – министр иностранных дел, в 1852–1855 гг. – министр внутренних дел, в 1855–1865 гг. – премьер-министр.

140> Венизелос Элефтериос (1864–1936) – греческий государственный и политический деятель. Основатель и лидер буржуазной либеральной партии Греции (1910). В 1910–1915 гг. и 1917–1920 гг., 1924 г. 1928–1932 гг. и 1933 г. – премьер-министр.

141> Вторая Балканская война (29.06.1913 – 10.08.1913) Болгарии против Греции, Сербии и Черногории, к которым присоединились Румыния и Османская Империя. Завершилась поражением Болгарии, которая по Бухарестскому мирному договору 1913 г. потеряла почти все приобретённые в ходе Первой Балканской войны (9.10.1912–30.05.1913) территории (преимущественно европейские владения Турции).

142> Мехэн (Mahan) Альфред Тайер (1840–1914) – американский военно-морской теоретик и историк, контр-адмирал (1906 г.) Наряду с **Ф.Х. Коломбом** создал теорию морской силы, согласно которой решающая роль в вооружённой борьбе принадлежит морским силам, а завоевание господства на море, занимающее 75% поверхности земного шара – главное условие победы в войне. Один из основоположников геополитики.

143> Вандам А. Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при свете высшей стратегии. Военно-исторический журнал, 2001. № 8. С. 66–72 (публикация подготовлена доктором социологических наук полковником запаса **И.В. Образцовым**).

144> Филипп II (1527–1598) – испанский король с 1556 г. из династии **Габсбургов**. В ходе первой англо-испанской войны (1586–1604) в 1588 г. крупным военным флотом – непобедимой армадой (128 кораблей) пытался разгромить английский флот и перебросить на Британские острова десант. В результате столкновений с английским флотом в Ла-Манше и сильного шторма армада понесла огромные потери: могущество Испании было подорвано.

145> Шуазель Этьен Франсуа, граф де Стенвиль (1719–1785) – французский государственный деятель. В 1754–1757 гг. – посол в Риме, 1757–1758 гг. – в Вене. В 1758–1761 гг. – министр иностранных дел, в 1761–1770 гг. – военный министр, в 1766–1770 гг. – министр иностранных дел.

146> В Белом доме, в кабинете главного стратега Северо-Американских Соединённых Штатов, есть, между прочим, как это известно из газет, ориентировочная карта в 20 футов длиной и в 10 футов высотой, на которой изображена вся поверхность земного шара, причём территории 12 наиболее важных держав расцвечены каждая особой краской и резкими чертами обозначены все коммуникационные линии, железные дороги, почтовые тракты, подводные кабели, телеграфные линии и станции беспроводного телеграфа. Морские и сухопутные силы каждой нации отмечены по месту нахождения их миниатюрными флажками. на флажках же, обозначающих дислокацию американской армии и флота, написаны фамилии командиров частей и судов (Цит. по: Военно-исторический журнал, 2001. № 8. С. 64).

147> Ряд отечественных историков сквозь зубы вынужденно признают, что если бы Германская империя и Российская империя или позднее фашистская Германия и Советский Союз договорились бы друг с другом и нанесли бы совместно военное поражение Великобритании, Франции и США, то они могли бы совместно править миром. – *Прим. авт.- сост.*

148> Профессор **Ключевский** пророчески писал: «Наша государственная машина приспособлена к обороне, а не к нападению. Она даёт нам столько же устойчивости, сколько отнимает подвижности. Когда мы пассивно отбиваемся, мы сильнее себя, ибо к нашим оборонительным силам присоединяется ещё наше неумение скоро понять своё бессилие, то есть наша храбрость (стойкость) увеличивается тем, что, испугавшись, мы не скоро собираемся бежать. Напротив, атакая, мы действуем только 10% своих сил, остальное тратится на то, чтобы привести в движение эти 10%. Мы точно тяжеловооружённый рыцарь средних веков. Нас победит не тот, кто рыцарски правильно атакует нас с фронта, а кто из-за брюха лошади схватит нас за ногу и перекувырнёт: как таракан, опрокинувшийся на спину, мы, не теряя штатного количества наших сил, будем бессильно шевелить ногами, ища точки опоры. Сила есть акт, а не потенция; не соединённая с дисциплиной, она сама себя убивает. Мы низшие

организмы в международной зоологии: продолжаем двигаться и после того, как потеряем голову» (*Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX (материалы разных лет). М., Мысль. 1990. С. 363–364.*)

149> *Вандам А.* Величайшее из искусств. Обзор современного международного положения при Свете высшей стратегии. Военно-исторический журнал, 2001. № 8. С. 59–64 (публикация подготовлена доктором социологических наук, полковником **И.В. Образцовым**).

150> Царское Село – ныне город Пушкин (Ленинградская область).

151> РГВИА, ф. 409, оп. I, Дело № 163898, послужной список 470979. Послужной список командира 25-го сапёрного батальона полковника **фон Зигерн-Корна** составлен 31 августа 1910 г.

152> Отцом **Николая Михайловича Иолшина** был генерал-лейтенант **Михаил Александрович Иолшин** (1830–1883), из дворян Могилёвской губернии, герой последнего этапа Кавказской войны (1859–1864) и русско-турецкой войны 1877–1878 гг. (отличился при форсировании Дуная и в боях под Шипкой).

153> Портупей-юнкер – в русской армии в 1798–1865 гг. – звание унтер-офицера из дворян, рангом выше подпрапорщика и юнкера; в 1865–1880-х гг. – звание окончивших юнкерские училища до присвоения им офицерского чина, присваивалось за отличие в службе и хорошую успеваемость юнкерам, имевшим унтер-офицерское звание; в 1867–1917 гг. звание юнкеров унтер-офицеров военных училищ (подразделялись на старших и младших). Давало право на ношение офицерской портупей (отсюда и её название) (По материалам Большой Советской энциклопедии).

154> РГВИА, ф. 409, оп. II, дело № 12059, послужной список 282–756 о производстве с увольнением от службы полковника 2-го лейб-драгунского Псковского полка **Иолшина** началась 4 февраля 1910 г. Кончилось 26 апреля 1913 г. лл. 112–114.

155> Цуриков А.А. (1858–1923) – генерал от кавалерии, в 1883 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. В 1914–1916 гг. – командир 24-го армейского корпуса, а в 1916–1917 гг. – командующий 6-й армией. С 1920 г. служил в Красной армии инспектором кавалерии. Скончался в Москве в 1923 г.

156> В настоящее время, эта инструкция генерала **Цурикова** объявлена, в полном её объёме в «Русском инвалиде» от 4 мая 1911 г., за № 96.

157> Николай Михайлович Иолшин за время службы написал и перевёл следующие книги:

1. 400 вёрст на коне с разведчиками 37-го драгунского военного ордена полка. СПб., Тип. Авсеенко, 1895.

2. Кавалерия в современной войне (Пер. с фр. с доп. подполковника **Иолшина**. Вып. III. СПб., Тип. Авсеенко, 1895.)

3. Кавалерия в современной войне (Пер. с фр.). 1896.

4. Заметки о германской кавалерии и выводы из них к победе нашей кавалерии 4-го лейб-драгунского Псковского полка подполковника **Иолшина**. СПб., Тип. СПб. общ. Печ. Пищебум дела Слово 1904. 41 С.

5. Летучий разъезд 85-го пехотного Выборгского Его Императорско-королевского Величества, короля Прусского **Вильгельма II** полка, в июне 1905 г. (Полк-к **Иолшин**. Сувалки, тип. Губ. Правл.). 1905. 42 С. 22 ил. с автографом).

6. Записка полковника **Иолшина** к отчёту о бое 30 июля 1905 г. под д. Талимпау 5 авг. 1907 г. (Сувалки. тип. Сувалкск. Губ. Правлен.) 1907 13 С.

7. Бой передового отряда 4-го армейского корпуса 30 июля 1905 г. у д. Талимпау. Полк-к **Иолшин** (Сувалки. Тип. Сувалк. Губ. Правлен. 1907. 21 С.)

8. **Иолшин Н.** Записки по предмету отчёта об англо-бурской войне и английской армии. Сувалки. 1907 г. 28 С.

158> Адлерберг – Видимо, имелся в виду генерал **Адлерберг Н.А.** (1844–1904). Окончил Пажеский корпус, затем служил в Преоб-

раженском полку. **Адлерберги** – шведский графский и дворянский род. С XVIII в. в России.

159> Многоточие в выдержке обозначает собой пропуск части содержания объявленной в приказе записки, в каковой части записки даются указания по устройству и размерам флангов и прочим деталям пользования ими в Японской армии. (*Прим. Иолшина*)

160> Марс – полукруглая площадка на мачте корабля.

161> Генерал **Сухомлинов** (сноска вручную **Иолшина**)

162> Разведчик. 1890. № 33. С. 306.

163> Н. Иолшин.

164> В этом номере «Санкт-Петербургских ведомостей», в статье «Кавалерийские вопросы-II», я говорю, что эти облака дыма помогут и наступающей пехоте, которая будет обладать и своими собственными снарядами для дыма.

165> В этом номере «Разведчика», в статье «Малодымный порох не умалит значения кавалерии на поле сражения», я говорю, что ракетные станки могут быть пригодны для разброски снарядов с целью образования дымчатой завесы, за которой конные массы станут скрытно от взоров противника и атакуют из-за неё внезапно вражескую пехоту и артиллерию.

166> Леер Г.А. (1839–1904). Генерал от инфантерии. Военный теоретик и историк. С 1858 г. – преподаватель Николаевской академии Генерального штаба, а в 1889–1898 гг. – начальник Николаевской академии Генерального штаба, член-корреспондент Петербургской академии наук. Член Военного совета.

167> Седан – город и небольшая крепость, расположенная на северо-востоке Франции в департаменте Арденны (специализиро-

вавшийся на производстве дорожных карет в XIX столетии, откуда идёт название самого распространённого ныне типа кузова (седан) легкового автомобиля с бензиновым или дизельным двигателем), где в 1870 г. французская армия под начальством маршала **Мак-Магона** и **Наполеона III** была окружена и пленена прусскими войсками **Х. Мольтке** (старшего). Интересно, что прусские стальные казнозарядные артиллерийские орудия со скорострельностью 2 выстрела в минуту, стрелявшие снарядами, разрывавшимися на десятки осколков, в значительной степени способствовали поражению французской армии в этой войне. Например, в сражении при Седане (маленькой крепости недалеко от границы с Бельгией) 1 сентября 1870 г. 600 (774) орудий, изготовленных на заводах **Круппа**, и сведённых в 16 батарей, стреляя с вершин гор вне досягаемости французских орудий разгромили практически всю французскую армию (400 (564) орудий и около 100 000 бойцов), благодаря превосходству в дальности своих стальных пушек над бронзовыми французскими артиллерийскими орудиями. Потери прусской армии составили 5% от французских (по другим сведениям, потери французов составили 3 тыс убитыми, 14 тыс ранеными и 21 тыс взятыми в плен, а потери Пруссии составили 2,3 тыс убитыми, 5,9 тыс ранеными и 700 пропавшими без вести). Французский император **Луи-Наполеон** сдался вечером того же дня прусскому королю **Вильгельму I** и Вторая Французская империя перестала существовать. В честь данного события в Берлине были воздвигнуты Бранденбургские ворота, а день 2 сентября стал праздноваться как «день Седана» и выходной день. Так продолжалось до 1919 г. А через 70 лет после данного сражения, в 1940 г., армия фашистской Германии прорвала у Седана французский фронт, обошла «линию Мажино» и устремилась в глубь страны к Парижу, что предопределило поражение Франции во Второй мировой войне. (По материалам Интернета.)

168> Лейб-Псковский Её Величества императрицы Марии Фёдоровны полк стоял в городе Сувалки и входил в состав девяти драгунских (бывших кирасирских) полков армейской кавалерии. (Военно-исторический журнал. М., № 6, 2002. С. 58.)

169> Маннергейм (Mannerheim) Карл Густав Эмиль (1867–1951) – барон, финский государственный и военный деятель, маршал (1933). Финский швед по национальности. Окончил Гельсингфорскую гимназию (1887) и Николаевское кавалерийское училище. Участник русско-японской и Первой мировой войны. Генерал-лейтенант русской армии. Уволен в отставку Временным правительством. В 1918 г. командовал белофинской армией, подавившей при помощи германских войск Финляндскую революцию 1918 г. В декабре 1918 – июле 1919 гг. – регент Финляндии. С 1931 г. – председатель Совета государственной обороны, с 1939 г. – главнокомандующий финской армией. При помощи бельгийских и французских инженеров в 1929–1939 гг. Финляндия построила глубоко эшелонированную неприступную систему укреплений (Линию **Маннергейма** – глубиной в 90 км и шириной в 135 км), в 1940 г. прорванную с большими потерями (Финляндия была разбита в 1944 г. СССР за три недели) советскими войсками. **Маннергейм** руководил действиями финской армии во время советско-финляндской войны 1939–1940 гг., а также в 1941–1944 гг., в качестве союзника фашистской Германии (однако отказался штурмовать Ленинград и не допустил замены финских войск на немецкие на подступах к Ленинграду). Финляндия, имея 3 миллиона населения, потеряла убитыми и ранеными свыше 800 000 человек. В 1944 г. **Маннергейм** вынужденно вывел Финляндию из войны на условиях Советского правительства. В 1944–1946 гг. – президент Финляндии. С 1946 г. – в отставке. Скончался в Швейцарии в 1951 г.

170> Дефиле – теснина, узкий проход, образуемый непроходимой или труднопроходимой местностью (горами, лесом, холмами, болотами).

171> Филэллины – в первоначальном значении слова – передовые люди многих стран Европы, поддерживавшие своим участием, в том числе морально и материально, греческую революцию 1821–1826 гг., позднее так стали называть и европейских добровольцев – участников греко-турецкой войны 1897 г. (По материалам Большой Советской Энциклопедии.)

172> Охотничья команда, конно-охотничья команда в царской армии – войсковое спецподразделение, состоящее из охотников – конников-добровольцев или лыжников (зимой), вызвавшихся участвовать в рискованных военных операциях. Говоря современным военным языком, – армейский спецназ (разведывательный и диверсионный).

173> Гаолян – однолетнее травянистое высокорослое растение (до четырёх метров) семейства злаковых, рода сорго, зерновая культура на Дальнем Востоке.

174> Вероятно, перу этого человека, участника Белого движения, принадлежит следующее исследование о Гражданской войне в России: *Воронович Н.Н.* (сост.) Зелёная книга. Сб. мат. и документов. Прага, 1921.

175> Флигель-адъютант (нем. *Flugel* – крыло и адъютант) – в царской России – звание офицера, причисленного к свите царя, а также офицер для поручений при командующем армией.

176> Вероятно, имелся в виду **Половцев (Половцов) П.А.** (1874–1938?) – в 1905 г. – помощник военного атташе в Лондоне. Генерал-майор, участник Первой мировой войны. В 1917 г. – генерал, командующий войсками Петроградского военного округа, сыгравший значительную роль в подавлении Корниловского мятежа и посланный затем служить на Кавказ начальником штаба Туземной дивизии. Затем – товарищ министра иностранных дел Временного правительства. Участник Белого движения (заместитель генерала **Лавра Корнилова**). В эмиграции опубликовал книгу «Дни затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала **П.А. Половцева** в 1917 г.)».

Корнилов А.Г. (1870–1918) – генерал от инфантерии. Служил в Туркестане, участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., в 1907–1911 гг. – военный агент в Китае, в 1914 г. – начальник 48-й пехотной дивизии. В 1915–1916 гг. – в австрийском плену, бежал. В 1916 г. – генерал-лейтенант, командующий 25-м армейским корпу-

сом, затем командующий Петроградским военным округом, 8-й армией, Юго-Западным фронтом. Назначенный Верховным главнокомандующим русской армии, организовал мятеж против Временного правительства во главе с **Керенским**, был арестован, бежал. В 1918 г. – командир Добровольческой белой армии. Погиб в бою под Екатеринодаром (ныне – Краснодар).

177> Видимо, имелся в виду **Тихменев** – генерал-лейтенант, участник Первой мировой войны, во время Гражданской войны являлся начальником военных сообщений у **Колчака**. Скончался в 1954 г. в Париже.

178> Клембовский В.Н. (1860–1921) – позднее – известный военачальник. Поляк по происхождению. Ещё офицером разрабатывал теорию партизанских действий, специально подготовленных отрядов в тылу врага. В 1885 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. В 1915–1917 гг. – командовал 5-й армией, а в 1916 г. – 11-й армией. Особенно прославился в Первую мировую войну, будучи в 1916 г. начальником штаба войск генерала **Брусилова**. В июне–августе 1917 г. командовал Северным фронтом. Затем, после подавления мятежа **Корнилова**, был назначен вместо него главнокомандующим русской армией. В 1918 г. был назначен руководителем Военно-исторической комиссией по описанию опыта войны 1914–1918 гг. В 1918–1920 гг. принимал активное участие в формировании Красной армии. В 1920 г. арестован большевиками. Генерал **Клембовский** был расстрелян в 1921 г. (по другим данным – скончался в тюрьме от истощения).

179> Видимо, имеется в виду генерал **Эверт А.Э.** – в 1915–1917 гг. – главнокомандующий Западным фронтом.

180> Каульбарс А.В. (1844–1929) – барон, генерал от кавалерии. Военный географ. Один из создателей русской авиации. Окончил Николаевское гвардейское училище юнкеров и Николаевскую академию Генерального штаба. Участвовал в русско-турецкой войне

1877–1878 гг. В 1880–1883 гг. – служил в Туркестане, командуя в чине генерал-майора 1-й бригадой 14-й пехотной дивизии. В 1883–1886 гг. – военный инспектор в Болгарии. С 1891 по 1897 г. – начальник 15-й кавалерийской дивизии, в 1897 г. – 2-го кавалерийского корпуса в чине генерал-лейтенанта. В 1900–1904 гг. – помощник командующего войсками Одесского военного округа. В начале 1904 г. – исполняющий обязанности командующего войсками Одесского военного округа. В 1904–1905 гг. – участник русско-японской войны, командующий сначала 3-й, затем 2-й Маньчжурской армией. В 1905–1909 гг. – командующий войсками Одесского военного округа. В 1907 г. основал Одесский авиационный клуб. В 1912 г. – изучал авиацию во Франции. С 1914 г. – заведывающий авиационным делом в армиях северо-западного фронта. С 1915 г. – в отставке. В 1916–1917 гг. – одесский генерал-губернатор. Участник белого движения. Скончался в Париже.

181> Линеви́ч Н.П. (1838–1908) – генерал от инфантерии, главнокомандующий всеми вооружёнными силами на Дальнем Востоке. До русско-японской войны командовал 1-м Сибирским корпусом, который штурмовал Пекин во время подавления Боксёрского восстания 1900 г. В японскую войну, после поражения на реке Шахе, принял командование 1-й армией. Во время бесконечных дебатов о плане действий, **Линеви́ч** энергично настаивал на том, чтобы все армии были брошены в бой одновременно. Тем не менее, когда 12 января 1905 г. 2-я армия начала наступление на Сандепу, главнокомандующий **Куропаткин** приказал 1-й и 3-й армиям оставаться на месте, выжидая, пока разовьются события. После неудачного окончания атаки на Сандепу, начался новый период выжидания благоприятной обстановки. На всех военных совещаниях **Линеви́ч** упорно настаивал на необходимости активного наступления, но никаких решительных шагов в этом направлении не предпринимал. Поражение под Мукденом сделало невозможным дальнейшее пребывание **Куропаткина** на посту главнокомандующего, и 3 марта 1905 г. главнокомандующим армией был назначен **Линеви́ч**. Однако никаких наступательных действий **Линеви́ч** не предпринял и теперь. Он требовал немедленной присылки новых солдат, так как считал необхо-

димым во что бы то ни стало увеличить количество русских войск в 1.1/2 раза против японских. Когда началась подготовка к миру, **Линевич** решительно протестовал против его заключения. Он писал **Николаю II**: «Несмотря на многочисленные затруднения, по моему глубокому убеждению, Россия в настоящее время ни под каким предлогом не должна просить мира у Японии». После долгих пререканий с **Куропаткиным**, **Линевич** утвердил наконец, 16 августа, план наступательных действий. Однако 19 августа был уже заключён Портсмутский мир. Во время эвакуации войск, когда вся Россия была объята революционным движением, проникавшим и в ряды армии, **Линевич** был привлечён к ответственности за бездействие власти, за недостаточно активное противодействие революционным солдатам. 6 февраля 1906 г. он был снят с поста главнокомандующего. Дело о бездействии власти было прекращено (по материалам Интернета).

182> Вероятно, имелся в виду родственник генерал-майора **Дубенского Д.Н.** (1868–19??) – придворный историограф и летописец, постоянно находился в Ставке царя. Выпустил описания поездок царя в действующую армию (1915), редактор журнала «Летопись войны».

183> **Фон дер Лауниц В.Ф.** – генерал-майор свиты царя, шталмейстер, позднее – Санкт-Петербургский градоначальник, убит эсэром **Кудрявцевым** в 1907 г.

184> Вероятно, имеется в виду **Плеве П.А.** – генерал от кавалерии. В 1915–1916 гг. – главнокомандующий армией Северного фронта.

185> **Гродеков Н.И.** (1843–1913) – начальник Мангышлакского отряда в 1873 г., затем начальник штаба Ферганской области. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., с 1880 г. – генерал-майор, начальник штаба Закаспийской области. В 1883–1893 гг. – военный губернатор Сырдарьинской области, генерал-лейтенант, затем помощник Приамурского генерал-губернатора, в 1900 г. участвовал в умирении восстания боксёров, а в 1898–1902 гг. – Приамурский ге-

нерал-губернатор, командующий Приамурским военным округом. С 1902 г. – член Государственного совета. С 1905 г. – постоянный член Совета Государственной обороны. В 1906 г. – командующий войсками на Дальнем Востоке с правами командующего (привёл армию и её тыл в мирное положение после русско-японской войны). С конца 1906 по 1908 г. – командующий войсками Туркестанского военного округа. Автор ряда воспоминаний и военно-географических трудов.

186> Засулич М.И. (1843–1910) – генерал от инфантерии. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., полковник. С 1894 по 1899 г. в звании генерал-майора – начальник 1-й бригады 9-й пехотной дивизии. В 1899 г. – комендант крепости Осовец. В 1900–1904 гг. – начальник 6-й пехотной дивизии в чине генерал-лейтенанта. Во время русско-японской войны командовал 2-м Сибирским корпусом и Восточным отрядом. С 1906 г. – в отставке с производством в генералы от инфантерии.

187> Видимо, это **Иванов Н.И.** (1851–1919) – генерал от артиллерии, генерал-адъютант. Во время русско-японской войны командовал 3-м Сибирским корпусом, в 1906–1908 гг. – начальник Кронштадта, затем в 1908–1914 гг. командовал Киевским военным округом. Во время Первой мировой войны, в 1914–1916 гг. – командующий войсками Юго-Западного фронта. Пользовался особой симпатией **Николая II**, хотя показал себя бездарным военачальником. 27 февраля (17 марта) 1917 г. царём назначен командующим войсками Петроградского военного округа и направлен в Петроград для подавления революции. Поход не удался, **Иванов** был арестован. После Октябрьской революции бежал на Дон, где командовал Южной армией белых, которая была разбита красными. Умер на Дону от тифа.

188> Грулёв М.В. (1853–1943), во время русско-японской войны – полковник, начальник штаба пехотной дивизии, командир 11-го пехотного Псковского полка, официальный историк русско-японской войны. Позднее – генерал Генерального штаба. Подробнее см: *Грулёв Г. Записки генерала-еврея.* (Париж. 1929. США 1987).

189> Барон Куроки – японский генерал-лейтенант. Во время японо-китайской войны 1894-1895 гг. – начальник 6-й дивизии, во время русско-японской войны 1904–1905 гг. – командующий 1-й армией.

190> Фон Ренненкампф Павел-Георг Карлович Эдлер (1854–1918) – генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник подавления боксёрского восстания – командир Забайкальского отряда, во время русско-японской войны – начальник Забайкальской казачьей дивизии. Зверствовал во время Первой русской революции в Сибири, вешая и расстреливая не только революционеров, но и попавших под руку мирных жителей. Затем командовал войсками Виленского военного округа. С началом Первой мировой войны – командир Первой армии Северо-Западного фронта, посланной в Восточную Пруссию, чтобы оттянуть значительные силы германских войск с Западного (французского) фронта. Выиграл два сражения, в частности, у Гумбинена. За поражение армии и за сделанные вскоре ошибки при блокировании двух окружённых немецких корпусов, позволившие им прорваться из неминуемого плена, и за то, что не пошёл на выручку армии генерала **Самсонова**, и в результате на последнего были брошены все силы немцев, и **Самсонов** был разбит под Танненбергом, генерал **Ренненкампф** был разжалован в подполковники и отправлен в распоряжение Военного министерства (главнокомандующий Великий князь **Николай Николаевич Романов** в припадке ярости дал **Ренненкампфу** в морду), а в начале 1915 г. **Ренненкампф** уволен в отставку. Многие историки порицают **Ренненкампфа** за то, что не пошёл на соединение с армией **Самсонова**, решив вместо этого штурмовать Кёнигсберг и против девяти корпусов армии **Самсонова**, шедших к Берлину, немцы сосредоточили двенадцать корпусов и смогли окружить два корпуса его армии (что привело её к отступлению), а потом ввести все силы против **Ренненкампфа**, вынужденного отступить из Восточной Пруссии. Другие историки полагают, что причиной поражений обеих армий явилось то обстоятельство, что **Самсонов**, в отличие от **Ренненкампфа**, дождался более или менее полной мобилизации своей армии и перешёл границу позже **Ренненкампфа**, и при этом не успели сформировать 10-ю армию

(генерал **Раткевич**, затем – генерал **Пфлауг**), которая и должна была занять промежуток в 100 км между Первой и Второй армией (при этом стоит заметить, что в Европейской России длина железных дорог на душу населения была в 12 раз меньше, чем в Германии, а войск нужно было перевезти в пять раз больше), а железные дороги в Восточной Пруссии при меньшей ширине железнодорожной колеи при быстром наступлении невозможно было использовать ввиду отсутствия вагонов и паровозов, эвакуированных немцами. (Впрочем, среди историков существует и точка зрения, что если бы вместо генерала **Ренненкампа** царь **Николай II** назначил не «немчуру проклятую», а русского генерала, а вместо генерала **Самсонова** – другого генерала, знакомого со специфическим Северо-Восточным театром военных действий, то тогда русские войска (Первая и Вторая армии) дошли бы до реки Одер (то есть взяли бы столицу кайзеровской Германии город Берлин) и Первая мировая война была бы выиграна и тогда история Российской империи пошла бы совсем по другому пути). Некоторые историки считают, что ответственность за поражение Первой и Второй армий лежит на командующем фронтом генерале **Глинском**, а генерал **Ренненкампа** лишь действовал как в русско-японскую войну, когда командующий дивизией не шёл на выручку соседу, дожидаясь когда соседу разобьют японцы и тогда можно с чистой совестью начинать отступление, чтобы спрямить линию фронта. В 1918 г. бывший генерал **Ренненкампа** был жестоко убит большевиками в Таганроге за страшные зверства в Сибири во время Первой русской революции 1905–1906 гг.

(Одной из причин поражения армии генерала **Самсонова** явилась нехватка тяжёлых полевых орудий) (Подробнее о тех событиях см. книги Головин Н. «Из истории кампании 1914 г. на Русском фронте». В 4-х томах. Прага – Париж, 1925–1940

Том 1. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага. 1926; *Такман Б.* Первый брицклиг. Август 1914 и *Такман Б.* Августовские пушки.)

Приведём по этому поводу отрывок из книги о военной разведке Российской империи: «Начавшаяся в августе 1914 г. Первая мировая война стала серьёзным испытанием для русской военной разведки. Главное её задачей, как и обычно на войне, было вскрытие военных

планов противника, выявление группировок его войск и направлений главного удара. Так, например, о действиях (военной) разведки во время наступления русских войск в Восточной Пруссии в августе 1914 г. можно судить по следующему донесению генерал-квартирмейстера 1-й армии: «К началу отчётного года район обслуживался агентурной сетью из 15 человек негласных агентов, из которых трое находились в Кёнигсберге, остальные – в Тильзите, Гумбинене, Эйдукунене, Инстербурге, Данциге, Шеттине, Алленштейне, Гольдап и Кибартах. Планировалось насадить ещё трёх агентов в Шнейдемуле, Дейч-Эйлау и Торне. Для содержания сети и её усиления ГУГШ (Главным управлением Генерального штаба) был утверждён отпуск на расходы 30 000 в год. В течение отчётного года агентурная сеть подверглась серьёзным изменениям, главная причина которых – перемена дислокации. В настоящее время на службе состоят 53 агента, из них 41 – на местах, остальные высылаются с новыми задачами. А старший адъютант разведывательного отдела штаба 2-й армии полковник Генерального штаба **Лебедев** в рапорте от 2 августа 1914 г. указывал, что с начала войны в тыл противника для выполнения различных задач было направлено 60 агентов. Разведка работала достаточно умело, но всё было тщетно. Во время наступления 1-й и 2-й армий ей донесения не принимались во внимание... Более того, в штабе Северо-Западного фронта разведданные о том, что можно ожидать нанесения флангового удара тремя немецкими корпусами, были сочтены плодом чрезмерного воображения разведчиков. В результате передовые части 2-й армии генерала **Самсонова** 28–30 августа 1914 г. были окружены и уничтожены (*Север А. Колпакиди А. ГРУ. Уникальная энциклопедия. М. 2009. С. 40.*)

191> Есаул – капитан казацких войск. Подъесаул – штабс-капитан.

192> Вероятнее всего имелся в виду **Колюбакин В.Н.** (1873–1944) – генерал-майор Генерального штаба, активный участник русско-японской и Первой мировой войн и Белого движения; начальник этапно-хозяйственного отдела 7-й армии (с 1915 г.), начальник военных сообщений Западного фронта (1917 год); в Добровольческой

армии – помощник начальника военных сообщений генерала **Тихме-нева**, с 1920 г. жил в эмиграции в Белграде.

193> Возможно, это граф **Келлер Ф.А.** (1857–1918) – генерал-лейтенант, во время Первой мировой войны командовал 10-й кавалерийской дивизией и 3-м кавалерийским корпусом. Один из двух генералов (наряду с ханом **Нахичеванским Гуссейном Али**), который в марте 1917 г. во время решения вопроса об отречении царя, послал телеграмму последнему с выражением поддержки. После Октябрьской революции отказался присоединиться к белым или красным. Будучи монархистом, стал формировать монархическую армию в Киеве, где и был убит петлюровцами.

194> Барон **Оку** – японский генерал-лейтенант, участник японо-китайской войны 1894–1895 гг. В русско-японскую войну 1904–1905 гг. – командующий 2-й армией.

195> Граф **Ноги Марэсуке Китен** (1849–1912) – участник японо-китайской войны 1894–1905 гг., во время которой в звании генерал-майора командовал 1-й бригадой. С 1896 г. – генерал-лейтенант, командовал 2-й и 11-й дивизией. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. маршал, командующий 3-й армией. После смерти императора **Муцухито** в 1912 г. совершил харакири (ритуальное самоубийство).

196> Выборгский полк – один из старейших в русской армии. Был создан в 1700 г.

197> Более подробно об участии подполковника **Иолшина** в русско-японской войне, включая кроки карт и другие материалы см.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 225, д. 10–15. (Кстати, в том же архивном фонде (ф. 225) содержатся материалы и о его брате – офицере, награждённом орденом Святого Георгия 4-й степени 25-го февраля 1907 г. – **Иолшине Александре Михайловиче**, подполковнике Генерального штаба, штаб-офицере для особых поручений при штабе 3-го Сибирского ар-

мейского корпуса, участнике русско-японской войны), а также документы об имении, полученном в наследство родственниками **Иолшина** и судебных тяжбах по наследственным делам.

198> Харкевич В.И. (1856–1906) – генерал-лейтенант. Военный историк. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1882 г. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Во время русско-японской войны (апрель–октябрь 1904 г. – генерал-квартирмейстер Маньчжурской армии, затем, с октября 1904 по март 1905 г. – начальник штаба 1-й армии, затем – начальник штаба главнокомандующего вооружёнными силами на Дальнем Востоке (с марта 1905 г.).

199> Гейден П.А., граф (1840–19??) – видный либеральный деятель. Был президентом Вольного экономического общества. В 1904–1905 гг. принимал активное участие в либеральном земском движении. Постоянный участник всех земских и городских съездов. 6 июня 1905 г. **Гейден** принимал участие в депутации земских и городских деятелей, представившей царю петицию о необходимости созыва народных представителей. В конце 1905 г. **Гейден** вместе с **Гучковым**, **Шиповым** организовал «Союз 17 октября». Был членом I-й Государственной Думы. Позднее вышел из «Союза 17 октября» и организовал партию Мирного обновления.

200> Вероятно, имеется в виду **Бобриков** – финляндский генерал-губернатор, проводивший насильственную русификаторскую политику. В 1898 г. издал манифест, урезающий права финляндского сейма. Широкую известность получил изданный **Бобриковым** закон о воинской повинности, которым уничтожалась самостоятельная финляндская армия. Бобриковский режим возбудил против себя всё население страны и 3 июня 1904 г. **Бобриков** был убит.

201> Вероятнее всего, имелся в виду генерал от кавалерии **Тимирязев Н.А.** (1835–1906).

202> Самсонов А.В. (1859–1914) – участник русско-турецкой

войны 1877–1878 гг. Генерал от кавалерии. Во время русско-японской войны – командир Уссурийской казачьей бригады и начальник Сибирской казачьей дивизии. В 1906–1909 гг. – начальник штаба Варшавского военного округа. В 1909–1914 гг. – туркестанский генерал-губернатор и командующий Туркестанским военным округом, наказной (назначенный) атаман Семиреченского казачьего войска. В начале Первой мировой войны – командир Второй армии. Застрелился (по другим сведениям – убит) после окружения и поражения Второй армии, посланной в Восточную Пруссию с целью оттянуть германские силы от наступления на Париж (сражение на Марне).

203> Генерал-майор **Пестич Е.Ф.** начальник штаба XIII-го армейского корпуса, погиб в конце августа 1914 г. в Восточной Пруссии в составе Второй армии генерала **Самсонова**.

204> Записки полковника **Иолшина** об англо-бурской 1899–1902 и русско-японской 1904–1905 гг. войнах, о действиях русских отрядов против японцев, искусственного дыма на войне: газета «Русский инвалид» от 21 февраля 1906 г. о статье генерал-лейтенанта **Коверского** о строительстве Сибирской железной дороги 15 февраля 1908 – 6 июля 1911 г. на 125 листах.

205> Одно из антитурецких восстаний греческого населения на острове Крит, входившем тогда в состав Турции, началось в 1896 г. и привело к греко-турецкой войне 1897 г. Неподготовленная к войне Греция потерпела поражение и была вынуждена уплатить Турции контрибуцию в размере 4 миллионов турецких фунтов. Крит остался во владении Турции, но под давлением европейских государств ему в 1898 г. предоставлена административная автономия. Окончательно Крит и другие острова, а также Эгейская Македония, находившиеся под властью Турции, отошли к Греции по итогам 1-й и 2-й Балканских войн 1912–1913 гг.

206> РГВИА, ф. 970, оп. 3, д. 1243, 125 л. 15 февраля 1908 – 6 сентября 1911.

207> Генерал от инфантерии **Беляев М.А.** (1863–1918). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1893 г., участник русско-японской войны 1904–1905 гг. (начальник канцелярии штаба 1-й Маньчжурской армии и штаба главнокомандующего). В Первую мировую – с 1914 по 1916 г. – и.д. начальника Главного управления Генерального штаба. В июне 1915 г. назначен помощником военного министра, с апреля 1916 г. утверждён в должности начальника Генерального штаба. В 1916 г. – член военного совета и представитель в Румынии. В январе-марте 1917 г. – военный министр (получил эту должность при содействии **Распутина**). В марте 1917 г. был уволен Временным правительством в отставку. Типичный военный чиновник (по прозвищу Мёртвая голова) генерал **Беляев** был крайне непопулярен в армии. Во время Февральской революции пытался собрать войска для её подавления. Неоднократно арестовывался Временным правительством. Расстрелян большевиками в 1918 г.

208> **Сухомлинов В.А.** (1848–1926) – генерал от кавалерии (1906). Окончил Николаевскую академию Генерального штаба в 1874 г. Участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1899–1908 гг. – начальник Киевского военного округа. В 1904–1908 гг. – генерал-губернатор Киевской, Волынской и Подольской губерний. В 1908–1909 гг. – начальник Генштаба русской армии. В 1909–1915 гг. – военный министр (занял эту должность по настоянию **Григория Распутина**). В 1916 г. арестован и в 1917 г., за неподготовленность русской армии к Первой мировой войне, приговорён к пожизненному заключению (по другим сведениям – к бессрочным каторжным работам), замененным фактически домашним арестом (обвинения в государственной измене не подтвердились). В 1918 г. освобождён Советским правительством по старости как достигший 70 лет, эмигрировал в Германию. Генерал **Сухомлинов** как начальник Главного штаба, а позднее – военный министр несёт прямую ответственность за страшную нехватку снарядов, и данная нехватка (ощущалась до начала 1917 г.), патронов, винтовок (полгода после начала войны не давался приказ собирать отечественные винтовки после боёв, а перед войной было сокращено их производство). (В 1914 г. Россия имела около пяти миллионов винтовок; уже тогда их не хватало на общее

число мобилизованных (6,5 миллионов человек). Производство винтовок в России достигало 600 000 – 700 000 ружей в год. А производство снарядов достигало до 100 000 в месяц, тогда как в месяц фронту нужно было 1 000 000) (*Ольденбург С.С.* Царствование императора **Николая II**. СПб., 1991. С. 547). **Сухомлинов** вместе с начальником Генерального штаба генералом **Жилинским** несёт прямую ответственность за острую нехватку тяжёлой артиллерии и артиллерии средних калибров и снарядов к ним, во многом из-за чего Германия не была разбита в 1914 г. и в следующем, 1915 г., наступили страшные поражения (до пяти миллионов погибших, раненых, пропавших без вести и взятых в плен), а 1916 г., во время Брусиловского прорыва, не хватило сил завершить его более впечатляющими успехами). Известный русский поэт **Валерий Брюсов** в 1915 г. с горечью писал об этом в своём стихотворении:

Многое можно прощать,
 Многое, но ведь не всё же!
 Мы пред врагом отступать
 Будем постыдно... О, Боже!
 Мы пред врагом отступать
 Будем теперь... Почему же?
 Брошена русская рать,
 Там, на полях, без оружий!
 Брошена русская рать
 Пушки грохочут всё реже,
 Нечем на залп отвечать...
 Иль то манёвры в манеже?
 Нечем на залп отвечать,
 Голые руки... О, Боже!
 Многое можно прощать,
 Многое, но ведь не всё же!

(В 1915 г. русская армия потеряла свыше 4 000 000 (5 000 000) убитыми, ранеными, пропавшими без вести и пленными. Так, за четыре месяца отступления, с мая по август, армия теряла убитыми и ранеными около 300 000, а пленными до 200 000 в месяц. На 1 500 000, призванных в армию, в августе 1915 г. было 1 000 000 винтовок. К осени 1915 г. на Восточном фронте было сосредото-

но 137 пехотных австро-германских дивизий и 24 кавалерийских, а на Западном оставалось 85 пехотных и одна кавалерийская. За всё лето никакие боевые действия на англо-французском фронте не доставили России того облегчения, которое русские армии принесли союзникам за первые месяцы войны... Это объяснялось, главным образом, чрезвычайной трудностью продвижения на сильно укреплённом Западном фронте. В 1915 г. (12–25 сентября) союзники, однако, предприняли, наконец, сильные атаки одновременно около Арраса и в Шампани; они прорвали первые германские линии. Но дальнейшего продвижения не последовало. Но это сыграло известную роль в прекращении германского наступления на Россию) (*Ольденбург С.С.* Царствование императора **Николая II**. СПб., Петрополь. 1991. С. 360, 361.)

Военные специалисты также обвиняли генерала **Сухомятина** в бездумном срытии и уничтожении ряда крепостей на границе с Германией и, что ещё губительнее, – выводе опытных гарнизонов из существующих крепостей в начале войны и замена их ополчением и офицерами, призванным из резерва, что резко понизило их боеготовность. Список претензий можно продолжать долго – так, в начале войны, чтобы распределить равномерно призыв на крестьян и рабочих, было взято в действующую армию много горняков, что привело к падению добычи угля, и в свою очередь, к уменьшению производства оборонного заказа на заводах, из-за уменьшения выплавки стали и недостатку товаров первой необходимости (получался замкнутый круг). Другим «мудрым» шагом правительства явилось введение фиксированных цен на хлеб в городах, из-за чего деревне стало невыгодно производить зерно, чьё производство и так пострадало из-за мобилизации в армию в общей сложности до восьми млн человек, в основном крестьян. И хотя **Сухомятина** судили за шпионаж в пользу Германии, но, вероятнее всего, он не был шпионом, а лишь легкомысленным и недалёким человеком, под стать последнему царю, и оба они не заслужили в большинстве своём ничего, кроме проклятий современников и презрения потомков. На примере **Сухомятина**, **Куропаткина**, **Рожественского**, **Жилинского** и многих других военачальников можно сделать вывод о профессиональной непригодности для трона **Николая II**, зачастую ставившего во главе армии

столь же, если не более, нерешительных и незначительных лиц, как и он сам. – *Прим. авт.-сост.*

209> РГВИА, ф. 409, оп. II, д. № 12059, послужной список 282–756 о производстве с увольнением от службы полковника 2-го лейб-драгунского Псковского полка **Иолшина** началось 4 февраля 1910 г. Кончилось 26 апреля 1913 г., на 134 листах.

210> Золотое оружие – почётная боевая награда в русской армии и военно-морском флоте с XVIII в. – пашки, сабли, шпаги и кортики – простые; с надписью «За храбрость»; украшенные алмазами, бриллиантами или лаврами с алмазами.

211> После подавления Восстания боксёров в 1900 г. были учреждены две медали «За поход в Китай» – серебряная и светло-бронзовая. Серебряной медалью награждались все участники событий, в том числе и народные добровольцы, принимавшие непосредственное участие с оружием в руках в военных действиях против ихэцзуаней (боксёров) при взятии Тянь-Цзиня, Таку, Пекина, в также находившиеся в Зазейском районе и участвовавшие в защите города Благовещенска. Этой же медалью награждались священники, медперсонал и различного рода чиновники, находившиеся на службе в воинских частях, действовавших в вышеуказанных районах. Медаль из светлой бронзы выдавалась только воинским чинам армии и флота, не участвовавшим в боевых операциях против повстанцев, но находившимся в пределах Китая и в зоне, переведённой на военное положение.

212> Медаль «В память русско-японской войны» была трёх видов. Серебряной медалью награждались защитники Порт-Артура, светло-бронзовой – все участники боёв на суше и на море, а тёмно-бронзовой – не принимавшие участия в боях, но находившиеся на службе на Дальнем Востоке и вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали. На оборотной стороне медали имелась надпись: «Да вознесёт вас Господь в своё время». История этой надписи любопытна: когда царю представили на утверждение проект медали, он после

слов «Да вознесёт вас Господь» наложил резолюцию «В своё время» и подписал – **Николай**. Резолюция была принята за «Всемиловитейшую волю» и медаль была выпущена с этой двусмысленной надписью (по материалам Интернета).

213> Дворянство – к данному сословию в царской России принадлежали: к высшему дворянству – Великие князья, князья, графы, бароны, затем шли столбовые, панцирные и рядовые дворяне, а в зарубежных странах (к примеру, в Англии) к дворянству относились герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны.

214> Ковно – ныне Каунас (Литва).

215> Мясоедов С.Н. (1865–1915) – полковник царской жандармерии (служил в Отдельном корпусе жандармов в 1892–1909 гг., с 1901 г. – начальник Вержболовского отделения Санкт-Петербургско-Варшавского жандармского управления, откуда был уволен за контрабанду и взятки), в 1909–1912 гг. – в распоряжении военного министра **Сухомлинова**, японский, а позднее – немецкий шпион. В 1915 г. пойман с поличным при передаче военных сведений Германии и за это преступление, а также за мародёрство, по приговору трибунала повешен (вместе с ним были казнены за то же преступление и семь его родственников-евреев по линии жены, а сама неутешная вдова была осуждена на вечную ссылку в Сибирь. Возможно, именно иудейское происхождение его близких родственников уже неоднократно приводило, да и приводит до сих пор к попыткам обелить **Мясоедова** – дескать лишь мародёрствовал и брал взятки, но не шпионил).

216> РГВИА, послужной список № 301–862 (Командира бригады 64-й пехотной дивизии генерал-майора **Алексея Степановича Потапова**), лл. 1–7, 10–11, 15.

217> Основано в 1865 г. как Киевское пехотное юнкерское училище. В 1897 г. было преобразовано в Киевское военное училище. Это училище было открыто для войсковых юнкеров и вольноопреде-

ляющихся с недостаточным образованием. Оно составляло 4 роты, и общее количество юнкеров насчитывало 400 человек. Училище имело знамя, Высочайше пожалованное 6 мая 1896 г. 1 октября 1914 г. состоялся последний выпуск юнкеров в чин подпоручика. Училище перешло к практике четырёхмесячных ускоренных выпусков. Штат был увеличен до 630 юнкеров. Строевой командный состав, кроме своей непосредственной работы, привлекался к чтению лекций по тактике и топографии. В связи с тем, что с началом Первой мировой войны в Киеве было открыто ещё 3 военных училища, 26 сентября 1914 г. училищу было присвоено наименование 1-го Киевского военного училища. После смерти Великого князя **Константина Константиновича** 10 октября 1915 г. 1-е Киевское военное училище стало именоваться Киевским Великого князя **Константина Константиновича** военным училищем. На погонах появился алый вензель **Константина Константиновича (Романова)** в виде буквы «К». Юнкера носили светло-синие погоны, с алой выпушкой, без шифровки. В дни октябрьских боёв 1917 г. в Киеве 2 роты училища выступили против большевиков. В период с 5 ноября по 13 ноября 1917 г. училище переместилось в Екатеринодар. Его юнкера принимали активное участие в Гражданской войне. В ноябре 1920 г., ввиду полной эвакуации Крыма, училище покинуло Родину. Последний – 69-й – выпуск училища состоялся уже в эмиграции, в Болгарии, в 1923 г. (*Воробьёва А. Российские юнкера 1864–1917. История военных училищ. М. 2002.*)

218> По материалам Интернета.

219> РГВИА, ф. 407, оп. 1, д. 100, л. 17. (Официальная справка из РГВИА **Шубину Г.В.** за № 1495 от 05. 10. 2001 г.) Возможно, о Потапове имеются материалы в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, ф. 1058 **Потапов** – дежурный генерал и ф. 1044 **Потапов Алексей**.

220> В некоторых исторических источниках упоминается бывший генерал царской армии **А. Потапов**, который вместе с бывшим полковником **М.Г. Поповым** с 1920 г. по поручению советского пра-

вительства налаживал первые контакты с китайским революционером **Сунь Ятсеном**. (Усов В. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX в. М. 2002.) Но тот ли это генерал **Потапов** – пока неизвестно.

221> В газете «Кронштадтский вестник» в марте – апреле, начиная с № 27 (4878) от 10 (23) марта 1900 г. и в № 28, № 29, № 30, № 32, № 33, № 34, № 34, № 36, № 37, № 40, № 40 были опубликованы статьи «О воздухоплавании» (лекция, прочитанная поручиком **В.Т. Айпом** в зале Кронштадского морского собрания 3 марта 1900 г.) Но в этой лекции нет ни слова об англо-бурской войне, а рассказывается о применении воздушных шаров в других военных кампаниях XIX века.

222> РГВИА, ф. 409, послужной список № 5979... Сибирского Воздухоплавательного батальона подполковника **Айпа**. Составлен 26 января 1911–1914 гг.

223> Кадет – воспитанник кадетского корпуса в России. В армиях ряда стран кадет – курсант военного училища.

224> Швальня (устар.) – портняжная мастерская.

225> В данной статье **Щеглова** нет сведений об англо-бурской войне.

226> Из кабинета Его Императорского Величества – среди наград Российской империи (именное холодное или огнестрельное золотое оружие, ордена, медали, часы) именно золотые наградные часы являются до сих пор сравнительно малоизученными. Известно лишь, что они условно подразделялись по значимости на: 1) часы из кабинета Его Императорского Величества с изображением герба Российской империи (их поставлял для двора знаменитый **Павел Буре**); 2) часы государственных руководящих органов, учреждений, благотворительных и общественных организаций, а также частных фирм; 3) призовые часы; 4) часы от высоких особ (по материалам Интернета).

227> Брест-Литовск – ныне Брест (Белоруссия).

228> РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 160087 (Послужной список начальника инженеров Ивангородской крепости военного инженера генерал-майора **Щеглова** составлен 30 ноября 1912 г. – 27 сентября 1913 г.)

229> Официальная справка из РГВИА, направленная **Г.В. Шубину** от 05. 10. 2001. за № 1495.

230> Список полковников по старшинству, СПб., 1908 г. С. 633; Альманах «Весь Петербург» за 1917 г.

231> Красная звезда, М., 6 января 2001.

232> НКВД – Народный комиссариат внутренних дел. Народный комиссариат в СССР с 1917 по 1946 г. являлся центральным органом отраслевого государственного управления. В 1946 г. Народные комиссариаты были преобразованы в министерства и НКВД получил наименование Министерства государственной безопасности, а с конца 1950-х гг. и до начала 1992 г. – Комитета государственной безопасности (КГБ) СССР. КГБ был во многом восстановлен в России указом тогдашнего президента **Владимира Путина** в марте 2003 г., когда в состав его преемника – ФСБ (Федеральной службы безопасности) вернули, в частности, Пограничные войска и ФАПСИ (Федеральное агентство правительственной связи и информации). Отдельными министерствами были оставлены Служба внешней разведки (СВР) и Федеральная служба охраны (ФСО).

233> По материалам Интернета.

234> См. интересные мемуары бывшего товарища (заместителя) министра внутренних дел и члена Государственного совета **Владимира Иосифовича Гурко** (1863–1927) «Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II». М. 2000.

235> Ежедневная газета «Кремль» выпускалась в 1896–1916 гг.

и издавалась известным историком, профессором Московского университета **Д.И. Иловайским** (1832–1920) (являвшимся и редактором, и единственным сотрудником газеты), автором книг, в частности, «Начало Руси». «Разыскания о начале Руси». «Вместо введения в русскую историю». Крайне мало номеров газеты «Кремль» уцелело в российских и зарубежных архивах возможно потому, что профессор **Иловайский** был активным членом черносотенного «Союза Русского народа» со дня его основания.

236> Безобразов А.М. (1855–1931) – статс-секретарь. Служил на Дальнем Востоке. Дослужился в армии (в кавалергардском конном) полку до полковника. Сторонник захватнической царской политики на Дальнем Востоке. В 1896 г. **Безобразов** представил правительству записку, в которой, доказывая неизбежность войны между Россией и Японией, развивал план приобретения царским правительством концессии на реке Ялу, в Корее, в качестве заслона против Японии и для мирного завоевания Кореи. Вскоре после этого в 1901 г. царским правительством было образовано во главе с **Безобразовым** «Русское лесо-экспортное товарищество» с капиталом в 9 млн рублей, по образцу британских частных субсидируемых государством компаний (одной из причин для выдачи этой концессии явилось прямое участие в ней царской семьи, намеревавшейся разрабатывать находившиеся в тех местах золотые месторождения). Товариществу предоставлено было право содержать особую лесную охранную стражу. Помощником **Безобразова** стал также отставной кавалергардский полковник **Вонляр-Лярский**. Были образованы комитет по делам Дальнего Востока (где **Безобразов** стал статс-секретарём) и наместничество на Дальнем Востоке, во главе которого был поставлен адмирал **Алексеев**. После поражения в русско-японской войне **Безобразов** отошёл от политической деятельности. После Февральской революции 1917 г. эмигрировал.

237> Церпицкий К.В. (1850–1904) – генерал-лейтенант. Служил в Средней Азии и в Виленском военном округе. Участник подавления Восстания боксёров в 1900 г. В Порт-Артуре командовал второй бригадой седьмой Восточносибирской стрелковой дивизии.

238> Барон фон Штакельберг г.К. (1851–1913) – генерал от кавалерии, барон. Во время русско-японской войны 1904–1905 гг. командовал 1-м Сибирским корпусом и Южным отрядом. Военные историки полагают, что, наоборот, потеряв свыше 40% личного состава только убитыми, вверенный ему 1-й Сибирский корпус два дня (с 16-го по 18-е августа 1905 г.) отражал атаки численно превосходящих японских войск в сражении при Ляоляне, а с 21-е по 25 августа, отступая, прикрывал отходившую из Ляоляна к Мукдену русскую Маньчжурскую армию, отбивая все атаки наседавшего противника. Его войска не дали японскому командующему **Ойяма**, с помощью войск генерала **Куроки**, полностью окружить и разгромить Маньчжурскую армию. Но на генерала барона **Штакельберга**, по указке главнокомандующего генерала **Куропаткина**, русские журналисты просто «спустили всех собак» за военные неудачи в сражении под Ляоляном, хотя одними из главных виновными являлись генерал **Бильдерлинг**, прозевавший переправу войск **Куроки**, и сам командующий **Куропаткин**, отдавший приказ отступать из-за неверного сообщения генерала **Артамонова**, когда японцы были готовы сделать то же самое. Другое дело, что десятки генералов с немецкими фамилиями круто опозорились во время русско-японской войны, что привело к резкому усилению антинемецких настроений в России. – *Прим. авт.- сост.*

239> Кондратенко Р.И. (1857–1904). – генерал-майор. Окончил Николаевское кавалерийское училище, Николаевскую инженерную академию и Николаевскую академию Генерального штаба. С 1901 г. – дежурный генерал штаба Приамурского военного округа, а с 1903 г. – командир 7-й Сибирской стрелковой бригады. После начала русско-японской войны стал начальником сухопутной обороны Порт-Артура. Отличался личной храбростью, был талантливым командиром, душой обороны и любимцем солдат и офицеров. Погиб при артобстреле 2 декабря 1904 г. (он считал, что Порт-Артур мог продержаться до 1 января 1905 г.) Под его руководством были созданы новые виды вооружений – миномёты (на основе 47-мм морских орудий), ручные гранаты («бомбочки»). Также применялись электризованные проволоочные заграждения. Его прах был в 1905 г. торжественно перезахоронен в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга при большом стечении народа.

240> Мищенко П.И. (1852–1917) – генерал от артиллерии и генерал-адъютант. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и Ахал-Текинского похода в 1880–1881 гг. В 1900 г. – участник подавления Восстания боксёров (командир отряда). Затем, в 1901–1902 гг. – командир 1-й бригады 39-й пехотной дивизии, с 1903 г. и во время русско-японской войны командовал сводной Урало-Забайкальской дивизией. В 1906–1908 гг. – командир 2-го Туркестанского корпуса. В 1908–1909 гг. командовал Туркестанским военным округом и являлся наказным (назначенным) атаманом Семиреченского казачьего войска. В 1911–1912 гг. – наказной (назначенный) атаман Донского казачьего войска. В 1914 г. командовал 2-м Кавказским корпусом, а в 1915–1917 гг. – 31-м армейским корпусом.

241> Смирнов К.Н. (1854–19??) – генерал-лейтенант, служил в Генеральном штабе, был начальником Одесского юнкерского училища, начальником штаба Варшавской крепости. С 1900 г. – на Дальнем Востоке, начальник второй стрелковой бригады. 2 февраля 1904 г. назначен комендантом крепости Порт-Артур (прибыл в крепость 4 марта 1904 г.). В 1906–1908 гг. привлекался к уголовной ответственности вместе со **Стесселем, Фоком** и другими высшими офицерами за сдачу крепости японцам. Решением Верховного военно-уголовного суда в 1908 г. был оправдан.

242> Авелан Ф.К. (1839–1916) – адмирал, генерал-адъютант, окончил Александровский кадетский корпус (морскую роту). Служил на Балтике, участвовал в походах. В 1891–1893 гг. – контр-адмирал, начальник штаба Кронштадтского порта. В 1893 г. – командующий эскадрой Средиземного моря, отправленной с официальным визитом во Францию. В 1896–1903 гг. – начальник Главного Морского штаба. Вице-адмирал. С марта 1903 г. – управляющий Морским министерством (под общим руководством генерал-адмирала Великого князя **Алексея Александровича**). Несмотря на неоднократные просьбы адмирала **Е.И. Алексеева**, в 1903 г. не принял мер по укомплектованию Тихоокеанской эскадры, где не хватало кораблей. В начале марта 1905 г., во время русско-японской войны, за два месяца до Цусимы, за потерю Порт-Артура и порт-артурской эскадры, заменён ад-

миралом **Бирилевым. Авелан** стал одним из тех военных деятелей, на которых общественное мнение России совершенно справедливо возложило ответственность за поражение русского флота.

243> Кладо Н.В. (1862–1919) – военно-морской историк и теоретик, известный своими трудами по военно-морскому искусству. Профессор Морской академии. С 1912 г. – генерал-майор по Адмиралтейству. В 1917–1919 гг. – начальник Морской академии в Петрограде.

244> Суворин А.С. (1834–1912) – известный издатель, публицист. С 1876 г. издавал в Петербурге правую газету «Новое Время» и с 1880 г. – журнал «Исторический вестник». Издавал научную и историческую литературу, сочинения русских и иностранных писателей (его мемуары «Дневник» были опубликованы в 1923 г.).

245> Кремль, М., 16 января 1906. № 23, 24 и 25 (строенный).

246> Известный русский поэт-символист **Константин Бальмонт**, находясь в это время в эмиграции в Париже, хлёстко написал по поводу русско-японской войны, Первой русской революции и царской династии в стихотворении «Наш царь»:

Наш царь – Мукден, наш царь – Цусима,
 Наш царь – кровавое пятно,
 Зловонье пороха и дыма,
 В котором разуму – темно.
 Наш царь – убожество слепое,
 Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,
 Царь-висельник, тем низкий вдвое,
 Что обещал, но дать не смел.
 Он трус, он чувствует с запинкой,
 Но будет, – час расплаты ждёт.
 Кто начал властвовать – Ходынкой,
 Тот, кончит – встав на эшафот.

247> Энциклопедия военного искусства. Военные разведчики XX века. М., 1998. С. 268–271.

Оглавление

Донесения тайного военного агента подполковника запаса Евгения Яковлевича Максимова (продолжение)	3
О продаже Россией лошадей для военных действий Великобритании в Южной Африке	82
Русско-японская война 1904-1905 и южноафриканцы	104
Биографии и аналитические работы российских военных агентов	127
Сноски	345

Table of contents

Reports of the Secret Russian Military Agent Lt.-Colonel (Boer General) Evgeny Maksimov (continued)	3
The Sale of Russian Horses for British Military Activities	82
The Russian-Japanese War 1904-1905 and South Africans	104
Biography and Analytical Works of Russian Military Agents	127
Footnote	345

**Англо-бурская война
1899–1902 годов
глазами российских подданных
В 13 томах. Т. 6.**

Авторы-составители:

к.и.н. Шубин Геннадий Владимирович,
к.и.н. Воропаева Нина Георгиевна,
к.и.н. Вяткина Руфина Рудольфовна,
Хритинин Владимир Юльевич,
д-р Ян Либенберг.

Ответственный редактор

к.т.н. полковник Панкратов Владимир Николаевич

Редактор

Субботина Елена Васильевна

Компьютерный набор

*Поленкова Марина Николаевна
Шубин Геннадий Владимирович*

Компьютерная вёрстка и обложка

Рудакова Елена Евгеньевна

Технический редактор *И. Б. Белый*

Издатель И. Б. Белый

Memories

www.membook.ru

info@membook.ru

Подписано в печать 14.05.2012.

Формат 60x84/16. Бумага писчая.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 23,48.

Тираж 100 экз. Заказ № 24.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «CherryPie»

www.cherrypie.ru

Телефон/факс: +7 (495) 604 4154.

115114, Москва, 2-й Кожевнический пер., д.12.

Том 6

**Донесения тайного военного агента подполковника
запаса Евгения Яковлевича Максимова (продолжение).**

**О продаже Россией лошадей для военных действий
Великобритании в Южной Африке.**

Русско-японская война 1904-1905 и южноафриканцы.

**Биографии и аналитические работы российских
военных агентов.**